

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.
Тематика любая: КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО,
экономика, маркетинг, техника, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:

полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ОБЩАЯ ЧАСТЬ**

КУРС ЛЕКЦИЙ

Б.Л. ЗИМНЕНКО

Рецензенты:

Колодкин Анатолий Лазаревич, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Черниченко Станислав Валентинович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ В.В. ЕРШОВА**

Интернационализация в современном мире экономических, социальных, культурных, политических, иных связей с необходимостью влечет возрастание роли международного права. Причем одна из особенностей современных норм международного права заключается в том, что их эффективность зависит не только от их реализации в сфере международных отношений, но и от применения указанных норм в сфере отношений с участием субъектов национального права. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. явилась необходимым правовым условием для обеспечения эффективности норм международного права, ставших обязательными для Российской Федерации.

В практике судов общей юрисдикции стали возникать вопросы, связанные с реализацией данного положения. На некоторые из этих вопросов были даны ответы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. N 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия", а также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации". Тем не менее дальнейшая реализация положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ катализирует все новые и новые вопросы. Причем данная тенденция носит объективный характер.

Существование этой тенденции обуславливается в том числе усложнением структуры системы международных отношений и, как следствие, развитием системы современного международного права. Настоящий Курс лекций доктора юридических наук, профессора Б.Л. Зимненко может стать важным вкладом в процесс дальнейшей судебной реализации норм международного права.

В рамках Курса автор рассмотрел основные теоретические и практические аспекты взаимодействия международного права и национального права Российской Федерации.

Заслуживает внимания избранная Б.Л. Зимненко структура Курса, состоящая из Общей и Особенной частей.

В **Общей части** определяются теоретические основы соотношения международного и национального права, раскрываются и комментируются понятия "общепризнанных принципов и норм международного права" и "международного договора Российской Федерации", их юридическая сила в правовой системе России.

Особенная часть состоит из двух разделов. Первый раздел посвящен основным правовым позициям Европейского суда по права человека, которые нашли отражение в постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации. Причем позиции Суда раскрываются применительно к статьям Конвенции о защите прав человека и основных свобод. На сегодняшний день, как свидетельствует деятельность Суда, в отношении России имеются постановления, касающиеся толкования буквально каждого конвенционного права и свободы. Автору удалось проанализировать большинство основных постановлений Суда, принятых в отношении России.

Сфера научных интересов Б.Л. Зимненко достаточно широкая, охватывает проблемы как международного публичного, так и международного частного права. В настоящее время автор исследует

Вернуться в библиотеку учебников

Уникальные подборки материалов по экономике и менеджменту

не только вопросы применения и толкования Европейским судом по правам человека Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но продолжает анализировать судебную практику, связанную с применением норм международного права. Второй раздел Особой части посвящен анализу применения судами общей юрисдикции норм международного права при рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел.

Б.Л. Зимненко с 2002 г. читает лекции на юридическом факультете и факультете повышения квалификации Российской академии правосудия. Поэтому структура и содержание Курса были разработаны с учетом пожеланий студентов Академии и слушателей (федеральных судей).

В.В.Ершов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕКТОРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ А.Н. ПАНОВА

Одной из важнейших основ современной системы международных отношений является международное право. Действие норм международного права влияет на состояние международного правопорядка. Однако особенность большинства норм международного права заключается в том, что их эффективность обуславливается не только сферой межгосударственных отношений, но и сферой внутригосударственных отношений. То, как государство реализует обязательные для него нормы международного права при регулировании отношений с участием субъектов национального права, становится объектом внимания других государств.

Рассматриваемая особенность современных норм международного права не могла не повлиять на активизацию взаимодействия международного и национального права. Значительное количество национальных конституций, законов предусматривают отсылочные нормы к международному праву. В этом отношении Конституция Российской Федерации не стала исключением, предусмотрев в ч. 4 ст. 15, что "общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора". Более того, согласно ч. 1 ст. 17 Конституции РФ "в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией".

Взаимодействие международного и внутригосударственного права предусматривает постоянное возникновение как практических, так и теоретических вопросов, требующих в том числе научного осмысления. В этой связи появление Курса лекций доктора юридических наук, профессора Дипломатической академии МИД РФ Б.Л. Зимненко явилось своевременным и необходимым. Настоящий Курс стал продолжением целой серии работ автора по исследуемой тематике. Например, автором в 2006 г. была выпущена монография "Международное право и правовая система Российской Федерации", переведенная на английский и болгарский языки.

Одной из отличительных черт Курса является то, что все рассуждения автора подкрепляются практикой Конституционного Суда РФ; Верховного Суда РФ, иных судов общей юрисдикции; арбитражных судов Российской Федерации, включая Высший Арбитражный Суд РФ.

Значительная часть Курса посвящена анализу постановлений, принятых Европейским судом по правам человека в отношении Российской Федерации, которые благодаря Федеральному закону "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" стали частью правовой системы России. Причем комплексный анализ постановлений был обусловлен структурой Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что делает более эффективным восприятие соответствующих правовых позиций Суда. Важно отметить, что указанные правовые позиции, в целом практика Суда могут быть использованы при осуществлении дипломатической и консульской защиты граждан Российской Федерации.

Заслуживает внимания исследованная и систематизированная автором практика Верховного Суда РФ по применению норм международного права, которая, безусловно, представляет интерес для лиц, участвующих в процессе создания норм международного права.

Настоящий Курс будет интересен не только для студентов, слушателей, специализирующихся в сфере международных отношений, юриспруденции, но также и для практических работников, включая сотрудников Министерства иностранных дел РФ, судей Российской Федерации, иных лиц, интересующихся вопросами взаимодействия международного и национального права, защитой прав и

[Ручной репорт дипломных и курсовых работ](#)

свобод человека.

А.Н.Панов,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
доктор политических наук, профессор

Посвящается светлой
памяти моей мамы

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос взаимодействия международного и внутригосударственного права является одной из актуальных проблем не только международно-правовой, но и национально-правовой системы. Данному вопросу посвящено достаточное количество научных работ как в отечественной, так и зарубежной доктрине международного права. Особое теоретическое и практическое значение рассматриваемой проблемы в России возникло вследствие включения в ее правовую систему общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Взаимодействие международного и внутригосударственного права носит объективный характер. Можно говорить о том, что современное международное право не может существовать без поддержки национального, как и последнее будет испытывать значительные трудности в реализации без помощи международного. В.С. Верещетин и Р.А. Мюллерсон утверждают, что "определенный резерв повышения эффективности международного права заложен в его более глубоком проникновении во внутригосударственные процессы. Внутренние правоприменительные (правоохранительные) органы могут играть важную роль в обеспечении функционирования не только национального, но и международного права, что соответствовало бы объективной тенденции интенсификации взаимодействия международных и внутригосударственных процессов и приблизило бы международное право к конечному субъекту любого социального действия - человеку" [21. С. 9]. И.И. Лукашук обращает внимание, что "в наше время в условиях углубляющейся интернационализации общества, включая правовую систему, особо важно обеспечить оптимальное взаимодействие правовой системы страны с международным правом и правовыми системами других государств. Формируется единое правовое пространство в глобальном масштабе" [23. С. 25].

Будучи по своему характеру объективным процессом, взаимодействие международного и внутригосударственного права находит закрепление не только в нормах международного, но и национального права. Если речь идет о вышеупомянутом взаимодействии в рамках системы отношений, возникающих между субъектами международного права, то, соответственно, основы такого взаимодействия закрепляются в международно-правовых нормах. Если речь идет о рассматриваемом взаимодействии в сфере внутригосударственных отношений, то, естественно, основы данного взаимодействия фиксируются в источниках национального права.

Одной из целей настоящего Курса лекций явилось определение правовых основ взаимодействия международного и внутригосударственного права России в сфере отношений с участием субъектов национального права.

Данное взаимодействие осуществляется для удовлетворения социальных интересов как в сфере межгосударственных, так и внутригосударственных отношений. При этом взаимодействие международного и национального права не должно приводить к ситуации, которая бы подрывала основы как международной, так внутригосударственной правовых систем.

Задачей настоящего Курса является анализ объективных критериев, позволяющих эффективно обеспечивать реализацию в сфере внутригосударственных отношений правил, содержащихся в источниках международного права, а также правовых форм, допускающих реализацию норм международного права в сфере внутригосударственных отношений. Особое внимание уделено правовой сущности международно-правовых положений, включенных в правовую систему государства.

Основной вопрос Курса: возможно ли непосредственное применение норм международного права в сфере внутригосударственных отношений?

Автор Курса поставил перед собой задачу - определить основные условия, которые бы позволили государству, не нарушая международно-правовых положений, обеспечить их эффективную реализацию в сфере национально-правовых отношений, и одновременно обеспечивая национальные интересы государства.

Автором настоящего Курса в 2003 г. было выпущено пособие "Нормы международного права в судебной практике Российской Федерации" <1> с учетом сложившейся к 2002 г. судебной практики, связанной с реализацией положений, содержащихся в источниках международного права.

<1> Зимненко Б.Л. Нормы международного права в судебной практике Российской Федерации: Учебное пособие. М.: Российская академия правосудия, 2003.

В 2003 г. Пленумом Верховного Суда РФ N 5 от 10 октября было принято Постановление "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации". В данном Постановлении были отражены основные вопросы, касающиеся реализации судами общей юрисдикции международно-правовых положений.

В 2005 г. автором настоящего Курса было подготовлено справочное пособие "О применении норм международного права судами общей юрисдикции" <1>, в котором был дан комментарий основных понятий, положений, содержащихся в Постановлении Пленума. Но объективно данное Постановление не смогло охватить ряд вопросов и проблем, возникающих в рамках правовой системы России вследствие реализации судами международно-правовых положений.

<1> Зимненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции: Справочное пособие. М.: Российская академия правосудия; Статут, 2005.

Идея создания настоящего Курса была подсказана федеральными судьями на занятиях в Российской академии правосудия, которые неоднократно высказывали пожелания о том, чтобы практика Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации, соответствующие правовые позиции были отражены в каком-нибудь одном источнике. Курс лекций состоит из трех разделов - Раздел I (Международное и внутригосударственное право как взаимосвязанные системы права), Раздел II (Практика рассмотрения Европейским Судом по правам человека дел в отношении Российской Федерации), Раздел III (Применение судами общей юрисдикции международно-правовых положений).

Монография автора "Международное право и правовая система Российской Федерации" <1> вошла интегрированной частью в настоящий Курс (Раздел I, Общая часть). Однако содержание монографии претерпело значительные изменения, которые были обусловлены пожеланиями и замечаниями уважаемых коллег, высказанных во время защиты в 2006 г. автором докторской диссертации в Дипломатической академии МИД РФ, а также целями и назначением Курса.

КонсультантПлюс: примечание.

Справочное пособие "О применении норм международного права судами общей юрисдикции" Б.Л. Зимненко включено в информационный банк согласно публикации - Статут; РАП, 2005.

<1> Зимненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции: Справочное пособие. М.: Российская академия правосудия; Статут, 2006.

На 1 января 2010 г. в отношении Российской Федерации Европейским судом по правам человека было принято 861 постановление. В большинстве из них Судом было констатировано нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней. В Разделе II Особенной части приводятся наиболее повторяющиеся правовые позиции Суда, касающиеся нарушений Конвенции о защите прав и свобод человека и Протоколов к ней и отраженные во вступивших в силу для Российской Федерации постановлениях Суда.

Как неоднократно подчеркивалось Судом, если государство в лице своих органов, в том числе судебных, признает факт нарушения Конвенции о защите прав человека и/или Протоколов к ней или аналогичных положений, содержащихся в национальном законодательстве России, и присудит лицу разумную компенсацию, то такое лицо перестает быть "жертвой" и разбирательство по делу может прекратиться (подробнее см. **Лекцию 12** настоящего Курса).

Автор также посчитал не только возможным, но и целесообразным комплексно исследовать практику Верховного Суда РФ, связанную с реализацией международно-правовых положений, показать сложившиеся закономерности. Причем для удобства в Особенную часть были включены подразделы, касающиеся реализации международно-правовых положений при рассмотрении уголовных, административных и гражданских дел. Рассмотренная практика судов общей юрисдикции свидетельствует о выработанном алгоритме применения судами норм международного права. Автор взял на себя смелость высказать некоторые пожелания по отдельным делам, когда реализация судами РФ норм международного права нарушала существующий алгоритм.

Представляется, что предлагаемый Курс будет способствовать эффективному осуществлению правосудия в сфере защиты прав и свобод граждан, в том числе благодаря влиянию норм международного права.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Автор выражает благодарность всем, кто помогал написанию настоящего Курса, предоставил ценные материалы и дал советы по его улучшению. Курс лекций включает в себя опыт преподавательской работы автора в Дипломатической академии МИД России, Российской академии правосудия, общения с судьями судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд Российской Федерации.

Автор искренне благодарен руководству Российской академии правосудия и лично ректору В.В. Ершову за поддержку в издании Курса.

Особую признательность в подготовке Курса хотелось бы выразить директору Издательства Российской академии правосудия О.В. Лужиной, заместителю директора Н.Н. Чернышевой и специалисту Центра Н.И. Аксеновой.

Особая глубокая благодарность Председателю Верховного Суда РФ В.М. Лебедеву, первому заместителю Председателя Верховного Суда РФ П.П. Серкову, заместителям Председателя Верховного Суда РФ В.И. Нечаеву, В.Н. Соловьеву, секретарю Пленума Верховного Суда РФ В.В. Дорошкову, судьям Верховного Суда РФ В.В. Горшкову, В.Н. Пирожкову, С.А. Разумову, А.И. Федину, Генеральному директору Судебного Департамента при Верховном Суде РФ А.В. Гусеву, Начальнику Управления анализа и обобщения судебной практики Верховного Суда РФ С.Б. Ромазину, зам. начальника Управления анализа и обобщения судебной практики Е.М. Журавлевой за ценные материалы и советы при написании Курса.

Автор также признателен сотрудникам кафедры Европейского права Российской академии правосудия, ее заведующему П.А. Лаптеву, сотрудникам кафедры международного публичного права, ее заведующему А.А. Ковалеву, и кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД России за конструктивные замечания.

Раздел I. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ СИСТЕМЫ ПРАВА

Лекция 1. Национальное право как средство обеспечения реализации международного права

1.1. Взаимодействие международного и внутригосударственного права

Как неоднократно подчеркивалось в литературе, международное и внутригосударственное право являются самостоятельными системами права [152. С. 130, 131].

Международное право - это система правовых норм, созданных субъектами международного права для урегулирования межгосударственных отношений и обеспечиваемых принудительной силой государств, иных субъектов международного права.

Под "субъектами международного права" понимаются государства, международные межправительственные организации, угнетаемые нации и народы, борющиеся за свою независимость, государствовподобные образования [89. С. 25 - 26].

Внутригосударственное право - система правовых норм, выраженных в нормативных актах, судебных прецедентах, иных формах, регулирующих внутригосударственные отношения, и обеспечиваемых возможностью государственного принуждения [19. С. 373 - 374].

Самостоятельность данных систем права определяется субъектным составом, объектом правового регулирования, методом установления взаимных прав и обязанностей.

Но самостоятельность не означает независимость, отсутствие какой-либо взаимообусловленности. Указанные системы права находятся в тесном взаимодействии.

"Бурное развитие международного сотрудничества в самых различных сферах общественной жизни и некоторые другие факторы обуславливают необходимость все более широкого использования государствами международного права для согласования их действий не только в традиционных областях, но и в таких, которые ранее были предметом их автономного национально-правового регулирования. В силу этого специалисты в области внутреннего права все чаще сталкиваются с категориями международного права, а международники - с категориями национального права" [146. С. 45]. "Развитие международного права, углубление его взаимодействия с национальным правом определяются интернационализацией общественной жизни. Взаимозависимость и единство мира требуют, чтобы национальные политико-правовые системы мира строились как части единой глобальной системы, чтобы они были способны взаимодействовать друг с другом и с системой международных отношений в целом. От взаимодействия с внешней средой в растущей мере зависит решение внутренних задач" [70. С. 219].

Тесное взаимодействие международного и внутригосударственного права находит отражение как в

нормах национального, так и международного права. Одним из классических примеров отражения вышеупомянутого взаимодействия в источниках международного права являются ст. ст. 27 и 46 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Так, согласно ст. 27 Конвенции "участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для статьи 46". В свою очередь, в силу п. 1 ст. 46 Конвенции, "государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения". При этом п. 2 ст. 46 Конвенции предусматривает, что "нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно с обычной практикой".

"Венская конвенция исходит из признания самостоятельного существования и в то же время взаимодействия двух правопорядков - международного и внутригосударственного, которые не изолированы и неизбежно оказывают влияние друг на друга" [128. С. 119].

Одним из ярких примеров национально-правового закрепления взаимодействия применительно к правовой системе России является ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, предусматривающая, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Следует обратить внимание на то, что в доктрине, касающейся связи международного и внутригосударственного права, отсутствует единодушие относительно наименования этой связи. Одни авторы говорят о "взаимодействии" [91. С. 152; 92. С. 201; 93. С. 137; 138. С. 87].

Другие определяют взаимосвязь, взаимообусловленность международного и национального права через категорию "соотношение" [8. С. 239; 25. С. 62; 152. С. 130].

Представляется, что связь международного и внутригосударственного права целесообразно именовать именно взаимодействием данных систем права, а не их соотношением. Категория "соотношение" не отражает в полном объеме той объективной взаимообусловленности международного и национального права, которая характерна для системы современных международных и внутригосударственных отношений. В доктрине международного права категорию "соотношение" рассматривают, как правило, через **монистическую и дуалистическую теории**.

ПРИМЕЧАНИЕ: "Согласно **монистической теории** международное и внутригосударственное право образует одну (единую) правовую систему. Согласно **дуалистической теории** международное и внутригосударственное право - две различные правовые системы, лежащие в различных плоскостях и неподчиненные друг другу" [89. С. 77].

ПРИМЕЧАНИЕ: Канадский юрист-международник **Дж. Карье** анализирует теории монизма и дуализма через категорию "взаимодействия", используя английский термин "**interaction**" (взаимодействие, воздействие друг на друга), а не "**correlation**" (соотношение, взаимосвязь) [175. С. 195].

A Cassese использует термин "**relationship**" - соотношение [173. С. 213]. **Ian Brownlie** говорит о "the **relation** of municipal and international law" [169. С. 31].

Взаимодействие включает динамические аспекты; соотношение - в большей степени статические аспекты того или иного явления. Связь международного и внутригосударственного права проявляется, в частности, на стадиях правотворчества и правоприменения, включая толкование, т.е. на стадиях, отличающихся в определенной степени динамизмом. Поэтому взаимосвязь международного и внутригосударственного права ярче проявляется именно в рамках взаимодействия, а не соотношения.

Признавая факт взаимодействия международного и национального права, в доктрине международного права суть этого явления, как правило, рассматривается через призму влияния одной системы права на другую.

Следует отметить, что международное и внутригосударственное право являются правовыми явлениями, поэтому рассматривать процесс взаимодействия данных систем права необходимо через правовые категории. Именно поэтому правовой сутью взаимодействия международного и национального права является не влияние одной нормативной системы на другую, что не отрицается автором настоящего Курса, а обеспечение реализации норм одной системы права с помощью норм другой.

ПРИМЕЧАНИЕ: "Эффективное упорядочивание обеих правовых систем своих отношений зависит и от взаимосогласованности их норм. Нет необходимости переводить (преобразовывать) нормы одной системы права в другую, нужно только то, чтобы они содействовали, а не противодействовали одна другой в функционировании" [14. С. 231].

"Задача (взаимодействия международного и внутригосударственного права) <1> видится не столько в согласовании, либо приведении в соответствии норм МП (международного права) и внутреннего права, как она неоднократно обозначалась... сколько в обеспечении функционирования, действия норм МП (международного права) в правовой системе РФ" [80. С. 25].

<1> Использование при переводе слов и словосочетаний в квадратных скобках связано с более эффективным восприятием осуществленного автором перевода, в том числе правовых позиций Суда.

Термин "влияние" имеет политико-философский характер. Любые явления, предметы, организмы так или иначе влияют друг на друга. Но если речь идет о правовой связи, отношениях, возникающих между национальным и международным правом, то здесь необходимо говорить об осуществлении "обеспечения", т.е. изучать взаимодействие вышеупомянутых нормативных систем через "обеспечение", а не "влияние". Согласование можно рассматривать в качестве одной из целей реализации различных механизмов обеспечения взаимодействия международного и внутригосударственного права. Однако процедуру взаимодействия международного и национального права нежелательно сводить лишь к вопросу согласования данных систем права.

Взаимодействие международного и внутригосударственного права имеет взаимообусловленный характер, означающий, что в настоящее время реализация международного права не может быть надлежащим образом обеспечена без помощи внутригосударственного права, как и последнее будет испытывать значительные трудности в функционировании без содействия международного права.

ПРИМЕЧАНИЕ: Эффективность международного права в значительной степени зависит от того, как положения международного права реализуются в сфере отношений с участием субъектов национального права [193. С. 322].

Рассматривая вопрос "содействия" международного права реализации национального права, нельзя не отметить, что международное право становится юридическим условием реализации многих внутригосударственных правовых норм. Причем помощь международного права в реализации норм внутригосударственного права может иметь как **обязательный**, так и **условный характер**.

Сущность "обязательного содействия" заключается в том, что нормы внутригосударственного права объективно не могут быть реализованы без помощи норм международного права.

Согласно п. 1 ст. 63 Конституции РФ "Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права". В силу ст. 79 Конституции РФ "Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами...".

В соответствии со ст. 355 УК РФ уголовно-наказуемым является "производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации". При отсутствии международного договора Российской Федерации лицо невозможно привлечь к уголовной за производство, приобретение или сбыт **"другого вида оружия массового поражения"**.

Статья 356 УК РФ предусматривает, что уголовно наказуемо "жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации". При отсутствии международного договора Российской Федерации лицо невозможно привлечь к ответственности за **применение в вооруженном конфликте (иных) средств и методов**, нежели непосредственно предусмотренных в ст. 356 УК РФ.

Особенность такого "содействия" выражается в том, что соответствующие источники международного права становятся обязательными юридическими фактами для возникновения внутригосударственных отношений, регулируемых или охраняемых соответствующей правовой нормой. При отсутствии данного юридического факта невозможно возникновение правоотношения и, как следствие, невозможна реализация внутригосударственной правовой нормы, регулирующей рассматриваемое социальное отношение.

"Условное" содействие (помощь) международного права внутригосударственному праву обусловлено либо отсутствием международно-правовых положений, регулирующих отношения, ставшие объектом "внимания" государства, либо возникновением коллизии между положением, предусмотренным в национальном праве, и международно-правовым положением, вошедшим в правовую систему государства.

Международно-правовое положение - словесные формулировки (указания), содержащиеся в источниках международного права, в том числе международных договорах РФ, ставших частью правовой системы государства.

Источники международного права - международные договоры, международные обычаи и решения международных межправительственных организаций [89. С. 64 - 71].

Так, п. 2 ст. 63 Конституции РФ предусматривает, что "выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также передача осужденных для отбывания наказания в других государствах

осуществляются на основании федерального закона или международного договора Российской Федерации". Если в рассматриваемом случае отсутствует международный договор РФ, который бы регулировал вопросы выдачи лиц, обвиняемых в совершении преступления, и/или передачи лиц для отбывания наказания, то государство в лице соответствующих органов обязано было бы руководствоваться положениями закона РФ. Если отсутствует федеральный закон и международный договор РФ, то, следуя буквальному толкованию соответствующего конституционного положения, выдавать лиц, обвиняемых в совершении преступления, либо передавать лиц для отбывания наказания не допускается. В свою очередь, если имеется закон и договор, то их взаимодействие в рамках правовой системы России, в том числе разрешение возможных правовых коллизий, должно подчиняться определенным принципам. (Данные принципы рассматриваются в **Лекции 5.**)

Наличие "**условного**" и/или "**обязательного**" содействия международного права национальному праву полностью зависит от воли законодателя. Если последний желает обусловить реализацию нормы национального права наличием нормы/источника международного права, то, естественно, формулировка нормы будет содержать "обязательное" содействие. В случае если законодатель не пожелает существование такой "жесткой" привязки национального и международного права, то, соответственно, при формулировании внутригосударственной правовой нормы будет избрано менее "жесткое" содержание, предусматривающее право лица, реализующего соответствующую национально-правовую норму, выбрать между источником национального права либо источником международного права, ставшим частью правовой системы государства. Важно подчеркнуть, что такой выбор не должен иметь дискреционный, произвольный характер, т.е. зависящий исключительно от волеизъявления лица либо органа государственной власти, участвующего в реализации правовых норм. Национальное законодательство, судебная практика должны четко определить условия, при которых необходимо руководствоваться национальным правом, а при каких - международно-правовыми положениями, ставшими частью правовой системы государства.

Когда речь идет о нормах и/или источниках международного права, выполняющих функции юридического факта для возникновения, изменения или прекращения внутригосударственных правовых отношений, то следует иметь в виду, что **юридический факт, в свою очередь, можно рассматривать в двух аспектах: регулятивном и конституирующем.**

Регулятивный аспект обуславливает в дальнейшем необходимость применения в сфере внутригосударственных отношений положений, закрепленных в источниках международного права, а **конституирующий** к таким последствиям не приводит.

Пункт 2 ст. 63 Конституции РФ, предусматривающий, что "выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также передача осужденных для отбывания наказания в других государствах осуществляются на основании федерального закона или международного договора Российской Федерации", является примером регулятивного юридического факта.

Процедура, порядок передачи лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также осужденных для отбывания наказания в других государствах регулируется положениями международного договора РФ, подлежащими применению.

Статья 356 УК РФ предусматривает, что уголовно наказуемо "жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации".

Здесь международный договор РФ также является примером регулятивного аспекта юридического факта. При рассмотрении уголовного дела правоприменительный орган обязан будет оценить методы, средства, которые были использованы лицом во время вооруженного конфликта, с точки зрения международных договоров, ставших частью правовой системы России.

В силу ст. 355 УК РФ, уголовно наказуемым является "производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации".

В рассматриваемом случае международный договор РФ является примером конституирующего аспекта. При рассмотрении уголовного дела по данной статье УК РФ следует выяснить, осуществляло ли подозреваемое, обвиняемое лицо либо подсудимый производство, приобретение или сбыт оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации. На соответствие международному праву, в отличие от вышеупомянутой ситуации (ст. 356 УК РФ), должны проверяться не действия соответствующего лица (объективная сторона преступления), привлекаемого к уголовной ответственности, а предмет совершенного преступления.

ПРИМЕЧАНИЕ: Применительно к данному составу преступления "**предметом преступления**" является химическое, биологическое оружие, а также другие виды оружия массового поражения, запрещенные международным договором Российской Федерации [145. С. 539].

Как правило, международные договоры, касающиеся запрета производства, приобретения, сбыта оружия массового поражения, для своей реализации в сфере внутригосударственных отношений

требуют принятия дополнительных внутригосударственных нормативных актов, т.е. являются несамоисполнимыми (см. подробнее **Лекцию 3**). Но отсутствие таких актов в рассматриваемом нами случае не должно препятствовать правоохранительным органам обращаться к содержанию соответствующего международного договора Российской Федерации и определять, запрещаются ли данным источником международного права производство, приобретение или сбыт оружия массового поражения.

Нельзя не отметить, что наличие внутригосударственных правовых норм достаточно часто является необходимым юридическим условием для реализации международно-правовых положений как в сфере межгосударственных, так и во внутригосударственных отношениях.

В силу п. 1 ст. 8 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания о международном автомобильном сообщении от 22 мая 2001 г., "перевозки, предусмотренные настоящим Соглашением, могут выполняться только перевозчиками, которые согласно **национальному законодательству** (здесь и далее в основном тексте и примерах курсивом выделено автором. - **Б.З.**) своего государства допущены к осуществлению международных перевозок" (Бюллетень международных договоров. 2002. N 10. С. 17).

Отсутствие соответствующего национального законодательства вызовет неисполнение не только вышеупомянутой международно-правовой нормы, но и всего международного договора.

Взаимодействие международного и национального права - это система обеспечительных мер, принимаемых в рамках международного права для реализации внутригосударственного, а также мер, реализуемых в рамках национального права для эффективной реализации норм международного права.

Объектом настоящего Курса является система обеспечительных мер, предусматриваемых в национальном праве России и связанных с эффективной реализацией международно-правовых обязательств Российской Федерацией.

1.1.1. Реализация международно-правовых положений с помощью национального права в сфере внутригосударственных отношений

Порядок реализации международно-правовых положений в сфере внутригосударственных отношений является суверенным правом государства, никто извне не вправе определять, какие способы реализации международно-правовых норм должно избрать то или иное государство, включая механизмы помощи национального права международному, никто не вправе указывать, какие конкретные нормативные правовые акты должно принять государство для целей надлежащей реализации норм международного права.

Исключением из данного правила являются случаи, когда международный договор, иные источники международного права предусматривают конкретные способы осуществления государством своих международно-правовых обязательств.

ПРИМЕЧАНИЕ: "Многие международные договоры прямо предусматривают обязанность государств принять в целях их имплементации конкретные меры правового характера, такие, скажем, как: издать закон для выполнения соответствующих договоров; внести изменения в законодательство; издать административные акты; принять все необходимые меры внутригосударственного порядка; обеспечить применение уголовного наказания и других санкций за нарушение договора и др." [25. С. 80].

"Определение способов выполнения международных обязательств относится к проявлению государственного суверенитета и входит во внутреннюю компетенцию государства, если только государство не обязалось придерживаться каких-либо определенных способов исполнения данных международных норм, скажем, издать законы, предписывающие их исполнение" [44. С. 6].

"Международное право требует добросовестного исполнения своих обязательств, однако государства свободны в определении того, каким образом они будут добросовестно исполнять вышеупомянутые обязательства. Государства свободны в выборе средств, методов того, как лучше "международные обязательства перевести в сферу действия национального права". По этой причине достаточно сложно прийти к каким-либо универсальным средствам имплементации международно-правовых средств в сфере отношений с участием субъектов национального права" [168. С. 64].

"Существует одна система международного права и более двухсот национально-правовых систем, и, поэтому, сущность взаимодействия международного и внутригосударственного права, как правило, раскрывается по-разному в каждой из этих национальных систем" [175. С. 194].

Европейский суд по правам человека также следует позиции, что конкретные способы, меры, методы, направленные на обеспечение прав и свобод, предусматриваемых в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и/или Протоколах к ней, остаются на усмотрение государства - участника этой Конвенции.

Так, в Постановлении от 29 января 2004 г. по делу **Кормачева против Российской Федерации**

Судом было подчеркнуто: "...сами Договаривающиеся Стороны должны организовать свои правовые системы таким образом, чтобы их суды могли гарантировать каждому при определении его гражданских прав и обязанностей право на принятие окончательного решения в разумные сроки. Как обеспечить реализацию соответствующего требования - или путем увеличения численности судей, или определением специальных установленных в законе сроков, или каким-либо иным образом, - решает сама Договаривающаяся Сторона. Если Договаривающаяся Сторона допускает, что продолжительность судебного разбирательства по делу превышает "разумные сроки", предусматриваемые ст. 6 Конвенции, и ничего не делает для того, чтобы ускорить процесс, она несет ответственность за допущенные задержки во времени". (Режим доступа: <http://www.echr.coe.int.>)

Согласно ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, "каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве". При рассмотрении дела **Исаева против Российской Федерации** Суд указал: "статья 13 требует, чтобы национально-правовая система была в состоянии по существу рассмотреть обоснованную жалобу, касающуюся нарушенных конвенционных прав и свобод, а также предоставить соответствующую компенсацию, хотя договаривающимся государствам предоставлен определенный уровень самостоятельности (дискреция) при определении того, каким образом государство планирует исполнять свои конвенционные обязательства" (**Исаева против Российской Федерации**, п. 22.6 Постановления от 24 февраля 2005 г.).

Следующий аспект реализации международно-правовых положений в сфере внутригосударственных отношений заключается в том, что **помощь национального права имеет объективный и необходимый характер**. Международное и внутригосударственное право являются самостоятельными системами права, поэтому для реализации норм международного права всегда требуется помощь национального права.

ПРИМЕЧАНИЕ: "Практика реализации норм международного права показывает, что большинство из них исполняются при помощи национального права. Нормы международного права обязывают государство в целом, а не отдельные его органы или должностные лица. Однако вся деятельность государства осуществляется через последних, поведение которых регулируется нормами национального права. Любая норма международного права при ее исполнении государством требует помощи со стороны норм национального права" [102. С. 56 - 57].

Практика свидетельствует, что в правовых демократических государствах нормы международного права могут быть осуществлены и обеспечены исключительно благодаря внутригосударственному праву. Причем речь идет в принципе о любых нормах международного права, независимо от источника их существования - международного договора, обычая, решения международной межправительственной организации. Одна из объективных причин, обуславливающих "участие" национального права в обеспечении международного, заключается в том, что в ходе реализации норм международного права в сфере внутригосударственных отношений государством может быть осуществлено ограничение прав и свобод человека, гарантируемых как нормами внутригосударственного, так и международного права. Однако в настоящее время имеется общепризнанная норма международного права, согласно которой любое вмешательство (ограничение) в права и свободы человека должно осуществляться исключительно на правовой основе.

ПРИМЕЧАНИЕ: Следует иметь в виду, что имеются права и свободы, которые не подлежат ограничениям ни при каких условиях. К примеру, право на жизнь, право не подвергаться пыткам, право не содержаться в рабстве, свобода менять религию, свобода мысли, запрет обратной силы уголовного закона, устанавливающего или увеличивающего ответственность, право не быть судимым или наказанным дважды и т.д.

В преамбуле к Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. предусматривается необходимость того, чтобы "права человека **охранялись властью закона** в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения".

"**Охрана властью закона**" заключается не только в том, что человек вправе защитить свое право и/или свободу посредством правосудия, иных независимых, эффективных органов государства, действующих на основе состязательной процедуры, но и в том, что любое ограничение прав и свобод человека в современном мире может и должно быть ограничено исключительно на основании правовой нормы при соблюдении критерия необходимости. Не допускается произвольное вмешательство со стороны государства в права и свободы человека.

В ст. 17 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что "каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. Никто не должен быть **произвольно** лишен своего имущества".

Согласно ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, "каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному

аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые **установлены законом**".

Аналогичные положения содержатся в Европейской конвенции о защите прав и свобод человека, имеющей региональный характер.

В Постановлении Европейского суда по правам человека от 24 июля 2003 г. по делу **Смирновы против Российской Федерации** при анализе ст. 8 Конвенции о защите прав и свобод человека было обращено внимание, что "основным вопросом является то, было ли вмешательство оправданным в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции, а именно, было ли оно "предусмотрено законом" и "необходимо в демократическом обществе", служило ли одной из целей, перечисленных в данном пункте. Формулировка "предусмотрено законом" содержит требование в первую очередь, что обжалуемая мера должна иметь основания в национальном праве (см. Постановление Европейского суда по делу **"Мэлоун против Соединенного Королевства" (Malone v. United Kingdom)** от 2 августа 1984 г., Series A, N 82, § 66). Власти Российской Федерации не продемонстрировали, что невозвращение первому заявителю ее паспорта после ее освобождения из-под стражи осуществилось на основании закона. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции" (п. п. 98 - 100 Постановления).

При рассмотрении дела **Лю и Лю против Российской Федерации** Европейский суд по правам человека подчеркнул, что "любое вмешательство в право на уважение частной и семейной жизни будут являться нарушением статьи 8, если только оно не "основывается на национальном праве", не преследует законную цель или цели, содержащиеся в п. 2 статьи 8 Конвенции, не является "необходимым в демократическом обществе", т.е. является ли оно пропорциональным преследуемой цели" (п. п. 51 - 52 Постановления от 6 декабря 2007 г.).

Необходимость правовой основы для вмешательства в права и свободы человека подтверждается и судебной практикой Российской Федерации.

Так, в **решении от 27 сентября 2004 г. по делу N ГКПИ04-1157** Верховный Суд РФ, оставляя без удовлетворения заявление Л. об оспаривании отдельных положений Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 30 июля 2001 г. N 224, подчеркнул, что "право человека на уважение его личной и семейной жизни, тайну корреспонденции закреплено также в ряде международно-правовых актов, в частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, участником которой является Российская Федерация. Положения настоящей Конвенции не допускают вмешательства государственных органов в осуществление этого права, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, для поддержания порядка и предотвращения преступлений, охраны здоровья или защиты нравственности или защиты прав и свобод других лиц (статья 8 Конвенции). Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, определяя условия отбывания наказания в исправительных учреждениях, в статье 91 установил, что получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения. Во исполнение предписаний закона в правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений предусмотрена норма, регламентирующая порядок переписки осужденных, в соответствии с которой письма осужденными опускаются в почтовые ящики или передаются представителю администрации в незапечатанном виде". (Документ опубликован не был.)

В порядке реализации соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации были приняты Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, а также правила внутреннего распорядка исправительных учреждений. В случае отсутствия данных внутригосударственных нормативных правовых актов органы государства, не нарушая ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не имели бы возможности, в частности, досматривать корреспонденцию, направляемую из исправительных учреждений.

Таким образом, при осуществлении обеспечительных мер, связанных с реализацией в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых положений, необходимо исходить из того, что международное право, как правило, не предусматривает конкретные способы и порядок реализации государством его международно-правовых обязательств, однако такие способы и порядок должны основываться на правовой основе, т.е. любые действия (бездействия) государства, касающиеся реализации международно-правовых положений в сфере внутригосударственных отношений должны основываться на нормах права.

1.2. Национально-правовая имплементация как форма взаимодействия международного и национального права в сфере внутригосударственных отношений

Национально-правовая имплементация - принятие государством внутригосударственных правовых мер, обеспечивающих реализацию этим государством его международно-правовых

обязательств в сфере внутригосударственных отношений.

К настоящему времени не сложилось единодушия в отношении форм, методов взаимодействия международного и национального права, а также применительно наименования процесса обеспечения реализации норм международного права с помощью национального права.

С.В. Черниченко рассматривает существо процесса взаимодействия международного и национального права через "согласование" этих двух различных правовых систем, именуя указанный процесс "трансформацией", сущность которого заключается в приведении государством своего внутреннего права в соответствие с международным с целью обеспечить выполнение предписаний, дозволений и запретов, установленных последним".

Автор выделяет следующие виды трансформации: **инкорпорацию, легитимацию и отсылку.**

"Инкорпорация" - "формальное "включение" норм международного договора во внутреннее право государства посредством "включения" самого договора в его законодательство".

ПРИМЕЧАНИЕ: Аналогичная позиция была высказана Л.П. Ануфриевой, отметившей, что "термин "трансформация" носит условный характер, так как в действительности нормы международного права не утрачивают присущей им правовой природы. Никакого "превращения" одних норм в другие не происходит и произойти не может" [6. С. 345].

"Легитимация" - принятие "особого внутригосударственного акта с целью обеспечения выполнения государством норм международного права". "Благодаря легитимации осуществляется, в частности, трансформация общепризнанных принципов и норм международного права, источником которых является международный обычай, так как инкорпорация используется исключительно в отношении международных договоров. Легитимация представляет собой обычный процесс принятия внутригосударственного акта того или иного уровня. Соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый в порядке легитимации, нормативный или индивидуальный, выступает одновременно как трансформационный акт".

Отсылка - "использование согласно предписанию внутригосударственного права для урегулирования каких-либо внутригосударственных отношений правил, установленных международными договорами или обычаями". "Отсылка составляет содержание трансформационной нормы, согласно которой правила и установки, являющиеся международно-правовыми, в определенных случаях начинают рассматриваться и как внутригосударственные. Внутреннее право государства обогащается новыми нормами, а законодательство остается без изменения. К примеру, отсылка к международным договорам Российской Федерации. Законодательство России не изменяется, а право обогащается" [152. С. 148, 151, 156 - 160].

Для того чтобы обеспечить выполнение государством своих международно-правовых обязательств, оно не всегда должно согласовывать свое национальное право с международным. Конечно, когда речь идет о реализации государством правотворческой функции, то создаваемые таким образом нормы должны быть согласованы с нормами международного права, ставшими для государства обязательными. Более того, если положения национального права противоречат положениям международного права, то государство обязано внести соответствующие изменения в национальное право или руководствоваться международно-правовыми положениями в порядке, предусмотренном правовой системой государства. Но необходимо иметь в виду и то, что положения, содержащиеся в нормах международного права, ставшие частью правовой системы, могут способствовать восполнению пробелов в сфере внутригосударственного правового регулирования.

Кировским областным судом гражданин России был осужден за совершение ряда преступлений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила обвинительный приговор и дело направила на новое судебное рассмотрение, так как суд первой инстанции нарушил принцип гласности судебного разбирательства. Согласно ст. 18 УПК РСФСР закрытое судебное разбирательство допускается исключительно при наличии следующих обстоятельств: а) для соблюдения интересов государственной тайны; б) по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста; в) по делам о половых преступлениях; г) по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц. Однако суд первой инстанции провел закрытое судебное разбирательство при отсутствии указанных выше обстоятельств. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене кассационного определения и направлении дела на новое кассационное рассмотрение. Президиум Верховного Суда РФ протест удовлетворил, указав, что "вывод судебной коллегии Верховного Суда РФ о несоблюдении судом ст. 18 УПК РСФСР был сделан без учета норм Конституции Российской Федерации и международных пактов. В соответствии со ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. публика может не допускаться на судебное разбирательство, когда этого требуют интересы сторон".

Следовательно, в дополнение к обстоятельствам, указанным в ст. 18 УПК РСФСР, имелось еще одно обстоятельство, содержащееся в международно-правовом акте и которое должно было учитываться судами в дальнейшем при осуществлении уголовного судопроизводства.

Практика свидетельствует, что не всегда для правового обеспечения выполнения международно-правовых обязательств требуется какое-либо изменение и/или дополнение национального права, законодательства. Так, в частности, согласование внутригосударственного и международного права может происходить через толкование норм международного и внутригосударственного права.

30 марта 1998 г. Российская Федерация Федеральным законом "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" выразила свое согласие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., и с 5 мая 1998 г., с момента передачи ратификационных грамот Генеральному секретарю Совета Европы, указанная выше Конвенция и соответствующие Протоколы к ней стали обязательными для Российской Федерации. В силу ст. 1 данного Федерального закона "Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает **ipso facto** и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации". (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" // Собрание законодательства РФ. 1998. N 14. Ст. 1514.) Поэтому государственные органы Российской Федерации в своей деятельности должны руководствоваться не только положениями Конвенции, но и принимать во внимание правовые позиции (прецеденты толкования), сформулированные Европейским судом по правам человека в соответствующих постановлениях.

ПРИМЕЧАНИЕ: Нельзя не отметить, что ст. 46 Конвенции с 1 ноября 1998 г. действует в следующей редакции: "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами". В отличие от ранее действовавшей редакции, согласно которой обязательная юрисдикция Суда охватывала как вопросы толкования, так и применения Конвенции, ныне действующая редакция обязывает государства только исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

Если суд Российской Федерации при рассмотрении дела применяет ст. 21 Конституции РФ, запрещающую, в частности, подвергать человека пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, то судья во избежание нарушения ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (запрет пыток, иного бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания) должен изучить прецеденты толкования, изложенные Европейским судом по правам человека в том числе в Постановлении от 15 июля 2002 г. по делу **Калашников против Российской Федерации**.

В данном судебном акте Европейский суд по правам человека отметил, что "статья 3 Конвенции закрепила один из фундаментальных идеалов демократического общества. Она в абсолютных выражениях запрещает пытку либо бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение или наказание вне зависимости от обстоятельств и образа действий жертвы. Европейский суд также напоминает, что в соответствии с установленными им в нормах прецедентного права требованиями неправомерное обращение с человеком должно нести в себе некий минимум жестокости, чтобы на акт такого обращения распространялось действие ст. 3 Конвенции. Оценка этого минимума относительна - она зависит от обстоятельств дела, таких как продолжительность неправомерного обращения с человеком, его физические и психические последствия для человека, а в некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья жертвы. Европейский суд в своей практике относил обращение с тем или иным лицом к категории "бесчеловечного", **inter alia**, в случае преднамеренного характера такого обращения, если оно имело место на протяжении нескольких часов непрерывно или если в результате этого обращения был нанесен реальный физический вред человеку либо причинены глубокие физические или психические страдания. Обращение с человеком считается "унижающим достоинство", если оно таково, что вызывает в жертвах такого обращения чувство страха, страдания и неполноценности, которые заставляют их ощущать себя униженными и поправными. Изучая вопрос о том, какая форма обращения с человеком является "унижающей достоинство" в значении ст. 3 Конвенции, Европейский суд устанавливает, было ли целью обращения унижить и попортить достоинство лица и - что касается последствий - отразилось ли такое обращение на этом лице в форме, несовместимой со ст. 3. Однако отсутствие таковой цели не исключает категорически возможности того, что Европейский суд все-таки установит в обжалуемом деянии нарушение ст. 3. Степень страдания и унижения как составляющих "унижающее достоинство" обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции, должна в любом случае быть выше степени страдания или унижения как неизбежного элемента той или иной конкретной формы правомерного обращения или законного наказания. Довольно часто меры, связанные с лишением человека свободы, включают такой элемент. И все же нельзя утверждать, что содержание под стражей до суда само по себе является проблемой в свете ст. 3 Конвенции. Но нельзя и толковать ст. 3 Конвенции как обязывающую соответствующие власти во всех случаях освобождать

из-под стражи заключенного по причине плохого здоровья или направлять его в общую больницу для прохождения конкретно предписанного курса лечения. Тем не менее в соответствии с этой статьей государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству. При этом формы и методы реализации этой меры пресечения не должны причинять ему лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а его здоровье и благополучие - с учетом практических требований режима лишения свободы - должны быть адекватно гарантированы" (См. также Постановления от 6 декабря 2007 г. делу **Линд против Российской Федерации**; от 15 ноября 2007 г. по делу **Камила Исаева против Российской Федерации**; от 13 июля 2006 г. по делу **Попов против Российской Федерации**; от 12 июля 2007 г. по делу **Магоматов и Магоматов против Российской Федерации**; от 20 октября 2005 г. по делу **Романов против Российской Федерации**).

Если национальный суд применит вышеупомянутое конституционное положение либо аналогичные положения, содержащиеся в иных источниках национального права России, с учетом толкования, данным Европейским судом по правам человека в отношении ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, то международно-правовые обязательства России будут реализованы без осуществления какой-либо трансформации - вследствие толкования государственными органами внутригосударственных норм Российской Федерации с учетом толкования норм международного права, осуществленного международно-правовым механизмом имплементации.

ПРИМЕЧАНИЕ: Термин "**международный механизм имплементации норм международного права**" был использован А.С. Гавердовским. Автор понимает под данным "механизмом" совокупность правовых средств, используемых субъектами международного права на международном уровне с целью реализации норм международного права [25. С. 92].

Анализируя использование термина "трансформация", необходимо подчеркнуть, что нормы международного и внутригосударственного права являются нормами различных систем права, что не может не влиять на различную сущность указанных норм. Нормы внутригосударственного и международного права отличаются, в частности, по способу создания, кругом социальных отношений, регулируемых данными нормами, по субъектному составу, т.е. кругом лиц, чье поведение регулируют соответствующие нормы. Речь идет о различной сущности вышеупомянутых правовых норм. Это достаточно серьезный барьер, который не позволяет ни при каких условиях норме международного права трансформироваться во внутригосударственную правовую норму, даже если законодатель пожелает это сделать. Между нормами международного и внутригосударственного права существуют "объективные границы", которые государства не в состоянии преодолеть как единолично, так и совместно с иными субъектами международного права. **Г. Триппель** в этой связи ограничивался заявлением:

"Можно процитировать следующую английскую поговорку: "Парламент всемогущ, однако он не может превратить мужчину в женщину". Ее можно изменить следующим образом: внутригосударственное право всемогуще. Однако поскольку международное право регулирует отношения между государствами, а внутригосударственное право - другие отношения, то государственное право не может без трансформации превратить международное право во внутригосударственное". "Эффективное упорядочивание обеих правовых систем своих отношений, - подчеркивает автор, - зависит и от взаимосогласованности их норм. Нет необходимости переводить (преобразовывать) нормы одной системы права в другую, нужно только то, чтобы они содействовали, а не противодействовали одна другой в функционировании" [25. С. 231, 246].

Теория государства и права рассматривает "инкорпорацию" в качестве метода систематизации в праве. С.С. Алексеев подчеркивает, что "инкорпорация" представляет собой внешнее упорядочение действующих законов, иных нормативных юридических актов без переработки норм права, когда законы, иные нормативные юридические акты "просто" помещаются в единые сборники (собрания) в хронологическом или тематическом порядке" [2. С. 96]. Новый большой англо-русский словарь под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой предоставляет следующий перевод слову "incorporation" - включение, объединение, воплощение, встраивание [109. Том II. С. 225]. Аналогичное понимание "инкорпорации" дает энциклопедический словарь Вебстера [219. С. 721]. Такому толкованию термина "инкорпорация" в большей степени соответствует "инкорпорация", сформулированная С.В. Черниченко. "Инкорпорация, - указывает автор, - формальное включение норм международного договора во внутреннее право самого государства посредством включения самого договора в его "законодательство" [152. С. 156]. Инкорпорация представляет собой метод работы с уже готовыми правовыми нормами.

Необходимо отметить, что взаимодействие международного и национального права даже в сфере внутригосударственных отношений нельзя сводить исключительно к согласованию национального с международным правом. В практике межгосударственных отношений известны случаи, когда положения международного права должны согласовываться с внутригосударственными правовыми нормами.

Так, в силу ст. 10 Соглашения об информационном взаимодействии государств - членов Евразийского экономического сообщества по пограничным вопросам от 14 сентября 2001 г., "настоящее

Соглашение применяется со дня подписания в части, не противоречащей национальным законодательствам Сторон, и вступает в силу с даты получения депозитарием от Сторон третьего уведомления о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу".

Соглашение предусматривает возможность временного применения данного международного договора и в ходе применения более высокую иерархическую (юридическую) силу будут иметь нормы, закрепленные в источниках национального права Российской Федерации. Поэтому в рассматриваемом случае согласовывать необходимо не внутригосударственное право с международным, а, наоборот, международное с национальным.

Р.А. Мюллерсон обозначает процесс помощи национального права осуществлению норм международного права на территории государства национально-правовой имплементацией. Автор выделяет два способа исполнения положений международного права: **отсылка** и **инкорпорация**.

Отсылка имеет место в том случае, когда государство включает в свое законодательство норму (или несколько норм), отсылающую к нормам международного права, в силу чего последние могут действовать внутри страны, регулировать отношения между субъектами национального права. Рассматривая правовую сущность отсылки, автор сравнивает отсылку к международному праву с отсылками к иностранному внутригосударственному праву. Иными словами, отсылка к международному праву сравнивается с коллизионными нормами. **Р.А. Мюллерсон** подчеркивает, что "отсылка, не трансформирует нормы одной правовой системы в нормы другой системы или отрасли, а **санкционирует** применение норм отсылаемой системы в сфере действия отсылающей системы". **Инкорпорация**, по мнению автора, происходит в том случае, когда на основе и во исполнение положений международного права издаются (изменяются либо отменяются) нормы национального права. То есть результатом осуществления инкорпорации является реальное изменение законодательства конкретного государства. В отличие от отсылки, инкорпорация необходима тем нормам международного права, которые сформулированы недостаточно четко и ясно для регулирования отношений с участием субъектов национальной правовой системы [102. С. 59, 61, 69, 70, 74].

Представляется, что сравнение Р.А. Мюллерсоном отсылки к иностранному национальному праву с отсылкой к международному праву является необоснованным по своей сути, так как нормы внутригосударственного права, независимо от того, в какой стране они функционируют, регулируют исключительно внутригосударственные отношения с участием субъектов национального права - физические, юридические лица, государственные органы и т.д. Поэтому когда национальный суд, руководствуясь соответствующей отсылочной (коллизионной) нормой, применяет иностранное право, то он (суд) руководствуется именно той системой права, которая изначально выполняет регулятивную роль между субъектами внутригосударственных отношений. В свою очередь, если речь идет об отсылке к международному праву, то национальный суд не только не вправе, но и не в состоянии по объективным причинам непосредственно применять нормы международного права, которые регулируют отношения между качественно иными субъектами права.

В.Г. Буткевич достаточно критически относится к теории трансформации и теории санкционирования [14. С. 257]. Автор связывает процедуру согласования международного и внутригосударственного права со стадией правотворчества. Осуществлять правотворческие функции может только государство. Причем данные функции исполняются в сфере как международных, так и внутригосударственных отношений. Согласовывать вышеупомянутые системы права может только государство. Суть такого согласования, по мнению В.Г. Буткевича, заключается в согласовании прав и обязанностей своих субъектов национального права с правами и обязанностями, содержащимися в международно-правовых обязательствах данного государства <1>.

<1> Автор "теорию санкционирования" именует "теорией исполнения" [14. С. 256 - 257].

В.Г. Буткевич пишет, что "с точки зрения международного права совершенно безразлично, кто будет вместо государства исполнять его обязанности и использовать его права. Но это безразличие и сложилось потому, что никто, кроме государства, объективно не может осуществлять его права и обязанности. Государство может поручить или вменить в обязанности своим физическим и юридическим лицам осуществлять или воздерживаться от определенных действий. Но это не перенос своих прав и обязанностей на указанных лиц, а создание для них иного рода прав и обязанностей" [14. С. 257]. Автор выделяет следующие основные методы согласования внутригосударственных правовых актов с международно-правовыми предписаниями: **отсылка, рецепция, параллельное правотворчество, унификация, преобразование, создание специального правового режима**.

Сущность **отсылки** заключается в том, что "регулируя внутригосударственные отношения, он (законодатель) не воспроизводит норму международного права, а отсылает к международно-правовому предписанию... Различные субъекты к различным отношениям применяют одну модель предписания. При отсылке модель поведения одна (но формулируется только в одной системе права, а в другой системе права указывается лишь источник, где с моделью можно "ознакомиться"), а разные отношения,

разные субъекты, в итоге - различные нормы и различный результат правового регулирования".

"Суть **рецепции** заключается в том, что законодатель заимствует в международном праве модель поведения и придает ей юридическую обязанность для субъектов внутригосударственного права во внутригосударственных отношениях". В отличие от отсылки вследствие осуществления рецепции в системе законодательства государства появляется аналогичное предписание, что и в нормах международного права. Рецепция, по мнению **В.Г. Буткевича**, не может иметь общего (генерального) характера, т.е. заимствовать все и/или часть международного права, рецепция может осуществляться в отношении конкретного положения, содержащегося в определенной международно-правовой норме.

"Суть **параллельного правотворчества**, - далее отмечает **В.Г. Буткевич**, - заключается в том, что единая модель поведения вырабатывалась в обеих правовых системах параллельно, юридически независимо".

Под **унификацией** автор понимает "процесс целенаправленных действий по выработке единства предписаний в двух правовых системах".

"(Метод) **преобразования** используется... в тех случаях, когда в законодательство необходимо внести лишь незначительные изменения, дополнения, уточнения. При преобразовании норма внутригосударственного права преобразует, дополняет, уточняет не норму международного права, а норму национального права. Если национальная норма права в чем-то не соответствует нормам международного права, то законодатель может ее, если не требуется отмена, дополнить, развить или уточнить, т.е. преобразовать".

Метод **создания специального правового режима** используется в том случае, когда "законодательство в целом согласовано и содействует реализации типичных международно-правовых предписаний, а специальный правовой режим согласовывается с международно-правовыми обязательствами исключительного характера и направлен на должную реализацию последних" [14. С. 238 - 240].

Представляется, что некоторые упомянутые выше согласования международного и внутригосударственного права, определенные В.Г. Буткевичем (**отсылка, рецепция, параллельное правотворчество, унификация, преобразование, создание специального правового режима**), нецелесообразно рассматривать в качестве самостоятельных. В отличие от отсылки, в результате действия рецепции, параллельного правотворчества, унификации, преобразования, создания специального правового режима - всегда происходят изменения именно в системе законодательства государства, а не его права. Более того, вследствие осуществления рецепции, унификации, параллельного правотворчества, по мнению В.Г. Буткевича, не просто изменяется законодательство государства, а создаются единые, одинаковые модели поведения. Поэтому в данном случае происходит смешение оснований для классификации. Можно предположить, что целесообразно было бы рассматривать методы рецепции, параллельного правотворчества, унификации, преобразования, создания специального правового режима в качестве частных случаев какого-либо родового метода, который автором не был определен.

Н.В. Миронов не дает определения процессу взаимодействия норм международного и внутригосударственного права и, в частности, процессу обеспечения реализации норм международного права посредством национального права в сфере внутригосударственных отношений. Однако суть этого процесса автор раскрывает следующим образом: "...нельзя не признать, что в тех многочисленных случаях, когда советское законодательство воспринимало прогрессивные нормы и принципы международного права и закрепляло их в нормах внутригосударственного права СССР. и проявлялось конкретно влияние международного права на советское законодательство". Как подчеркивает автор, практика СССР выделяла следующие формы проведения международно-правовых норм во внутригосударственном праве: трансформация, отсылка и "особ(-ая) форм(-а) приведения в действие норм международного права в СССР... ратификация (утверждение) международного договора". Под "трансформацией" **Н.В. Миронов** понимает "юридическую форму приведения в действие на территории данного государства норм международного права, осуществляемую путем издания специальных внутригосударственных правовых актов". "Трансформация международно-правовых норм применяется в тех случаях, - утверждает **Н.В. Миронов**, - когда дело идет о договорах (нормах), для выполнения которых необходимо изменение субъекта права (чтобы государство возложило выполнение обязанностей, предусмотренных международным договором, на соответствующих физических и юридических лиц)". Сущность "отсылки", согласно позиции Н.В. Миронова, заключается в указании закона на то, что данное конкретное отношение должно регулироваться нормами международного права. В отличие от трансформации, отсылка не предусматривает какой-либо переработки норм международного права. "Норма международного права, на которую делается ссылка в законе, - отмечает автор, - не вводится в национальное право, отсылочная норма лишь допускает, санкционирует применение международно-правовой нормы для решения конкретных отношений, возникающих внутри государства" [97. С. 34 - 58].

Следует обратить внимание, что отсылка всегда способствует "переработке" нормы

международного права, и поэтому данный метод взаимодействия международного и внутригосударственного права достаточно условно можно именовать "отсылочным".

Так, согласно ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, "право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни". Суть указанной нормы международного права заключается в том, что государство, подписавшее вышеупомянутый Пакт, берет на себя международно-правовое обязательство перед другими государствами - участниками Пакта обеспечить всеми находящимися в его распоряжении средствами, включая юридические механизмы, право каждого человека на жизнь. Государство также обязуется обеспечить недопустимость произвольного лишения жизни человека, а также, если речь идет о вмешательстве в данное право, то такое вмешательство должно быть осуществлено на основании правовых норм. В свою очередь, иные государства-участники имеют субъективное право требовать от любого государства выполнения соответствующей обязанности. Взаимные субъективные права и обязанности государств - участников Пакта составляют содержание регулируемых международных правовых отношений [157. С. 41 - 43].

Если национальный суд благодаря отсылке применяет указанное выше положение, то суть данной нормы, сформировавшейся в правовой системе страны вследствие действия отсылки, будет заключаться в следующем: каждый человек имеет право на жизнь; каждый человек имеет право на недопустимость произвольного лишения его жизни; каждый человек имеет право на то, чтобы любое вмешательство в его право на жизнь осуществлялось исключительно на основании правовых актов. Данным субъективным правам человека "противостоят" соответствующие обязанности государства в лице его органов. Взаимные права и обязанности будут составлять содержание уже не международного, а внутригосударственного правового отношения.

Проанализировав некоторые доктринальные позиции, сложившиеся к настоящему времени применительно к наименованию процесса правового взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере внутригосударственных отношений, представляется возможным именовать этот процесс, согласившись с Р.А. Мюллерсоном, **национально-правовой имплементацией**. Сутью взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере отношений с участием субъектов национального права является именно обеспечение реализации положений международного права в рассматриваемой сфере социальных отношений. Представляется, что термин "национально-правовая имплементация" в наибольшей степени соответствует природе этого явления.

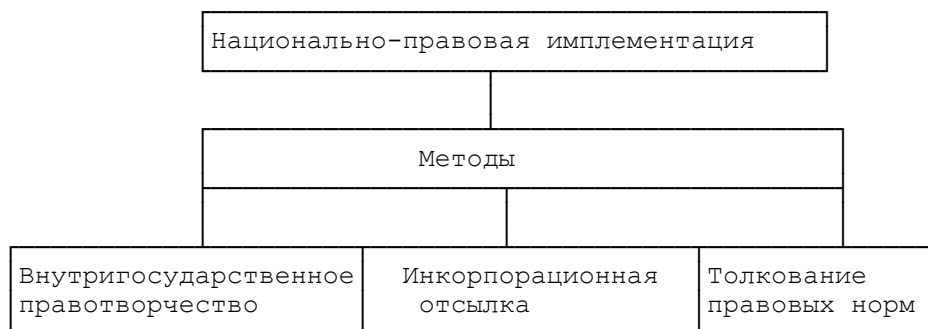
Данный процесс непосредственно связан с принятием государством внутригосударственных правовых мер, которые бы обеспечивали реализацию этим государством его международно-правовых обязательств.

Процесс взаимодействия международного и внутригосударственного права охватывает не только стадию правотворчества, но и стадию реализации соответствующих международно-правовых положений в иных формах. Поэтому именовать вышеупомянутый процесс "трансформацией", "рецепцией", сущность которых состоит в правотворчестве, значит умышленно и необоснованно суживать рамки осуществления объективных процессов, связанных с процедурой взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере отношений с участием субъектов национального права.

Определив наименование формы взаимодействия международного и внутригосударственного права, следует обратить внимание на основные юридические способы (методы национально-правовой имплементации), с помощью которых государство осуществляет такое взаимодействие.

Лекция 2. Методы национально-правовой имплементации

Схема 1

2.1. Внутригосударственное правотворчество

Вследствие осуществления данного метода национально-правовой имплементации государственные органы принимают для достижения целей, касающихся надлежащего исполнения государством его международно-правовых обязательств, внутригосударственные нормативные правовые акты, влекущие, как было подчеркнуто выше, изменения и/или дополнения в системе законодательства страны.

Применительно к правовой системе России обязанность принятия государственными органами Российской Федерации внутригосударственных нормативных актов для надлежащей реализации договорных норм международного права следует, в частности, из Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации". В силу ст. 32 данного Закона Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации обязаны принимать меры, направленные на обеспечение выполнения международных договоров Российской Федерации. Эти меры связаны в том числе и с правотворческой деятельностью соответствующих государственных органов, представляющей собой содержание рассматриваемого нами метода национально-правовой имплементации.

"Федеральные органы исполнительной власти и **уполномоченные организации**, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами Российской Федерации, обеспечивают выполнение обязательств Российской Стороны по договорам и осуществление прав Российской Стороны, вытекающих из этих договоров, а также наблюдают за выполнением другими участниками договоров и их обязательств" (п. 2 ст. 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации").

ПРИМЕЧАНИЕ: Согласно подп. "и" ст. 2 Закона, введенному Федеральным законом от 1 декабря 2007 г., "**уполномоченная организация**" означает организацию, уполномоченную в соответствии с федеральным законом представлять Президенту Российской Федерации или в Правительство Российской Федерации предложения о заключении, выполнении и прекращении международных договоров Российской Федерации". В связи с этим, если "уполномоченной организации" предоставляется право принимать в пределах предоставленной компетенции нормативно-правовые акты, то, соответственно, круг лиц, осуществляющих внутригосударственное правотворчество в целях реализации международно-правовых обязательств России, будет охватывать не только органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, но и соответствующие уполномоченные организации. Например, Государственная корпорация по атомной энергии "Росатом" является такой уполномоченной организацией.

Нельзя не отметить, что внутригосударственное правотворчество в пределах имеющейся компетенции вправе осуществлять и органы муниципальной власти. К примеру, когда органы муниципальной власти принимают нормативно-правовые акты с учетом действующих для России норм международного права в сфере защиты прав и свобод человека.

Существование рассматриваемого метода национально-правовой имплементации находит подтверждение и в судебной практике.

Так, в **решении Верховного Суда РФ от 7 октября 2003 г. по делу N ГКПИ03-722** было подчеркнуто, что "являясь правопреемником СССР по указанным правоотношениям, Российская Федерация в лице Правительства РФ в пределах предоставленных ему полномочий для реализации права бывших сотрудников международных организаций системы ООН, предусмотренного упомянутым международным соглашением, 23 марта 2001 г. издало Постановление N 229, которое впоследствии было приведено в соответствие с Федеральным законом "О трудовых пенсиях в Российской Федерации", оспариваемым Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2002 г. N 285 "О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2001 г. N 229". (решение Верховного Суда РФ опубликовано не было. См. архив Верховного Суда РФ.)

ПРИМЕЧАНИЕ: Российская Федерация продолжает исполнять международно-правовые обязательства по действующим международным договорам, заключенным Союзом ССР, в качестве **государства-продолжателя**, а не **правопреемника**. "Частью правовой системы Российской Федерации являются также заключенные СССР действующие международные договоры, в отношении которых Российская Федерация продолжает осуществлять международные права и обязательства СССР в качестве государства - продолжателя Союза ССР" (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации").

Г. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о признании недействующими п. п. 4.6, 4.7, 4.8, 4.10 Инструкции Банка России от 28 апреля 2004 г. N 113-И "О порядке открытия, закрытия, организации работы обменных пунктов и порядке осуществления уполномоченными банками отдельных видов банковских операций и иных сделок с наличной иностранной валютой и валютой

Российской Федерации, чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц".

В решении от 7 декабря 2004 г. по делу N ГКПИ04-1422 Верховный Суд РФ, отказывая Г. в удовлетворении его заявления, отметил, что "в целях содействия принятию и укреплению мер, направленных на повышение эффективности предпринимаемых мер по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, в 2002 - 2004 гг. Российской Федерацией ратифицированы конвенции ООН, которые содержат требования об установлении в каждом государстве-участнике всеобъемлющего внутреннего регулирования и надзора в отношении банков, основанного на требованиях в отношении идентификации личности клиента ("Конвенция против транснациональной организованной преступности" от 15 ноября 2000 г.), и требования о принятии мер, обязывающих финансовые учреждения и другие организации, участвующие в совершении финансовых операций, принимать самые эффективные из имеющихся в их распоряжении мер для идентификации их постоянных или случайных клиентов. (Решение Верховного Суда РФ опубликовано не было. См. архив Верховного Суда РФ.)

Деятельность государства с целью обеспечения реализации норм международного права, связанную с принятием государством национальных правовых норм, изменяющих и/или дополняющих систему права и законодательства государства, либо санкционированием действия иных социальных норм, целесообразно рассматривать как метод национально-правовой имплементации и именовать - **внутригосударственным правотворчеством**.

ПРИМЕЧАНИЕ: Одним из примеров "**санкционирования**" социальных норм в Российской Федерации является признание в правовой системе Российской Федерации юридической силы за обычаями делового оборота. В силу п. 1 ст. 5 ГК РФ "обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе".

При толковании словосочетания "**внутригосударственное правотворчество**" важно обратить внимание на следующие аспекты. Во-первых, речь идет именно о внутригосударственном, а не о международном правотворчестве. Термином "национально-правовая имплементация" не охватывается деятельность государства по созданию, изменению, прекращению норм международного права. Во-вторых, вследствие "правотворчества" возникают материальные и процессуальные правовые нормы, формирующие систему права. В рамках настоящего Курса понятие "правотворчество" рассматривается как в узком, так и широком смысле.

ПРИМЕЧАНИЕ: Как будет отмечено ниже, вследствие реализации ч. 4 ст. 15 Конституции РФ изменяется правовая система страны, однако система права остается без изменения, хотя сама ч. 4 ст. 15 включает именно в систему права Российской Федерации.

"Узкое правотворчество" - деятельность государства, связанная исключительно с изменением системы права государства; "широкое правотворчество" - деятельность государства, касающаяся изменения как в системе права, так и в правовой системе страны.

Обычное правотворчество государства практически ничем не отличается от правотворчества, осуществляемого с целью реализации международно-правовых положений. Юридическое действие нормативных актов, принятых с целью реализации международных обязательств государства в сфере внутригосударственных отношений, не зависит от юридической "судьбы" источника международного права, предусматривающего соответствующее обязательство, во исполнение которого и был принят внутригосударственный нормативный правовой акт.

Так, например, если в сфере межгосударственных отношений прекратят действия международные договоры, запрещающие использовать в вооруженном конфликте определенные средства и методы, то данное обстоятельство не приведет к автоматическому прекращению действия в соответствующей части ст. 356 УК РФ (Применение запрещенных средств и методов ведения войны). Данная статья УК РФ продолжит действовать с одним условием - невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности за "применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором". Иными словами, статья будет действовать, но не должна применяться, так как наличие международных договоров является юридическим фактом. Однако в рассматриваемом случае частное лицо, независимо от наличия или отсутствия норм международного права, может быть привлечено к ответственности за "жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортацию гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории", т.е. за действия, уголовная ответственность за которые наступает независимо от наличия или отсутствия международно-правовых обязательств России.

Трансформация в качестве видового понятия по отношению к процедуре взаимодействия норм международного и внутригосударственного права связана с преобразованием, переработкой, переходом норм международного права в нормы внутригосударственного права. См. подробнее - [152. С. 151].

"Трансформация, в отличие от инкорпорации, "является качественно иным, более глубоким

правовым действием, связанным не только с воспроизведением, но и с переработкой норм данного международного договора в соответствии с общими принципами национального права"... При трансформации происходит не только изменение характера международно-правовой нормы за счет превращения ее правил в качественно иную правовую категорию - в норму внутригосударственного права. Одновременно с этим происходит изменение как формы, так и содержания нормы в той степени, в какой этого требуют интересы государства, обусловленные необходимостью точной и всеобъемлющей ее имплементации" [25. С. 71].

Когда государство создает правовые нормы, формулировки которых полностью либо частично идентичны формулировкам, закрепленным в источниках международного права, то возможно и реально говорить о наличии трансформации.

Например, Положение о переводном и простом векселе, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г., будучи внутригосударственным нормативно-правовым актом, содержит аналогичные по своему содержанию положения, сформулированные в Женевской конвенции 1930 г. о единообразном законе о переводном и простом векселе.

Но государство для реализации своих международно-правовых обязательств может принять иные нормы, которые по своему словесному содержанию не соответствуют формулировкам, предусматриваемым международно-правовыми нормами, но принятие которых необходимо для осуществления надлежащей национально-правовой имплементации.

К примеру, для надлежащей реализации ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на свободу и личную неприкосновенность, в государстве должен быть закон, регулирующий процедуру лишения свободы человека, подозреваемого или обвиняемого в совершении уголовного правонарушения. Естественно, говорить в данном случае о наличии словесного соответствия (**language text**) такого закона и ст. 5 Конвенции можно относительно. Тем более здесь невозможно говорить о какой-либо трансформации в классическом ее понимании независимо от того, носит ли это понятие видовой или родовой характер.

ПРИМЕЧАНИЕ: Согласно п. 1 ст. 5 Конвенции: "1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом."

"Словосочетания **"законный"** **"в соответствии с процедурой, предписанной законом"**, закрепленные в п. 1 ст. 5 Конвенции, - подчеркнул Европейский суд по правам человека при рассмотрении дела **Федотов против Российской Федерации**, - прежде всего обращают внимание на законодательство государства и предусматривают обязанность государства действовать согласно своему материальному и процессуальному праву. Однако законность заключения человека под стражу с точки зрения национального законодательства не всегда является решающим моментом. Суд должен быть уверен, что содержание лица под стражей было совместимо и с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, которая не допускает произвольного лишения свободы" (п. 74 Постановления от 25 октября 2005 г. по делу **Федотов против Российской Федерации**). Аналогичная правовая позиция была изложена Судом, в частности, в Постановлениях от 19 мая 2004 г. по делу **Гусинский против Российской Федерации** (п. 62); от 2 марта 2006 г. по делу **Нахманович против Российской Федерации** (п. 64); от 24 мая 2007 г. по делу **Владимир Соловьев против Российской Федерации** (п. 85); от 24 мая 2007 г. по делу **Игнатов против Российской Федерации** (п. 73).

"Трансформацию", принимая во внимание ее условный характер, можно рассматривать как частный случай внутригосударственного правотворчества, подразумевая ситуации, когда государство принимает национально-правовые акты, закрепляющие правила, которые полностью или в части идентичны положениям, содержащимся в источниках международного права. Но в качестве самостоятельного метода национально-правовой имплементации трансформацию рассматривать нецелесообразно.

"**Легитимация**" (legitimate) - "обычный процесс принятия внутригосударственного акта того или иного уровня, такой же, как и в тех случаях, когда не требуется обеспечить выполнение каких-либо международно-правовых норм" [152. С. 157]. Новый большой англо-русский словарь понимает узаконивание, легитимирование, признание законным, санкционирование действия чего-либо [109. Т. II. С. 340]. Аналогичного толкования данного термина придерживается энциклопедический словарь Вебстера [219. С. 819]. Узаконить, санкционировать можно уже существующие, действующие социальные нормы. Поэтому в данном отношении термин "легитимация" больше подходит к термину "отсылка", а не к процессу издания государством внутригосударственных актов, которые, как было отмечено выше, могут содержать как похожие положения, определенные в источнике международного права, так и иные положения, которые, в свою очередь, могут либо полностью, либо в части не совпадать со словесными положениями, сформулированными в источниках международного права, однако эти нормативные правовые акты будут способствовать исполнению государством его международно-правовых обязательств.

ПРИМЕЧАНИЕ: Так, согласно ст. 6 Конвенции 1961 г., отменяющей требование легализации

иностранных официальных документов, "каждое Договаривающееся государство назначает, с учетом их официальных функций, те органы, которым предоставляются полномочия на проставление апостиля". В порядке реализации указанной нормы международного права Министерство юстиции РФ издало письма от 17 марта и 7 августа 1992 г., в соответствии с которыми управления Министерства юстиции РФ в субъектах Российской Федерации были уполномочены проставлять апостиль на официальных документах (письма Министерства юстиции РФ от 17 марта 1992 г. N 7-2/26 "О проставлении апостиля" и от 7 августа 1992 г. N 7-2/99 "О некоторых вопросах проставления апостиля" опубликованы не были). В настоящее время действует Приказ Министерства юстиции РФ от 14 декабря 2006 г. N 363 "Об утверждении административного регламента исполнения федеральной регистрационной службой государственной функции по проставлению апостиля на официальных документах, подлежащих вывозу за границу".

Законодатель, создавая нормы внутригосударственного права, формирующие систему права страны, вправе в своей деятельности использовать те же положения, что предусмотрены в источниках международного права, видоизменяя содержащиеся в международно-правовом источнике словесные формулировки с учетом особенностей национальной правовой системы, а также принимать совершенно иные правила поведения, связанные с процедурой надлежащего осуществления государством его международно-правовых обязательств. Все это является отдельными средствами (техникой) осуществления внутригосударственного правотворчества в каждом конкретном случае.

Важно отметить, что речь идет об использовании именно положений (правил), а не норм международного права. Используемые законодателем положения, правила формируют правовую норму. Однако в содержание этой нормы наряду с собственно "правилами" входят и иные необходимые элементы (подробнее о содержании, элементах внутригосударственно-правовой нормы см. часть настоящей лекции, посвященную методу национально-правовой имплементации - **инкорпорационной отсылке**).

ПРИМЕЧАНИЕ: В рамках настоящего Курса, если иное не следует из контекста рассуждений, понятия "**положения**", "**правила**", содержащиеся в источниках международного права, рассматриваются как идентичные. Здесь подразумеваются словесные формулировки, закрепленные в том или ином источнике международного права, который стал обязательным для государства.

Нельзя не отметить, что внутригосударственное правотворчество не всегда способствует эффективной реализации международно-правовых обязательств. Уголовный кодекс РФ во исполнение международно-правовых обязательств Российской Федерации предусмотрел целый ряд составов преступлений: ст. 353 УК РФ (планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны), ст. 355 УК РФ (производство или распространение оружия массового поражения), ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны), ст. 357 УК РФ (геноцид), ст. 359 УК РФ (наемничество), ст. 360 УК РФ (нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой) и др. Однако некоторые составы преступлений, инкорпорированные в Уголовный кодекс РФ с целью исполнения Российской Федерацией своих международных обязательств, представляется, не в полной мере соответствуют нормам международного права, ставшим обязательными для России (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Несоответствия юридических признаков понятия "геноцида" по УК РФ и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.

Понятие "геноцид" согласно ст. 357 УК РФ	Понятие "геноцид" согласно ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.
"принудительная передача детей"	"насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую"
"насильственное воспрепятствование деторождению"	"меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы" (речь идет о этнической, расовой, национальной или религиозной)

	группе, уничтожаемой полностью или частично)
"насильственное... создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение этой группы"	"предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное уничтожение ее"

Сравнив вышеупомянутые понятия "**геноцида**", можно сделать следующие выводы. Конвенция запрещает принудительную передачу детей из одной группы в другую, в свою очередь, УК РФ запрещает любую принудительную передачу детей. Конвенция запрещает реализацию любых мер, связанных с предотвращением деторождения в такой группе, УК РФ запрещает только насильственное воспрепятствование деторождению. Конвенция акцентирует внимание на запрете умышленного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое ее уничтожение, независимо от того, связаны такие меры с насилием либо нет. УК РФ, в свою очередь, касается только запрета мер, связанных с насильственным созданием условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов группы.

ПРИМЕЧАНИЕ: Следует обратить внимание, что в настоящее время некоторые представители доктрины международного права толкуют понятие "геноцида" на культурологическом уровне, подразумевая, что существует не только биологический, физический геноцид, непосредственно предусмотренный в международном праве, но и культурный [213. С. 38].

Вышеуказанные "несоответствия" с целью надлежащей реализации Россией ее международно-правовых обязательств должны быть разрешены с помощью **толкования**, являющегося одним из рассматриваемых методов национально-правовой имплементации.

Толкование (один из методов национально-правовой имплементации) - уяснение содержания как внутригосударственной нормы с учетом международно-правовых обязательств Российской Федерации, так и применяемых международно-правовых положений, ставших частью правовой системы Российской Федерации.

Необходимость внутригосударственного правотворчества с целью надлежащей реализации норм международного права, как уже подчеркивалось выше, может быть предусмотрена непосредственно в положениях, содержащихся в источниках международного права.

Так, согласно ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: "1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство **предусмотрено законом** и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

Государство, желая осуществить вмешательство в вышеупомянутые права, обязано принять правовые нормы, которые бы регулировали процедуру вмешательства.

По делу **Шепелев против Российской Федерации** Суд обратил внимание, что "решение об удочерении является вмешательством в право заявителя на уважение семейной жизни, предусматриваемое п. 1 ст. 8. Такое вмешательство является нарушением ст. 8, если только оно не было осуществлено в соответствии с законом, не преследовало цели, являющиеся законными согласно п. 2 ст. 8, и не представлялось необходимым в демократическом обществе. Суд согласился с властями Российской Федерации, что решение районного суда об удочерении основывалось на соответствующих положениях национального права, прежде всего на ст. ст. 124 и 130 Семейного кодекса, предусматривающих, что удочерение допускается, если это соответствует интересам ребенка, и что родительское согласие не требуется, если родитель не проживает вместе с ребенком по неуважительным причинам более 6 месяцев. Поэтому нет сомнений в том, что вмешательство осуществилось в соответствии с законом, преследовало законную цель защиты прав и свобод ребенка" (**Шепелев против Российской Федерации**, п. п. 24 - 26 Постановления от 26 июля 2007 г.).

Необходимость внутригосударственного правотворчества может быть выражена в источниках международного права не только эксплицитно (явно), но и имплицитно (косвенно).

Так, в силу п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, "каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и

беспристрастным судом, созданным на основании закона". "Как обеспечить соблюдение этого требования (разумные сроки) - или путем увеличения численности судей, или путем применяемых временных ограничений или указаний, или каким-либо иным способом - решает сама Договаривающаяся Сторона. Если Договаривающаяся Сторона допускает, что продолжительность разбирательства по делу выходит за рамки "разумного срока", гарантируемого ст. 6 Конвенции, и ничего не делает для того, чтобы его ускорить, она несет ответственность за возникающие в результате задержки" (**Кормачева против Российской Федерации**, п. 54 Постановления от 29 января 2004 г.).

Следует отметить, что если государство, выражая согласие в отношении многостороннего договора, не желает изменять свое законодательство, то оно вправе сделать **оговорку**, которая, в свою очередь, должна соответствовать нормам международного права, так как надлежащим образом сделанная оговорка предоставляет государству возможность избежать международно-правовой ответственности за неисполнение международно-правовых обязательств в случае, если внутреннее законодательство коллидирует с конвенционными положениями.

Оговорка - одностороннее заявление участника договора, направленное на исключение или изменение содержания договорного обязательства, сделанное перед выражением согласия на обязательность договора [89. С. 260].

Так, Российская Федерация при ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод сделала оговорку, в соответствии с которой положения п. п. 3 и 4 ст. 5 Конвенции не препятствуют применению статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г., регулирующих порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. Указанная оговорка распространяется также на положения внутреннего законодательства России, регулирующие вопросы ареста с содержанием на гауптвахте в качестве меры дисциплинарного взыскания, налагаемого во внесудебном порядке на военнослужащих - солдат, матросов, сержантов, старшин, прапорщиков и мичманов.

В Постановлении от 15 июля 2002 г. по делу **Калашников против Российской Федерации** Европейский суд по правам человека отметил, что "оговорка составлена с целью временного исключения из сферы действия п. 3 ст. 5 Конвенции некоторых норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, упомянутых в тексте оговорок, которые касаются порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления. Эти нормы устанавливают условия и порядок применения мер пресечения, включая заключение под стражу, и перечень органов власти, уполномоченных принимать соответствующее решение. Европейский суд замечает, что в оговорке сделана ссылка на ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в силу которой лицо может на основании постановления прокурора содержаться под стражей до 18 месяцев на период расследования преступления".

Таким образом, внутригосударственное правотворчество - самостоятельный метод национально-правовой имплементации, заключается в принятии государством правовых норм либо санкционировании юридического действия иных социальных норм с целью надлежащей реализации норм международного права. Принимаемые либо санкционируемые государством нормы могут как полностью или частично повторять правила, закрепленные в источниках международного права, так и содержать иные правила, способствующие реализации государством его международно-правовых обязательств.

Нельзя не отметить, что в отличие от правоприменительной деятельности, когда национальный суд имеет право и обязан руководствоваться исключительно внутригосударственными нормами, а также международно-правовыми положениями, ставшими частью правовой системы государства, при осуществлении внутригосударственного правотворчества государственный орган вправе непосредственно принимать во внимание, руководствоваться и, как следствие, реализовывать именно нормы международного права.

В силу п. 2 Указа Президента РФ "О мерах по выполнению Резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. "Министерству юстиции Российской Федерации было поручено осуществить "совместно с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и с участием Верховного Суда Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации анализ законодательства Российской Федерации на предмет его соответствия обязательствам, содержащимся в резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г., и необходимые предложения представить в 2-месячный срок в Правительство Российской Федерации".

То есть органы государственной власти непосредственно анализируют соответствие законодательства России нормам международного права, зафиксированным в источнике международного права - Резолюции СБ ООН 1373 от 28 сентября 2001 г.

При осуществлении правотворческой деятельности с целью реализации источников международного права последние необязательно должны быть включены в правовую систему страны. Так, в частности, орган государства в ходе правотворческой деятельности вправе принимать во внимание официально неопубликованные международные договоры РФ или, к примеру, договоры,

которые не вступили в силу для Российской Федерации, однако реализуемые государством по тем или иным обстоятельствам, включая обстоятельства политического характера.

2.2. Инкорпорационная отсылка

Особенность данного метода национально-правовой имплементации заключается в том, что здесь национальный суд, иной правоприменительный орган непосредственно обращается к положениям, содержащимся в источниках международного права.

Правоохранительными органами Республики Казахстан Губарев обвинялся в том, что он, являясь военнослужащим, в ночь на 13 июля 1995 г. в г. Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан совершил изнасилование несовершеннолетней, т.е. преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 101 УК Республики Казахстан. Постановлением военной прокуратуры Усть-Каменогорского гарнизона Республики Казахстан от 21 августа 1995 г. в отношении обвиняемого Губарева избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и объявлен его розыск. 25 мая 2002 г. на основании Постановления военной прокуратуры Усть-Каменогорского гарнизона Республики Казахстан Губарев был задержан в Российской Федерации и водворен в следственный изолятор г. Пятигорска Ставропольского края. Письмом от 9 июля 2002 г. Генеральный прокурор Республики Казахстан в соответствии с международной Конвенцией от 22 января 1993 г. "О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам" обратился к Генеральному прокурору РФ о выдаче Губарева правоохранительным органам Казахстана. Генеральный прокурор РФ принял 11 июля 2002 г. Постановление о выдаче Губарева правоохранительным органам Республики Казахстан, о чем письмом от 15 июля 2002 г. сообщил Генеральному прокурору Республики Казахстан. Ставропольский краевой суд определением от 24 октября 2002 г. оставил без удовлетворения жалобу Губарева на постановление Генерального прокурора РФ.

Рассматривая дело в кассационном порядке и оставляя без изменений принятое решение Ставропольским краевым судом, Верховный Суд РФ в **Определении от 5 февраля 2003 г. по делу N 19-кпо02-97** указал, что "на основании ч. 1 ст. 462 УПК РФ Российская Федерация в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности может выдать иностранному государству иностранного гражданина или лицо без гражданства, находящегося на территории Российской Федерации, для уголовного преследования или исполнения приговора за деяния, которые являются уголовно наказуемыми по уголовному закону Российской Федерации и законам иностранного государства, направившего запрос о выдаче лица. В соответствии с международной Конвенцией от 22 января 1993 г. "О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам" Российская Федерация и Республика Казахстан приняли на себя обязательство, закрепленное в ст. 56 Конвенции, по требованию выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение. В ст. 57 данной Конвенции предусмотрены основания, при которых выдача лица не производится. Таких оснований судом по делу установлено не было. Доводы Губарева о том, что он отказался от гражданства Республики Казахстан и получил гражданство Российской Федерации в Челябинской области, судом проверялись и были признаны не соответствующими действительности... В жалобе Губарев ссылался на то, что его вина в совершении инкриминируемого деяния не доказана, что в Республике Казахстан может быть нарушено его право на защиту и применены незаконные методы ведения следствия. Однако в соответствии с ч. 6 ст. 463 УПК РФ в ходе рассмотрения дела об экстрадиции суд не обсуждает вопросы виновности лица, принесшего жалобу, ограничиваясь проверкой соответствия законодательству и международным договорам Российской Федерации решения о выдаче данного лица. Кроме того, каких-либо достоверных данных о возможном нарушении права на защиту Губарева, применении к нему незаконных методов ведения следствия правоохранительными органами Республики Казахстан суду не представлено и в ходе судебной проверки не установлено".

Как подчеркивается в литературе, возможность национального суда, иного государственного органа обращаться к положениям, содержащимся в источниках международного права, возникает только в том случае, если государство "разрешает" такое обращение.

"Наличие во внутреннем праве отсылочных норм к (международному праву) видится самым непосредственным условием, дающим право применять его нормы. Отсылочные нормы являются как раз тем "зеленым светом", который открывает возможность нормам (международного права) регулировать отношения в сфере внутрисударственной юрисдикции наряду с нормами внутрисударственного права. Именно благодаря отсылкам нормы (международного права) обретают юридическую силу в правовой системе РФ" [80. С. 83 - 84].

Таким образом, юридической формой вышеупомянутого разрешения является отсылочная норма, предусматриваемая в законодательстве государства.

Представители отечественной доктрины международного права по-разному рассматривают правовую суть отсылки, а также последствия ее реализации для правовой системы.

Так, часть авторов утверждает, что суть отсылочной нормы заключается в том, что отношения, возникающие между субъектами национального права, должны и, следовательно, могут регулироваться нормами международного права [25; 45; 80; 102].

Данные авторы рассматривают отсылку в качестве "санкционирования" действия норм международного права в сфере внутригосударственных отношений с участием субъектов национального права, сравнивают отсылку к международному праву с отсылками к национальному праву иностранных государств, предусмотренными в соответствующих коллизионных нормах. Необоснованность подобной правовой позиции была подвергнута справедливой критике С.В. Черниченко.

Другие авторы исходят из того, что вследствие отсылки в рамках системы национального права образуются новые нормы [6; 14; 152].

ПРИМЕЧАНИЕ: Л.П. Ануфриева рассматривает суть отсылки как "имплицитную инкорпорацию" [6. С. 350]. Фактически речь идет о презумпции возникновения вследствие отсылки норм внутригосударственного права. Автор отмечает, что "без подобного допущения невозможно обеспечить практическое использование... международно-правовых норм во внутригосударственном масштабе". Нельзя не отметить, что **Л.П. Ануфриева**, допуская обеспечение использования международно-правовых норм "во внутригосударственном масштабе", фактически следует позиции, связанной с возможностью непосредственного применения норм международного права в сфере отношений, возникающих между субъектами национального права.

В.Г. Буткевич пишет, что **правила** - это не норма права. Правила могут стать нормой права только по определенной в законодательстве процедуре. Если законодатель закрепил применять правила, то эти правила получили качества законодательных и внутригосударственных" [14. С. 238].

Анализируя вопрос о последствиях действия отсылки как для отсылающей, так и отсылаемой системы норм в первую очередь необходимо подчеркнуть, что ни при каких условиях норма международного права не в состоянии регулировать отношения, возникающие между субъектами национального права. В этой связи отсылка к международному праву отличается от отсылки к иностранному законодательству.

Иногда может сложиться впечатление, что международный договор способен регулировать отношения между субъектами национального права.

Так, в силу ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Королевством Испания о социальном обеспечении от 11 апреля 1994 г. "настоящий Договор распространяется на трудящихся, являющихся гражданами Договаривающихся Сторон, а также на членов их семей, которые подпадали или подпадают под действие законодательства Договаривающихся Сторон".

Соответствующую норму международного права следует толковать следующим образом: государство - участник Договора обязуется обеспечить реализацию положений, предусмотренных данным Договором, к трудящимся, являющимся гражданами Договаривающихся Сторон, а также к членам их семей, которые подпадали или подпадают под действие законодательства Договаривающихся Сторон. Иными словами, вышеупомянутые физические лица входят в состав объекта международно-правового регулирования.

Отсылку целесообразно рассматривать через процесс трансформации, так как в результате действия отсылочной нормы в рамках национального права, и тем более законодательства страны, не возникают новые внутригосударственные нормативно-правовые акты. Вследствие действия отсылочной нормы к международному праву в рамках правовой системы любого государства, включая Российскую Федерацию, возникают сложные, комплексные правовые нормы, которые не становятся частью системы права государства. Посредством отсылки законодатель "отсылает" лиц, участвующих в реализации правовых норм, к иным источникам, иным системам, иным нормативным образованиям, нежели тем, где непосредственно предусматриваются отсылочные нормы. Отсылка, содержащаяся в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, обуславливает обращение государственных органов именно к положениям, содержащимся в источниках международного права, а не к источникам национального права государства. Иными словами, законодатель исходит из того, что нормы международного права по своему определению не могут и не формируют национальное право, а тем более законодательство государства.

В связи с этим нельзя согласиться с формулировкой отсылочной нормы, содержащейся в п. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которому "общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью **законодательства** Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство".

Отсылочная норма в том виде, как она сформулирована в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, объективно не может трансформировать нормы отсылаемой системы в нормы отсылающей системы. Представляется, что законодатель, формулируя ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, исходил из того, что правоприменитель должен руководствоваться не содержащимися в источниках национального права положениями, в противном случае потерялось бы правовое и социальное значение формулировки ч. 4

ст. 15 Конституции РФ.

2.2.1. Комплексность правовой нормы, образующейся вследствие отсылки к международному праву

Для определения правовой сути отсылки к международному праву, юридических последствий ее действия необходимо обратить внимание на основные элементы структуры правовой нормы.

Любая правовая норма имеет свою объективно обусловленную логическую структуру, которая включает три элемента: **гипотезу, диспозицию, санкцию**.

Гипотеза - указание на условия, при которых возникают субъективные права и обязанности, являющиеся, в свою очередь, содержанием отношений, регулируемых нормой. **Диспозиция** - непосредственно указание на субъективные права и обязанности. **Санкция** - это те неблагоприятные последствия, которые претерпевает субъект права в случае несоблюдения диспозиции и гипотезы. **С.С. Алексеев** указывает, что "моделью такой логической структуры, охватывающей три указанных элемента, является словесная схема: "если... то... а в противном случае..." [2. С. 65 - 66; 18. С. 438 - 439].

Наличие этих элементов является характерным и для норм международного права.

Нельзя не согласиться с коллективом авторов учебника "Международное право" под ред. **В.И. Кузнецова**. "В международном праве в абсолютном случае правовых норм не формулируются конкретные индивидуальные санкции. Отсутствие традиции фиксировать в нормах международного права индивидуальные санкции норм вовсе не означает их "несанкционированность", отсутствие санкций международно-правовых норм. Просто такова специфика и одновременно проблема международного права. К специфике можно отнести и то, что многие санкции, относящиеся, например, к ответственности государств за международные преступления, могут определяться, устанавливаться и изменяться в процессе самой реализации ответственности" [88. С. 625 - 626; 89. С. 36].

В силу п. 4 ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций, "все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с Целями Организации Объединенных Наций".

В данном случае **гипотезой** будет вступление вышеупомянутого международного договора в силу [157. С. 205, 206], **диспозицией** - является запрет (воздержание) Члену ООН обращаться к силе в вышеупомянутых случаях, **санкция** - неблагоприятное последствие в случае нарушения Членом ООН соответствующего запрета. Данное положение Устава ООН формирует норму международного права, выполняющую охранительную функцию. В связи с этим важно отметить, что трехчленная структура правовой нормы характерна и для охранительных норм международного права.

В соответствии с п. 3 Резолюции 1566 (2004), принятой Советом Безопасности ООН 8 октября 2004 г., "(Совет Безопасности) напоминает, что преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы никакими соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого подобного характера..." (Режим доступа: www.un.org).

Данную общепризнанную норму международного права, источником которой одновременно является международный обычай и международный договор, с точки зрения логической структуры следует толковать следующим образом: если международный обычай, конституированный, в частности, вышеупомянутой резолюцией, становится обязательным для государств - участников ООН (**гипотеза**), то государства обязаны обеспечить, чтобы в пределах их юрисдикции не оправдывались преступные акты, в том числе против гражданских лиц, с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями никакими соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого подобного характера (**диспозиция**), в противном случае государство может быть привлечено к международно-правовой ответственности за нарушение вышеупомянутой общепризнанной нормы (**санкция**).

ПРИМЕЧАНИЕ: То, что рассматриваемое выше положение является общепризнанной нормой

международного права, источником которой является международный обычай, подтверждается, в частности, Резолюцией 1373 (2001), принятой 28 сентября 2001 г. Советом Безопасности ООН, в силу подп. "g" п. 3 которой "(Совет Безопасности) призывает все государства обеспечить, чтобы в соответствии с международным правом исполнители и организаторы террористических актов или их пособники не злоупотребляли статусом беженца и чтобы ссылки на политические мотивы не признавались в качестве основания для отклонения просьб о выдаче подозреваемых в причастности к терроризму лиц" (текст настоящей резолюции был получен с помощью официального сайта Организации Объединенных Наций: www.un.org). Следует обратить внимание, что если Совет Безопасности использует глагол "призывает", то соответствующее положение Резолюции носит рекомендательный характер. В случае, если в Резолюции СБ ООН используется глагол "постановляет", то в этой части при прочих равных условиях резолюцию можно рассматривать как содержащую международно-правовые обязательства государств - членов ООН (ст. 25 Устава ООН), и поэтому в данной части такая резолюция должна рассматриваться в качестве источника международного права [88. С. 82 - 84].

То, что источником рассматриваемого выше положения кроме международного обычая являются и международные договоры, свидетельствует, в частности, ст. 6 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принятая Резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеей ООН от 9 декабря 1999 г.; ст. 5 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1997 г.

Резолюции Совета Безопасности ООН, не являющиеся самостоятельным источником международного права, могут рассматриваться в качестве доказательства существования международной обычной нормы. Употребление Советом Безопасности глагола "напоминает" может свидетельствовать о международно-обычном характере соответствующего положения, закрепленного в данном акте.

Государство, осуществляя нормотворчество в сфере как внутригосударственных, так и международных (межгосударственных) отношений, вследствие которого образуются самостоятельные системы права, способно и объединить эти системы права, свести их к единой основе, учитывая, безусловно, объективные границы действия соответствующих правовых отношений [152, 153].

Так, согласно ст. 5 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции о взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации от 21 января 1997 г., "правонарушения, подпадающие под юрисдикцию Российской Стороны, рассматриваются ее компетентными органами в местах дислокации воинских формирований или на территории Российской Федерации...".

В силу данного положения Российская Федерация принимает на себя обязательство обеспечить рассмотрение (расследование) компетентными органами в местах дислокации воинских формирований или на территории Российской Федерации правонарушений, подпадающих под юрисдикцию Российской Стороны. Логическая структура соответствующей международно-правовой нормы будет выглядеть следующим образом: **гипотезой** будет вступление в силу вышеупомянутого Соглашения, **диспозиция** заключается в обеспечении Российской Федерацией расследования правонарушений, подпадающих под юрисдикцию Российской Федерации в соответствии с данным Соглашением, а **санкцией** - возможное привлечение Российской Федерации к международно-правовой ответственности в случае ненадлежащего исполнения данного обязательства.

Вследствие действия отсылочной нормы к вышеупомянутому Соглашению в рамках правовой системы Российской Федерации образуется норма, согласно которой компетентные органы, определенные Соглашением, а также иные государственные органы, если правонарушение расследуется на территории России, обязаны рассмотреть по существу совершенное правонарушение, подпадающее под юрисдикцию Российской Федерации на условиях, определенных Соглашением.

Гипотеза будет заключаться в наличии совершенного правонарушения, подпадающего под юрисдикцию России в соответствии с данным Соглашением, **диспозицией** будет являться обязанность компетентных органов, определенных в Соглашении сторон, а также национальным законодательством России, если правонарушение рассматривается на территории Российской Федерации, расследовать соответствующее правонарушение, а **санкцией** - ответственность органов государственной власти, предусмотренная национальным законодательством, которая наступит в том случае, если данные органы не расследуют надлежащим образом соответствующее правонарушение.

Согласно ст. 3 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой 9 декабря 1975 г. Генеральной Ассамблеей ООН, "никакое государство не может разрешить или терпимо относиться к пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания. Исключительные обстоятельства, такие как состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или иное другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием для пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания" (текст настоящей Декларации был получен с помощью официального сайта Организации

Объединенных Наций: www.un.org). В связи с данным положением международного права нельзя не обратить внимания на речь Генерального секретаря ООН на заключительном пленарном заседании международной встречи на высшем уровне по вопросам демократии, терроризма и безопасности "Глобальная стратегия борьбы с терроризмом", состоявшейся 10 марта 2005 г. в Мадриде, Испания. В этой речи Генеральный секретарь ООН, в частности, отметил, что "правовые нормы, касающиеся прав человека, вполне допускают принятие решительных мер по борьбе с терроризмом, даже в самых исключительных обстоятельствах. Однако ущемление прав человека не может отвечать интересам борьбы с терроризмом. Напротив, оно (нарушение прав) способствует достижению целей террористов, отдавая им моральное превосходство и порождая напряженность, ненависть и недоверие к правительству именно у тех слоев населения, среди которых террористы быстрее всего смогут найти поддержку". (Режим доступа: www.un.org).

Данное положение международного права содержит **две общепризнанные нормы** международного права, положения которых, став благодаря отсылочной норме частью правовой системы государства, будут толковаться следующим образом.

Первая общепризнанная норма международного права: если в пределах юрисдикции государства совершаются пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и/или наказания (**гипотеза**), то государство через систему своих органов обязано принимать меры в отношении лиц, виновных в совершении вышеуказанных жестоких видов обращений, а также осуществлять иные действия, отсутствие которых могло бы свидетельствовать о терпимости государства к определенному выше недопустимому обращению (**диспозиция**), в противном случае соответствующие должностные лица, не принявшие вышеупомянутые меры, подлежат юридической ответственности согласно национальному законодательству государства (**санкция**).

Вторая общепризнанная норма международного права: государству в лице его органов запрещается совершать пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и/или наказания даже в исключительных обстоятельствах, таких как состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или иное другое чрезвычайное положение (**диспозиция**), однако если в пределах юрисдикции такие действия совершаются (**гипотеза**), то соответствующие должностные лица, совершившие вышеупомянутые действия, подлежат юридической ответственности согласно национальному законодательству государства (**санкция**).

Любая норма должна иметь свою форму, т.е. источник существования. Применительно к сложным нормам их источниками, как правило <1>, являются в соответствующей части международные договоры, иные источники международного права, а также источники национального права - законы и подзаконные акты.

<1> Поскольку нельзя исключить, что гипотеза, диспозиция и санкция могут содержаться в одном источнике международного права.

Следовательно, благодаря отсылкам к нормам международного права, в рамках правовой системы государства образуются комплексные (сложные) правовые нормы, структура которых закрепляется как в источниках национального, так и международного права. Данное обстоятельство явно свидетельствует о невозможности реализации, включая применение, в сфере внутригосударственных отношений норм международного права.

Не исключается, что государства, международные межправительственные организации в том или ином источнике международного права смогут закрепить гипотезу, диспозицию, санкцию нормы, которая будет реализовываться в сфере внутригосударственных отношений, например, когда принимается решение в рамках Европейских Сообществ. Однако это ни коей мере не будет свидетельствовать о возможном применении именно нормы международного права в сфере исследуемых нами отношений. Так как элементы содержания (субъекты, субъективные права и обязанности, юридические факты, объект) отношения, регулируемого нормой международного права, закрепленной в таком источнике и образуемой вследствие действия отсылки комплексной нормой, предназначенной для регулирования уже внутригосударственных отношений, как будет подчеркнуто ниже, различны.

Необоснованность позиции о возможности непосредственного применения нормы международного права в сфере внутригосударственных отношений подтверждается не только на уровне структуры правовой нормы (**гипотеза, диспозиция, санкция**), но и на уровне элементов отношений, регулируемых соответствующей нормой.

Любая норма международного права, регулируя межгосударственные отношения, определяет **субъекты** этих отношений, **их права и обязанности, объект** отношений, а также **юридические факты**, которые обуславливают возникновение, изменение и/или прекращение соответствующих правоотношений. Национально-правовая норма, как и рассматриваемая комплексная правовая норма, регулируя внутригосударственные отношения, также определяет субъекты отношений, субъективные права и юридические обязанности, объект данных отношений, а также юридические факты, которые

обуславливают действие (возникновение, изменение и/или прекращение) регулируемых отношений. Но содержание элементов регулируемых отношений в международном и внутригосударственном праве не совпадают.

Так, согласно ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о регулировании процесса добровольного переселения от 29 августа 1997 г., "переселенцы и члены их семей имеют право на свободное получение от миграционных служб Сторон информации: а) о содержании настоящего Соглашения; б) об условиях переселения; в) об их правах и обязанностях в государствах выезда и въезда".

Объектом межгосударственных отношений в анализируемом случае будут действия государств-участников по обеспечению переселенцев, а также членов их семей информацией, касающейся содержания межправительственного соглашения, условий переселения, а также их прав и обязанностей в государствах выезда и въезда. **Субъектами этих отношений** выступают Российская Федерация и Республика Армения. **Субъективные права** заключаются, в частности, в том, что сторона договора имеет право требовать от другой стороны выполнения обязанности по обеспечению переселенцев, а также членов их семей информацией, касающейся содержания межправительственного соглашения, условий переселения, а также их прав и обязанностей в государствах выезда и въезда. **Юридическим фактом** является вступление в силу Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о регулировании процесса добровольного переселения от 29 августа 1997 г.

Когда рассматриваемое положение договора становится частью национальной правовой системы и формирует состав комплексной нормы, то **объектом** внутригосударственных отношений будут уже действия миграционной службы государства-участника по предоставлению переселенцам, а также членам их семей информации, касающейся содержания межправительственного соглашения, условий переселения, а также их прав и обязанностей в государствах выезда и въезда.

Субъектами соответствующих внутригосударственных отношений будут являться переселенцы, а также члены их семей, с одной стороны, и миграционные власти Договаривающегося Государства, с другой стороны. Соответственно, переселенцы и члены их семей имеют **субъективное право** требовать от миграционных служб вышеупомянутой информации; в свою очередь, миграционные службы **обязаны** предоставить обратившимся к ним лицам информацию, содержащуюся в международном соглашении. **Юридическими фактами** возникновения данных внутригосударственных отношений будут: а) нахождение в пределах юрисдикции Договаривающегося Государства переселенцев и членов их семей, отвечающих критериям, определенным в международном соглашении (ст. ст. 1, 2); б) обращение переселенцев и членов их семей к миграционным службам.

Таким образом, данное положение международного договора (но не норма международного права) применительно к внутригосударственным отношениям содержит в себе перечень управомоченных субъектов, их субъективные права, юридические обязанности миграционной службы государства-участника, объект отношений, юридические факты. Однако положения международного договора не предусматривают санкции в случае невыполнения соответствующей обязанности со стороны миграционной службы. Но такая санкция содержится, в частности, в ст. 1069 ГК РФ (ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами).

Данный пример лишний раз подтверждает необоснованность позиции о возможности непосредственного действия норм международного права в сфере внутригосударственных отношений и, соответственно, обоснованность позиции о возникновении вследствие действия отсылочных норм к международному праву в рамках правовой системы комплексных норм, формой существования которых являются как источники международного, так и внутригосударственного права.

Нельзя не обратить внимания на то, что буквальное толкование ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также аналогичных положений, содержащихся в иных источниках национального права России, позволяет прийти к выводу, что государственные органы, включая суды, в своей деятельности руководствуются не правовыми нормами, а **правилами**, предусмотренными, к примеру, в международном договоре РФ. Однако следует подчеркнуть, что любой государственный или международный суд, арбитраж осуществляет прежде всего правоприменительную деятельность, т.е. при осуществлении правосудия применяет нормы права, а не отдельные ее положения.

В связи с этим под "**правилом**", предусмотренным в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, следует понимать положение, содержащееся в источнике международного права, которое совместно с иными положениями, зафиксированными в национально-правовых актах и/или иных источниках международного права, ставших частью правовой системы России, образует в правовой системе комплексную правовую норму.

В доктрине международного права некоторые авторы понимают под "**правилом**" международного договора именно норму международного права [14. С. 245; 44. С. 28].

Представляется, что правила международного договора нельзя рассматривать не только в

качестве нормы международного права, но и в качестве внутригосударственной правовой нормы, даже если соответствующее правило "подверглось" трансформации (рецепции, адаптации, инкорпорации) по следующим причинам: правила не могут представлять собой нормы международного права, потому что санкция такой нормы, как правило, фиксируется в иных источниках международного права; правила не могут рассматриваться и в качестве национально-правовой нормы, так как санкция такой нормы практически всегда закрепляется в источниках национального права. Поэтому правила международного договора, действие которых было санкционировано государством в сфере внутригосударственных отношений, должны рассматриваться именно в качестве одного из положений (правил), формирующих структуру комплексной нормы, регулирующей отношения между субъектами национального права.

Принимая во внимание правовую суть рассматриваемого метода национально-правовой имплементации, было бы правильным называть данный метод не просто отсылочным, а методом **инкорпорационной отсылки**, учитывая, что вследствие действия отсылочных норм в правовую систему страны включаются отдельные положения ставших для государства обязательных источников международного права, которые в совокупности с положениями, содержащимися во внутригосударственных правовых источниках, образуют комплексные правовые нормы.

Включение международно-правовых положений в правовую систему страны, и как следствие, создание в рамках этой системы комплексных правовых норм, обуславливает **появление юридической обязанности государственных органов, частных лиц** в своей деятельности руководствоваться данными нормами; субъекты национального права получают возможность участвовать в реализации соответствующих правовых норм. Поэтому те формы реализации правовых норм, которые были выработаны отечественной доктриной теории государства и права, могут быть применены и в отношении реализации вышеупомянутых комплексных норм. Речь идет о **соблюдении, исполнении, использовании и применении** права. Под "**соблюдением**" права понимают обычное, рутинное поведение субъекта права. В отличие от "соблюдения", "**исполнение**" права предполагает активное выполнение обязанностей субъектом права. "**Использование**" права подразумевает активные действия, связанные с реализацией права в субъективном смысле. Под "**применением**" права понимают особую форму реализации права, заключающуюся в рассмотрении и решении дел уполномоченными на то государственными органами или должностными лицами и принятием решений, определяющих юридическое значение установленных обстоятельств дела [19. С. 509 - 532; 132. С. 730 - 749].

Как подчеркивалось выше, содержанием любой правовой нормы являются взаимные права и обязанности субъектов права. В этом отношении не являются исключением нормы международного права, которые предусматривают права и обязанности субъектов международного права.

Права и обязанности субъектов международного права являются необходимыми элементами международного правового отношения, регулируемого нормами международного права.

ПРИМЕЧАНИЕ: В.М. Шуршалов под "субъективным правом" понимал "представленную субъекту и обеспеченную нормами права (и соответствующими обязанностями) возможность действовать и тем самым осуществлять предписание объективного права". "Конкретное содержание юридической обязанности, - далее подчеркивал **В.М. Шуршалов**, - состоит в совершении определенных положительных и отрицательных действий (действий или бездействия), с помощью чего достигается конкретный правовой результат: выполнение обязанности субъектом международного права и удовлетворение каких-то интересов" [157. С. 95, 113]. **И.И. Лукашук** подчеркивает, что "международно-правовая норма - это созданное соглашением субъектов (международного права) формально определенное правило, регулирующее межгосударственные отношения путем установления прав и обязанностей для субъектов и обеспечиваемое юридическим механизмом охраны" [69. С. 113].

Так, в силу п. 1 ст. 5 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Монголией от 25 марта 2002 г., "консульское должностное лицо не обязано давать показания в качестве свидетеля". Пункт 2 данной статьи предусматривает, что "консульское должностное лицо может по просьбе компетентных властей государства пребывания дать свидетельские показания в случае согласия представляемого государства на дачу таких показаний".

Данные конвенционные положения означают, что государства - участники данной Конвенции обязуются обеспечить всеми доступными и находящимися в их распоряжении средствами, в том числе юридическими, чтобы консульские должностные лица не давали показаний в качестве свидетелей, за исключением случая явного и недвусмысленного согласия государства, интересы которого представляют данные консульские должностные лица. В свою очередь, указанные выше государства - участники Конвенции одновременно наделяются правом требовать от государства - партнера по Конвенции, чтобы последний надлежащим образом исполнял свою обязанность, закрепленную в Конвенции.

Необходимо иметь в виду, когда международно-правовые положения становятся частью правовой системы государства, то отношения, регулируемые вновь образованными комплексными правовыми нормами, включают иные субъективные права и обязанности, нежели права и обязанности,

содержащиеся в источнике международного права, предусматривающем, в свою очередь, положения соответствующей международно-правовой нормы. Причем иной характер субъективных прав и обязанностей обуславливается не только наличием иных субъектов права, но и содержанием.

В силу п. 1 ст. 8 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Венгерской Республикой от 12 января 2001 г. "в ходе исполнения консульских задач консульское должностное лицо имеет **право**: а) обращаться в компетентные местные органы, находящиеся в его консульском округе; б) обращаться в компетентные центральные органы государства пребывания".

Соответствующая норма международного права в сфере межгосударственных отношений будет толковаться следующим образом: при вступлении в силу вышеупомянутой Консульской конвенции (**гипотеза**) с целью исполнения консульских задач государство в лице своего консульского должностного лица имеет **право** обращаться в компетентные местные органы, находящиеся в его консульском округе, а также в компетентные центральные органы государства пребывания (государство, в пределах юрисдикции которого действует соответствующее консульское должностное лицо). В свою очередь, государство пребывания **обязано** уважать данное право представляемого государства (**диспозиция**). В случае нарушения вышеупомянутого права, государство пребывания может быть привлечено к международно-правовой ответственности (санкция).

Одним из примеров неисполнения государством своей обязанности может являться дело **Мексика против Соединенных Штатов**, рассмотренное в Международном Суде ООН. Основанием для подачи соответствующих требований послужило систематическое неизвещение правительством США консульских должностных лиц, представляющих интересы Мексики, об арестах граждан Мексики, подозреваемых в совершении преступлений (John R. Crook. The 2003 Judicial Activity of the International Court of Justice // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. N 2. P. 313). Указанная обязанность следует из ст. 36 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 24 апреля 1963 г. Согласно подп. "б" п. 1 ст. 36 Конвенции, "компетентные органы государства пребывания должны безотлагательно уведомлять консульское учреждение представляемого государства о том, что в пределах его консульского округа какой-либо гражданин этого государства арестован, заключен в тюрьму или взят под стражу в ожидании судебного разбирательства или же задержан в каком-либо ином порядке, если этот гражданин этого требует. Все сообщения, адресуемые этому консульскому учреждению лицом, находящимся под арестом, в тюрьме, под стражей или задержанным, также безотлагательно передаются этими органами консульскому учреждению. Указанные органы должны безотлагательно сообщать этому лицу о правах, которые оно имеет согласно настоящему подпункту".

Включив вышеупомянутое положение Конвенции в правовую систему государства, вновь образованная комплексная правовая норма в сфере уже внутригосударственных отношений будет толковаться следующим образом: при выполнении своих задач (**гипотеза**) консульское должностное лицо уже **обязано** обращаться в компетентные местные органы, находящиеся в его консульском округе, а также в компетентные центральные органы государства пребывания. В свою очередь, лица, являющиеся гражданами представляемого государства, имеют **право** требовать от консульского должностного лица исполнения соответствующей обязанности. В случае неисполнения консульское должностное лицо может быть привлечено к юридической ответственности согласно действующему законодательству.

ПРИМЕЧАНИЕ: Указанная обязанность вытекает, в частности, из п. 2 ст. 61 Конституции РФ, согласно которому "Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами", а также Положения о консульском учреждении Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 5 ноября 1998 г. N 1330, из которого следует, что консульское должностное лицо для выполнения своих задач и функций именно **обязано** совершать определенные действия [61. С. 196 - 199].

Следует иметь в виду, что консульское должностное лицо является должностным лицом государства и в силу этого за недобросовестные действия данного лица юридическую ответственность будет нести государство в лице Министерства иностранных дел. Так, в силу ст. 1069 Гражданского кодекса РФ "вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов подлежит возмещению". Консульское должностное лицо может нести, в частности, уголовную ответственность, если в действиях такого лица будут содержаться признаки состава преступления, предусматриваемые уголовным законом страны.

Это положение вновь свидетельствует о том, что норма международного права ни при каких условиях не может непосредственно применяться в сфере внутригосударственных отношений, даже с санкции государства.

Рассмотрев правовую суть метода "инкорпорационной отсылки", необходимо обратить внимание на существующие формы, виды отсылок, лежащих в основе вышеупомянутого метода. Причем в доктрине в этом отношении отсутствует единогласие [80. С. 93 - 98; 102. С. 60; 152. С. 158 - 162].

Представляется, что в зависимости от юридических последствий международно-правовые

отсылочные нормы можно подразделить на две основные группы.

Первая группа отсылочных норм вводит в правовую систему государства международно-правовые положения. Причем ряд отсылочных норм вводят в правовую систему государства как общепризнанные принципы и нормы международного права, так и международные договоры. Данную категорию отсылочных норм можно условно именовать **материальными**.

Примером таких отсылочных норм являются нормы, закрепленные в первом предложении ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, Конституции Греции от 11 июня 1975 г., которая предусматривает похожее положение, согласно которому "общепринятые нормы международного права, а также международные соглашения с момента их ратификации законом и вступления их в силу согласно условиям каждого из них являются неотъемлемой частью внутреннего греческого права" (п. 1 ст. 28 Конституции) [57. С. 657].

Но наличие в законодательстве страны только отсылочной нормы, аналогичной той, которая сформулирована в первом предложении ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, может привести к неэффективной реализации норм международного права. Не исключается ситуация, когда государственный орган, соблюдая, исполняя, используя и применяя комплексные правовые нормы, будет руководствоваться соответствующими правилами исключительно для восполнения пробелов в национальной системе права, т.е. при отсутствии внутригосударственного национально-правового регулирования тех или иных отношений. Также нельзя исключать, что в случае наличия только такой категории отсылочной нормы правоприменитель, при возникновении коллизии между внутригосударственно-правовым положением (содержащимся в источнике национального права) и международно-правовым положением, последует широко известному принципу приоритета применения, включающему, в частности, правила - закон поздний отменяет закон ранний, закон специальный отменяет закон общий.

Примером является правовая система Соединенных Штатов Америки, в Конституции которой было только провозглашено, что "настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, изданные в ее исполнение, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, являются высшими законами страны, и судьи каждого штата обязываются к их исполнению, хотя бы в Конституции и законах штата встречались противоречивые постановления" [126. С. 36]. Судебная практика истолковала указанное положение таким образом, что федеральные законы США обладают равной юридической силой с международными договорами и, следовательно, в случае возникновения коллизии между федеральным законом и международным договором применяется общий принцип права: последующий закон отменяет закон предыдущий.

Поэтому включить в правовую систему государства международно-правовые положения еще недостаточно. Необходимо установить **правила юридической иерархии между положениями, содержащимися в источниках международного права, ставших частью правовой системы государства, и положениями, зафиксированными в источниках национального права**.

Отсылочные нормы, входящие во **вторую группу**, направлены именно на достижение указанной цели. Так, второе предложение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ предусматривает, что "если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора".

Конституция Грузии в п. 2. ст. 6 закрепила, что "законодательство Грузии соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права. Не противоречащие Конституции Грузии международные договоры или соглашения Грузии имеют преобладающую юридическую силу в отношении внутригосударственных нормативных актов" [57. Т. I. С. 725]. Согласно п. 3 ст. 4 Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 г., "международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона" [57. Т. II. С. 167].

Основное юридическое предназначение, функция данной категории отсылочных норм - указание государственным органам на порядок разрешения возможной коллизии между национально-правовыми и международно-правовыми положениями. Поэтому представляется возможным условно именовать данную категорию отсылочных норм - **процессуальными (процедурными)** отсылочными нормами.

Важно отметить, что закрепление в системе законодательства государства первой и второй категории отсылочных норм может являться залогом надлежащего исполнения таким государством его международно-правовых обязательств.

По источникам оформления вышеупомянутых отсылочных норм последние, как правило, предусматриваются в конституциях государств и законах.

В случае, если отсылочные нормы находят свое отражение в конституциях государств, такие нормы, как правило, распространяют свое действие на все отрасли внутригосударственного права государства.

ПРИМЕЧАНИЕ: Думается, что в отношении России нецелесообразно распространение отсылочных норм применительно к действию Особенной части Уголовного кодекса РФ, за исключением непосредственно предусматриваемых в Особенной части УК РФ случаях (ст. ст. 356, 357).

В свою очередь, если отсылочные нормы фиксируются в законах государства, то, естественно, такие нормы действуют только в сфере отношений, регулируемых таким законом.

Так, ст. 7 ГК РФ включила в правовую систему РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, касающиеся отношений, попадающих под регулирование гражданского законодательства.

В силу ст. 2 Федерального закона "О радиационной безопасности населения", "общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в области обеспечения радиационной безопасности являются в соответствии с Конституцией Российской Федерацией составной частью правовой системы Российской Федерации. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации в области радиационной безопасности, применяются правила международного договора".

Механизм закрепления отсылочных норм в законах Российской Федерации позволяет сформулировать некоторые сложившиеся к настоящему времени закономерности.

Не все законы Российской Федерации предусматривают первую категорию отсылочных норм.

Семейный кодекс РФ в ст. 6 закрепляет исключительно вторую категорию отсылочных норм - "если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора".

По своим юридическим последствиям для правовой системы государства вторая категория отсылочных норм полностью охватывает последствия действия первой категории отсылочных норм. Поэтому государственные органы, частные лица в сфере отношений, регулируемых семейным законодательством, должны не только применять положения, предусматриваемые в международных договорах РФ, но и реализовывать положения международных договоров в иных формах, а также применять положения таких договоров с целью восполнения пробелов в правовом регулировании указанных выше социальных отношений. Судебная практика полностью подтверждает данный вывод.

Согласно ст. 24 Закона Брянской области "О профилактике правонарушений в Брянской области" не допускается нахождение детей и подростков в возрасте до 14 лет на улицах, в дворах, парках и других общественных местах без сопровождения родителей или лиц, их заменяющих, с 22 до 6 часов утра в период учебного года и с 23 до 6 часов утра во время летних каникул; кроме того, предусмотрено, что органы внутренних дел вправе доставлять в дежурные части несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, находящихся в указанное время в общественных местах без сопровождения родителей или лиц, их заменяющих, с немедленным уведомлением их об этом, а в случае неустановления в течение 3 часов личности доставленных детей или места жительства их родителей подростки помещаются в центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей при УВД или детские приюты при центрах социальной защиты населения по месту жительства; за несоблюдение установленных временных ограничений пребывания детей на улицах и в общественных местах установлена ответственность родителей или лиц, их замещающих, в размере 1/3 минимального размера оплаты труда. Прокурор Брянской области обратился в суд с заявлением о признании данной нормы Закона недействительной, указывая, что она противоречит Конституции РФ и федеральному законодательству. Решением Брянского областного суда от 26 октября 1998 г. заявление прокурора удовлетворено. Оставляя без изменения указанное решение, Верховный Суд РФ для аргументации позиции обратился к нормам международного права, действующим в соответствующей сфере межгосударственных отношений.

Так, в **Определении от 15 декабря 1999 г. по делу N 83-Г98-4** Суд отметил, что "установленное областным Законом ограничение прав несовершеннолетних противоречит и Федеральному закону "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации", согласно которому ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, Семейным кодексом РФ и др. нормативными правовыми актами Российской Федерации. Согласно Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.89, "во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка; задержание ребенка осуществляется только согласно закону и используется лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени" (ст. 3, ст. 37). Следовательно, исходя и из этих норм международного права установленный областным Законом порядок ограничения прав детей, задержания их и помещения в центр временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей при УВД или детские приюты без указания срока пребывания и лишь только за появление в общественных местах нарушает права ребенка и свидетельствует об отсутствии особой заботы о детях, провозглашенной Организацией Объединенных Наций во Всеобщей декларации прав человека. Таким

образом, вывод суда о незаконности ст. 24 оспариваемого прокурором областного Закона является правильным, а судебное решение об удовлетворении заявленного им требования - законным и обоснованным". (Судебный документ опубликован не был.)

Некоторые законы РФ, предусматривая вторую категорию отсылочных норм, по-разному регулируют вопрос разрешения возникающих коллизий.

Так, часть законов предусматривает иерархический приоритет правил международного договора РФ, противоречащих нормам, содержащимся в соответствующем законодательстве.

Статья 7 ГК РФ определяет, что "если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским **законодательством**, применяются правила международного договора".

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в п. 2 ст. 1.1 указывает, что "если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные **законодательством** об административных правонарушениях, то применяются правила международного договора". Причем в "**законодательство об административных правонарушениях**" включается: Кодекс РФ об административных правонарушениях, законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (п. 1 ст. 1.1).

Трудовой кодекс РФ также обращает наше внимание на то, что "если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные **законами и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права**, применяются правила международного договора".

Ряд законов, закрепляющих вторую категорию отсылочных норм, определяет порядок разрешения коллизий исключительно с законом, предусмотревшим такую отсылочную норму.

Так, согласно ст. 3 Лесного кодекса РФ, "если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены **настоящим Кодексом**, применяются правила международного договора".

Водный кодекс РФ (в ред. от 04.12.2007) предусмотрел аналогичное положение: "если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные **настоящим Кодексом**, то применяются правила международного договора".

Объем понятия "**законодательство**" как в Лесном кодексе, так и Водном кодексе охватывает не только соответствующие кодексы, но и иные нормативно-правовые акты, принимаемые как на федеральном, так и на уровне субъектов РФ.

Буквальное толкование вышеуказанных отсылочных норм может нас привести к выводу, что иерархическим приоритетом пользуются международные договоры РФ, содержащие иные положения, чем Кодексы. В свою очередь, такой приоритет, следуя допустимому толкованию, не предоставляется в отношении иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения, к примеру, в области использования охраны лесов или водных объектов. Однако такое толкование может привести к ситуации, не совместимой с нормами Конституции РФ. Поэтому в случае возникновения коллизии между положением международного права, ставшим частью правовой системы страны, и положением, предусматриваемым в иных источниках лесного и водного законодательства, нежели вышеупомянутые Кодексы, государственный орган должен руководствоваться в том числе ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, разрешив возникшую коллизию согласно принципам, рассматриваемым в **Лекции 4** настоящего Курса.

Ряд законодательных актов содержит отсылки к иным элементам международной нормативной системы [71. С. 17 - 26], нежели общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры.

В силу п. 2 ст. 70 ФЗ "О связи" "порядок расчетов между операторами международной электросвязи устанавливается на основе международных эксплуатационных соглашений и с учетом рекомендаций международных организаций электросвязи, участником которых является Российская Федерация".

Пункт 4 ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ предусмотрел, что "рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей".

В силу ст. 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней": "Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает **ipso facto** и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступлений в действие в отношении Российской Федерации". Благодаря вышеупомянутому положению Закона в правовую систему были включены определенные судебные акты, принятые Европейским судом по правам человека.

Современное международное право и, в частности, принцип суверенного равенства государств

предоставляет возможность любому государству самостоятельно формировать свою правовую систему с учетом действующих для данного государства норм международного права. Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 провозгласила частью правовой системы России только международные договоры РФ и общепризнанные нормы международного права. Однако данный нормативный правовой акт не запретил вводить в правовую систему России иные элементы международной нормативной системы. В полном соответствии с международным правом и Конституцией РФ указанные выше законодательные акты провозгласили частью правовой системы Российской Федерации рекомендации, декларации, принятые в рамках международных организаций, действующих в определенной сфере, а также постановления Европейского суда по правам человека, вынесенные в отношении Российской Федерации (см. подробнее **Лекцию 4**).

Рассматривая вопрос закрепления отсылочных норм в законодательстве государства, следует обратить внимание на то, что некоторые законодательные акты, упоминающие нормы международного права, содержат формулировки, которые не являются по своей сути отсылочными нормами.

ПРИМЕЧАНИЕ: На это обстоятельство также обращает внимание **С.Ю. Марочкин**, подчеркивающий, что "не всякое упоминание в законе норм МП (международного права) является отсылкой, т.е. юридическим основанием их внутригосударственного действия" [80. С. 91].

Так, в силу п. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ "настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права".

Согласно ст. 6 ФЗ "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" "законодательство Российской Федерации в области отношений с соотечественниками основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и состоит из Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, настоящего Федерального закона и принятых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом других федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации".

ФЗ "О беженцах" в преамбуле закрепил, что "настоящий Федеральный закон определяет основания и порядок признания беженцем на территории Российской Федерации, устанавливает экономические, социальные и правовые гарантии защиты прав и законных интересов беженцев в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормах международного права и международными договорами Российской Федерации".

Аналогичное положение содержит преамбула к ФЗ "О вынужденных переселенцах".

Следует четко иметь в виду, что данные положения не включают нормы международного права в правовую систему, а констатируют факт наличия в регулируемой сфере общественных отношений соответствия норм внутригосударственного права нормам международного права. **Речь идет о закреплении юридической презумпции соответствия норм международного и внутригосударственного права в определенной сфере общественных отношений.** Данную презумпцию необходимо учитывать при осуществлении толкования внутригосударственных правовых норм. Так, при толковании международно-правовых положений, ставших частью правовой системы страны, либо внутригосударственных правовых норм органы государства должны исходить из того, что отсутствуют какие-либо коллизии между национально-правовыми и международно-правовыми положениями. Однако при наличии достаточных оснований государственный орган, включая суд, вправе опровергнуть вышеупомянутую презумпцию, заявив о наличии коллизии, которая должна быть разрешена. Представляется, что наличие вышеупомянутой юридической презумпции имеет позитивное значение для реализации как международно-правовых положений, вошедших в правовую систему страны, так и национального права.

Ссылки в законодательных актах Российской Федерации на нормы международного права в ряде случаев являются противоречивыми, не соответствующими Конституции РФ, носящими алогичный, несистемный характер.

В нарушение Конституции РФ часть нормативных актов провозглашает нормы международного права не частью правовой системы государства, а частью законодательства.

ФКЗ "О референдуме Российской Федерации" в ст. 3 установил, что "законодательство Российской Федерации о референдуме составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный конституционный закон, другие федеральные конституционные законы, Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, другие федеральные законы".

В силу уже упоминавшейся ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ "общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство...".

Как неоднократно подчеркивалось, нормы международного права по объективным условиям не

могут стать не только частью национального права, но и законодательства государства.

ФЗ "О континентальном шельфе", установив, что статус континентального шельфа, осуществление юрисдикции и суверенных прав в пределах данного пространства определяется Законом в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ, в преамбуле закрепил: "Вопросы, относящиеся к континентальному шельфу Российской Федерации и деятельности на нем, не предусмотренные настоящим Федеральным законом, регулируются другими федеральными законами, применимыми к континентальному шельфу Российской Федерации" (Собрание законодательства РФ. 1995. N 49. Ст. 4694). Следуя буквальному толкованию, можно прийти к выводу, что Закон запрещает использовать государственным органам Российской Федерации международно-правовые положения, ставшие частью правовой системы России, в качестве средства восполнения пробелов в соответствующей сфере национально-правового регулирования. Представляется, что такая интерпретация преамбулы вышеуказанного Закона будет противоречить духу и смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Некоторые законодательные акты необоснованно сужают сферу действия международно-правовых положений во внутрисударственных отношениях, и, в частности, речь идет о необоснованном ограничении иерархического приоритета положений, закрепленных в источниках международного права, в отношении норм, содержащихся в национальном законодательстве.

ФЗ "О геодезии и картографии" в п. 1 ст. 2 предусмотрел, что "правовое регулирование в области геодезической и картографической деятельности осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации". В п. 2 данной статьи Закона предусматривается, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ в области геодезической и картографической деятельности являются составной частью правовой системы России. Однако приоритет в применении правилам, содержащимся в международном договоре РФ, предоставляется исключительно перед нормами, закрепленными в Федеральном законе "О геодезии и картографии".

В некоторых законах РФ употребляется словосочетание **"с учетом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации"**. Представляется, что ссылка на нормы международного права таким образом имеет в одном случае **позитивный**, а в другом - **негативный** аспект взаимодействия международного и внутрисударственного права.

Примером **позитивного аспекта** может служить, в частности, п. 1 ст. 22 ФЗ "О статусе военнослужащих", согласно которому "судопроизводство по делам с участием военнослужащих, проходящих службу на территории Российской Федерации, осуществляется в соответствии с федеральными законами, а военнослужащих, проходящих военную службу за пределами территории Российской Федерации, кроме того, с учетом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации".

Данное положение Закона по своей правовой сути является отсылочной нормой, которая обязывает государственные органы, осуществляющие судопроизводство в отношении военнослужащих, проходящих военную службу за пределами России, применять соответствующие положения международного права, ставшие частью правовой системы России. Причем нельзя не обратить внимания на то, что законодатель в данном случае обязывает применять положения международного права независимо от того, существует коллизия с законом либо нет.

Примером **негативного аспекта** вышеупомянутого словосочетания может служить п. 3 ст. 60 ФЗ "Об охране окружающей среды", в соответствии с которым "ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации и транзитная перевозка через Российскую Федерацию, а также оборот редких и находящихся под угрозой исчезновения растений, животных и других организмов, их особо ценных видов, в том числе растений, животных и других организмов, подпадающих под действие международных договоров Российской Федерации, регулируется законодательством Российской Федерации с учетом общепризнанных принципов и норм международного права".

Иными словами, с точки зрения законодателя, международно-правовые положения в регулируемой сфере общественных отношений действовать не должны. Можно предположить, что это является случаем необоснованного ограничения действия международного права в сфере внутрисударственных отношений.

Следует отметить, что закрепление отсылочных норм в законах РФ необходимо для того, чтобы показать специфику общественных отношений, регулируемых данным законом, а также особенности взаимодействия норм международного и внутрисударственного права в регулируемой сфере.

Проанализировав закрепление отсылочных норм в некоторых законодательных актах РФ, необходимо подчеркнуть, что указанные нормы должны реализовываться, в том числе толковаться, государственными органами РФ, включая суды РФ, в свете ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Важно отметить, что вышеупомянутые методы национально-правовой имплементации (внутрисударственное правотворчество и инкорпорационная отсылка) тесно связаны друг с другом.

Причем если метод внутригосударственного правотворчества может самостоятельно реализовываться, то метод инкорпорационной отсылки для своего осуществления требует наличия отсылочных норм, которые, в свою очередь, являются следствием общей правотворческой деятельности государства.

Необходимо подчеркнуть, что наличие в законодательстве отсылочных норм к международному праву является одним из необходимых условий для возможности реализации в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых положений. Обращаясь к международному праву, правоприменитель всегда должен сослаться на норму национального права, позволяющую осуществить такое обращение.

2.3. Толкование правовых норм

Действующее законодательство, межгосударственная и внутригосударственная практика позволяют говорить по крайней мере еще об одном методе обеспечения реализации положений международного права в сфере внутригосударственных отношений - толковании норм национального права с учетом норм международного права, а также толковании международно-правовых положений, ставших частью правовой системы государства.

В отечественной доктрине международного права справедливо утверждается, что толкование характерно не только для стадии нормообразования, но и для стадии реализации правовых норм [73. С. 605].

Нормотворческая деятельность государства, связанная с обеспечением реализации государством его международно-правовых обязательств, не всегда способна отразить суть тех норм международного права, во исполнение которых или параллельно с которыми принимаются нормы национального права (см. **Таблицу 2**).

Таблица 2. Сопоставление (наличие, отсутствие) критериев "наемника" по ст. 359 УК РФ и ст. 47 Дополнительного протокола N 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. <*>

Критерии	Ст. 359 УК РФ	Ст. 47 Дополнительного протокола N 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г.
нахождение в составе вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте	отсутствует	присутствует
размер материального вознаграждения, обещанного или выплачиваемого наемнику, должен существенно превышать вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящих в личный состав вооруженных сил	отсутствует	присутствует

данной стороны		
наемником не может быть лицо, если оно послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил	отсутствует	присутствует

<*> См. подробнее: Егоров С.А. Вооруженные конфликты и международное право. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2003; Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. М.: Международный комитет Красного Креста, 1997; Международное право. Ведение боевых действий: Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М.: Международный комитет Красного Креста, 1995.

Простое сопоставление указанных выше понятий дает нам возможность прийти к выводу, что объем понятия "наемник" по УК РФ намного шире, чем объем данного понятия, содержащегося в источнике международного права, ставшем обязательным для Российской Федерации. Так, в частности, Протокол подчеркивает, что наемник не должен входить в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, в свою очередь, УК РФ умалчивает о данном критерии. Во-вторых, УК РФ в отличие от Протокола не определяет, что размер материального вознаграждения, обещанного или выплачиваемого наемнику, должен существенно превышать вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны. В-третьих, Протокол обращает внимание на то, что наемником не может быть лицо, если оно послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил. УК РФ говорит о любом лице, выполняющем официальные функции, независимо от того, кто наделил соответствующее лицо функциями, входит это лицо в состав вооруженных сил государства, которое послало это лицо для осуществления этих функций, является ли это государство стороной в вооруженном конфликте и т.д. В связи с этим в интересах лица, обвиняемого в наемничестве, правоохранительные органы России должны истолковать понятие "наемника" не только в свете УК РФ, но и прежде всего в соответствии с духом и содержанием соответствующего источника международного права, ставшего частью правовой системы РФ.

Более того, создание правовых норм с целью реализации норм международного права не всегда способствует достижению этой цели. Поэтому больше внимания необходимо уделять именно процедуре толкования как правовых норм, принятых государством в порядке осуществления внутригосударственного правотворчества, так и комплексных норм, образованных в рамках правовой системы благодаря действию отсылочных норм к международному праву. Все вышеуказанное свидетельствует о необходимости выделения толкования в качестве самостоятельного метода национально-правовой имплементации, который, в свою очередь, тесно связан как с методом внутригосударственного правотворчества, так и с методом инкорпорационной отсылки.

Известно, что в любой правовой системе важно не только создать правовую норму, но и обеспечить ее реализацию.

Толкование имеет особое значение для применения правовых норм судебными и арбитражными органами, действующими как на международном, так и национальном уровнях.

В отличие от ранее рассмотренных нами методов национально-правовой имплементации, особенность данного метода заключается в том, что субъекты внутригосударственного права участвуют в реализации и, следовательно, в толковании уже созданных национально-правовых норм и/или положений, вошедших в правовую систему государства благодаря отсылочным нормам к

международному праву.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть в рамках Курса особенности толкования внутригосударственных норм с учетом международно-правовых положений, а также особенности толкования международно-правовых положений, ставших частью правовой системы страны благодаря действию отсылочных норм.

2.3.1. Толкование норм национального права с учетом международно-правовых положений

Целью толкования любой правовой нормы является выяснение смысла и содержания соответствующих правовых норм, терминов, в которых нашла отражение соответствующая правовая норма. В свою очередь, правовая норма представляет собой идеальную модель общественного отношения.

Надлежащим образом истолковать правовую норму значит определить не только структуру конкретной нормы (гипотезу, диспозицию и санкцию), но и основные элементы регулируемой нормой социальной отношения, которые находят, в свою очередь, закрепление в структуре соответствующей правовой нормы.

Отечественная доктрина теории государства и права относит к основным элементам правоотношения - субъект, объект, субъективные права и обязанности, а также юридические факты [2. С. 68; 132. С. 697 - 714; 157. С. 41 - 43].

Субъектом правоотношения является лицо, обладающее согласно действующему праву правоспособностью. **Субъективное право и обязанность** представляют собой меру возможного и должного поведения субъекта права. **Объект правоотношения** - различные блага, которые стремятся получить управомоченные субъекты, это состояния, которых они стремятся достичь, это то поведение, которого они ждут от обязанных субъектов и т.д.

Теория права на современном этапе говорит о многоаспектности объективного содержания правоотношений. Это предметы материального мира, объекты духовной жизни (например, личные неимущественные права, в том числе на объекты интеллектуальной собственности). Сюда же относятся и требуемое поведение субъектов, и результат этого поведения [18. С. 482]. **Юридическими фактами** являются такие факты (жизненные обстоятельства), с которыми право связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

В случае, когда международно-правовые положения, ставшие обязательными для государства, содержат иное содержание понятий, терминов, чем предусматриваемое в источниках национального права, то субъект права, принимающий участие в реализации национально-правовых норм, не просто имеет право, а обязан обратиться к содержанию соответствующих положений международного права. При осуществлении толкования внутригосударственных правовых норм, при раскрытии содержания тех или иных юридических терминов (понятий), необходимо учитывать нормативное содержание аналогичных терминов и понятий, существующих в международно-правовых положениях.

Так, например, в вышеприведенной ситуации, касающейся разночтений в определении понятия **"наемник"**, предусматриваемого в УК РФ и нормах международного права, государство в лице своих органов обязано привлекать к уголовной ответственности субъекта, одновременно отвечающего критериям, закрепленным как в УК РФ, так и в источниках международного права, ставших обязательными для России. Более того, критерии, указанные в УК РФ применительно к понятию "наемник", должны истолковываться в свете критериев, определенных в нормах международного права. В дополнение к критериям, непосредственно предусмотренным в ст. 359 УК РФ, государство должно использовать для надлежащего определения субъекта (наемник) возникших отношений следующие критерии: лицо должно быть завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; лицо должно непосредственно принимать участие в вооруженном конфликте; размер материального вознаграждения должен существенно превышать вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны, участвующей в вооруженном конфликте. Критерий, указанный в ст. 359 УК РФ и касающийся исполнения официальных обязанностей, должен быть истолкован таким образом, что лицо не будет считаться наемником, если оно (такое лицо) послано государством, не являющимся стороной в вооруженном конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав вооруженных сил такого государства. Под "вооруженным конфликтом (боевыми действиями)", упомянутым в ст. 359 УК РФ, должен пониматься вооруженный конфликт международного характера, т.е. конфликт, возникший между государствами. Поэтому в интересах лица, привлекаемого к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного в ст. 359 УК РФ, истолковать понятие **"наемник"** с учетом международно-правовых обязательств Российской Федерации.

Таким образом, осуществляя толкование и, следовательно, применяя норму внутригосударственного права с учетом норм международного права, правоприменительный орган

способствует тому, чтобы государство реализовало надлежащим образом соответствующие нормы международного права.

ПРИМЕЧАНИЕ: Дж. Карье отмечает, что судебные инстанции Канады при толковании имплементационного законодательства (законодательства, принятого для имплементации норм международных договоров) с целью избежания коллизий непосредственно принимают во внимание положения, содержащиеся в международном договоре (**Currie John H. Public International Law. Ontario: Irwin Law Inc., 2001. P. 218**). Так, в частности, при рассмотрении одного из дел Трибунал Канады по импорту при толковании ст. 42 Закона о специальных мерах по импорту 1985 г. обратился к положениям, предусмотренным в Генеральном Соглашении по тарифам и торговле 1949 г. Верховный Суд Канады по данному делу подчеркнул, что "при толковании законодательства, которое было принято с целью имплементации международных обязательств, как в рассматриваемом деле, для Трибунала разумно оценить внутригосударственное право в контексте соответствующего соглашения для устранения любой неясности. Действительно, если текст национального закона допускает вышеупомянутую неясность, то следует постараться осуществить такое толкование, которое бы соответствовало международным обязательствам". Причем некоторые судьи утверждали, что обращение к нормам международного права при толковании национального законодательства допустимо не только в случаях возникновения двусмысленности в отношении внутригосударственного нормативного акта, но и с целью обнаружения такой двусмысленности. То есть обращаться к международному праву необходимо с самого начала правоприменения соответствующего имплементационного законодательства [175. С. 218 - 219]. Как подчеркивает автор, данная тенденция свидетельствует об определенном отходе судебной системы Канады от трансформационной модели рецепции.

Применительно к правовой системе РФ судебная практика свидетельствует, что суды при толковании норм внутреннего права обращаются к источникам международного права.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 28.10.2005 слушание уголовного дела в отношении Е. по кассационным жалобам и представлению сторон на приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска от 12.09.2005 отложено на 22.11.2005, а мера пресечения Е. по ходатайству прокурора продлена на три месяца, т.е. до 26.01.2006. Данное определение обжаловано в кассационном порядке. Заседание суда кассационной инстанции - Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ назначено на 17.01.2006. В Верховный Суд РФ обратился потерпевший по делу в отношении Е. - Л. с просьбой перенести рассмотрение дела в связи с его выездом и командировкой его представителя адвоката Машкиной, поскольку они желают участвовать в рассмотрении дела. Обсудив указанное ходатайство с учетом материалов дела, Судебная коллегия, руководствуясь, в частности, нормами международного права, отказала в удовлетворении указанного ходатайства.

В Определении от 17 января 2006 г. по делу N 66-о05-151 Суд подчеркнул, что "в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 376 УПК РФ неявка лиц, своевременно извещенных о дате, времени и месте заседания суда кассационной инстанции, не препятствует рассмотрению уголовного дела. Как видно из материалов дела, потерпевший Л. и представитель - адвокат Т.И. Машкина были 19.12.2005 телеграммами извещены о слушании дела в кассационной инстанции, а потому их неявка 17.01.2006 в судебное заседание не может препятствовать рассмотрению дела или влечь отложение его слушания с целью обеспечить их явку. Признавая при таких обстоятельствах возможность рассмотрения в судебном заседании кассационной жалобы защитников на определение суда о продлении осужденному сроку содержания под стражей, Судебная коллегия учитывает, что в соответствии со ст. ст. 108, 109 УПК РФ участие потерпевшего в рассмотрении вопросов об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении сроков содержания под стражей не предусмотрено и, следовательно, не может быть признано обязательным на судебных стадиях рассмотрения дела в силу выявленного Конституционным Судом РФ (Постановление от 22.03.2005 N 4-П) единства принципов судебной процедуры избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения или продления срока его действия на любом этапе уголовного судопроизводства.

Отказывая в отложении слушания дела, Судебная коллегия принимает во внимание гарантированный потерпевшему ст. 52 Конституции Российской Федерации доступ к правосудию и предусмотренную Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (ст. 6) необходимость обеспечения для жертв преступлений возможность изложения и рассмотрения их мнений и пожеланий на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия. В данном случае решение об отложении слушания дела, как об этом просит потерпевший, не может быть принято без ущерба для содержащегося под стражей осужденного, которому ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющейся частью правовой системы Российской Федерации, гарантировано право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение. Не основанное на положениях закона отложение слушания дела не только препятствует соблюдению разумного срока

рассмотрения вопроса о содержании лица под стражей, но и ставит под сомнение гарантии осуществления правосудия в кассационной инстанции, призванной обеспечивать эффективное восстановление в правах в случаях, когда ошибка допущена нижестоящим судом. В то же время по данному делу обеспечен судом и использован потерпевшей стороной механизм выражения мнения жертвы преступления и доведения этого мнения до сведения суда, предусмотренный ст. 358 и ч. 2 ст. 359 УПК РФ (ред. от 06.12.2007). Потерпевший и его представитель были уведомлены о принятом кассационной инстанцией Иркутского областного суда решении о продлении срока содержания под стражей осужденному, о поданной на это определение кассационной жалобе, а также об их праве представить возражения по указанным вопросам. Это право было реализовано представителем потерпевшего адвокатом Т.И. Машкиной путем подачи возражений в письменном виде. Таким образом, позиция потерпевшей стороны, возражавшей против доводов кассационной жалобы защитников осужденного, была выражена, приобщена к делу и доведена до сведения суда второй инстанции. Принимая во внимание указанные мотивы, Судебная коллегия не находит оснований для удовлетворения ходатайства Л. и отложения слушания дела в связи с неявкой потерпевшего и его представителя". (Настоящий судебный документ опубликован не был. См. архив Верховного Суда РФ.)

Постановлением судьи Железнодорожного районного суда г. Орла от 16 марта 2005 г. жалоба М. на действия старшего следователя прокуратуры Железнодорожного района г. Орла К.В. Баранова и бездействие прокурора этой же прокуратуры В.И. Сорокина, рассмотренная в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, оставлена без удовлетворения. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 17 мая 2005 г. постановление судьи оставлено без изменения, а кассационная жалоба М. - без удовлетворения. Президиумом Орловского областного суда 27 октября 2005 г. указанные постановление и кассационное определение оставлены без изменения. В надзорной жалобе М., ссылаясь на неполноту судебного разбирательства, несоответствие отдельных выводов судьи, судебной коллегии и президиума положениям действующего законодательства, а также указывая, что его жалобу повторно рассматривал тот же судья, ранее принятое которым решение по его жалобе было отменено, поставил вопрос об отмене этих судебных решений.

Отменяя Постановление судьи Железнодорожного районного суда г. Орла от 16 марта 2005 г., кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 17 мая 2005 г. и Постановление президиума Орловского областного суда от 27 октября 2005 г. в отношении М. и передавая материалы на новое судебное рассмотрение в Железнодорожный районный суд г. Орла, Верховный Суд РФ в **Определении от 15 февраля 2006 г. по делу N 37-Д05-46** обратил внимание на следующие обстоятельства.

"В соответствии с ч. 1 ст. 63 УПК РФ судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в новом рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции в случае отмены вынесенного с его участием приговора, а также определения, постановления о прекращении уголовного дела. Указанные требования закона в полной мере распространяемы и на судебный порядок рассмотрения жалоб, предусмотренный ст. 125 УПК РФ. Как видно из проверенных материалов, 22 декабря 2004 г. жалоба М. была рассмотрена судьей Железнодорожного районного суда г. Орла Ю.А. Худовым, который вынес постановление об оставлении ее без удовлетворения. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 15 февраля 2005 г. по жалобе М. постановление судьи Худова было отменено как незаконное, и материал с жалобой М. направлен на новое рассмотрение в тот же суд... Жалоба М. была повторно рассмотрена тем же судьей, который вновь вынес Постановление от 16 марта 2005 г. об оставлении жалобы без удовлетворения. Судебная коллегия по уголовным делам Орловского областного суда своим определением от 17 мая 2005 г. оставила указанное постановление судьи от 16 марта 2005 г. без изменения, а жалобу М. - без удовлетворения. Президиум Орловского областного суда 27 октября 2005 г. оставил Постановление судьи от 16 марта 2005 г. и кассационное Определение от 17 мая 2005 г. без изменения, а жалобу М. - без удовлетворения, указав, что положения ст. 63 УПК РФ не допускают повторное участие судьи в рассмотрении конкретного уголовного дела лишь в случае отмены постановленного по существу предъявленного обвинения судебного решения. М. же обжаловалось в порядке ст. 125 УПК РФ производство отдельного следственного действия. Однако повторное участие одного и того же судьи в рассмотрении одной и той же жалобы на одни и те же действия (бездействие) следователя, прокурора после отмены вышестоящей судебной инстанцией первоначально вынесенного судебного решения не согласуется, как это следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. "По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края" с объективностью и беспристрастностью суда и противоречит конституционным положениям о независимом судебном контроле за обеспечением прав граждан в уголовном судопроизводстве, закрепленным в статьях 18, 46, 120 Конституции РФ, согласно которым права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием и каждому гарантируется их защита независимым судом. Из того же понимания статуса суда исходит и Международный пакт о гражданских и политических правах (п. 1 ст. 14), провозглашающий право

каждого на компетентный, независимый и беспристрастный суд. Решение Орловского областного суда о том, что один и тот же судья может участвовать в повторном рассмотрении жалобы в случае отмены первоначально состоявшегося решения, принятая без учета этих основных условий правосудия, что могло повлиять на правильность принятого решения". (Судебный документ опубликован не был.)

Объем некоторых понятий, используемых при регулировании внутрисударственных отношений, не определен в национальном законодательстве (см. **Таблицу 3**).

Таблица 3. Определение терминов, содержащихся в ст. 356 УК РФ с учетом норм международного права, являющихся обязательными для Российской Федерации, а также доктрины международного права

Термин, содержащийся в ст. 356 УК РФ	Нормативное содержание термина, предусматриваемое в источниках международного права (Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны, Дополнительного протокола N 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов), доктрины международного права
"оккупация"	временное пребывание воинских формирований на территории иностранного государства в условиях состояния войны между этим государством и государством принадлежности таких формирований, при котором прекращается эффективное осуществление власти правительством того государства, которому принадлежит занятая территория, а административная власть осуществляется в пределах, определенных международным правом, высшими командными инстанциями воинских формирований
"гражданское население"	гражданские лица, не принимающие никакого участия в военных действиях. К гражданским лицам не относятся: личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; личный состав ополчения и добровольческих отрядов, входящих в состав этих вооруженных сил; личный состав других ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления; личный состав регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных державой в плену Державой; население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы со вторгающимися войсками,

	не успев сформироваться в регулярные войска
"военнопленные"	относятся следующие категории лиц, попавшие во власть неприятельской стороны во время войны или вооруженного конфликта: личный состав вооруженных сил воюющей стороны; партизаны; личный состав ополчений и добровольческих отрядов; личный состав организованных движений сопротивления; некомбатанты, т.е. лица из состава вооруженных сил, не принимающие непосредственного участия в военных операциях, например военные врачи, юристы, корреспонденты, различный обслуживающий персонал; члены экипажей судов торгового флота и гражданской авиации; стихийно восставшее население, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны

Принимая во внимание, что в национальном законе отсутствует нормативное содержание вышеупомянутых понятий, государство в лице своих органов может осуществить толкование данных понятий с учетом соответствующих критериев и понятий, закрепленных в нормах международного права, и тем самым надлежащим образом обеспечить исполнение международно-правовых обязательств.

Важно отметить, что в рассматриваемом случае речь идет не о применении международно-правовых положений, ставших частью правовой системы государства, к отношениям с участием субъектов национального права. Здесь осуществляется процесс толкования понятий, содержащихся в источниках национального права, с учетом понятий, закрепленных в соответствующих источниках международного права. Государство в лице своих органов применяет норму национального права, а не международно-правовые положения. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что международно-правовые положения, ставшие обязательными для государства, используемые при толковании норм национального права, необязательно должны соответствовать определенным условиям, критериям, которые, в свою очередь, требуются для их непосредственного применения в сфере внутригосударственных отношений (к примеру, соответствующие положения международного права могут являться несамостоятельными). Если вследствие толкования национально-правовых норм с учетом положений, предусмотренных в международном договоре РФ, увеличивается объем обязанностей частного лица, то, руководствуясь смыслом и духом, в частности, ст. ст. 15, 55 Конституции РФ, такие международные договоры РФ должны быть официально опубликованы.

Черепков В.И. обратился в Верховный Суд РФ с жалобой о признании незаконным Указа Президента РФ от 11 декабря 1998 г. N 1561, которым в связи с прекращением полномочий мэра г. Владивостока в соответствии с п. 1 ст. 59 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", а также с учетом предложений руководителей местного самоуправления Приморского края и г. Владивостока губернатору Приморского края предписано до избрания в установленном порядке главы муниципального образования г. Владивостока назначить исполняющего обязанности мэра г. Владивостока.

Отказывая в удовлетворении требований заявителя, Верховный Суд РФ в **решении от 4 февраля 1999 г. по делу N ГКПИ98-801** обратил, в частности, внимание на то, что "местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации. Согласно ст. 8 Европейской хартии местного самоуправления (Европейская хартия местного самоуправления была официально опубликована в "Собрании законодательства РФ". N 36. за 1998 г., ст. 4466) ст. ст. 11, 71, 72, 80, 90 Конституции РФ Президент РФ как глава государства и гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина вправе и обязан осуществлять контроль за соблюдением федеральных законов, деятельностью органов местного самоуправления, регулировать и защищать права и свободы человека и гражданина, в том числе и право граждан на местное самоуправление. Как глава государства Президент РФ исполняет возложенные на него Конституцией РФ задачи не только лично, но и через деятельность других органов государственной власти. В г. Владивостоке на протяжении длительного времени не проводились выборы главы органа местного самоуправления. Полномочия мэра г.

Владивостока В.И. Черепкова истекли 5 июля 1998 г., при таких обстоятельствах Президент РФ издал Указ 11 декабря 1998 г. N 1561, которым констатировал прекращение полномочий мэра г. Владивостока, и с целью легитимизации главы местного самоуправления предложил губернатору Приморского края до избрания в установленном порядке главы муниципального образования назначить исполняющего обязанности мэра г. Владивостока". (Судебный документ опубликован не был.)

Толкование внутригосударственных норм с учетом международно-правовых положений, ставших обязательными для Российской Федерации, осуществляется не только судами общей юрисдикции, арбитражными судами Российской Федерации. Рассматриваемое толкование должно осуществляться в пределах предоставленной компетенции любым органом государственной, муниципальной власти.

Одним из органов, активно толкующих нормы национального законодательства с учетом международно-правовых положений, является **Конституционный Суд РФ**.

Конституционный Суд РФ наделен довольно широкой компетенцией. К примеру, как предусматривается в ст. 3 Закона о Конституционном Суде РФ, "в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и граждан, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации Конституционный Суд РФ разрешает дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ; конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ; договоров между органами государственной власти Российской Федерации и субъекта РФ; не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации" (ст. 3 ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации").

Как видно, одной из важнейших функций Конституционного Суда РФ является разрешение дел о соответствии Конституции РФ иных нормативных правовых актов, изданных федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Федерации, а также международных договоров РФ, не вступивших в законную силу [141. С. 98 - 104].

Особенностью рассмотрения данных дел является то, что Конституционный Суд РФ оценивает внутригосударственный нормативно-правовой акт исключительно с точки зрения его соответствия конституционным положениям. Суд не осуществляет контроля за соответствием действующего российского законодательства международно-правовым нормам. Он также не проверяет соответствие обязательных для Российской Федерации норм международного права Конституции РФ.

В Определении от 18 апреля 2000 г. по жалобе гражданина М.Л. Пинхасика на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 2.1 Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" (ред. от 01.07.2005) Суд указал: "В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., под термином "жертвы" также понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека".

Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы гр. В.В. Щенникова на нарушение его конституционных прав ч. 2 и 3 ст. 276, ч. 1 ст. 277 и п. 2 ч. 1 ст. 286 УПК РСФСР, Конституционный Суд РФ в Определении от 27 октября 2000 г. подчеркнул, что "суды при истолковании и применении п. 2 ч. 1 ст. 286 УПК РСФСР должны учитывать, что в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод одним из обязательных условий справедливого судебного разбирательства является право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или требовать, чтобы эти свидетели были допрошены. Принятие судом решения вопреки указанным международно-правовым нормам служит для гражданина, полагающего, что его права и свободы были нарушены, основанием для обращения в вышестоящие судебные инстанции, а при исчерпании всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты - в соответствующие межгосударственные органы, как это предусмотрено Конституцией РФ".

Следует подчеркнуть, что государственные органы вправе при толковании норм национального права принимать во внимание только те положения международного права, которые стали обязательными для государства.

ПРИМЕЧАНИЕ: При осуществлении внутригосударственного правотворчества органы государства могут принимать во внимание международно-правовые положения, которые не стали обязательными для данного государства.

В практике Конституционного Суда РФ были случаи, когда Суд при толковании конституционных положений учитывал нормы международного права, не являющиеся обязательными для России.

Так, по делу от 6 июля 2000 г., касающемуся жалобы гражданина Паршуткина В.В. на нарушение его конституционных прав и свобод п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре

РСФСР, Суд использовал Кодекс поведения для юристов в Европейском Сообществе, принятый 28 октября 1988 г. Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в Страсбурге (Российская газета. 2000. 3 августа). Как известно, нормы, принимаемые в рамках Европейских Сообществ, в настоящее время не являются обязательными для Российской Федерации и, следовательно, правоприменительные органы РФ не должны ими руководствоваться.

При толковании норм внутригосударственного права с учетом международно-правовых положений необходимо принимать во внимание и то, как "учитываемые" положения международного права толкуются в сфере межгосударственных отношений. Национальный суд должен принимать во внимание правовые позиции (прецеденты толкования), которые были созданы международными институтами (например, судами, арбитражами) вследствие применения последними соответствующих положений международного права.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" было обращено внимание, что "при разрешении споров о защите чести и достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (ст. 152 ГК РФ), но и в силу ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации".

В Определении от 21 мая 2004 г. по делу N 49-Г04-48 Верховный Суд РФ, признав правомерным решение нижестоящего суда о ликвидации организации, подчеркнул, что "представленное в судебном решении понимание образования соответствует правовой позиции Европейского суда по правам человека, согласно которой образование рассматривается как непрерывный процесс обучения. В подтверждение следует привести решение Европейского суда по правам человека по делу **Кэмпбелл и Козанс против Соединенного Королевства**".

В рассматриваемом случае суд первой инстанции определил термин "**образование**", содержащийся в источнике национального права, с учетом прецедентов толкования, созданных Европейским судом по правам человека в ходе применения статьи 2 Протокола N 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В силу ст. 2 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод "никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при осуществлении функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и такое обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям". Нельзя не отметить, что когда речь идет о вмешательстве в субъективные права человека, то такое вмешательство должно быть не только законным, но и необходимым. Решение Суда о ликвидации организации, безусловно, является формой вмешательства в право на свободу ассоциаций и объединений (ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Поэтому решение Суда должно быть не только законным во всех отношениях, но и необходимым, т.е. в судебном решении требуется представить аргументы, почему необходимо было ликвидировать данную организацию, в защиту каких интересов осуществлялось такое вмешательство. Более того, представляется, что в рассматриваемом случае Суд первой инстанции должен был руководствоваться не столько правовыми позициями применительно к ст. 2 Протокола N 1 к вышеупомянутой Конвенции (право на образование), сколько ст. 11 данной Конвенции (свобода собраний, ассоциаций).

Щ. осужден за бандитизм, разбойные нападения организованной группой, за убийство Н., совершенное организованной группой, сопряженное с разбоем и бандитизмом, за незаконные приобретение, передачу, хранение огнестрельного оружия и боеприпасов. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательно назначено 14 лет лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2002 г. приговор в части осуждения Щ. по ч. 2 ст. 325 УК РФ отменен и дело в этой части прекращено на основании п. 3 ст. 5 УПК РСФСР, в остальном приговор оставлен без изменения. В надзорной жалобе осужденного Щ. поставлен вопрос об отмене состоявшихся по делу судебных решений в связи с рассмотрением дела незаконным составом суда.

Оставляя надзорную жалобу без удовлетворения, Верховный Суд РФ при вынесении **Постановления от 31 мая 2006 г. по делу N 208-П06** для аргументации своей позиции обратился к прецедентам толкования, выработанным Европейским судом по правам человека. Так, в частности, Верховный Суд РФ указал, что "в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 381 УПК РФ постановление приговора незаконным составом суда является в любом случае основанием отмены судебного решения. По смыслу

уголовно-процессуального закона во взаимосвязи с решениями Европейского суда по правам человека (дело N 31657/96, *Buscarini v. San Marino*, 4 мая 2000 г.; жалоба N 63486/00, *Посохов против России*, 4 марта 2003 г.), обязательными для Российской Федерации в связи с признанием юрисдикции Европейского суда по вопросам применения и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод, термины "законный состав суда" и "суд, созданный на основании закона" относятся и к регламентации самого существования суда в силу закона и к законности состава суда, рассматривающего конкретное судебное дело. По данному делу правовых оснований, позволяющих сделать вывод о том, что приговор постановлен незаконным составом суда, не имеется. Приговор в отношении Щ. был постановлен 2 апреля 2001 г. Челябинским областным судом в составе судьи А.Д. Семака и народных заседателей А.Б. Лапина и С.М. Пастуховой. Народные заседатели А.Б. Лапин и С.М. Пастухова к участию в отправлении правосудия были привлечены в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 января 2000 г., которым срок полномочий ранее назначенных заседателей судов общей юрисдикции был продлен до утверждения списков народных заседателей законодательным органом субъекта Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 90 Конституции Российской Федерации указы и распоряжения Президента РФ обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации. При таких обстоятельствах правовые основания участия народных заседателей А.Б. Лапина и С.М. Пастуховой в отправлении правосудия не вызывают сомнений. Согласно ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 2 января 2000 г. "О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации", введенного в действие с 10 января 2000 г., народные заседатели привлекаются к исполнению своих обязанностей в гарнизонном военном суде, верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде, Верховном Суде Российской Федерации на срок рассмотрения конкретного дела. При этом, согласно ч. 3 названной статьи народные заседатели к исполнению своих обязанностей привлекаются не чаще одного раза в год. Народные заседатели А.Б. Лапин и С.М. Пастухова до рассмотрения уголовного дела в отношении Щ. принимали участие в рассмотрении уголовного дела в отношении Д.О. Чапарова, С.В. Мотовиловой и Е.В. Танеева, приговор в отношении которых был постановлен 8 февраля 2001 г. В соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона "О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" народными заседателями являются лица, наделенные в порядке, установленном данным Федеральным законом и федеральными процессуальными законами, полномочиями по осуществлению правосудия по гражданским и уголовным делам в составе суда и исполняющие обязанности судей на непрофессиональной основе. Народные заседатели А.Б. Лапин и С.М. Пастухова полномочиями по отправлению правосудия были наделены Законом "О судостроительстве РСФСР" от 8 июля 1981 г. Названные полномочия были продлены Указом Президента РФ от 25 января 2000 г. до утверждения списка народных заседателей законодательным органом субъекта Федерации. В рассмотрении уголовного дела в отношении Щ. народные заседатели принимали участие в соответствии с требованиями УПК РСФСР, действовавшего на момент рассмотрения дела. Сам по себе факт привлечения к исполнению своих обязанностей чаще одного раза в год не может ставить под сомнение легитимность народных заседателей, если полномочиями по отправлению правосудия они наделены Федеральным законом (применительно к данному уголовному делу - Законом "О судостроительстве РСФСР" с продлением срока полномочий Указом Президента РФ от 25 января 2000 г.), а к рассмотрению конкретного судебного дела они привлечены в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом. Принимая во внимание вышеизложенное, Президиум Верховного Суда Российской Федерации находит, что уголовное дело в отношении Щ. рассмотрено законным составом суда, т.е. судом, созданным на основании закона". (Судебный документ опубликован не был.)

Таким образом, государство с целью надлежащей реализации международно-правовых обязательств в лице своих государственных органов при толковании норм внутригосударственного права должно обращаться к соответствующим нормам международного права, ставшим обязательными для такого государства, межгосударственной практике их применения. Причем данная обязанность применительно к правовой системе России следует как из Конституции РФ (ч. 4 ст. 15), так и отраслевых законов, содержащих аналогичные нормы.

2.3.2. Толкование положений, содержащихся в источниках международного права, ставших обязательными для государства

Некоторые правила толкования международных договоров содержатся в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой в том числе наряду с контекстом при толковании договора учитывается последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. Применение норм международного права международными судебными (арбитражными) органами является, как будет отмечено ниже, особой формой практики применения договора. Поэтому, если международный суд или арбитраж в пределах

предоставленной ему компетенции осуществляет толкование международно-правовых положений, применяемых впоследствии национальным судом, то правовые позиции суда, арбитража, возникшие вследствие такого толкования, должны приниматься во внимание национальными судами. Принимая во внимание все возрастающую роль межправительственных судебных и арбитражных учреждений в сфере межгосударственных отношений, автор посчитал возможным в первую очередь обратить внимание на осуществление толкования международно-правовых положений с учетом их интерпретации вышеупомянутыми международными учреждениями.

Международный суд и арбитраж (в рамках настоящего Курса) - судебные или арбитражные органы (либо организации), действующие на основании международного договора либо на основании решения международной межправительственной организации.

В решении от 8 декабря 1999 г. Верховный Суд РФ, удовлетворяя требования заявителя о признании недействительным Приказа Министра обороны Российской Федерации от 2 сентября 1994 г. N 300 "О порядке реализации льгот по проезду и перевозкам личного имущества военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей", применил ст. 1 Соглашения между государствами - участниками Содружества Независимых Государств о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, заключенного Российской Федерацией 14 февраля 1992 г. В мотивировочной части решения Верховный Суд РФ сослался на решение Экономического суда Содружества Независимых Государств от 15 апреля 1999 г., принятое по запросу Совета министров обороны государств - участников Содружества Независимых Государств. Данный международный суд дал толкование ст. 1 вышеупомянутого Соглашения следующим образом: "Статья 1 Соглашения между государствами - участниками Содружества Независимых Государств о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей" содержит договорное условие, согласно которому для лиц, состоявших на день подписания Соглашения - 14 февраля 1992 г. - на военной службе, а также членов их семей продолжают действовать нормы законодательства бывшего Союза ССР в части возмещения затрат на проезд к месту проведения отпуска в пределах территории Союза ССР".

Европейский суд по правам человека является одним из межгосударственных судебных учреждений, осуществляющим толкование норм международного права, содержащихся, в частности, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней.

В силу ст. 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод участники данного международного договора наделили Суд правом толковать и применять конвенционные положения, а также положения, содержащиеся в Протоколах к Конвенции. Причем важно отметить, что, несмотря на существование ст. 32 Конвенции, государства-участники этой Конвенции должны иметь право на выражение несогласия с тем толкованием, которое осуществляется Европейским судом по правам человека в ходе применения конвенционных положений.

Следует подчеркнуть, что правом выражения такого протеста обладают, как правило, исключительно органы исполнительной власти. Например, Заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации от 8 июля 2004 г. в связи с принятием Европейским судом по правам человека постановления по делу *Ilascu and others v. Moldova and Russia* (официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: www.mid.ru). Посредством данного заявления Российская Федерация высказала свое несогласие с толкованием Европейским судом по правам человека ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вследствие которого (толкования) Россия была привлечена к международно-правовой ответственности за события, происходившие на территории Приднестровья.

ПРИМЕЧАНИЕ: Согласно ст. 1 Конвенции: "Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции".

В случае отсутствия данных протестов, национальные суды в своей деятельности при толковании норм национального права или соответствующих международно-правовых положений, должны принимать во внимание правовые позиции, которые были изложены в судебных актах Европейским судом по правам человека.

Выражая свое согласие с Конвенцией, государства тем самым соглашались на обязательность для себя юрисдикции Суда по вопросам толкования и применения этой Конвенции и Протоколов к ней. Правовые позиции, излагаемые Судом в решениях и постановлениях применительно к конвенционным положениям, являются практикой применения Конвенции, которая устанавливает соглашение между участниками.

Верховный Суд РФ изложил в п. 10 вышеупомянутого Постановления от 10 октября 2003 г. N 5: "Российская Федерация, как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после

вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней"). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание должного нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод".

Постановление акцентирует внимание на "учитывании" правовых позиций Европейского суда по правам человека только в случае применения судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав и свобод человека. Однако, с учетом вышеизложенного, правовые позиции Европейского суда по правам человека должны приниматься во внимание не только в ходе реализации вышеуказанной Конвенции, но и в ходе применения как норм внутригосударственного права, так и положений, содержащихся в иных источниках международного права.

Применяя правовые позиции, возникшие вследствие толкования норм международного права международными судами (арбитражами), следует принять во внимание, что если в деле возникает вопрос о нарушении тем или иным международным судом или арбитражем компетенции, предоставленной ему государствами-участниками, то должна действовать презумпция соблюдения соответствующим международным судом или арбитражем его компетенции. Доказательства, опровергающие эту презумпцию, должны быть получены от государственных органов, отвечающих согласно законам государства за реализацию внешней политики, в том числе за действие международных договоров. Представляется, что национальный суд не должен обладать самостоятельным правом решения вопроса, действовал ли международный суд или арбитраж в пределах предоставленной ему государствами компетенции. Необходимо изучить позицию Министерства иностранных дел РФ по рассматриваемому вопросу.

В решении от 7 декабря 2000 г. по делу N ГКПИ99-881 Верховный Суд РФ отметил, что "ссылка заявителя "в подтверждение факта создания единой таможенной территории между Россией и Беларусью со всеми вытекающими из этого последствиями на решение Экономического Суда Содружества Независимых Государств от 15 сентября 1997 г., согласно которому такая таможенная территория уже создана и движение товаров, выпущенных для свободного обращения на территории одного из государств, впоследствии ограничению не подлежит... не может быть признана убедительной, так как данное решение для Союзного государства Беларуси и России обязательного характера не носит. В силу пунктов 3 и 5 Положения об Экономическом Суде СНГ последний наделен правом осуществлять толкование лишь тех международных соглашений, которые являются "актами Содружества". Что же касается Соглашения о Таможенном союзе, то этот договор актом Содружества не является. Об этом свидетельствует и письмо МИД РФ от 29 ноября 2000 г.". (Судебный акт опубликован не был.)

Важно отметить, для того чтобы решение международного судебного или арбитражного органа имело юридический эффект в сфере внутригосударственных отношений, в национальном законодательстве государства должна содержаться отсылочная норма к соответствующим судебным актам.

Если такая норма отсутствует, то решение международного суда или арбитража может приниматься во внимание исключительно при толковании международно-правовых положений, которые уже были истолкованы в сфере международной юрисдикции. Иными словами, решение международного суда может не быть обязательным в международно-правовом аспекте для конкретного государства, но если данное решение содержит толкование международно-правового положения, являющегося обязательным для государства и подлежащего применению в национальном суде данного государства, то национальный суд во исполнение ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров может и должен принять во внимание осуществленное на международном уровне толкование. В свою очередь, если государство явно выступает против осуществленного международным судом или арбитражем толкования, то, естественно, такое толкование не должно приниматься во внимание национальными судебными органами.

Анализ основных принципов, правил и способов толкования международно-правовых норм, источником которых являются международные договоры и обычаи, был детально осуществлен И.И. Лукашук и О.И. Лукашук в учебном пособии "Толкование норм международного права".

Авторы, в частности, выделяют следующие **принципы** толкования норм международного права: принцип добросовестности, согласно которому нормы международного права должны добросовестно толковаться; принцип эффективности, подразумевающий такое толкование, которое способствовало бы эффективному действию толкуемой нормы; принцип правомерности, в силу которого толкование норм международного права не должно вести к нарушению иных международно-правовых норм, включая императивные; принцип единства толкования, гарантирующий единое толкование правовой нормы для каждого случая, не допускающий различного толкования одних и тех же норм в одних и тех же рассматриваемых ситуациях; принцип уважения прав субъектов, не позволяющий необоснованное расширение прав одних субъектов за счет ущемления прав других субъектов и, соответственно, расширения их обязанностей; принцип справедливости, содействующий толкованию правовой нормы с

учетом обстоятельств конкретного дела. Авторы выделяют следующие основные **правила** толкования: термины, содержащиеся в норме, должны пониматься в их обычном значении, с учетом контекста договора, специальное значение придается термину только в том случае, когда это явно следует из намерений сторон; приоритет специальной нормы перед общей. **И.И. Лукашук и О.И. Лукашук** также выделяют правила, касающиеся толкования многоязычных текстов: правило единства текста на разных языках, заключающееся в том, что договор имеет единое содержание, находящее выражение в разноязычных текстах; правила равной юридической силы разноязычных текстов (равная аутентичность) [72. С. 45 - 60].

Следует обратить внимание, что стороны в договоре, имеющем разноязычные тексты, обладающие равной аутентичной силой, могут предусмотреть возможность предоставления приоритета в толковании применительно к конкретному тексту.

Так, Протокол о внесении изменений в Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея по вопросам выдачи виз от 18 марта 1992 г. совершен в двух экземплярах, каждый на русском, корейском и английском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу. Но в случае разногласий для целей толкования будет использоваться текст на английском языке (ст. 6).

Авторы указывают на существование следующих **способов** толкования: **специально-юридическое толкование**, заключающееся в выяснении юридических характеристик международно-правовой нормы - находится ли норма в действии, является ли она правомерной, круг субъектов международного права, на которые распространяет действие данная норма; **систематическое толкование**, подразумевающее толкование нормы права в системе иных правовых норм, действующих в рамках соответствующей правовой системы; **грамматическое толкование**, представляющее собой уяснение смысла нормы путем анализа слов, терминов, а также ее текста с точки зрения этимологии, лексики, синтаксиса и стилистики языка; **логическое толкование** подвергает текст нормы анализу, основанному на законах и правилах логики; **историческое толкование** подразумевает толкование, осуществляемое с учетом исторических условий создания нормы; **политическое толкование**, в свою очередь, осуществляется с учетом политических условий, действовавших в момент создания нормы; **телеологическое толкование** - толкование с учетом объекта и целей толкуемой правовой нормы. Авторы в качестве способов также различают буквальное, распространительное и ограничительное толкование. **Буквальное толкование** используется в тех случаях, когда текст достаточно точно отражает намерения сторон. **Распространительное толкование** применяется тогда, когда реальный смысл нормы шире своей буквальной формы. Соответственно, **ограничительное толкование** - когда смысл нормы уже словесной формы. И.И. Лукашук и О.И. Лукашук особо подчеркивают, что эти два последних способа толкования не должны вести к ограничению или расширению реального содержания правовой нормы. Авторы также отмечают **нормативное и казуальное толкование**. Первое представляет собой выяснение содержания правовой нормы применительно ко всем случаям, подпадающим под регулирующее действие нормы. **Казуальное**, в свою очередь, предполагает толкование в отношении конкретной ситуации случая, являющегося предметом рассмотрения государственным органом, включая национальный суд. Международные органы и организации, по мнению авторов, осуществляют **нормативно-рекомендательное толкование**, суть которого заключается в выяснении содержания нормы права применительно ко всем случаям, но такое толкование носит исключительно рекомендательный характер [72. С. 51 - 53, 65 - 78, 87, 91, 92].

Отечественная доктрина теории государства и права, ориентированная на толкование внутригосударственных правовых норм, выделяет следующие основные способы толкования: **грамматическое, систематическое, историко-политическое, логическое** [2. С. 131 - 134; 18. С. 537; 132. С. 739, 740].

Можно выделить **нормативное и казуальное толкование** [18. С. 541]. Примером нормативного толкования являются постановления Пленума Верховного Суда РФ, связанные с разъяснением отдельных положений, содержащихся в законодательстве. С помощью нормативного толкования Верховным Судом РФ были разъяснены (истолкованы) отдельные нормы международного и внутригосударственного права, касающиеся применения международно-правовых положений в сфере внутригосударственных отношений (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации"). Казуальное - связано с рассмотрением конкретного дела.

С.С. Алексеев отмечал также **специально-юридическое толкование**, основывающееся на специальных юридических знаниях, на данных юридических наук [2. С. 134].

В целом принципы и способы толкования норм международного и внутригосударственного права совпадают. Более того, многие правила толкования, известные международному праву, были заимствованы из национально-правовых систем [73. Т. 1. С. 621].

Можно выделить следующие **основные принципы**, правила, способы, виды толкования (см.

Таблицу 4).

Таблица 4. Толкование

Основные принципы	<ul style="list-style-type: none">- добросовестность- эффективность- правомерность- единство толкования- запрет необоснованного расширения прав одних субъектов за счет увеличения обязанностей других субъектов- справедливость
Основные правила	<ul style="list-style-type: none">- терминам, содержащимся в международно-правовых положениях, должно придаваться обычное значение- толкование должно осуществляться с учетом контекста, объекта и целей толкуемого акта, единства текста акта, оформленного на разных аутентичных языках
Основные способы	<ul style="list-style-type: none">- специально-юридическое- систематическое- грамматическое- логическое- историческое- политическое- буквальное- расширительное- ограничительное
Основные виды	<ul style="list-style-type: none">- нормативное- казуальное

Необходимо остановиться на некоторых особенностях реализации вышеупомянутых принципов, правил и способов толкования применительно к международно-правовым положениям, ставшим частью правовой системы государства.

Благодаря отсылочным нормам, предусмотренным в законодательстве государства, в рамках его правовой системы образуются комплексные правовые нормы, формой существования которых одновременно являются источники международного и внутригосударственного права. Данное обстоятельство непосредственно влияет на процесс толкования этих норм. Важно подчеркнуть, что государство в сфере внутригосударственных отношений осуществляет толкование не норм международного права, а вышеупомянутых комплексных норм, в том числе международно-правового положения, ставшего частью правовой системы государства и формирующего основу комплексной нормы <1>.

<1> Учитывая наличие тесной связи международно-правового положения и комплексной нормы, образуемой в правовой системе государства на основе такого положения, с целью более эффективного восприятия представляемого материала автор посчитал возможным именовать настоящую часть Лекции как **"Толкование международно-правовых положений, ставших обязательными для государства"**.

ПРИМЕЧАНИЕ: В.Г. Буткевич обоснованно критикует сторонников непосредственного действия норм международного права в сфере внутригосударственных отношений, которые, в свою очередь, допускают возможность толкования национальным судом договорных норм международного права [14. С. 249 - 252].

Государственные органы в сфере отношений с участием субъектов национального права не имеют объективной возможности толковать норму международного права. Норма международного права толкуется в качестве таковой исключительно в сфере межгосударственных отношений, за исключением толкования норм международного права при осуществлении внутригосударственного правотворчества.

При осуществлении толкования комплексной нормы должна учитываться связь такой нормы не только с национально-правовой системой, но и с международной нормативной системой. Вышеупомянутая связь обусловлена источником права, в котором закреплены соответствующие положения комплексной нормы. Так, если положение вышеупомянутой нормы закреплено в источнике международного права, то правоприменитель осуществляет толкование данного положения прежде всего с учетом принципов и правил, существующих в международно-правовой системе.

При рассмотрении судом Канады одного из дел (**Pushpanathan case**) возник вопрос: какое значение следует придавать формулировке "действия, противоречащие целям и принципам Организации Объединенных Наций", предусмотренной в статье IF(c) Конвенции о статусе беженцев 1951 г.? Данное конвенционное положение было имплементировано посредством инкорпорации с помощью отсылки, содержащейся в Законе об иммиграции 1985 г. Оценивая значение вышеупомянутой конвенционной формулировки, ставшей частью законодательства Канады, судья Бастараш, поддержанный большинством судей, отметил, что "поскольку целью Закона, инкорпорировавшего Статью IF(c), была имплементация вышеупомянутой Конвенции, Суд должен принять толкование, совместимое с обязательствами Канады по этой Конвенции. Текст Конвенции и правила толкования (международных) договоров должны применяться для определения значения Статьи IF(c) в рамках национально-правовой системы" [175. С. 220].

В свою очередь, если соответствующее положение комплексной нормы зафиксировано в источнике национального права, то толкование такого положения должно подчиняться в первую очередь принципам и правилам толкования, существующим в сфере внутригосударственных отношений.

В силу ст. 7 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о единстве управления таможенными службами "сотрудники Представительств и члены их семей соблюдают Конституцию и законодательство страны пребывания".

Логическая структура нормы международного права, основывающаяся на данном договорном положении, заключается в следующем: при вступлении в силу вышеупомянутого международного договора (**гипотеза**) Российская Федерация и Республика Казахстан обязаны обеспечить, чтобы сотрудники их Представительств таможенной службы, а также члены их семей соблюдали Конституцию и законодательство государства пребывания (**диспозиция**), в противном случае государство, ненадлежащим образом исполнившее данную обязанность, может быть привлечено к международно-правовой ответственности (**санкция**). В свою очередь, логическая структура комплексной нормы, образованной в рамках правовой системы России благодаря отсылочной норме, будет выглядеть следующим образом: если сотрудник Представительства и/или члены его семьи оказываются в пределах юрисдикции Договаривающегося государства (**гипотеза**), то они обязаны соблюдать Конституцию и законодательство государства пребывания (**диспозиция**), в случае несоблюдения указанных нормативных актов сотрудники Представительств и/или члены их семей подлежат привлечению к ответственности в соответствии с законодательством государства пребывания (**санкция**). В данной комплексной норме гипотеза и диспозиция нашли отражение в соответствующем источнике международного права, а санкция, механизм ее реализации находят отражение в национальном законодательстве. Если сотрудник Представительства или член его семьи нарушает административное законодательство, то такое лицо будет привлечено к административной ответственности, соответственно если речь идет о нарушении уголовного закона, то к уголовной ответственности. В связи с этим санкция нормы должна толковаться в свете действующего национального законодательства, а гипотеза и диспозиция - в свете международного права. Так, в частности, понятия "**представительства**", "**сотрудники**", "**члены их семей**", "**законодательство**", "**юрисдикция**" должны толковаться прежде всего с точки зрения международно-правовых положений, ставших обязательными для государств - участников соответствующего договора.

Если правоприменителю не удается осуществить толкование части комплексной нормы, зафиксированной в источниках международного права, с учетом норм международного права, ставших обязательными для государства, то он вправе обратиться для осуществления толкования к внутригосударственной правовой системе. В свою очередь, если те или иные термины, понятия, содержащиеся в комплексной норме, формой закрепления которых являются источники внутригосударственного права, невозможно истолковать с учетом национального права государства, то правоприменитель вправе обратиться к международной правовой системе, руководствуясь ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Таким образом, **комплексное толкование** заключается в том, что по общему правилу комплексная норма в части, закрепленной в источниках международного права, должна толковаться с учетом принципов и правил, действующих в международно-правовой системе, в свою очередь, часть

комплексной нормы, отраженная в источниках внутригосударственного права, должна толковаться с учетом тех принципов и правил, которые существуют в рамках национально-правовой системы.

Представляется, что комплексное толкование можно рассматривать в качестве основополагающего принципа толкования нормы, образуемой в правовой системе государства вследствие действия отсылок к международному праву.

Необходимость применения комплексного толкования в отношении комплексных норм, в том числе международно-правовых положений, подтверждается судебной практикой Российской Федерации.

В Постановлении от 11 января 2002 г. по делу N 3646/01 Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ истолковал положения международного договора с учетом принципов и правил, существующих в международном праве. Так, в частности, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отметил, что ст. 6 Договора об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал между Российской Федерацией и США от 17 июня 1992 г. предусмотрено, что "прибыль лица с постоянным местопребыванием в одном Договариваемом государстве облагается налогом только в этом государстве, если только это лицо с постоянным местопребыванием не осуществляет или не осуществляло коммерческую деятельность в другом Договариваемом государстве через расположенное там постоянное представительство". В свою очередь, в ст. 5 данного международного договора термин "постоянное представительство" означает постоянное место деятельности, через которое лицо с постоянным местопребыванием в одном Договариваемом государстве осуществляет коммерческую деятельность в другом Договариваемом государстве. Поэтому, подчеркивает Высший Арбитражный Суд РФ, для квалификации коммерческой деятельности как деятельности через постоянное представительство не имеет значения факт регистрации филиала или представительства компании в России. Принимая во внимание, что нижестоящие инстанции не учли данных обстоятельств, Высший Арбитражный Суд РФ судебные акты этих инстанций отменил, а дело передал на рассмотрение в первую инстанцию. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ истолковал нормативное содержание термина "**постоянное представительство**", предусматриваемого в источнике международного права, ставшем частью правовой системы России, с учетом соответствующих норм международного права.

В Постановлении от 22 февраля 2005 г. по делу N 14548/04 Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отметил, что "решение международного коммерческого арбитража (третейского суда) не является официальным документом (по смыслу Гаагской конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 г.). К числу официальных документов, на которые распространяются нормы этой Конвенции, относятся нотариальные акты. Нотариальный акт имеется на решение арбитражного института, и именно он подтвержден в соответствии с нормами названной Конвенции апостилем". (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ опубликовано не было.)

Генерал-майор в запасе Ю. обратился в военную коллегия Верховного Суда РФ с жалобой на действия Президента РФ, Министра обороны РФ, Главнокомандующего РВСН и командира войсковой части 13991, относящейся к увольнению заявителя с военной службы без обеспечения жильем. При рассмотрении дела Суд установил, что в период прохождения заявителем с 1986 по 1992 г. службы в должности командира дивизии в г. Луцке ему было предоставлено жилое помещение в г. Луцке общей площадью 72 кв. м. Представители заинтересованных сторон утверждали в Суде, что заявитель должен был сдать указанное жилое помещение.

Однако, как было отмечено Верховным Судом РФ в решении от 24 апреля 2001 г., такие утверждения являются необоснованными, основывающимися на неправильном толковании международно-правовых норм. "Действительно, в соответствии со ст. 1 Соглашения между государствами-участниками СНГ о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей от 14 февраля 1992 г., за военнослужащими, лицами, уволенными с военной службы и проживающими на территории государств - участников СНГ, сохраняется уровень прав и льгот, установленных ранее законодательством Союза ССР. Вместе с тем данная норма международного договора не устанавливает обязанность военнослужащих сдавать жилые помещения, предоставленные им на территории государств - участников Содружества, для последующей реализации своих жилищных прав в соответствии с законодательством государств, в которых они проходят службу. Не содержат указанного требования и другие международные договоры, в которых принимает участие Российская Федерация". (решение опубликовано не было.)

Принимая во внимание это обстоятельство, а также то, что заявителю на территории Российской Федерации не было предоставлено жилое помещение в соответствии с законодательством России, приказ командира войсковой части 13991 от 6 декабря 2001 г. в части исключения Ю. из списков личного состав части был признан незаконным.

Нарушение национальным судом принципа комплексного толкования приводит к нарушению положений, предусматриваемых в источниках международного права, ставших обязательными для России, и, как следствие, отмене соответствующих судебных актов вышестоящими судебными

инстанциями.

ОАО "Центральный рынок" обратилось в Арбитражный суд Оренбургской области с иском о взыскании задолженности по арендной плате с филиала N 1 Болгаро-русского товарищества, зарегистрированного в Болгарии. Решением суда иск был удовлетворен.

Рассматривая данное дело в порядке надзора, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, отменив вышеуказанное судебное решение, в **Постановлении от 6 февраля 2001 г. по делу N 4460/99** подчеркнул, что "вручение документов участнику арбитражного процесса производится в порядке, предусмотренном международными договорами с участием Российской Федерации. Договор о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенный между СССР и Народной Республикой Болгарией 19 февраля 1975 г., продолжает действовать до настоящего времени.

Согласно п. 4 Договора Договаривающиеся стороны оказывают друг другу правовую помощь в совершении отдельных процессуальных действий. В частности, правила вручения документов, установленные п. п. 3, 8 и 9 Договора, предусматривают направление судебных документов, в том числе извещений о принятии спора к рассмотрению российским арбитражным судом, через Минюст России и Министерство юстиции Болгарии для вручения иностранному участнику спора. Между тем в деле отсутствуют доказательства надлежащего извещения иностранного лица о предстоящем судебном разбирательстве. Уведомление было направлено только в адрес филиала иностранного юридического лица, хотя данный способ извещения является дополнительным, а не основным. Болгарская сторона была лишена возможности участвовать в судебном разбирательстве, высказать свое мнение о возможности рассмотрения спора в российском суде и, таким образом, защищать свои права и интересы. При таких обстоятельствах решение, вынесенное в отсутствие другой стороны, не извещенной надлежащим образом о времени и месте слушания дела, является незаконным и подлежит отмене".

Отменяя судебный акт, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в **Постановлении от 19 ноября 2002 г. по делу N 9284/02** отметил, что "в соответствии с пунктом 1 статьи 3 Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов, от 10.05.1952 (далее - Конвенция), участницей которого является Российская Федерация, лицо, имеющее морское требование, может арестовать или конкретное судно, в отношении которого возникло морское требование, или любое другое судно, принадлежащее лицу, которое на момент возникновения морского требования было собственником конкретного судна. Согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции суда будут считаться имеющими одного и того же собственника, когда все доли собственности будут принадлежать одному и тому же лицу или одним и тем же лицам. Как указано в пункте 4 статьи 3 Конвенции, в случае фрахтования судна с передачей полного управления им, когда фрахтователь один отвечает по морскому требованию, относящемуся к этому судну, истец может наложить арест на данное судно или на любое другое судно, принадлежащее такому фрахтователю, с соблюдением постановлений настоящей Конвенции, но никакое другое судно, принадлежащее собственнику, не может быть подвергнуто аресту в силу этого морского требования. Из материалов дела усматривается, что морское требование возникло в связи с ремонтом судна "Henriette", владельцем которого является компания "P/r Odd Wagle ANS". Суд наложил арест на судно "Лунденес", неправильно определив компанию "International Docking AS" как его владельца на основании лишь заявления предприятия и контрактов на ремонт судов "Henriette" и "Лунденес", в которых судовладельцем именовалась указанная компания. Между тем владельцем судна "Лунденес", зарегистрированным в регистре торгового флота Гибралтара, значится компания "Skip-saksjeselsrapet Polaris". В подтверждение этого представлена копия Сертификата британского регистра с нотариально заверенным переводом на русский язык и апостилем. Суду не было представлено доказательств, что компания - ответчик по морскому требованию является фрахтователем или собственником судна. При таких обстоятельствах суд вопреки требованиям статьи 3 Конвенции неправомочно наложил арест на судно "Лунденес".

Иными словами, суд первой инстанции неправильно истолковал положения международного договора, ставшего частью правовой системы Российской Федерации.

Ж., В., С. и другие жильцы домов N 167, N 169 по ул. Первомайской в г. Майкопе обратились в суд с жалобой на решение малого Совета Майкопского городского Совета народных депутатов N 271 от 16 сентября 1993 г., которым за жильцами соседнего дома N 165 по этой же улице, приватизировавшими занимаемые ими жилые помещения, закреплены части прилегающего к их дому земельного участка в соответствии с представленной схемой. Заявители мотивировали свою жалобу тем, что закрепление указанных участков осуществлено за счет территории, находящейся в общем пользовании всех жильцов домов N 165, N 167, 169 по ул. Первомайской. Дело неоднократно рассматривалось различными судебными инстанциями. Решением Майкопского городского суда от 5 декабря 1995 г., оставленным без изменения Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Адыгея от 13 февраля 1996 г., жалоба признана необоснованной и в ее удовлетворении отказано. Отменяя решение Майкопского городского суда от 5 декабря 1995 г. и Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Адыгея от 13 февраля 1996 г., Верховный Суд РФ в

Определении от 3 февраля 2000 г. по делу N 24-В00пр-2 обратил внимание на грубейшие нарушения норм процессуального права, содержащиеся как в ГПК РФ, так и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Суд, в частности, указал, что "Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека), заключенная в г. Риме 04.11.1950, вступившая в силу для России 05.05.1998 и являющаяся составной частью ее правовой системы согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, предусматривает, что каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ст. 6 Конвенции). В соответствии с ч. 3 ст. 6 ГПК РСФСР рассмотрение дел в суде первой инстанции осуществляется судьей единолично лишь в случаях, предусмотренных этим Кодексом. В остальных случаях дела рассматриваются им единолично, если лица, участвующие в деле, не возражают против этого, или коллегиально, если кто-либо из лиц, участвующих в деле, до начала рассмотрения дела по существу возразит против единоличного порядка его рассмотрения. Исходя из положений ст. 113 ГПК РСФСР настоящее дело не относится к категории дел, рассматриваемых судьей единолично. Данных о том, что суд на основании ст. 150 ГПК РСФСР разъяснил лицам, участвующим в деле, их право на рассмотрение дела судьей единолично или в коллегиальном составе, в деле не имеется, сведения об их согласии на единоличное разбирательство дела судьей в протоколе судебного заседания отсутствуют. В кассационной жалобе заявителя указывали на незаконное рассмотрение дела судьей единолично (л.д. 147), однако в нарушение ч. 3 ст. 311 ГПК РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Адыгея не указала мотивы, по которым этот довод жалобы признан неправильным или не являющимся основанием к отмене решения. При таких данных нельзя признать, что настоящее дело рассмотрено судом, созданным на основании закона, поскольку нормы процессуального закона, допускающие в определенных случаях рассмотрение дела судьей единолично, соблюдены не были" (Судебный документ опубликован не был).

При толковании международно-правовых положений важно иметь в виду, что такое толкование должно осуществляться согласно основам правопорядка (**публичному порядку**), существующему в данном государстве.

Публичный порядок Российской Федерации - основы общественного строя российского государства [11. С. 109].

Коллектив авторов учебника "Международное частное право" под ред. Г.К. Дмитриевой включает в понятие "основы российского правопорядка" основополагающие, фундаментальные принципы российского права прежде всего конституционные, частноправовые и гражданско-процессуальные; общепринятые принципы морали, на которые опирается российский правопорядок; законные интересы российских граждан и юридических лиц, российского общества и государства, защита которых является основной задачей правовой системы страны; общепризнанные принципы и нормы международного права, являющиеся частью правовой системы России [95. С. 164]. Применительно к рассматриваемому вопросу публичный порядок России должны формировать не любые общепризнанные нормы международного права, а только те, которые обладают свойством императивности. Представляется, что понятие "законные интересы российских граждан и юридических лиц, российского общества и государства" требует дополнительного исследования.

Толкование не должно приводить не только к ситуации, когда толкование противоречит императивным нормам международного права (принцип правомерности), но и к случаям, когда, например, толкование ведет к нарушению основ конституционного строя государства.

При осуществлении **систематического толкования** необходимо иметь в виду, что по общему правилу толкование любой правовой нормы не должно приводить к ситуации, влекущей нарушение иных норм, если законодателем или сторонами международного договора и/или обычая, или решением международной межправительственной организации не предусмотрено иное. При толковании международно-правовых положений правоприменитель мог бы руководствоваться, в частности, **концепцией дружественного отношения к международному праву**, суть которой заключается в том, что, принимая внутригосударственные нормативно-правовые акты, законодатель не имел намерения нарушать нормы международного права [68. С. 144, 145; 168. С. 70, 71].

Если возникает необходимость в осуществлении систематического толкования международно-правового положения, то во внимание должны приниматься нормы международного права, являющиеся обязательными для государства, толкующего данное положение. Государство должно избегать толкования международно-правового положения с учетом международно-правовых норм, не ставших обязательными для него. Представляется, что толкование международно-правового положения с учетом норм международного права, не являющихся обязательными для данного государства, может повлечь за собой протест со стороны субъекта международного права, связанного толкуемым положением с этим государством, так как субъекты международного права, создавая

международно-правовую норму, принимают во внимание, как правило, систему международно-правовых норм, которыми связаны эти субъекты. Отсутствие протеста со стороны заинтересованного субъекта международного права в отношении порядка толкования нормы международного права может являться доказательством формирования между соответствующими субъектами "последующей практики применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования" (п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Причем указанное правило толкования может быть применено не только в отношении международных договоров, но и к иным источникам международного права: международному обычаю и решению международной межправительственной организации.

ПРИМЕЧАНИЕ: Согласно подп. "с" п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров "наряду с контекстом учитываются любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками (международного договора)" (Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. N 37. С. 171 - 197).

А.Н. Талалаев, комментируя подп. "с" п. 3 ст. 31 вышеупомянутой Конвенции, подчеркивал, что здесь "имеются в виду действующие нормы и прежде всего основные принципы и нормы современного международного права, включая нормы *jus cogens*. Толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с основными принципами международного права" [131. С. 83].

Нельзя также исключать того, что толкование положений, содержащихся в источниках международного права, ставших частью правовой системы государства, с учетом необязательных для данного государства норм международного права, может реально привести к нарушению принципа **"правовой определенности"**, являющегося основополагающим принципом для любого правового государства.

Принцип **"правовой определенности"** является многоаспектным. Но важным аспектом является предсказуемость в применении правовых норм. Должно быть единообразие в применении норм, их толковании <1>.

<1> См. подробнее: Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: Избранные права. М.: Институт права и публичной политики, 2002. С. 86 - 101.

Оценивая критерий **"правовой определенности"**, нельзя не сослаться на дело **Бакланов против Российской Федерации** (речь шла о конфискации в пользу государства принадлежащих заявителю 250 тыс. долларов США, ставших предметом контрабанды. Указанные деньги перевозились по просьбе заявителя третьим лицом из Литвы в Москву). Европейский суд по правам человека подчеркнул, что "ст. 169.1 Уголовного кодекса (РСФСР) 1960 г. в редакции, действовавшей на 31 декабря 1996 г., предусматривал (возможность) конфискации товаров и предметов, перевозившихся через границу. Статья 279 Таможенного кодекса (РФ) 1993 г. также предусматривала конфискацию товаров, перевозившихся через границу... Пленум Верховного Суда (РФ) в 1978 г. также указал, контрабандные товары, являющиеся вещественными доказательствами, должны быть конфискованы. С вступлением в силу нового Уголовного кодекса 1996 г. конфискация товаров больше не предусматривалась. Суд не должен выяснять намерения законодателя, изменившего Уголовный кодекс, однако часть 1 статьи 188 УК, послужившая основанием привлечения Б. к ответственности по настоящему делу, похоже, не может являться основанием конфискации принадлежавших заявителю денежных средств. Согласно УПК РСФСР 1960 г., отметил Суд, орудия преступления, принадлежавшие подсудимому, и приобретенные преступным путем деньги должны быть конфискованы, другие вещи должны быть возвращены законным владельцам. Никто не утверждал, и не было свидетельств тому, что деньги заявителя были приобретены преступным путем, похоже, что национальные суды не исследовали указанный вопрос при решении конфискации соответствующих денежных средств. Таким образом, непонятно, что послужило юридическим основанием конфискации денег, за исключением вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ, принимая во внимание, что законодательство, предусматривавшее такую возможность, не действовало в момент рассмотрения дела. Правда, Власти Российской Федерации обращались к решению Президиума Верховного Суда от 10 июня 1998 г. (речь шла о рассмотрении Президиумом Верховного Суда РФ дела Петренко, который был привлечен к ответственности за контрабанду. После осуждения районный суд возвратил деньги законному владельцу, г-ну Петренко. Верховный Суд РФ отменил решение, указав, что деньги являлись предметом преступления и должны быть конфискованы), согласно которому деньги конфисковывались после осуждения лица за контрабанду. Оставляя без обсуждения вопрос, что ситуация касалась более позднего периода, Суд подчеркнул, что конфискация, непосредственно предусматривавшаяся п. 1 ст. 86 УПК (РСФСР), касалась орудий преступления, принадлежавших обвиняемому, однако ситуация по настоящему делу отличается. Что касается решения Конституционного Суда РФ от 8 июля 2004 г. (указанным Определением была признана конституционной норма п. 1 ст. 86 УПК РСФСР), то Суд отметил, что

указанный судебный акт был принят через несколько лет после конфискации денежных средств заявителя. Поэтому это не могло служить юридической интерпретацией законодательства, являющегося основой для конфискации. Суд признал, что его компетенция контролировать соблюдение национального права ограничена, поскольку именно в первую очередь национальные власти должны применять и толковать право. Однако принимая во внимание недостаток со стороны национальных судов в аспекте аргументации юридической основы конфискации значительной суммы денежных средств, а также противоречия судебной практики и законодательства, Суд посчитал, что анализируемое право не было сформулировано с такой четкостью, чтобы позволить заявителю предвидеть с достаточной степенью разумности последствия своего действия. Отсюда следовало, что вмешательство в право собственности заявителя нельзя рассматривать в качестве законного по смыслу ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции. Этот вывод освободил (Суд) от анализа, был ли соблюден справедливый баланс между интересами общества и защиты фундаментальных прав частного лица. Соответственно, было нарушение ст. 1 Протокола N 1" (**Бакланов против Российской Федерации**, п. п. 41 - 47 Постановления от 9 июня 2005 г.).

Так, **орган исполнительной власти при толковании** соответствующего международно-правового положения будет учитывать одни необязательные для данного государства нормы международного права; **законодательные органы**, принимая нормативные акты с целью имплементации международно-правовых норм, могут руководствоваться в плане толкования другими нормами международного права, также являющимися необязательными для государства; в свою очередь, **органы судебной власти**, применяя положение международного права, будут принимать во внимание совершенно иные необязательные международно-правовые нормы. Во избежание возникновения такой "правовой неопределенности", все лица, в том числе государственные органы, участвующие в реализации как норм международного права (при осуществлении внутрисударственного правотворчества), так и международно-правовых положений, должны при толковании принимать во внимание только те международно-правовые нормы, которые стали обязательными для государства. С целью эффективной реализации в сфере внутрисударственных отношений международно-правовых положений, должна действовать презумпция непринятия во внимание при толковании необязательных норм международного права.

Систематическое толкование охватывает не только толкование комплексной нормы с учетом норм международного права, но и толкование с учетом иных международных социальных норм. Позиция в отношении учета при толковании необязательных международно-правовых норм должна распространяться и применительно к нормам, формирующим иные сферы, чем правовую, международной нормативной системы.

Если государство приняло решение принимать во внимание при толковании норм национального права и/или комплексной нормы политические нормы, ставшие обязательными для этого государства, то все органы государства, иные лица обязаны единообразно учитывать данные нормы при реализации норм внутрисударственного и/или международно-правовых положений.

Рассматривая вопросы толкования международно-правовых положений, нельзя вновь не обратить внимания на то, что согласно подп. "б" п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров при толковании международных договоров, кроме контекста, учитывается последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

ПРИМЕЧАНИЕ: В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" предусматривается: "при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования".

Трудно себе представить, чтобы субъекты международного права совместно и одновременно применяли те или иные договорные положения. Данный пункт Конвенции должен охватывать и односторонние действия государств, связанные с применением в сфере внутрисударственных отношений тех или иных положений, содержащихся в международном договоре. В свою очередь, важно отметить, что соответствующее применение и, следовательно, толкование не должно вызывать протест со стороны заинтересованных государств, в противном случае невозможно говорить о наличии соглашения участников договора, возникшего вследствие последующей практики применения договора.

Положение Венской конвенции о праве международных договоров, обязывающее наряду с контекстом учитывать последующую практику применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования, может распространяться не только в отношении международных договоров, но и иных источников международного права - международный обычай и решение международных межправительственных организаций.

ПРИМЕЧАНИЕ: ФЗ "О международных договорах Российской Федерации": "Федеральные органы исполнительной власти и уполномоченные организации, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами Российской Федерации, обеспечивают выполнение

обязательств Российской Стороны по договорам и осуществление прав Российской Стороны, вытекающих из этих договоров. **А также наблюдают за выполнением другими участниками договоров их обязательств**" (п. 2 ст. 32).

Если в ходе применения в сфере внутригосударственных отношений положений, содержащихся в источниках международного права, которые стали частью правовой системы государства, отсутствуют какие-либо протесты со стороны заинтересованных субъектов международного права, то соответствующее применение и, таким образом, толкование должно рассматриваться в качестве обстоятельства, конституирующего соглашение, установленное вследствие последующей практики применения конкретного источника международного права.

Вышеупомянутое положение Конвенции о праве международных договоров обязывает государство в лице его государственных органов, участвующих в реализации положений, содержащихся в источниках международного права, более взвешенно относиться к вопросу толкования реализуемых ими международно-правовых положений.

Причем толкование одних и тех же положений, предусматриваемых в источниках международного права как в сфере внутригосударственных, так и в межгосударственных отношениях должно осуществляться единообразно, не нарушая принципа **"правовой определенности"**.

Единообразное применение положений, содержащихся в источниках международного права, в сфере внутригосударственных отношений может являться залогом единообразной реализации соответствующих положений и в сфере межгосударственных отношений.

Нельзя не отметить, что реализация в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых положений, не может и не должна рассматриваться как внутреннее дело государства.

Конечно, государство свободно в выборе средств, методов, способов реализации норм международного права в сфере отношений с участием субъектов национального права, однако, если по мнению заинтересованного субъекта международного права, государство, реализуя соответствующие положения, нарушает международно-правовые нормы, то заявить протест в этом отношении является не только правом, но, при прочих равных условиях, и обязанностью заинтересованного субъекта международного права.

Как подчеркивалось выше, в ходе реализации в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых положений государственные органы вправе принимать во внимание, в том числе учитывать при толковании, решения международных межправительственных организаций, ставшие источником международного права для государства. Но при толковании международно-правовых положений может учитываться решение международной организации, когда такое решение, не представляя собой источника международного права, является результатом толкования международной организацией соответствующих норм международного права.

Рассматривая особенности толкования международно-правовых положений, ставших частью правовой системы государства, нельзя не обратить внимания на то, что **толкование данных положений непосредственно связано с принципом разделения властей**.

Так, в силу ст. 120 Конституции РФ "судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону". Поэтому суд должен самостоятельно не только применить правовую норму, но и осуществить толкование этой нормы. Согласно п. 4 ст. 78 Конституции РФ: "Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации обеспечивают в соответствии с Конституцией Российской Федерации осуществление полномочий федеральной государственной власти на всей территории Российской Федерации". В свою очередь, вопросы внешней политики, международных отношений Российской Федерации, вопросы действия международных договоров Российской Федерации, вопросы войны и мира находятся в исключительном ведении Российской Федерации. Таким образом, и Президент РФ, и Правительство РФ отвечают за создание и действие норм международного права.

Исключение из этого правила составляют случаи выражения согласия на обязательность международного договора посредством принятия федерального закона. Но следует иметь в виду, что Государственная Дума принимает федеральные законы о ратификации и денонсации международных договоров, однако Президент РФ эти законы подписывает и обнародует (ст. ст. 106, 107 Конституции РФ).

В пределах предоставленной им компетенции Президент РФ, Правительство РФ могут давать толкование соответствующих норм международного права, однако такое толкование будет являться обязательным исключительно для нижестоящих органов государственной власти. Данное толкование не должно быть в принципе обязательным для судебных органов, в противном случае можно вести речь о нарушении принципа разделения властей, являющегося одной из основ конституционного строя Российской Федерации (ст. 10 Конституции РФ).

Законодательный орган государственной власти, принимая закон, к примеру, о ратификации, также вправе изложить свое понимание тех или иных договорных положений.

Так, Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об аренде объектов и боевых полей 929 Государственного летно-испытательного центра Российской Федерации, расположенных на территории Республики Казахстан, от 18 октября 1996 г. был ратифицирован Федеральным законом от 14 ноября 2002 г. N 142-ФЗ со следующим заявлением: "учитывая, что задолженность Российской Федерации перед Республикой Казахстан за пользование объектами и боевыми полями 929 Государственного летно-испытательного центра Российской Федерации, расположенными на территории Республики Казахстан, в 1992 - 1998 гг. погашена в полном объеме в соответствии с Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об урегулировании взаимных финансовых вопросов от 8 октября 1998 г., а также то, что Российской Стороной осуществлен возврат Казахстанской Стороне части арендованных имущества и земельных участков 929 Государственного летно-испытательного центра Российской Федерации, Российская Сторона исходит из того, что согласно ст. 4 Договора сумма арендной платы за 1999 г. и последующие годы будет согласовываться между Сторонами с учетом состава имущества и размеров площадей земельных участков, арендуемых Российской Стороной у Казахстанской Стороны в соответствующем году". Посредством данного одностороннего заявления Российская Сторона истолковала положения ст. 4 данного Договора.

В Федеральном законе "О присоединении Российской Федерации к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии" было зафиксировано, что "Российская Федерация исходит из того, что ее права и обязательства по настоящему договору будут равны правам и обязательствам всех других государств - участников Договора, не входящих в регион Юго-Восточной Азии".

ПРИМЕЧАНИЕ: В доктрине подчеркивается, что "в ходе выражения согласия на обязательность для себя договора государство вправе сделать **заявление**, т.е. изложить свою позицию по тому или иному вопросу. В отличие от **оговорки** заявление не меняет содержания договора" [88. С. 104]. Правоприменительный орган должен учитывать такие **односторонние интерпретационные заявления**.

Односторонние "интерпретационные заявления" не обладают какой-либо юридической силой в аспекте изменения содержания договора. Однако органы государственной власти, участвующие в реализации соответствующих положений международного права в сфере внутрисудебных отношений, обязаны следовать такому толкованию. Но, если законодательный орган выскажет свою позицию в отношении толкования нормы международного права после выражения согласия на обязательность договора, содержащего такую норму, либо применительно к любой иной норме международного права, то такое толкование не должно являться обязательным для органов судебной власти.

Несмотря на наличие принципа разделения властей, согласно Конституции РФ, вопросы внешней политики, международных отношений, международных договоров Российской Федерации относятся прежде всего к компетенции Президента РФ, Правительства РФ. Именно эти органы несут ответственность за поддержание международных отношений Российской Федерации, поэтому в случае возникновения вопросов, связанных с толкованием положений, предусматриваемых в источниках международного права, суды не только имеют право, но и обязаны обратиться к соответствующим органам государственной власти. Представляется, что в этом заключается одна из особенностей толкования положений, ставших частью правовой системы страны. В плане соблюдения принципа разделения властей при определении факта существования обычной нормы международного права, а также содержания соответствующей нормы суд вправе обратиться с запросом в Министерство иностранных дел, Министерство юстиции. Причем ответы на эти запросы должны рассматриваться судом в качестве одного из доказательств установления как факта существования обычной нормы, так и факта содержания данной правовой нормы.

В этом отношении нельзя не согласиться с рекомендацией Верховного Суда РФ, согласно которой "в случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации рекомендовать судам... обращаться в Правовой департамент Министерства иностранных дел Российской Федерации, в Министерство юстиции Российской Федерации (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, составом государств, участвующих в договоре, международной практикой его применения)" (Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации").

Лекция 3. Нормы международного права и правовая система Российской Федерации

3.1. Общие положения

Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 провозгласила общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы.

В современной российской юридической литературе отсутствует какое-либо единое мнение по вопросу о понятии "**правовая система**" [6. С. 110, 111; 80. С. 31; 147. С. 18].

Часть авторов ставит знак равенства между правовой системой и системой права, подразумевая под последней систему внутригосударственных правовых норм, принятых и действующих в данном государстве [73. С. 656]. Другие рассматривают понятие правовой системы через совокупность черт, характерных для правовых систем нескольких государств.

А.Б. Венгеров различает понятия "система права" и "правовая система". Однако он отмечал, что понятие "правовой системы" "используется в теории права как раз для того, чтобы охарактеризовать историко-правовые и этнокультурные отличия разных государств, разных народов" [18. С. 449]. Аналогичной позиции придерживается коллектив авторов учебника "Теория государства и права" под ред. **М.Н. Марченко** [132. С. 524 - 559].

Отдельные авторы рассматривают понятие "правовой системы" через систему, охватывающую несколько элементов, которые связаны с правовой действительностью, существующей в пределах юрисдикции конкретного государства.

В правовую систему включают следующие взаимосвязанные элементы: правовые нормы, институты и принципы, юридические учреждения, правовое сознание, правовую культуру. Правовая система - весьма сложное собирательное, многоплановое явление, не совпадающее ни с системой права, ни с системой законодательства, а объединяющее и эти и другие понятия" [76. С. 180].

"В правовую систему должны входить взаимодействующие основные элементы, имеющие конститутивное значение, - собственно право, правовая идеология и юридическая практика, состоящая из правоприменительной и правотворческой деятельности, а в качестве результатов последней и система нормативных актов" [1. С. 87, 88].

Несмотря на наличие в литературе противоречивых суждений, касающихся определения понятия "правовая система", необходимо отметить, что большинство авторов склоняются к следующему определению.

"Правовая система" - сложное, многоаспектное явление, не тождественное понятиям системы законодательства и системы права, включающее различные явления правовой действительности в конкретном государстве.

Представляется, что, анализируя объем "**правовой системы**", целесообразно согласиться с понятием, которое было дано **С.Ю. Марочкиным**.

Правовая система России - "комплекс всех проявлений правовой действительности - не только внутригосударственных, но и связанных с международным правом. Она (правовая система) включает правовые нормы, действующие в стране (право РФ, а также нормы международного права и иностранного права с санкцией государства), правовую деятельность (деятельность всех органов, учреждений и иных субъектов по созданию и/или реализации действующих в стране правовых норм) и правовые идеи, представления, теории, взгляды, доктрины (правосознание в широком смысле)" [80. С. 31].

Возникает вопрос о месте международно-правовых положений в этой системе. В отечественной доктрине международного права существуют различные точки зрения и на этот счет.

Так, часть авторов, которые отождествляют понятия "правовая система" и "система права", соответственно придерживается позиции, согласно которой нормы международного права в силу п. 4 ст. 15 Конституции РФ стали частью внутригосударственного права страны [18. С. 427, 428; 33. С. 119, 120; 69. С. 24; 132. С. 659 - 674].

Некоторые авторы включают нормы международного права во все элементы правовой системы России [162. С. 23].

Ряд авторов включает нормы международного права в законодательство страны [7. С. 55; 122. С. 9, 11, 13].

Другие рассматривают нормы международного права в качестве составной части правовой системы России, не входящей в состав внутригосударственного права России [80. С. 31; 48. С. 31; 119. С. 279].

Следует отметить, что авторы, включающие нормы международного права в систему права государства, как правило, следуют теории, согласно которой нормы международного права для своего функционирования в сфере внутригосударственных отношений должны превратиться, преобразоваться, стать нормами национального права. Представляется, что таких авторов фактически можно отнести к приверженцам непосредственного действия норм международного права и, как следствие, сторонникам фактического невключения этих норм в систему права государства. Невозможно трансформировать нормы международного права в нормы внутригосударственного и одновременно говорить о действии международно-правовых норм в сфере отношений с участием субъектов национального права. Если

норма международного права подверглась трансформации или иному аналогичному по правовой сути процессу (инкорпорации, адаптации, рецепции и т.д.), то эта норма уже не является нормой международного права.

Анализируя место норм международного права в рамках правовой системы России, невозможно говорить, что нормы международного права становятся частью правовой системы и тем более частью внутригосударственного права. Это не может произойти по объективным причинам. Нормы международного права и внутригосударственного права представляют собой элементы различных правовых порядков.

Интересно в этой связи вновь процитировать некоторые положения, содержащиеся в ряде законодательных актов Российской Федерации. Данные нормативные положения свидетельствуют о том, что законодатель рассматривает международное и внутригосударственное право как самостоятельные правовые порядки, элементы, действующие в рамках правовой системы России.

Так, в силу п. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ, "настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права".

Согласно преамбуле Федерального закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" "настоящий Федеральный закон в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных, малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов".

Если даже признать наличие процедуры трансформации либо иных аналогичных процессов, то в систему права или правовую систему включаются уже не нормы международного права, а отдельные положения (словесные формулировки), содержащиеся в этих нормах. Для того, чтобы нормы международного права вошли в национальную правовую систему, такие нормы должны быть способными регулировать отношения, возникающие между субъектами внутригосударственного права. Но это объективно не сможет произойти, даже если все государства выразят свою волю. В связи с этим формулировку ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в части включения в правовую систему общепризнанных принципов и норм международного права, нельзя трактовать буквально. В правовую систему страны вошли положения, отраженные в вышеупомянутой категории норм международного права, одной из форм существования которых является международный обычай. В правовую систему России вошли не нормы международного права, а источники международного права, получившие возможность с санкции государства непосредственно действовать в пределах внутригосударственных отношений.

Объективно можно вести речь о **процедуре включения в правовую систему международно-правовых положений, формой существования которых являются источники международного права** и, как следствие, возникновение в вышерассмотренном порядке комплексных норм. Причем данные комплексные нормы входят именно в правовую систему, но не систему права государства по следующим основным причинам.

1. Норма внутригосударственного права, ее нормативное содержание формируется исключительно государством. Данное государство вправе сформулировать данную норму и, в случае необходимости, в соответствии с национальным законодательством самостоятельно внести изменения в данную норму, дополнить либо отменить ее. Более того, следуя принципам иерархии нормативных актов, изменения, дополнения в национально-правовые акты либо их отмена, как правило, могут осуществляться тем же путем, что и принятие такого акта, и, в частности, изменения (дополнения, отмена) в нормативный правовой акт могут быть осуществлены посредством принятия нормативного акта, обладающего не меньшей иерархической силой, чем изменяемый, дополняемый или отменяемый акт.

В свою очередь, в основе образуемой в вышерассмотренном порядке комплексной нормы находятся международно-правовые положения, которые, как известно, являются результатом активного или пассивного волеизъявления двух и/или более субъектов международного права. Поэтому государство не вправе в одностороннем порядке, без активного или пассивного согласия иных субъектов международного права изменить какие-либо положения комплексной нормы, формой существования которой стали источники международного права.

ПРИМЕЧАНИЕ: Нельзя не согласиться с **А.Н. Талалаевым**, который подчеркивал, что "международное право не может являться отраслью национального права какого-либо государства" [129. С. 4].

2. Любая внутригосударственная правовая норма имеет свою форму. Признанными формами (источниками) национального права являются: конституция, законы, указы, постановления, распоряжения, судебные решения (судебные прецеденты), обычаи и др. Формами существования норм международного права являются международные договоры, международные обычаи, решения международных межправительственных организаций.

В связи с тем, что нормы международного права ни при каких условиях не могут стать частью правовой системы и/или права, и тем более законодательства государства, то, естественно, невозможно говорить о международном договоре, обычае, решении международной организации как о самостоятельных формах (источниках) права конкретного государства. Как подчеркивалось выше, применительно к источникам существования комплексных норм, образуемых в правовой системе государства вследствие действия отсылок, речь идет, как правило, о сложных формах, являющихся симбиозом форм внутригосударственного и международного права.

Норма международного права находит свое закрепление в источниках международного права. Норма внутригосударственного права закрепляется в источниках национального права, в свою очередь, комплексная норма имеет формой своего существования одновременно как источники международного, так и внутригосударственного права. Представляется, что такой симбиоз объективно не позволяет включать комплексные нормы ни в систему международного, ни в систему внутригосударственного права, однако обуславливает включение этих норм именно в правовую систему государства.

3. Государственные органы, принимая участие в реализации комплексных норм, не должны забывать, что **реализуемые нормы, в зависимости от источника закрепления словесных формулировок данных норм, связаны как с внутригосударственной, так и с международной правовой системой.** Если комплексные нормы рассматривать в качестве составной части права страны, то в этом случае толкуемая норма должна объективно функционировать согласно правилам и принципам, существующим в рамках данной нормативной системы, что, безусловно, не сможет не привести к возможному нарушению соответствующих международно-правовых норм.

Поэтому наличие вышеупомянутой дуалистической связи в отношении толкования комплексной нормы также не может не обуславливать включение международно-правовых положений именно в правовую систему страны, а не систему права.

Таким образом, все вышеупомянутые доводы явно свидетельствуют о том, что международно-правовые положения и основанные на них комплексные нормы входят именно в состав правовой системы государства. Нормы международного права, даже трансформированные, ни при каких условиях не могут формировать не только правовую систему, но и систему права, и тем более систему законодательства страны. Наряду с включением в правовую систему комплексных норм можно утверждать, что частью правовой системы государства стали источники международного права, закрепившие международно-правовые положения, определяющие содержание комплексной нормы.

3.2. Самоисполнимые и не самоисполнимые международно-правовые положения

Нормы международного права по объективным критериям не могут регулировать внутригосударственные отношения и даже в том случае, если в национальном законодательстве будут предусматриваться отсылочные нормы, основная функция которых, по мнению ряда авторов, заключается в санкционировании непосредственного действия норм международного права в сфере отношений, возникающих между субъектами внутригосударственного права.

В связи с этим на доктринальном уровне невозможно говорить о существовании самоисполнимых норм, так как сами нормы международного права ни при каких условиях не могут быть применены в сфере отношений с участием субъектов национального права, независимо от того, носят они характер самоисполнимых либо нет. Эти нормы не смогут выполнять регулятивную функцию в сфере внутригосударственных отношений, даже если государство будет принимать дополнительное (конкретизирующее) законодательство. Даже на первый взгляд самоисполнимая норма международного права, с точки зрения доктрины, всегда является несамоисполнимой, в смысле неспособной регулировать внутригосударственные отношения.

Однако в сфере отношений с участием субъектов национального права могут быть реализованы отдельные положения, содержащиеся в источнике международного права, ставшем частью правовой системы государства. Причем данные положения составляют часть комплексной нормы. Поэтому государственный орган, реализуя положение, содержащееся в источнике международного права, фактически и юридически реализует не норму международного права, а комплексную правовую норму, образуемую в рамках правовой системы государства вследствие действия отсылки к источникам международного права. Такая реализуемая комплексная норма, в отличие от нормы международного права, содержит структуру, обуславливающую возможность данной нормы регулировать внутригосударственные отношения.

ПРИМЕЧАНИЕ: При рассмотрении в Палате Лордов (Великобритания) одного из дел (**International Tin case**) Лорд **Оливер** подчеркнул, что "международные договоры в том виде, как они сформулированы, являются несамоисполнимыми. Поэтому такие договоры не являются частью права нашей страны, если только они не будут инкорпорированы в право с помощью законодательства" [168. С. 671, 694].

Даже если теоретически и предположить, что норма международного права может быть реализована в сфере внутригосударственных отношений, то субъекты международного права при создании такой международно-правовой нормы далеко не всегда могут предусмотреть в источнике международного права все элементы структуры нормы, предназначенной для регулирования отношений с участием субъектов национального права.

Так, в силу ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о регулировании процесса добровольного переселения, "переселенцы и члены их семей имеют право на свободное получение от миграционных служб Сторон информации: а) о содержании настоящего Соглашения; б) об условиях переселения; в) об их правах и обязанностях в государствах выезда и въезда" (Бюллетень международных договоров. 2004. N 6. С. 41). Как уже подчеркивалось выше, гипотеза и диспозиция данного договорного положения, ставшего частью правовой системы России, зафиксированы в источнике международного права, а санкция, в свою очередь, в источнике национального права. Поэтому если бы в национальном законодательстве отсутствовали бы нормы, регулирующие вопрос ответственности государственных органов за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, и в связи с этим невозможно было бы определить санкцию образованной в правовой системе страны комплексной нормы, то рассматриваемое нами положение ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о регулировании процесса добровольного переселения от 29 августа 1997 г. являлось бы несоизмеримым. Но в связи с закреплением в ГК РФ ст. 1069 (ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами) положение ст. 4 вышеупомянутого межправительственного соглашения является самоисполнимым.

Необоснованность возможности существования самоисполнимых норм международного права подтверждается не только на структурном уровне (**гипотеза, диспозиция и санкция**), но и на уровне элементов отношений (**субъект, объект, субъективные права и обязанности, юридические факты**), регулируемых соответствующей социальной нормой (трансформированной нормой международного права, если авторы придерживаются позиции трансформации или иного процесса, аналогичного по своему содержанию, или непосредственно нормой международного права).

Так, объектом правового регулирования Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. являются, в частности, права и обязанности коммерческих предприятий, выступающих в роли продавца и покупателя по договорам международной купли-продажи, а также вопросы ответственности продавца и покупателя в случае ненадлежащего исполнения своих обязательств. Но Конвенция, к примеру, не определяет, кто может выступать в качестве коммерческих предприятий в пределах юрисдикции государств - участников Конвенции. Эти вопросы должны регулироваться национальным законодательством государства-участника. Данный пример с очевидностью подтверждает не только тезис об отсутствии самоисполнимых норм международного права, но и позицию, изложенную выше, согласно которой реализация любой нормы международного права требует с необходимостью использование внутригосударственного правотворчества как метода национально-правовой имплементации.

Следует говорить не о самоисполнимых нормах международного права, а о самоисполнимых и несоизмеримых положениях, которые находят закрепление в том или ином источнике международного права, включая международный договор. Если положения источника международного права совместно с положениями, зафиксированными в национально-правовых источниках либо в иных источниках международного права, не позволяют четко определить все элементы структуры вновь образованной в правовой системе государства комплексной нормы, а также все необходимые элементы отношения, регулируемого указанной выше нормой, то положение договора должно быть признано несоизмеримым, т.е. не подлежащим непосредственному применению национальными судами.

Самоисполнимость положений международного права должна зависеть не только от международного, но и внутригосударственного права. Данный вывод, применительно к международным договорам, подтверждается п. 3 ст. 5 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации": "**Положения** официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты". Представляется, что закон исходит из того, что если в рамках национального права государства уже существуют положения, источником которых являются в том числе национально-правовые акты, которые дополняют положения международного договора, тем самым обуславливающие наличие правовой нормы, которая будет регулировать внутригосударственные отношения, либо в договоре закреплены все элементы структуры комплексной нормы или элементы содержания подлежащего регулированию отношения, то, естественно, такие договорные положения могут непосредственно быть реализованы государственными органами. Однако если в национальном праве отсутствуют дополняющие положения, то

соответствующие положения международного договора объективно не могут быть реализованы в сфере внутригосударственных отношений, и поэтому с целью непосредственной реализации международно-договорных положений государство обязано принять внутригосударственные нормативные правовые акты. Причем данная обязанность, как неоднократно подчеркивалось выше, носит не только национально-правовой, но и международно-правовой характер.

Хотелось бы вновь обратить внимание на то, что Закон говорит о непосредственном действии именно **положений** международного договора, а не норм международного права.

Если во исполнение международно-правовых обязательств, предусматриваемых в международном договоре, государство принимает правовые нормы, содержание которых позволяет избежать обращения к положениям, зафиксированным в международном договоре, то здесь подразумевается **международно-правовой аспект**. Государство посредством национального правотворчества осуществляет реализацию норм международного права.

Так, например, в порядке реализации международно-правовых обязательств в Уголовном кодексе РФ предусматривается, в частности, ответственность за нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360), за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353), за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354) и т.д. Государственный орган в сфере внутригосударственных отношений применяет соответствующие статьи УК РФ, не реализуя в данной сфере положения, содержащиеся в источниках международного права.

Однако если государство принимает дополняющее законодательство, направленное и способствующее созданию в рамках правовой системы государства комплексной нормы, то здесь подразумевается **национально-правовой аспект** осуществления положений международного договора. В данном случае положения международного договора наряду с иными положениями предусматриваемыми в специально принятом "дополняющем законодательстве", сформировав комплексную норму, должны действовать непосредственно.

Присутствие такого законодательства предоставляет возможность органам государств непосредственно реализовывать положения, содержащиеся в международном договоре.

Так, в силу ч. 3 ст. 6 уже вышеупомянутого Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о регулировании процесса добровольного переселения от 29 августа 1997 г. "в случае продажи (иного распоряжения) переселенцем дома или иного строения (дачи, садового домика и т.п.) права на соответствующий земельный участок переходят к новому владельцу (пользователю) согласно правилам, установленным законодательством государства выезда" (Бюллетень международных договоров. 2004. N 6. С. 42). Отсутствие законодательства, регулирующего вопрос перехода права собственности на недвижимое имущество, делает соответствующее положение международного соглашения несамоисполнимым. В свою очередь, наличие такого законодательства позволяет органу государства непосредственно применять положения ч. 3 ст. 6 вышеупомянутого Соглашения.

В отличие от Закона о международных договорах РФ Гражданский кодекс РФ более четко и ясно разъяснил вопрос о возможности одновременного применения положений международного договора и внутригосударственного правового акта, принятого для реализации соответствующего положения.

В силу п. 2 ст. 7 ГК РФ "международные договоры Российской Федерации применяются к отношениям, указанным в пунктах 1 и 2 настоящего Кодекса, непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что **для его применения** требуется издание внутригосударственного акта" (Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301).

В Постановлении Пленума от 31 октября 1995 г. "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" Верховный Суд РФ также обратил внимание на то, что "положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственного нормативного акта, действуют в Российской Федерации непосредственно". В иных случаях **наряду** с международным договором следует применять соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений указанного международного договора".

Схема 2

Критерии (признаки) самоисполнимых норм международного права		
Общее указание в	Адресованность	Детальность

договоре, что его нормы применимы к отношениям в сфере национального права	нормы юридическим, физическим лицам или органам	(ясный и определенный характер) нормы [80. С. 159]
--	---	--

Общее указание в договоре, что его нормы применимы к отношениям в сфере национального права свидетельствует не о непосредственном применении договорных норм к определенной категории субъектов, а о содержании объекта отношений, регулируемых соответствующими договорными нормами международного права.

Так, в силу ст. 1 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова об избежании двойного налогообложения доходов и имущества и предотвращении уклонения от уплаты налогов от 12 апреля 1996 г. "настоящее соглашение применяется к лицам, которые являются резидентами одного или обоих Договаривающихся Государств" (Собрание законодательства РФ. 1999. N 36. Ст. 4375). Данное положение Соглашения означает, что Договаривающиеся Государства выполняют свои обязательства друг перед другом в отношении резидентов одного или обоих государств. Положение о резидентах в ст. 1 Соглашения формирует объект международного договора, т.е. то, по поводу чего и было заключено соответствующее межправительственное соглашение.

"Объект международного договора" - материальные и нематериальные блага, действия или воздержание от действий [85. С. 240].

Аналогичному толкованию подлежит ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Королевством Испания о социальном обеспечении от 11 апреля 1994 г., согласно которой "настоящий Договор распространяется на трудящихся, являющихся гражданами Договаривающихся Сторон, а также на членов их семей, которые подпадали или подпадают под действие законодательства Договаривающихся Сторон".

Статья 4 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров предусматривает, что "настоящая Конвенция регулирует только заключение договора купли-продажи и те права и обязательства продавца и покупателя, которые возникают из такого договора". Суть данного положения состоит в том, что государства - участники Конвенции обязуются обеспечить в пределах их юрисдикции реализацию прав и обязанностей продавца и покупателя, закрепленных в тексте Конвенции.

Адресованность нормы юридическим, физическим лицам или органам также представляется недостаточным для констатации того, что то или иное положение международного права является самоисполнимым.

Во-первых, норма международного права адресуется не физическим и/или юридическим лицам, а субъектам международного права.

Во-вторых, как было отмечено выше, кроме субъекта права в элементы регулируемого правовой нормой отношения входит объект отношения, субъективные права и юридические обязанности, а также юридические факты. Если указанные элементы отсутствуют, то положение международного права по объективным критериям должно являться несамоисполнимым.

И в-третьих, регулирующее воздействие международного договора в принципе может распространяться как на отношения с участием частных лиц, так и отношения, возникающие между государственными органами (федеральными и субъектами федерации), между государственными и муниципальными органами, а также между муниципальными органами. Причем речь может идти об отношениях, возникающих между публичными образованиями, находящимися в разных государствах.

Так, в силу ст. 3 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам "О принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местной власти Социалистической Республики Вьетнам" от 11 сентября 2000 г. "органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местной власти Социалистической Республики Вьетнам могут вести переговоры и достигать договоренности о сотрудничестве по вопросам, входящим в их компетенцию согласно законодательству каждого из двух государств, и подписывать в порядке, установленном этим законодательством, соответствующие соглашения, не являющиеся международными договорами".

В силу ст. ст. 2, 3 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады "О принципах и основах сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями и территориями Канады" от 18 декабря 2000 г., субъекты РФ и провинции и территории Канады могут заключать договоренности о сотрудничестве по вопросам, входящим в их компетенцию. Причем договоренности, заключаемые между субъектами РФ и провинциями и территориями Канады, не

являются международными договорами.

Детальность (ясный и определенный характер) нормы - критерий, который тесно связан с предыдущими, т.е. также акцентирует внимание на правах и обязанностях частных лиц. При анализе данного критерия С.Ю. Марочкин обращает внимание на так называемые "технические нормы, нормы регламентов ИКАО, соглашений по вопросам таможенного оформления грузов, положения Всемирной почтовой конвенции, касающиеся габаритов и веса почтовых отправок..." [80. С. 162]. Следует отметить, что сами технические стандарты не являются правовыми нормами, так как международно-правовыми нормами в данном случае будет являться правило поведения между государствами, иными субъектами международного права по поводу соблюдения соответствующих технических стандартов. Применительно к реализации технических норм должны действовать общие критерии: если возможно определить из положений, закрепляемых в источниках международного права, субъекта, субъективные права и юридические обязанности, объект отношений, юридические факты, с которыми связано действие (возникновение, изменение и/или прекращение) правоотношений, то в этом случае речь идет о самоисполнимых положениях международного права. Представляется, что критерии "четкости", "ясности", "конкретности", "полноты" являются достаточно неопределенными для констатации наличия или отсутствия самоисполняющихся международно-правовых положений. Использование данных критериев может привести к ситуации "правовой неопределенности", когда один суд применяет положения, предусмотренные международным договором, т.е. считает их самоисполнимыми, а другой, напротив, отказывает в применении соответствующих договорных положений. В свою очередь, правовая неопределенность является предпосылкой нарушения многих конвенций, в том числе в области защиты прав и свобод человека.

С.Ю. Марочкин в качестве "дополнительного" признака самоисполнимых положений международного права предлагает механизм реализации тех или иных положений, существующих в международном или национальном праве [80. С. 163]. Механизм реализации соответствующих норм является не критерием для самоисполнимости соответствующих положений международного права, а условием их реализации либо в сфере межгосударственных отношений (если речь идет о реализации нормы международного права), либо в сфере внутригосударственных отношений (когда речь идет о реализации положений, содержащихся в источниках международного права). Поэтому механизм реализации в том виде, как он понимается С.Ю. Марочкиным, было бы целесообразным рассматривать через систему элементов структуры комплексной нормы.

Так, согласно ст. 5 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгария о поддержке совместных структур в области добычи, транспортировки, переработки нефти и сбыта нефтепродуктов от 16 октября 1994 г. "Стороны обеспечат акционерным обществам и другим совместным структурам, создаваемым в рамках настоящего Соглашения, национальный режим деятельности".

Структура комплексной нормы, возникшей в рамках правовой системы России, будет выглядеть следующим образом: если созданы акционерные общества и/или другие совместные предприятия, а также имеются соответствующие законодательные акты, регулирующие вопрос предоставления национального режима таким предприятиям (**гипотеза**), то такие акционерные общества и/или другие совместные предприятия имеют право требовать от государственных органов предоставления им национального режима (**диспозиция**), в противном случае речь может идти о привлечении к правовой ответственности конкретных органов государства (**санкция**). В связи с этим до тех пор, пока государство - участник соглашения не примет нормативных правовых актов в части предоставления национального режима, соответствующее положение исследуемого нами Соглашения будет продолжать оставаться несамоисполнимым. Более того, национальное законодательство должно предусмотреть конкретный государственный орган, который бы предоставлял национальный режим вышеупомянутым предприятиям, так как в регулируемом отношении отсутствует обязанный субъект, т.е. отсутствует необходимый элемент правоотношения.

Таким образом, когда тот или иной элемент структуры комплексной нормы обусловлен наличием национального законодательства и/или дополнительных норм международного права, то это обстоятельство, при отсутствии соответствующих правовых норм, свидетельствует о несамоисполнимых положениях.

"К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств" (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации").

Необходимо иметь в виду, что несамоисполнимые положения международного права в сфере защиты прав и свобод человека обязывают государство не вмешиваться, не ограничивать соответствующие права и свободы. Однако если права и свободы человека вследствие действий

государства были нарушены (ограничены), то национальный суд не вправе отказать в защите частному лицу в защите его нарушенных прав и свобод, руководствуясь доктриной несамоисполнимых положений.

Так, в силу ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод "каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом.". Для того, чтобы реализовать данное положение Конвенции в Российской Федерации, должен быть закон, регулирующий вопросы лишения человека свободы в случаях, предусмотренных Конвенцией. Применительно к лишению свободы лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, действует Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Если бы данный Кодекс отсутствовал, то в Российской Федерации, не нарушая соответствующих конвенционных положений, невозможно было бы заключить человека под стражу.

В Постановлении от 28 октября 2003 г. по делу **Ракевич против Российской Федерации** Европейский суд по правам человека, рассматривая возможность оценки им (Судом) соответствия действий национальных властей закону, отметил, что "согласно п. 1 ст. 5 Конвенции отсутствие соответствия с требованиями национального права имеет результатом нарушение Конвенции, следовательно Европейский суд может и должен осуществлять некоторые полномочия по проверке такого соответствия" (Журнал российского права. 2003. N 5. С. 131 - 135).

В связи с тем, что с одной стороны, государство обязано обеспечивать реализацию своих международно-правовых обязательств посредством, в частности, принятия национальных правовых актов, а с другой - в сфере внутригосударственных отношений объективно невозможно реализовать несамоисполнимые положения, закрепляемые в том числе в международных договорах, необходимо, чтобы в рамках национально-правовой системы действовала **презумпция самоисполнимых положений международного права, ставших частью национальной правовой системы государства**. Суд, иной государственный орган либо орган местного самоуправления, участвующие в реализации международно-правовых обязательств в сфере внутригосударственных отношений, признавая те или иные положения несамоисполнимыми и тем самым отказывая в конкретном деле применить положения международного договора, иного источника международного права, обязаны обосновать свой отказ.

Нельзя не отметить, что вопрос о самоисполнимых международно-правовых положениях может касаться не только международных договоров, но и международных обычаев, решений международных межправительственных организаций, иных элементов системы международного права. Так, Европейский суд по правам человека по делу **Штукатуров против Российской Федерации** проанализировал вопрос о самоисполнимости в рамках внутригосударственных отношений принятых им обеспечительных мер.

Как следует из текста Постановления Европейского суда по правам человека от 27 марта 2008 г., в силу ст. 29 ГК РФ заявитель был признан недееспособным. В качестве опекуна была назначена его мама. Через некоторое время заявитель был помещен в психиатрическую больницу. Адвокат заявителя обратился в Европейский суд по правам человека с жалобой на предполагаемые нарушения Российской Федерацией ст. ст. 5, 6, 8, 13, 14 Конвенции.

В марте 2006 г. Суд, руководствуясь п. 39 Регламента, в отношении Российской Федерации по делу **Штукатуров против Российской Федерации** принял решение об обеспечительных мерах. Суд потребовал от России позволить заявителю встретиться с адвокатом в помещении больницы под контролем медицинского персонала. Данные меры были связаны с обеспечением возможности заявителю надлежащим образом представить свое дело в Суде. Суд был не удовлетворен отказом властей подчиняться указанным мерам. Национальные суды отказали адвокату в удовлетворении его ходатайства о встречи с недееспособным заявителем. Суды руководствовались концепцией самоисполнимых и несамоисполнимых международно-правовых положений. "Данные (обеспечительные) меры, по мнению национальных судов, адресованы Российской Федерации в целом, а не какому-либо конкретному органу" (**Штукатуров против Российской Федерации**, п. 142 Постановления от 27 марта 2008 г.).

ПРИМЕЧАНИЕ: Как следует из правила 39 Регламента Европейского суда по правам человека, Палата Суда или, в случае необходимости, Председатель могут по требованию стороны или любого другого заинтересованного лица, или по своей собственной инициативе предписать сторонам обеспечительные меры, которые следует принять в интересах сторон или надлежащего осуществления процедур в Суде. Информация об этих мерах доводится до сведения Комитета Министров. Причем Палата может запросить информацию от сторон по любому вопросу, касающемуся реализации предписанных ей обеспечительных мер.

Нельзя не отметить, что вопрос самоисполнимости касается исключительно применения в сфере отношений с участием субъектов национального права международно-правовых положений, ставших частью правовой системы государства. Государственные органы, не принимающие непосредственного участия в реализации международно-правовых положений в сфере внутригосударственных отношений, не должны сталкиваться с проблемой самоисполнимости и/или несамоисполнимости соответствующих положений. Так, Конституционный Суд РФ не применяет какие-либо правовые нормы, включая

международно-правовые положения, за исключением конституционных.

В связи с теорией комплексной нормы вполне закономерен вопрос о возможности непосредственного действия в сфере внутрисударственных отношений источника международного права. Автор настоящего Курса следует позиции, что непосредственное действие международного договора в сфере внутрисударственных отношений не означает непосредственное действие нормы международного права. Как известно, правовая норма может содержаться как в одном источнике права, так и в нескольких.

Коллектив авторов учебника "Теория государства и права" под ред. **М.Н. Марченко** отмечает, что "норма права не тождественна статье закона, а структура последней не совпадает со структурой правовой нормы. В одной статье нормативного акта (и даже - в одном нормативном акте) не могут быть выражены в полном объеме все элементы, из которых состоит правовая норма. Изложение одной правовой нормы в разных нормативных актах иногда обусловлено различием компетенции органов, определяющих разные части правовой нормы. В разных статьях нормативных актов, а то и в разных кодексах содержатся материально-правовые и процессуальные нормы." [132. С. 691, 692]. **А.Б. Венгеров** выделял бланкетную (открытую) диспозицию, т.е. "такое правило, которое может быть воспринято нормой права из других источников права. Например, закон устанавливает обязанность соблюдать правила дорожного движения, но какие конкретно правила станут в этом случае обязательными по закону, будет определяться набором из правил дорожного движения" [18. С. 440].

Указанные позиции полностью применимы и к нормам международного права. Одним из ярких примеров в этом отношении является санкция (ответственность) нормы международного права.

Как уже подчеркивалось выше, "в международном праве в абсолютном большинстве случаев не формулируются конкретные индивидуальные санкции. Отсутствие традиции фиксировать в нормах международного права индивидуальные санкции норм вовсе не означает их "несанкционированность", отсутствие санкций международно-правовых норм. Просто такова специфика и одновременно проблема международного права" [88. С. 625].

Так например, для урегулирования возникающих разногласий, как правило, в международных договорах предусматривается стандартное положение, согласно которому любые споры и разногласия, вытекающие из действия международного договора, подлежат урегулированию путем переговоров.

В силу ст. 17 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Албании о воздушном сообщении от 23 июня 1993 г., "любой спор, возникающий в связи с толкованием или применением настоящего Соглашения или приложения к нему, будет разрешаться посредством прямых переговоров между авиационными властями обеих Договаривающихся Сторон. Если упомянутые власти не придут к соглашению, спор будет разрешаться по дипломатическим каналам".

Статьи международных договоров достаточно часто отсылают к иным источникам международного права.

В соответствии со ст. 9 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о научно-техническом сотрудничестве в области гидрометеорологии от 27 марта 2002 г. "в целях обеспечения надлежащей и действенной защиты прав интеллектуальной собственности на результаты работ, предусмотренных программами сотрудничества в рамках настоящего Соглашения, а также на переданные результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ будут применяться законодательство государств Сторон, а также положения международных договоров, участниками которых являются Российская Федерация и Социалистическая Республика Вьетнам. В случае необходимости будут заключаться отдельные соглашения, содержащие условия, касающиеся защиты прав интеллектуальной собственности".

Таким образом, непосредственное действие источника международного права в сфере внутрисударственных отношений объективно не влечет за собой действие нормы международного права в сфере вышеупомянутых отношений. Речь может идти о непосредственном действии отдельных элементов структуры нормы международного права, составляющих часть комплексной нормы, но не всей международно-правовой нормы.

Необходимо также отметить, что наличие самоисполнимых положений в том или ином источнике международного права является общим условием для непосредственной реализации международно-правовых положений. В свою очередь, специальные условия действия международно-правовых положений рассматриваются нами ниже.

С учетом вышеизложенного важно определить, если положения источника международного права отдельно либо совместно с положениями, зафиксированными в национально-правовых источниках либо в иных источниках международного права, не позволяют четко определить все элементы структуры образуемой в правовой системе государства комплексной нормы, а также все необходимые элементы отношения, регулируемого указанной выше нормой, то международно-правовое положение должно быть признано несамоисполнимым, т.е. не подлежащим применению национальными судами.

Соответственно, если суд может определить все элементы структуры образованной в правовой системе государства комплексной нормы, а также все необходимые элементы отношения, регулируемого такой нормой, то речь идет о самоисполнимых международно-правовых положениях.

Но, если речь идет о вмешательстве в общепризнанные права и свободы человека, то суд не должен отказывать в защите указанных прав и свобод, руководствуясь доктриной "несамоисполнимых международно-правовых положений".

3.3. Общепризнанные принципы и нормы международного права и правовая система Российской Федерации

В сфере межгосударственных отношений субъекты международного права достаточно часто ссылаются на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Например, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. было отмечено, что "каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права. Каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права" [35. Т. 1. С. 72].

В преамбуле к Соглашению о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Республики Узбекистан от 22 июля 2004 г. подчеркивается, что "(стороны международного соглашения) придают важное значение международному сотрудничеству в правовой сфере и обеспечению защиты прав и свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права".

В национальном законодательстве России, как уже неоднократно подчеркивалось, также часто используется словосочетание "**общепризнанные принципы и нормы международного права**". Кроме ч. 4 ст. 15 Конституции РФ ссылка на данные нормы международного права предусматривается в Уголовном кодексе РФ ("Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права", п. 2 ст. 1 УК РФ), Уголовно-процессуальном кодексе РФ ("Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство", п. 3 ст. 1 УПК РФ) и т.д.

Однако несмотря на частое упоминание термина "**общепризнанные принципы и нормы международного права**", ни один международный акт, ни один внутригосударственный нормативный правовой акт не раскрывают данного понятия. Доктрина международного права также не дает четкого ответа, что следовало бы понимать под "общепризнанными принципами и нормами международного права".

С.В. Черниченко раскрывает понятие "принципы международного права" через категорию "общепризнанных норм международного права". Автор отмечает, что "принципы международного права - общепризнанные нормы международного права наиболее общего характера". В свою очередь, рассматривая термин "общепризнанные нормы международного права", **С.В. Черниченко** подчеркивает, что "общепризнанные нормы считаются таковыми потому, что практически все члены межгосударственного сообщества, прямо или косвенно, согласились считать их для себя обязательными. Они (нормы) образуют своеобразный каркас международного права. Общепризнанной является, например, норма, предусматривающая неприкосновенность личности дипломатического представителя, или норма, закрепляющая свободу судоходства в открытом море. Такого рода нормы могут воспроизводиться, подтверждаться и конкретизироваться в двусторонних и многосторонних международных договорах, но это не умаляет их значения как общепризнанных" [151. С. 9, 13].

И.И. Лукашук, осуществляя классификацию норм международного права, обращает внимание на универсальные нормы. Автор под "универсальными нормами" понимает "(нормы) общего международного права, обязательные для всех его субъектов. Существование таких норм, а также их значение подчеркиваются в универсальных международных актах. В таких актах и в национальном законодательстве они обычно именуется общепризнанными нормами международного права" [69. С. 136] (Однако автор, детально проанализировав место общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России, т.е. вопросы иерархии вышеупомянутых норм в сфере внутригосударственных отношений, так и не определил, что же является "общепризнанными принципами и нормами международного права").

Г.М. Вельяминов отмечает, что "под международно-правовыми принципами разумеются или отдельные особо важные, принципиальные нормы международного права, например "pacta sunt servanda" (договоры должны соблюдаться), или же комплексы норм, группирующихся вокруг основного концептуального правила-принципа и конкретизирующих это правило, например принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету" [17. С. 101].

Коллектив авторов учебника "Международное право" под ред. Ю.М. Колосова и Э.С. Кривчиковой не использует термин "общепризнанные принципы и нормы международного права". Но при классификации международно-правовых норм упоминают термин "универсальные нормы", которые "регулируют отношения всех субъектов международного права и составляют общее международное право", а также "основные принципы международного права", под которыми понимаются "концентрированно выраженные и обобщенные общепризнанные нормы поведения субъектов международных отношений по поводу наиболее важных вопросов международной жизни". Основные принципы международного права обладают, с точки зрения авторов, следующими важными характеристиками: универсальность (в число основных принципов включаются отраслевые); основные принципы имеют характер общепризнанных; основные принципы - принципы *jus cogens* [87.1. С. 41, 47, 48].

Авторы учебника "Международное право" под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова дают понятие "универсальной нормы международного права", под которой понимается норма, "регулирующая отношения, объект которых представляет всеобщий интерес, и признанные подавляющим большинством или всеми государствами". Принципы международного права авторы наделяют следующими характеристиками: принципы - это наиболее важные, коренные нормы международного права, являющиеся нормативной основой всей международно-правовой системы; принципы международного права являются наиболее общими нормами; принципы являются общепризнанными нормами, обязательными для всех государств; принципы - это императивные нормы *jus cogens*, обладающие высшей юридической силой; принципы имеют универсальную сферу действия, определяют содержание и методы сотрудничества государств в различных сферах; принципы международного права взаимообусловлены, имеют комплексный характер [91. С. 93 - 95].

Представляется, что при формулировании понятий "общепризнанный принцип международного права" и "общепризнанная норма международного права" следует, согласившись с большинством представителей отечественной доктрины международного права, исходить из того, что понятие "общепризнанная норма" обладает родовым характером, а "общепризнанный принцип" - видовым. Любой общепризнанный принцип является общепризнанной нормой международного права, но не каждая общепризнанная норма является общепризнанным принципом международного права.

"Общепризнанная норма международного права" - правило поведения, регулирующее межгосударственные отношения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, обеспечиваемое принудительной силой государств(-а) и/или международной межправительственной организации.

Похожее определение "общепризнанной нормы международного права" было дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5: "под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного" (п. 1).

Важно подчеркнуть, что, при формулировании определения "общепризнанной нормы международного права" было использовано нормативное определение "императивной нормы общего международного права", содержащееся в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., в связи с тем, что общепризнанные нормы международного права формируют "общее международное право", независимо от того, являются ли они (нормы) **диспозитивными** или **императивными**.

Императивная норма общего международного права - норма, которая "принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер" (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров).

"Диспозитивная общепризнанная норма международного права" - правило поведения, регулирующее межгосударственные отношения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, отклонение от которого допускается на основании соглашения субъектов международного права.

К примеру, иммунитет дипломатического работника предусматривается в диспозитивной общепризнанной норме международного права. Государство вправе отказаться от иммунитета своего дипломатического работника. "Диспозитивной является норма, запрещающая предоставлять политическое убежище в помещениях дипломатического представительства. Однако если какие-либо государства заключат договор, предусматривающий в их взаимоотношениях использование дипломатического убежища, это будет считаться вполне допустимым" [89. С. 43].

"Императивная общепризнанная норма международного права" - правило поведения, регулирующее межгосударственные отношения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, отклонение от которого не допускается даже на основании соглашения субъектов международного права.

Например, императивными общепризнанными нормами международного права являются основные принципы международного права - суверенного равенства государств, добросовестное выполнение международно-правовых обязательств, уважение прав и свобод человека и др. [89. С. 42, 43].

Общепризнанные нормы международного права могут предусматриваться в международном обычае, в международном договоре, решении международной межправительственной организации. Однако основополагающее значение для закрепления общепризнанной нормы имеет международный обычай, который является основным источником общего международного права.

Общепризнанную норму международного права от иных норм международного права отличает то, что **общепризнанная норма принимается и признается всеми или почти всеми государствами.**

"Принимается и признается" означает, что норма общего международного права является результатом соглашения между государствами и всякий другой путь вхождения их в международное право, например по решению свыше или по соглашению международных организаций, невозможен [131. С. 145; 153]. Следует подчеркнуть, что в настоящее время в доктрине международного права продолжают споры в отношении критерия общепризнанности нормы международного права - "признание всеми или почти всеми государствами" [69. С. 235 - 252; 121. С. 297 - 305]. Причем если норма признается всеми государствами, то, как правило, не возникают вопросы в отношении общепризнанности такой нормы. Однако следует иметь в виду, что общепризнанная норма международного права может и не признаваться всеми участниками мирового сообщества.

Так, современное международное право, и в частности основной принцип международного права - принцип суверенного равенства государств, оставляет за государством право не признавать сложившуюся или складывающуюся в межгосударственных отношениях общепризнанную норму международного права, включая даже императивные нормы международного права. Но такой отказ должен быть явно и недвусмысленно выраженным со стороны государственных органов, осуществляющих внешнюю политику конкретного государства. Если государство ведет себя пассивным образом, т.е. активно не возражает против той или иной складывающейся или сложившейся общепризнанной нормы, то такое поведение в международном праве будет свидетельствовать о согласии государства с соответствующей нормой. В связи с этим представляется необходимым подчеркнуть, что частью правовой системы России будут только такие общепризнанные нормы международного права, против которых Российская Федерация в лице государственных органов активно не возражает. Данное обстоятельство следует иметь в виду в ходе применения международно-правовых положений, отраженных в общепризнанных нормах.

При реализации соответствующих положений в сфере внутригосударственных отношений должна действовать презумпция согласия государства с общепризнанной нормой. Так, в случае необходимости, в суде требуется доказывать факт возражения со стороны государства в отношении формирующейся или уже сформированной общепризнанной нормы.

Однако это не означает, что в национальном суде не нужно доказывать факт общепризнанности подлежащего применению международно-правового положения, т.е. признания положения всеми или большинством государств международного сообщества.

В правовую систему России были включены не только общепризнанные нормы международного права, но и **общепризнанные принципы международного права.** Следует исходить из того, что общепризнанные принципы являются по своей правовой природе общепризнанными нормами, однако принципы представляют собой фундаментальные общепризнанные нормы. Речь идет не о любых общепризнанных нормах, а только об основополагающих, т.е. нормах, которые формируют "каркас" международного права.

Ряд авторов рассматривает принципы международного права в качестве общих (неконкретизированных) норм [71. С. 97; 91. С. 94; 151. С. 13].

Правовая норма не может носить общего характера, правовая норма, независимо от того, содержит ли она принцип или нет, всегда конкретна. Если та или иная правовая норма носит общий, т.е. неопределенный, нечеткий характер, как может показаться из рассуждений авторов, то такая норма не должна рассматриваться в качестве правовой. Нормы международного права, включая его принципы, применительно сферы межгосударственных отношений не должны составлять исключение из этого правила.

Основной принцип международного права - принцип суверенного равенства государств, являющийся общепризнанной нормой, закрепляет конкретные права и обязанности государств по отношению друг к другу. Согласно данному принципу, "каждое государство обязано уважать суверенитет других участников системы, т.е. их право в пределах собственной территории осуществлять законодательную, исполнительную, административную и судебную власть без какого-либо вмешательства со стороны других государств, а также самостоятельно проводить свою внешнюю политику".

Когда во исполнение общепризнанных принципов и норм международного права принимаются,

например, договорные нормы, то речь следует вести не о конкретизации, а о реализации соответствующих принципов в сфере международного правотворчества.

Рассмотрение общепризнанных принципов международного права в качестве норм, носящих общий характер, может послужить препятствием для надлежащей реализации соответствующих положений в сфере внутригосударственных отношений, так как у национальных судов, иных государственных органов может возникнуть впечатление о невозможности реализации рассматриваемых международно-правовых положений в силу их "общего" характера. Но судебная практика свидетельствует об ином.

Верховный Суд РФ, рассматривая в надзорном порядке гражданское дело по иску социально-экономического объединения "Ассоциация офицеров запаса" к У., У.Г., У.И. о выселении на решение Калининского районного суда г. Тюмени от 14 января 2004 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Тюменского областного суда от 25 февраля 2004 г. и постановление президиума Тюменского областного суда от 19 мая 2006 г., руководствуясь нормами международного права, отменил вышеуказанные судебные акты и дело передал на новое рассмотрение в суд первой инстанции. В **Определении от 13 марта 2007 г. по делу N 89-В06-19** Суд, в частности, отметил, что "согласно пункту 6 статьи 15 Закона РФ от 22 января 1993 г. "О статусе военнослужащих", действовавшего на момент возникновения спорных правоотношений, граждане, уволенные с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более, и члены их семей обеспечиваются органами местного самоуправления жилыми помещениями по установленным нормам не позднее чем в трехмесячный срок со дня подачи заявления для включения в списки нуждающихся в улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства. Документы о сдаче жилых помещений и выписке с прежнего места жительства указанными гражданами и членами их семей представляются при получении постоянной жилой площади. Указывая на незаконность занятия У. и членами его семьи спорного жилого помещения и принимая решение о выселении их из него без предоставления другого жилого помещения, суд руководствовался вышеприведенной нормой и исходил, по существу, из того, что у У., уволенного с действительной военной службы в запас по сокращению штата приказом Министра обороны Украины от 12 сентября 1992 г. и прибывшего для постоянного проживания в Российскую Федерацию, право на обеспечение жильем за счет Российской Федерации отсутствует, поскольку квартиру по прежнему месту службы в г. Стрий на Украине он не сдал, а приватизировал и продал. Между тем с такими выводами суда согласиться нельзя по следующим основаниям. В соответствии со статьей 1 Соглашения между государствами-участниками Содружества Независимых Государств о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей от 14 февраля 1992 г., за военнослужащими, лицами, уволенными с военной службы и проживающими на территории государств - участников Содружества, а также членами их семей сохраняется уровень прав и льгот, установленных ранее законами и другими нормативными актами бывшего Союза ССР. Однако данная норма международного договора не устанавливает обязанность лиц, уволенных с военной службы, сдавать жилые помещения, предоставленные им на территории государств - участников Содружества, для последующей реализации своих жилищных прав в соответствии с законодательством государства, на территорию которого указанные лица прибывают для постоянного проживания. Исходя из смысла законодательства как ранее регулировавшего, так и в настоящее время регулирующего правоотношения в сфере обеспечения жильем военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, сдача жилого помещения указанными лицами должна иметь место в тех случаях, когда это жилое помещение находится на территории Российской Федерации. Между тем из материалов настоящего дела усматривается, что У. жилого помещения на территории Российской Федерации не имел. До прибытия в г. Тюмень У. и члены его семьи проживали в квартире 17 дома 121 по улице Грабовецкой в городе Стрий на территории Украины. Поскольку указанное жилое помещение расположено за пределами Российской Федерации, на территории другого государства (Украины), то на него распространяется юрисдикция Украины, а не Российской Федерации, и поэтому именно от Украины должна исходить заинтересованность в сдаче У. данного жилья". (Судебный документ опубликован не был.)

Как видно, нижестоящие суды истолковали п. 6 ст. 15 Закона РФ от 22 января 1993 г. "О статусе военнослужащих" без учета общепризнанного принципа международного права - принципа суверенного равенства государств. Из указанного принципа следует положение, что законы государства прежде всего действуют в пределах территории данного государства. В свою очередь, Верховный Суд РФ истолковал вышеупомянутое положение Закона с учетом указанного общепризнанного принципа международного права, ставшего согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы России.

Важно иметь в виду, что общепризнанные принципы международного права - это **императивные нормы** международного права.

Принимая во внимание характер общепризнанных принципов, а также их функции в международном праве, все принципы международного права должны обладать свойством

императивности.

ПРИМЕЧАНИЕ: Верховный Суд РФ также исходит из правовой позиции, что все общепризнанные принципы международного права являются императивными нормами международного права (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5).

Причем императивность данной категории общепризнанных норм международного права зависит не от источника международного права, а от характера регулируемых ими межгосударственных отношений.

Если принцип международного права не обладает свойством императивности, то такой принцип теряет свою социальную сущность - является "каркасом" соответствующих общественных отношений. Поэтому совершенно справедливо подчеркивается, что субъекты международного права не вправе даже посредством соглашения изменять императивные нормы, включая принципы.

ПРИМЕЧАНИЕ: Исключением являются случаи, когда международное сообщество в целом в порядке реализации ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров соглашается об изменении одного императивного принципа международного права другим.

В связи с этим государства также не вправе принимать внутригосударственные правовые акты, которые противоречили бы императивным общепризнанным нормам международного права.

Но если речь идет о диспозитивных общепризнанных нормах международного права, то государства вправе не только заключать международные соглашения, содержание которых отличалось бы от содержания данной категории общепризнанных норм, но и принимать внутригосударственные правовые акты, которые могли бы не только дополнять, но и изменять соответствующие международно-правовые нормы.

Социальное предназначение принципов международного права предопределяет наделение этой категории норм свойством императивности. Если международное право допускает возможность заключения партикулярного соглашения, отличающегося от содержания принципа, то здесь предполагается существование общепризнанной диспозитивной нормы международного права, но не императивного принципа международного права.

Действующее международное право, а также доктрина международного права позволяет подразделить общепризнанные принципы международного права на две основные категории (вида): **основные принципы международного права (см. Схему 3) и отраслевые (специальные) принципы международного права.**

Схема 3

Основные принципы международного права									
принцип всеобщего уважения прав человека	принцип добросовестного выполнения международных обязательств	принцип суверенного равенства государств	принцип неприкосновенности или угрозы силы	принцип территориальной целостности и неприкосновенности государств	принцип мирного разрешения международных споров	принцип невмешательства во внутренние дела	принцип равноправия и самоопределения народов	принцип сотрудничества	принцип нерушимости государственных границ

Нормативное содержание вышеуказанных принципов раскрывается, в частности, в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г.), Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.

Содержание отраслевых принципов раскрывается в международных договорах, международных обычаях, а также решениях международных межправительственных организаций, являющихся источниками соответствующей отрасли международного права.

Международное право прав человека как самостоятельная отрасль международного права включает принцип достоинства и ценности человеческой личности; принцип равноправия народов;

принцип равноправия мужчин и женщин; принцип недопустимости дискриминации по признакам расы, пола, языка, религии [87.1. С. 474].

В сфере **международного воздушного права** действуют следующие отраслевые принципы: принцип суверенитета над воздушным пространством; принцип разрешительного порядка международных полетов и перевозок в суверенном воздушном пространстве; принцип обеспечения безопасности международной гражданской авиации; принцип взаимности; принцип свободы полетов за пределами государственной территории [88. С. 322 - 327].

Право охраны окружающей среды, являющееся одной из отраслей международного права, включает в себя принцип охраны окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений; принцип международного природоохранного сотрудничества; принцип предотвращения трансграничного ущерба окружающей среде; принцип ответственности за ущерб окружающей среде; принцип предварительной оценки воздействия на природную среду; принцип обмена информацией об экологической ситуации на национальном и региональном уровнях; принцип запрета военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду; принцип экологической безопасности [87.1. С. 598 - 601].

Таким образом, **"общепризнанная норма международного права"** - правило поведения, регулирующее межгосударственные отношения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, обеспечиваемое принудительной силой государств(-а) и/или международной межправительственной организацией. **"Общепризнанные принципы международного права"** - основополагающие общепризнанные нормы международного права, отклонение от которых недопустимо. При этом выделяются два вида принципов: основные и отраслевые общепризнанные принципы международного права.

3.3.1. Особенности реализации в сфере внутригосударственных отношений положений, содержащихся в общепризнанных принципах и нормах международного права

Особенность реализации в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых положений, отраженных в общепризнанных нормах международного права, связана с формой существования данных норм. **Основным источником существования общепризнанных норм международного права является международный обычай.** Нормативное определение данного понятия содержится в Статуте Международного Суда ООН, в силу ст. 38 которого Суд при разрешении переданных ему дел применяет, в частности, "международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы".

ПРИМЕЧАНИЕ: Г.М. Даниленко утверждал, что "данное определение имеет недостаток, так как всеобщая практика, признанная правовой нормой, является доказательством существования обычая", а не наоборот, как предусматривается в ст. 38 вышеупомянутого Статута [32. С. 10]. Аналогичной позиции придерживался Г.И. Тункин [144. С. 103].

Практика, конституирующая международный обычай, имеет различные формы проявления: односторонние акты государств, практика органов исполнительной власти, решения международных и национальных судов, внешнеполитические документы государств, правительственные заявления, дипломатическая переписка [90. С. 167].

Применительно к деятельности международных и национальных судов следует подчеркнуть, что функция суда заключается в применении, а не в создании правовых норм, если речь не идет об англосаксонской системе права. Поэтому судебные решения можно использовать в качестве доказательства существования общепризнанной (обычной) нормы международного права. В любом случае при определении существования обычной нормы приоритетное значение необходимо отдавать практике государства, осуществляемой органами, ответственными за внешнюю политику государства. В рамках правовой системы России такими органами являются Президент РФ, Правительство РФ, Министерство иностранных дел РФ, а также федеральные министерства и ведомства в пределах предоставленных им полномочий.

В настоящее время отсутствует сборник документов, который бы содержал все общепризнанные нормы международного права.

Однако несмотря на отсутствие такого перечня, следует иметь в виду, что содержание общепризнанных норм международного права раскрывается, в частности, в резолюциях, декларациях, иных документах, принимаемых в рамках Организации Объединенных Наций, включая решения Международного Суда ООН, ее специализированных учреждений, таких как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация труда (МОТ), Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международная морская организация (ИМО), Международный союз электросвязи (МСЭ), Всемирный почтовый союз (ВПС), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация интеллектуальной собственности

(ВОИС), Всемирная организация по туризму (ВОТ) и т.д.

"Решения Международного суда (ООН) представляют собой кладезь юридической мудрости, обобщают большой интернациональный опыт судебной деятельности, являются плодом коллективного творчества видных юристов, представляющих главные формы цивилизации и основные правовые системы мира. Овладение этим богатством национальными судьями сыграло бы важную роль в повышении уровня всей их деятельности, а не только той, что непосредственно связана с международным правом. Принимаемые Судом акты могли бы служить прекрасным учебником для всех, кто связан с деятельностью судов" [68. С. 202].

Верховный Суд РФ, оставляя в силе решение суда первой инстанции, в **Определении от 28 апреля 2000 г.** отметил, что "обсуждая вопрос о возможности удочерения Р. иностранными гражданами - супругами Г., суд обоснованно пришел к выводу о неправомерности такого удочерения, поскольку в нарушение положений норм международного права - ст. ст. 16, 17 Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновление на национальном и международных уровнях, Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. и российского законодательства - ст. ст. 122, 123, 124 Семейного кодекса Российской Федерации... не был соблюден принцип приоритетного устройства ребенка на воспитание в семье российских граждан. Следовательно, при решении вопроса об удочерении малолетней Р. иностранными гражданами не были выполнены защищающие интересы детей - нормы международного права, российского законодательства о приоритетном их устройстве на воспитание в семье происхождения - граждан Российской Федерации и не соблюдена предусмотренная в этих целях процедура учета детей, оставшихся без попечения родителей". (Данный судебный акт был получен с помощью СПС "КонсультантПлюс".)

Как видно, суд общей юрисдикции защитил права малолетней Р., зафиксированные как в общепризнанных нормах международного права, источником которых стал международный обычай, доказательством которого явилась Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновление на национальном и международных уровнях, договорных нормах международного права (Конвенция о правах ребенка), а также нормах национального законодательства Российской Федерации.

А. обратился с жалобой на решение окружной избирательной комиссии Октябрьского избирательного округа N 13 об итогах голосования 24 марта 2002 г. в Омский городской Совет, ссылаясь на существенные нарушения, имевшие место в ходе проведения выборов. Таким нарушением, он считает, является ненадлежащая информация на информационных стендах на избирательных участках о снятии кандидатом в депутаты своей кандидатуры, в связи с чем около 1000 избирателей не смогли правильно сделать свой выбор.

Верховный Суд РФ, оставляя без изменения судебные акты нижестоящих инстанций, в **Определении от 24 декабря 2002 г. по делу N 50-Впр02-8** отметил, что "в соответствии с п. "б" ст. 29 "Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека", принятой в г. Минске 26 мая 1995 г., каждый человек в соответствии с национальным законодательством имеет право и возможность в государстве, гражданином которого он является, голосовать и быть избранным на выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей.

В ст. ст. 15, 17 Конституции Российской Федерации указывается, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией, а общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Согласно п. 2 ст. 32 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме, а в соответствии с п. 3 ст. 3 Конституции высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

Согласно п. п. 1, 3 ст. 64 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" (ред. от 24.07.2007) суд соответствующего уровня может отменить решение избирательной комиссии об итогах голосования, о результатах выборов на избирательном участке, территории, в избирательном округе, в субъектах Российской Федерации в целом в случае нарушения порядка голосования, правил предвыборной агитации и финансирования избирательной кампании; установления факта подкупа избирателей кандидатами, избирательными объединениями, избирательными блоками, иными организациями, действующими в целях избрания определенных кандидатов (списков кандидатов); а также в случае нарушения порядка голосования и подсчета голосов (включая воспрепятствование наблюдению за их проведением), если эти действия (бездействие) не позволяют определить результаты волеизъявления избирателей. В п. 3 ст. 56 Закона Омской области "О выборах в органы местного самоуправления

Омской области" содержатся аналогичные правовые нормы.

Удовлетворяя жалобу А., суд первой инстанции пришел к правильному выводу, что в нарушение вышеуказанных правовых норм, гарантирующих право избирателей на свободное волеизъявление и свободный выбор, способ доведения информации на информационных стендах избирательных участков о снятии своих кандидатур кандидатами в депутаты В.И. Мельником и Н.А. Свиридовой рядом с фамилией кандидата А. ввел в заблуждение при голосовании избирателей, посчитавших снятой с голосования кандидатуру кандидата в депутаты А., а поэтому не позволяет достоверно определить результаты волеизъявления избирателей.

Суд первой инстанции правильно признал нарушенными положения международного, законодательства Российской Федерации и Омской области, указывающие на необходимость предоставления избирателям возможности свободного выбора и волеизъявления, а поэтому удовлетворил жалобу и отменил решение окружной избирательной комиссии Октябрьского избирательного округа N 13 об итогах голосования в Омский городской Совет 24 марта 2002 г.

Вывод суда первой инстанции о нарушении общепризнанных принципов международного и законодательства Российской Федерации свободного волеизъявления избирателей, с которым согласились кассационная и надзорная инстанции Омского областного суда, полностью соответствует тщательно исследованным судом первой инстанции доказательствам". (Данный судебный акт опубликован не был. См. архив Верховного Суда РФ.)

Таким образом, суд общей юрисдикции защитил избирательные права и свободы граждан, закрепленные, в частности, как в международном договоре, так и международном обычае.

Применяя международно-правовое положение, закрепленное в общепризнанной норме, суд, иной государственный орган должны тщательно изучить межгосударственную практику, различные формы ее проявления в соответствующей области международных отношений, а также позицию Российской Федерации применительно к общепризнанной норме международного права, возникшей в результате вышеупомянутой практики.

ПРИМЕЧАНИЕ: Речь, как отмечалось выше, идет о том, не возражает ли **явно** Российская Федерация против формирующейся или уже сформированной общепризнанной нормы международного права.

Следует отметить, что доктрина международного права исходит из того, что международный обычай, будучи источником международного права, закрепляет не только общепризнанные нормы международного права, но и региональные, т.е. нормы, обязывающие несколько государств [70. С. 128; 131. С. 144, 145]. Но, принимая во внимание доктринальное и логическое толкование, можно утверждать, что законодатель включил в правовую систему России только те международные обычаи, которые содержат общепризнанные нормы международного права.

Международные обычаи, содержащие региональные нормы, включая нормы, регулирующие отношения между двумя государствами, в правовую систему России включены не были. Поэтому при отсутствии в законодательстве РФ соответствующих отсылочных норм международно-правовые положения, закрепляемые в данной категории обычаев, не подлежат применению судами Российской Федерации. Представляется, что данное конституционное "упущение" в определенной степени было обусловлено недостатками формулировки ст. 38 Статута Международного Суда ООН.

Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность реализации общепризнанных норм в сфере внутригосударственных отношений.

Как неоднократно отмечалось выше, особенность международно-правовых норм, включая общепризнанные, заключается в том, что указанные нормы обязывают государство в целом, а не конкретные государственные органы. Представляется, что включение с помощью Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) общепризнанных принципов и норм международного права в правовую систему России недостаточно для надлежащей реализации соответствующих норм в сфере внутригосударственных отношений. Можно, конечно, исходить из предположения, что включение общепризнанных принципов и норм международного права обязывает все государственные органы Российской Федерации в своей деятельности руководствоваться положениями, содержащимися в вышеупомянутых нормах. Однако данное предположение может свидетельствовать о наличии "правовой неопределенности" в отношении того, какой конкретный орган государства является стороной в правоотношении, регулируемом нормой, образовавшейся вследствие включения в правовую систему России положений, отраженных в общепризнанных принципах и нормах международного права. Какой государственный орган наделяется правами и обязанностями, предусматриваемыми в соответствующей комплексной норме.

В связи с этим представляется целесообразным и необходимым при осуществлении внутригосударственной правотворческой деятельности уточнять конкретные государственные органы, обязанные уже в силу национального законодательства соблюдать положения общепризнанных принципов и норм международного права. Думается, что такая детализация субъекта реализации общепризнанной нормы будет способствовать эффективному исполнению Российской Федерацией соответствующих норм международного права.

Законодательная практика Российской Федерации учитывает вышеуказанную особенность.

Так, в силу Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ "О военном положении" "Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, выполняющие задачи в области обороны, применяются для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации в данной области" (Собрание законодательства РФ. 2002. N 5. Ст. 375).

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ "Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" "в своей деятельности Уполномоченный руководствуется Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным конституционным законом, законодательством Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права."

В отличие от ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, вышеупомянутые законодательные акты обязывают конкретные органы руководствоваться в своей деятельности положениями, зафиксированными в общепризнанных нормах международного права. В свою очередь, частные лица вправе требовать от конкретных органов государства выполнения соответствующей обязанности. Если государственный орган не выполняет своей обязанности и вследствие данного упущения ограничиваются права и свободы частного лица (физического и/или юридического), то такое лицо вправе обратиться с соответствующим заявлением в национальные судебные органы для защиты своих прав и свобод.

Одновременно с необходимостью конкретизации общепризнанных принципов и норм международного права в сфере отношений с участием субъектов национального права следует иметь в виду, что в силу ч. 1 ст. 17 Конституции РФ "в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией". Таким образом, права и свободы человека закрепляются не только в Конституции РФ, но и в общепризнанных нормах международного права. Поэтому, как уже отмечалось выше, если государственный орган в результате своих действий (или бездействия) нарушил права и свободы, предусматриваемые в вышеупомянутых нормах международного права, то национальный суд не вправе отказать в удовлетворении требования лица в защите его прав и свобод на том основании, что та или иная общепризнанная норма носит нечеткий, неконкретный, неопределенный характер и, таким образом, по мнению суда, не может быть применена в деле. Причем если национальный суд в рассматриваемом случае отказывает частному лицу в защите его прав и свобод, зафиксированных в общепризнанной норме международного права, то такие действия суда также должны рассматриваться как незаконное и необоснованное вмешательство в права и свободы со стороны государства и, как следствие, их нарушение.

Субъективное право человека, зафиксированное в общепризнанных принципах и нормах международного права, не может и не должно быть общим, если субъективное право существует, то оно должно обеспечиваться правосудием (ст. 18 Конституции РФ).

При осуществлении внутригосударственного правосудия государство закрепляет в источниках национального права, регулирующих определенную сферу общественных отношений, субъективные права частного лица, исходя из вышеупомянутых международно-правовых норм. Поэтому если в регулируемой сфере социальных отношений кто-нибудь нарушает соответствующие права, то, соответственно, частное лицо вправе безусловно требовать защиты нарушенных прав. Так, в частности, в ст. 2 Трудового кодекса РФ были закреплены принципы регулирования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права. Представляется, что ст. 2 необходимо рассматривать в качестве конкретизации международно-правовых обязательств России применительно к трудовым отношениям.

В решении от 20 октября 2003 г. по делу N ГКПИ03-1072 Верховный Суд РФ, удовлетворив заявление о признании недействующим подп. "а" п. 15 Постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 г. N 1145 "О порядке и условиях совмещения профессией (должностей)", указал, что "исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, одним из основных принципов правового регулирования трудовых отношений Трудовой кодекс устанавливает свободу труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности... Оспариваемые заявителем положения нормативного акта запрещают главным специалистам предприятий, учреждений и организаций совмещение профессий (должностей). Между тем в силу статьи 3 Трудового кодекса РФ запрещена дискриминация в сфере труда. Не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите. Федерального закона,

устанавливающего требования, в соответствии с которыми ограничиваются права главных специалистов предприятий, учреждений и организаций на совмещение профессий (должностей), не имеется. Названные категории работников не относятся к лицам, нуждающимся в повышенной социальной и правовой защите".

Как видно, обжалуемый национально-правовой акт потенциально нарушал (ограничивал) субъективные права заявителя, предусмотренные Трудовым кодексом РФ, и положения, содержащиеся в общепризнанных нормах международного права. В связи с тем, что такое вмешательство не основывалось на федеральном законе (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ), а также не было необходимым, Верховный Суд РФ правомерно признал незаконным подп. "а" п. 15 Постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 г. N 1145 "О порядке и условиях совмещения профессией (должностей)".

ПРИМЕЧАНИЕ: Представляется, что процитированная формулировка ст. 3 Трудового кодекса РФ частично противоречит ст. 55 Конституции РФ. Нельзя противопоставлять процедуру ограничения прав работников согласно "федеральному закону" и в силу наличия "особой заботы государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите". Согласно Конституции РФ любое ограничение субъективных прав должно быть основано на федеральном законе, в свою очередь, наличие "особой заботы государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите", - это социально значимая цель, обуславливающая необходимость ограничения соответствующих прав, также являющаяся критерием правомерного вмешательства в права и свободы человека.

В настоящее время сложилась общепризнанная норма международного права, согласно которой любое вмешательство (ограничение, нарушение) в права и свободы человека, независимо от источника их закрепления, должно быть основано на правовой норме. Если норма отсутствует либо норма, на основании которой орган государства осуществил вмешательство в права и свободы, сформулирована недостаточно четко и конкретна, т.е., в частности, предполагает неоднозначное толкование, либо официально не опубликована, то вмешательство государства в соответствующие субъективные права и свободы должно быть расценено судом как правомерное. См., к примеру, Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. по делу **Смирновы против Российской Федерации**; от 9 июня 2005 г. по делу **Бакланов против Российской Федерации**; от 9 октября 2008 г. по делу **Моисеев против Российской Федерации**.

В связи с этим на государстве лежит не только международная, но и национально-правовая обязанность по конкретизации своих международно-правовых обязательств, отраженных в общепризнанных нормах, неисполнение которых может повлечь нарушение прав и свобод частного лица.

Так, если в ходе вооруженного конфликта международного характера Вооруженными Силами РФ будет применена сила, вследствие которой будут нарушены права и свободы человека: ущерб здоровью и/или имуществу, вмешательство в частную жизнь и т.д., то суд должен выяснить, насколько правомерно применялась вооруженная сила соответствующими государственными органами. Если речь идет о применении вооруженной силы в сфере межгосударственных отношений, то суд, в частности, должен истолковать понятие агрессии, являющееся одним из оснований применения вооруженной силы, в свете действующих общепризнанных и договорных норм международного права. Причем, как следует из содержания этих норм, не любая агрессия предоставляет возможность государству применить вооруженную силу, а только такая, которая сопряжена с вооруженным нападением на территорию государства. Если национальный суд в ходе этого анализа сделает вывод, что применение вооруженной силы было правомерным, то, естественно, соответствующее вмешательство в права и свободы также являлось правомерным. Поэтому при наличии факта вмешательства государства в права и свободы, гарантируемые как в Конституции РФ, так и в общепризнанных нормах международного права, национальный суд не вправе избегать анализа правомерности действий, вследствие которых были нарушены вышеупомянутые права и свободы.

Основной формой (источником) существования общепризнанных норм является **международный обычай**. Однако это не означает, что указанные нормы не могут найти свое закрепление в международных договорах. Устав ООН, являющийся международным договором, также содержит основные принципы современного международного права. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в силу ст. 43 Венской конвенции о праве международных договоров, "недействительность или прекращение договора ни в коей мере не затрагивают обязанности государства выполнять любое записанное в договоре обязательство, которое имеет силу для него в соответствии с международным правом, независимо от договора". Следовательно, если государство перестает по тем или иным причинам быть участником международного договора, содержащего общепризнанные нормы, то последние остаются обязательными для данного государства как общее международное право.

Это обстоятельство должны иметь в виду судебные органы Российской Федерации. Так, практически все универсальные договоры в сфере защиты прав и свобод человека содержат общепризнанные нормы международного права. В случае прекращения действия, к примеру,

Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., положения Пакта, предусматривающие права и свободы человека, будут действовать уже не в качестве договорных, а в качестве доказательства существования общепризнанных (обычных) норм международного права.

3.4. Международные договоры Российской Федерации и правовая система Российской Федерации

"Международный договор" - "международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или несколько связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования" (ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

Похожее понятие "международного договора", но уже применительно к правовой системе России, было закреплено в ст. 2 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" (в ред. от 1 декабря 2007 г.), согласно которой под **"международным договором Российской Федерации"** понимается "международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры (далее - иное образование), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования".

ПРИМЕЧАНИЕ: Внесенными изменениями в рассматриваемый Закон от 1 декабря 2007 г., в частности, была предоставлена возможность Российской Федерации заключать международные договоры с **"иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры"**.

Прежде чем определить критерии международного договора, положения которого реализуются в сфере внутрисубъектных отношений, а также условия такой реализации, необходимо остановиться на основных атрибутах, свойствах, присущих международному договору Российской Федерации как источнику международного права.

1. Международный договор РФ заключается Российской Федерацией как субъектом международного права. Ни субъект Федерации, ни физическое или юридическое лицо не могут являться стороной в международном договоре.

ПРИМЕЧАНИЕ: Соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключаемые субъектами Российской Федерации, международными договорами не являются (ст. 7 ФЗ РФ "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации").

Следует обратить внимание на то, что имеются международные договоры РФ, объектом регулирования которых является деятельность субъектов Российской Федерации. Так, в силу ст. 3 вышеприведенного Соглашения между Правительством РФ и Правительством Канады о принципах и основах сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями и территориями Канады от 18 декабря 2000 г. "договоренности, заключаемые между субъектами Российской Федерации и провинциями и территориями Канады, не являются международными договорами". Причем в ст. 2 Соглашения особо подчеркивается, что "субъекты Российской Федерации и провинции и территории Канады могут заключать договоренности о сотрудничестве по вопросам, входящим в их компетенцию".

Международный договор может быть заключен только с иными субъектами международного права - государствами, международными организациями, иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры. Причем речь идет не о любых международных организациях, а только о международных межправительственных организациях, которые являются субъектами международного права, т.е. обладают международной правосубъектностью.

Международная межправительственная организация - организация, которая создана на основании соглашения субъектов международного права либо на основании решения органа международной межправительственной организации, имеет постоянную и институциональную структуру.

В Постановлении от 24 декабря 2002 г. по делу N 6018/02 Высший Арбитражный Суд РФ отметил, что "суд кассационной инстанции правомерно указал на то, что договор международной перевозки грузов не может рассматриваться как перевозка, предусмотренная международным договором (соглашением), определение понятия которого дано в п. "а" статьи 2 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации".

Международные договоры Российской Федерации могут заключаться от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры) и от имени федеральных органов исполнительной власти (договоры межведомственного характера). Все подобные договоры в равной степени содержат международно-правовые обязательства Российской Федерации. Важно отметить, что международный

договор обязывает государство в целом как субъекта международного права независимо от того, какой орган государственной власти заключил такой договор - Правительство РФ или федеральное министерство, ведомство (см. **Таблицу 5**).

1 декабря 2007 г. в Закон "О международных договорах Российской Федерации" были внесены изменения: "Международные договоры Российской Федерации заключаются с иностранными государствами, а также международными организациями и иными образованиями от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры), от имени федеральных органов исполнительной власти или **уполномоченных организаций** (договоры межведомственного характера). Согласно подп. "и" ст. 2 Закона "**уполномоченная организация**" означает организацию, уполномоченную в соответствии с федеральным законом представлять Президенту Российской Федерации или в Правительство Российской Федерации предложения о заключении, выполнении и прекращении международных договоров Российской Федерации". В настоящее время одной из таких уполномоченных организаций является Государственная корпорация по атомной энергии "Росатом". В анализируемом аспекте важно подчеркнуть, что международные договоры РФ, заключаемые от имени уполномоченных организаций, по своему статусу приравниваются к договорам межведомственного характера. Соответственно, юридическая сила в правовой системе России международных договоров, заключенных от имени уполномоченных организаций, будет идентична юридической силе в правовой системе России договора межведомственного характера.

Таблица 5. Классификация международных договоров Российской Федерации

(п. 2 ст. 3 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации")

Вид международного договора РФ	Примеры
Межгосударственный договор	Консульский договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 25 апреля 2002 г. Договор вступил в силу 23 октября 2003 г.; Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. Устав вступил в силу для Российской Федерации 18 сентября 2003 г.; а также Соглашение о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности. Соглашение вступило в силу для Российской Федерации 18 сентября 2003 г.; Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Договор вступил в силу 31 января 2002 г.
Межправительственный договор	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о регулировании процесса добровольного переселения. Соглашение вступило в силу 4 марта 1999 г.
Договор межведомственного характера	Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Азербайджанской Республики от 19 апреля 1996 г. Соглашение вступило в силу для Сторон в день его подписания; а также Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации

и Министерством внутренних дел Латвийской Республики о сотрудничестве в сфере борьбы с организованной преступностью от 26 апреля 1996 г. Соглашение вступило в силу для Сторон в день его подписания // Сборник международных соглашений МВД РФ.

2. Международный договор РФ подчиняется и регулируется нормами международного права. Договор, заключаемый не между субъектами международного права, подчиняется не международному, а национальному праву государства, которое было выбрано сторонами такого договора.

Если Российская Федерация заключает гражданско-правовой договор с физическим или юридическим лицом, не являющимся резидентом Российской Федерации, то такой договор подчиняется национальному праву, избранному сторонами договора. При отсутствии соответствующего соглашения договор будет регулироваться правом, определяемым согласно коллизионным нормам (см., к примеру, ст. ст. 1210, 1211 ГК РФ).

Международный договор РФ является источником международного права, т.е. частью международно-правовой нормативной системы. Такой договор должен подчиняться правилам, действующим в этой системе и, в частности, международный договор РФ должен соответствовать императивным общепризнанным нормам международного права. Несоответствие международного договора императивным нормам международного права влечет недействительность (ничтожность) такого договора (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.). Более того, при заключении международного договора государствами, являющимися членами ООН, также следует иметь в виду, что в силу ст. 103 Устава ООН "в том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу".

3. При определении того, является то или иное соглашение международным договором РФ, не имеет значение конкретное наименование правового акта. Достаточно часто такие соглашения именуется "договором", "пактом", "конвенцией", "протоколом", "меморандумом" и т.д. - однако все они являются международными договорами.

К примеру: **Меморандум** между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о понимании об уведомлениях о пусках ракет от 16 декабря 2000 г., вступил в силу 16 декабря 2000 г.; **Протокол** между Правительством РФ и Правительством Республики Сан-Марино о сотрудничестве в области культуры, образования, спорта, туризма и торгово-экономической деятельности от 19 февраля 2002 г., вступил в силу 29 июля 2003 г.; **Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения** от 28 марта 1997 г., вступила в силу для Российской Федерации 16 октября 2001 г.; **Рамочное соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации** от 21 мая 2003 г., вступило в силу для Российской Федерации 14 апреля 2004 г.

Важно иметь в виду, что **термин "договор" является родовым**, а "пакт", "конвенция", "протокол", "меморандум", иные наименования международных договоров - видовым понятием.

Определяя, является тот или иной документ международным договором, необходимо обращать внимание на стиль изложения документа, намерения сторон, содержание документа. Международный договор, будучи источником международного права, содержит международно-правовые обязательства сторон, т.е. их субъективные права и обязанности (см. подробнее **Лекцию 2**).

3.4.1. Критерии международного договора Российской Федерации, реализуемого в сфере внутригосударственных отношений

Вступление международного договора в силу означает, что его положения стали обязательными для участвующих в нем сторон [130. С. 67, 68].

Однако, как отмечается в литературе, "необходимо различать вступление международного договора в силу, когда договор начинает действовать как источник международного права, т.е. порождать права и обязанности для его участников, и вступление договора в силу для конкретного государства" [129. С. 9].

Так, международный договор может быть источником международного права, но не быть обязательным для какого-либо участника, к примеру в силу того обстоятельства, что государство или иной субъект международного права не выразили своего согласия на его обязательность.

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная государствами - участниками Содружества Независимых Государств 7 октября 2002

г. в Кишиневе, вступила в силу 27 апреля 2004 г. для Белоруссии, Азербайджана и Казахстана, т.е. в отношении тех государств, которые ратифицировали данную Конвенцию. Однако указанный международный договор в настоящее время не является обязательным для Российской Федерации, так как Россия его не ратифицировала.

Если Российская Федерация выразила согласие на обязательность для нее международного договора, не вступившего в силу, т.е. не ставшего источником международного права, то такое соглашение также не будет являться международным договором Российской Федерации и, следовательно, входить в ее правовую систему.

Так, Федеральным законом от 21 августа 1996 г. Российская Федерация ратифицировала Соглашение между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о порядке комплектования и прохождения военной службы гражданами Кыргызской Республики в Пограничных войсках Российской Федерации, находящихся на территории Кыргызской Республики от 1 апреля 1994 г. Однако данное Соглашение вступило в силу лишь 18 марта 1997 г.

Действия государства, связанные с выражением согласия на обязательность договора, являются только одной из необходимых предпосылок для вступления международного договора в силу.

Международный договор подлежит реализации Российской Федерацией в сфере внутрисударственных отношений только в том случае, если данный договор стал источником международного права, т.е. вступил в силу, и в отношении такого договора Российская Федерация выразила свое согласие.

При вынесении **решения от 5 марта 2003 г. по делу N ВКПИ03-6** Верховный Суд РФ исследовал обязательные для России нормы международного права, положения которых могли быть применены в деле, однако в связи с их отсутствием требования заявителя о признании незаконным подп. "в" п. 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или отставку и службы в органах внутренних дел, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 6 сентября 1998 г. N 1054, удовлетворены не были.

В решении Судом было отмечено, что "статьей 3 Соглашения об обеспечении жилыми помещениями военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в государствах - участниках Содружества Независимых Государств от 28 марта 1997 г. предусмотрено, что указанная категория лиц при переезде на постоянное место жительства с территории одного на территорию другого государства-участника обеспечиваются по избранному месту жительства жилыми помещениями по нормам, установленным для граждан государства, на территорию которого они прибыли. Данное Соглашение распространяет свое действие на военнослужащих (кроме военнослужащих срочной службы), проходящих военную службу в государствах - участниках СНГ, состоявших ранее на военной службе в Вооруженных Силах бывшего Союза ССР, в Объединенных Вооруженных Силах СНГ, а также на граждан из числа указанных военнослужащих, уволенных с военной службы после 31 декабря 1991 г., и членов их семей, и являющихся иностранными гражданами по отношению к государству их пребывания или имеющих право на приобретение гражданства государства-участника, на территории которого избрано постоянное место жительства. Это соглашение было подписано Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном. До настоящего времени для России указанное Соглашение не вступило в силу. На основании изложенного необходимо прийти к выводу о том, что при выполнении внутрисударственных процедур и ратификации Соглашения Российской Федерацией несет на себе обязанность по обеспечению жилым помещением на условиях социального найма только военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, которые проходили военную службу в государствах-участниках СНГ, состояли ранее на военной службе в Вооруженных Силах бывшего Союза ССР, в Объединенных Вооруженных Силах СНГ и переехали из Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана на постоянное место жительства в Россию. (Решение Верховного Суда РФ опубликовано не было. См. архив Верховного Суда РФ.)

Международный договор не стал обязательным для Российской Федерации, и поэтому суд совершенно справедливо не применил положения, содержащиеся в таком договоре, при рассмотрении конкретного дела.

Выражение согласия на обязательность для международного договора может осуществляться в различных формах: **ратификация, утверждение, принятие, обмен документами, образующими договор или присоединение**, и т.д. Стороны могут договориться об ином способе выражения согласия на обязательность для государства международного договора. Как правило, конкретные способы выражения согласия на обязательность международного договора предусматриваются в заключительной части данного договора (ст. ст. 2, 6 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации").

Так, согласно ст. 18 Договора между Российской Федерации и Королевством Испания о передаче

для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы от 16 января 1998 г. "настоящий Договор подлежит ратификации".

Момент вступления в силу международного договора, как правило, предусматривается в тексте данного договора. В зависимости от договоренности сторон момент вступления договора в силу может быть связан с совершением определенных действий (подписание, утверждение, обмен документами, передачей ратификационных грамот и т.д.) или с наступлением событий или фактов (конкретная дата, истечение какого-либо срока после ратификации, вступление в силу другого договора и т.д.).

Применительно к процедуре вступления международного договора в силу текст договора может предусматривать следующую формулировку: "настоящее соглашение вступает в силу с даты последнего письменного уведомления о выполнении Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для вступления договора в силу".

Современное международное право, законодательство РФ предусматривают возможность **временного применения международного договора** до вступления его в силу.

В силу ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: "1. Договор или часть договора применяются временно до вступления договора в силу, если: а) это предусматривается самим договором; или б) участвовавшие в переговорах государства договорились об этом каким-либо иным образом. 2. Если в договоре не предусматривается иное или участвовавшие в переговорах государства не договорились об ином, временное применение договора или части договора в отношении государства прекращается, если это государство уведомит другие государства, между которыми временно применяется договор, о своем намерении не стать участником договора".

Согласно п. 1 ст. 23 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" "международный договор или часть договора до его вступления в силу могут применяться Российской Федерацией временно, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договоренность со сторонами, подписавшими договор".

В соответствии со ст. 15 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве и взаимодействии в обеспечении безопасности комплекса "Байконур", воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан, и лиц, входящих в их состав, данный международный договор временно применяется с момента подписания до вступления Соглашения в силу (Бюллетень международных договоров. 2004. N 5. С. 6).

Поэтому если сторонами была достигнута договоренность о временном применении международного договора до вступления его в силу, то, естественно, государство не только вправе, но и обязано реализовывать соответствующие договорные положения, в том числе и в сфере внутригосударственных отношений. Но, если временно применяемый международный договор не был официально опубликован, то положения такого договора ни при каких условиях не должны реализовываться в сфере внутригосударственных отношений.

Практика Российской Федерации свидетельствует, что временно применяемые международные договоры официально публикуются.

Так, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Чешской Республики об организации ремонта вертолетов типа Ми-24 (Ми-35), Ми-171Ш (Ми-8, Ми-17) и их модернизации на территории Чешской Республики временно применяется с 27 апреля 2001 г. Указанное соглашение было опубликовано в "Бюллетене международных договоров", N 12 (декабрь), 2007 г.

Отказ в реализации в сфере внутригосударственных отношений положений временно применяемого международного договора будет нарушать **общепризнанный принцип международного права - добросовестного выполнения международных обязательств**, согласно которому "государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права, а также обязательства, вытекающие из договоров, в которых оно участвует, если эти договоры действительны согласно указанным принципам и нормам" [89. С. 60].

Важно обратить внимание еще на один аспект обязательности международного договора для государства. Государству, подписавшему международный договор, в отношении которого государство не выразило своего согласия (допустим, не ратифицировало), запрещается совершать действия, которые противоречили бы объекту и целям подписанного договора.

ПРИМЕЧАНИЕ: "Государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор под условием ратификации, до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора" (ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров).

Так, Протокол N 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. запрещает применение смертной казни в качестве уголовного наказания в мирное время. Российская Федерация подписала указанный Протокол 16 апреля 1997 г., однако вплоть до настоящего времени в силу определенных обстоятельств данное международное соглашение не было ратифицировано Российской Федерацией. Но, следуя, в частности, вышеупомянутым положениям Венской конвенции о

праве международных договоров, Российская Федерация в лице судов общей юрисдикции не применяет смертную казнь в качестве уголовного наказания, т.е. надлежащим образом реализует свои обязательства.

Целью данного Протокола является запрет применения смертной казни в качестве уголовного наказания в мирное время, **объект** - действия государств - участников данного Протокола, направленные на запрет применения смертной казни в качестве уголовного наказания в мирное время.

Заключение международного договора в письменной форме. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., а также ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" исходят из того, что международный договор является соглашением, заключаемым в письменной форме. Однако в отличие от вышеупомянутого Закона, Венская конвенция предусматривает, "тот факт, что настоящая Конвенция не применяется к международным соглашениям, не в письменной форме, не затрагивает... юридической силы таких соглашений".

Если международный договор становится частью правовой системы России, т.е. положения такого договора могут быть реализованы в сфере внутригосударственных отношений, следует признать, что такой договор по объективным причинам должен быть заключен в письменной форме. Однако если речь идет о реализации международного договора вне сферы вышеупомянутых отношений, то такой договор в принципе может быть заключен и не в письменной форме.

Так, при осуществлении правотворческой деятельности государство может принимать во внимание международные договоры, заключаемые как в письменной, так и в устной форме. Более того, соблюдая вышерассмотренные принципы, такие договоры могут использоваться государственными органами при толковании норм внутригосударственного и/или международно-правовых положений, ставших частью правовой системы государства. Но в любом случае положения, содержащиеся в таких устных международных договорах, не могут быть применены либо реализованы в иной форме в сфере внутригосударственных отношений.

Таким образом, **основными критериями международного договора**, ставшего частью правовой системы России и положения которого подлежат реализации в сфере внутригосударственных отношений, являются: вступление договора в силу и заключение такого договора в письменной форме. Однако кроме критериев существуют **условия** реализации международного договора в рамках правовой системы государства.

3.4.2. Условия реализации международного договора Российской Федерации в сфере внутригосударственных отношений

Национально-правовые системы мира свидетельствуют, что одним из важнейших и необходимых условий реализации международного договора в сфере внутригосударственных отношений является **официальное опубликование международного договора**. Условие официального опубликования международного договора тесно связано с условием заключения договора в письменной форме. Договоры, заключенные в письменной форме для того, чтобы стать частью правовой системы, как правило, всегда подлежат официальному опубликованию. Однако официальному опубликованию могут подлежать и договоры, заключаемые в устной форме [73. С. 537].

Однако если речь идет о правовой системе России, то официальному опубликованию подлежат только такие международные договоры, которые заключены в письменной форме (ст. ст. 2, 30 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации").

Как следует из содержания ст. 15 Конституции РФ, п. 3 ст. 5, ст. 30 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", суды должны применять только те международные договоры РФ, которые были официально опубликованы.

Закон "О международных договорах Российской Федерации" в ред. от 1 декабря 2007 г. предусматривает четыре источника официального опубликования международных договоров РФ (ст. 30 Закона) (см. **Таблицу 6**).

Таблица 6. Источники официальной публикации международных договоров Российской Федерации (ст. 30 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации")

Источник официальной публикации	Вид вступивших в силу международных договоров Российской Федерации
Собрание законодательства	Международный договор Российской Федерации, согласие в отношении которого было выражено

Российской Федерации	в форме федерального закона, независимо, от чьего имени был заключен договор. Это может быть межгосударственный договор, межправительственный договор, договор межведомственного характера, а также договор, заключенный от имени уполномоченной организации
Бюллетень международных договоров	Международный договор Российской Федерации, согласие в отношении которого было выражено в форме федерального закона, независимо, от чьего имени был заключен договор. Это может быть межгосударственный договор, межправительственный договор, договор межведомственного характера, а также договор, заключенный от имени уполномоченной организации. Международный договор Российской Федерации, согласие в отношении которого было принято Правительством Российской Федерации
Официальные издания органов исполнительной власти	Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера, заключенные от имени федеральных органов исполнительной власти
Официальные издания уполномоченных организаций	Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера, заключенные от имени уполномоченных организаций

Публикация вступивших в силу международных договоров РФ в иных источниках не будет являться официальной публикацией, и, таким образом, положения, содержащиеся в таких договорах, не должны применяться судами Российской Федерации.

"Исходя из смысла частей 3 и 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 3 статьи 5 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" судами непосредственно могут применяться те вступившие в силу международные договоры, которые были официально опубликованы в "Собрании законодательства Российской Федерации" или в "Бюллетене международных договоров" в порядке, установленном статьей 30 указанного Федерального закона. Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера опубликовываются по решению федеральных органов исполнительной власти, от имени которых заключены такие договоры, в официальных изданиях этих органов" (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5).

Федеральный закон "О международных договорах Российской Федерации" вступил в силу с 15 июля 1995 г., и поэтому требование об официальной публикации международных договоров РФ в вышеупомянутых источниках действует именно с этого момента.

Указ Президента РФ от 11 января 1993 г. N 11 "О порядке опубликования международных договоров РФ", предусматривающий, в частности, опубликование вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров в ежемесячном "Бюллетене международных договоров", официальных изданиях министерств и центральных органов федеральной исполнительной власти (если речь идет о международных договорах РФ, заключенных от имени министерств и ведомств), а также в газете "Российские вести", не должен в настоящее время применяться на территории Российской Федерации. В свою очередь, если с 1 января 1992 г. и до 15 июля 1995 г. международный договор РФ был опубликован в порядке, предусмотренном вышеупомянутым Указом Президента РФ, то такая публикация считается официальной.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в настоящее время Российская Федерация в качестве **государства-продолжателя** исполняет обязательства, вытекающие из продолжающих действовать международных договоров, заключенных Союзом ССР, Федеральный закон "О международных договорах Российской Федерации" предусмотрел, что "настоящий Закон распространяется на международные договоры, в которых Российская Федерация является стороной в качестве государства - продолжателя СССР".

ПРИМЕЧАНИЕ: "Международные договоры СССР, обязательные для Российской Федерации как государства - продолжателя Союза ССР, опубликованы в официальных изданиях Совета Министров (Кабинета Министров) СССР. Тексты указанных договоров публиковались также в сборниках

международных договоров СССР" (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5).

В отношении официальной публикации международных договоров, заключенных Союзом ССР и продолжающих действовать в настоящее время, следует отметить, что данные договоры публиковались в "Ведомостях Верховного Совета СССР", "Сборниках действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами", "Сборниках международных договоров СССР", "Собрании постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик", в газетах "Известия" и "Правда". Государственные органы, включая суды Российской Федерации, в случае применения соответствующих договоров, вправе руководствоваться вышеупомянутыми источниками.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время официально публикуются только те международные договоры, которые вступили в силу для Российской Федерации. При публикации каждого международного договора дается ссылка, с какого момента данный договор вступил в силу для Российской Федерации. Причем, если речь идет о двусторонних международных договорах РФ, то ссылка содержит только дату вступления такого договора в силу, т.е. момент, с которого данный договор обязывает и Российскую Федерацию.

Если публикуются многосторонние международные договоры, то ссылка предусматривает дату, с которой такой договор стал обязательным именно для Российской Федерации, так как в многосторонних международных соглашениях, как правило, не все подписавшие договор стороны сразу становятся участниками данного международного соглашения.

К примеру, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., являющаяся многосторонним международным договором, вступила в силу для Российской Федерации 13 марта 1995 г.

Требование об официальном опубликовании международных договоров РФ не является простой формальностью. Любое частное лицо (гражданин, иностранец, лицо без гражданства, юридическое лицо) имеет право знать о правах и обязанностях, предусматриваемых в нормативных правовых актах, включая международные договоры РФ, ставшие неотъемлемой частью правовой системы России. Указанное право частного лица гарантируется, в частности, п. 3 ст. 15 Конституции РФ, согласно которому "любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения". Международный договор РФ является одним из таких нормативных правовых актов.

Необходимость соблюдения вышеупомянутого требования об официальном опубликовании международного договора подтверждается судебной практикой.

Областное государственное унитарное предприятие "Вичугская хлопковая база" обратилось в Арбитражный суд Ивановской области с иском к Ивановской таможене о признании недействительным требования об уплате таможенных платежей от 15.02.2001 N 1 на сумму 5188853 руб. 43 коп. Решением от 23.04.2001 иск удовлетворен. Постановлением апелляционной инстанции от 18.06.2001 решение оставлено без изменения. Не согласившись с принятыми судебными актами, Ивановская таможня обратилась в Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа с кассационной жалобой, в которой просит отменить решение и постановление Арбитражного суда Ивановской области. Отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, арбитражный суд подчеркнул, что "в соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы и подлежат официальному опубликованию. Данное требование Конституции Российской Федерации закреплено в ст. ст. 24, 30 Федерального закона от 15.07.1995 N 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации". Поскольку Соглашение от 10.10.2000 на момент выставления таможенных требований об уплате таможенных платежей не было опубликовано, то налог на добавленную стоимость с предприятия должен уплачиваться в соответствии с частью второй Налогового кодекса Российской Федерации. 10.10.2000 между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики было заключено Соглашение "О принципах взимания косвенных налогов во взаимной торговле". Данное Соглашение ратифицировано Российской Федерацией Федеральным законом от 27.12.2000 N 154-ФЗ. В соответствии со статьей 9 Соглашения оно вступает в силу с 1 января года, следующего за годом выполнения сторонами необходимых внутригосударственных процедур. После выполнения сторонами необходимых внутригосударственных процедур Соглашение вступило в силу с 01.01.2001. В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и в случае, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного права. В соответствии с п. 1 ст. 30 Федерального закона Российской Федерации "О международных договорах Российской Федерации" вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых для Российской Федерации приняты в форме Федерального закона, подлежат официальному опубликованию по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации в "Собрании законодательства

Российской Федерации". Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры (за исключением договоров межведомственного характера) официально опубликовываются по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации также в "Бюллетене международных договоров" (п. 2 ст. 30 Закона). Таким образом, международный договор Российской Федерации должен доводиться до всеобщего сведения путем опубликования. Арбитражный суд применяет вступившие в силу и должным образом доведенные до всеобщего сведения международные договоры Российской Федерации - международно-правовые соглашения, заключенные Российской Федерацией с иностранным(-и) государством(-ами). В спорном случае Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о принципах взимания косвенных налогов во взаимной торговле от 10.10.2000 не было в январе - феврале 2000 г. опубликовано и поэтому данное соглашение не подлежит применению". (Постановление опубликовано не было.)

Как свидетельствует практика, международный договор РФ официально публикуется по истечении определенного времени с момента вступления в силу для Российской Федерации. Иногда данный период времени растягивается на несколько лет.

Так, Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам вступил в силу 20 марта 1995 г. Однако указанный Договор был официально опубликован лишь в 1998 г. (Собрание законодательства РФ. 1998. N 2. Ст. 229; Бюллетень международных договоров. 1998. N 3. С. 12 - 32). Соглашение о правовом режиме информационных ресурсов пограничных войск государств - участников Содружества Независимых Государств, вступившее в силу 25 ноября 1998 г., было официально опубликовано в "Бюллетене международных договоров", N 7 за 2001 г. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Испания о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах от 14 июня 2000 г. вступило в силу 14 декабря 2000 г.

Представляется, что государственные органы, руководствуясь, в частности, **общепризнанным принципом международного права - добросовестное выполнение международных обязательств**, - должны официально публиковать текст международного договора одновременно с вступлением его (договора) в силу либо в кратчайшие сроки после этого.

Практика последних лет свидетельствует, что публикация международных договоров РФ осуществляется практически сразу после вступления в силу договора для Российской Федерации.

Так, Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожном движении, открытую для подписания в Вене 8 ноября 1968 г., вступило в силу для Российской Федерации 18 октября 2007 г.

Следует обратить внимание, что в "Бюллетене международных договоров" публикуются официальные сообщения Министерства иностранных дел РФ о прекращении или приостановлении действия международных договоров РФ.

Так, в "Бюллетене международных договоров", N 6 за 2004 г. было опубликовано официальное сообщение Министерства иностранных дел РФ о прекращении некоторых международных договоров РФ. Так, речь шла о прекращении с 18 января 2002 г. в отношениях между Российской Федерацией и Республикой Польша Договора, заключенного Союзом ССР и Польской Народной Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 декабря 1957 г.

Международные договоры РФ прекращают или приостанавливают свое действие независимо от публикаций соответствующих сообщений Министерства иностранных дел РФ. Поэтому суд должен не применять положения международного договора РФ с момента, когда договор прекратил или приостановил свое действие, а не с момента официальной публикации соответствующего сообщения МИДа России. Так, вышеупомянутый договор, заключенный Союзом ССР и Польской Народной Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, не должен применяться судами России с 18 января 2002 г., а не с момента официальной публикации МИДа России о соответствующем факте (2004).

Следующими необходимыми условиями реализации международного договора Российской Федерации в сфере внутрисоюзных отношений являются наличие: а) в национальном законодательстве государства отсылочной нормы к международным договорам; б) самоисполнимых положений, предусматриваемых в данном источнике международного права (см. подробнее **Лекцию 2**).

3.5. Решения международных межправительственных организаций и правовая система Российской Федерации

Доктрина международного права относит к источникам международного права не только международный обычай и международный договор, но и решения международных межправительственных организаций.

"Решения международных организаций являются источниками международного права в том

случае, если они согласно учредительным актам этих организаций имеют обязательный характер и содержат правила, рассчитанные на неоднократное применение, т.е. относятся к нормативным международно-правовым актам" [89. С. 25, 26].

Именно международные межправительственные организации вправе при соблюдении ниже рассматриваемых условий принимать решения, становящиеся источником международного права.

Часть 4 ст. 15 Конституции РФ включила в правовую систему международные обычаи, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры РФ. Возникает вопрос: включаются ли в правовую систему России и на каких условиях решения международных межправительственных организаций?

Целесообразно остановиться на основных положениях (критериях), характеризующих решения международных организаций в качестве источника международного права. Один из важнейших критериев заключается в том, что такие решения принимаются **международными межправительственными организациями**. Следует отметить, что среди источников международного права, ставших доступными автору настоящего Курса, отсутствует акт, который бы содержал нормативное определение понятия "международной межправительственной организации", ее критерии. В связи с этим логичным представляется обращение к доктрине международного права.

Так, **Э.С. Кривчикова** понимает под "международной межправительственной организацией" такое "объединение государств, которое основано международным договором для достижения общих постоянных целей на основе сотрудничества и совместных действий при уважении суверенитета государств-членов, имеющее постоянные органы, устав, структуру и другие организационные институты и цели, соответствующие по своему созданию и деятельности общепризнанным принципам и нормам, закрепленным в Уставе ООН" [59. С. 22].

И.И. Лукашук отмечает, что "международная (межправительственная) организация - организация, учрежденная договором государств-членов, придавших ей статус международной организации" [70.1. С. 93].

А.Я. Капустин определяет международную межправительственную организацию как "добровольное объединение независимых государств, созданное на основе международного соглашения, которое устанавливает цели и принципы объединения, наделяет его независимыми, постоянными органами (организационной структурой), предназначенными отстаивать коллективные интересы и способными выражать волю объединения, юридически отличную от воли его членов, или, иными словами, имеющими и осуществляющими самостоятельные права и обязанности, отличные от прав и обязанностей государств" [49. С. 133]. К существенным признакам международной межправительственной организации автор относит: а) исключительно межгосударственный характер объединения; б) юридической основой такого объединения выступает международное соглашение; в) постоянная и независимая организационная структура; г) юридическая самостоятельность.

Целью настоящего Курса не является дать исчерпывающего понятия "**международной межправительственной организации**", но с учетом вышесказанного можно определить:

Международная межправительственная организация - организация, созданная на основании соглашения субъектов международного права либо на основании решения другой международной межправительственной организации, имеющая постоянную и институциональную структуру.

В соответствии с учредительными документами международная межправительственная организация может наделяться полномочиями принимать в пределах предоставленной ей компетенции решения. Причем указанные решения могут носить для членов организации как рекомендательный, так и обязательный характер.

Так, согласно Уставу ООН, Генеральная Ассамблея применительно к отношениям между Организацией и государствами-членами по общим вопросам принимает резолюции, которые носят рекомендательный характер. В свою очередь, когда речь идет, к примеру, о выборах непостоянных членов Совета Безопасности, членов ЭКОСОС, назначении Генерального Секретаря ООН, о бюджетных вопросах, иных административно-технических вопросах, то, естественно, Генеральная Ассамблея принимает обязательные решения. Совет Безопасности также принимает рекомендации и решения, которые носят обязательную силу для государств - членов ООН [88. С. 381, 382].

Парламентская Ассамблея, будучи совещательным органом Совета Европы, в силу ст. 23 Устава Совета Европы обсуждает и дает рекомендации по любому вопросу, отвечающему цели и относящемуся к компетенции Совета Европы. В свою очередь, если речь идет о внутренних вопросах деятельности Парламентской Ассамблеи (избрание должностных лиц, утверждение Правил процедуры, назначение членов комитета, избрание судей Европейского суда по правам человека), то по смыслу ст. 30 Устава Совета Европы решения по этим вопросам являются обязательными. Аналогичная сила имманентна решениям, принимаемым Комитетом Министров, по любому вопросу, касающемуся внутренней организации и порядка работы Совета Европы (ст. 16 Устава) (Собрание законодательства РФ. 1997. N 12. Ст. 1390).

В силу ст. 12 Устава Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. решения, принимаемые органами Организации (Совет коллективной безопасности, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Комитет секретарей советов безопасности), являются обязывающими для государств-членов.

Нельзя не обратить внимания на то, что ряд договоров, учреждающих международные межправительственные организации, непосредственно в тексте не предусматривает, что решения, принимаемые органами организации, являются обязательными. Однако обязательность указанных решений может вытекать из толкования соответствующих договорных положений.

Так, согласно ст. 11 Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества от 5 июня 1998 г. Совет министров иностранных дел, будучи основным действующим на регулярной основе органом Черноморского экономического сотрудничества, принимает решения по всем вопросам, касающимся функционирования данной Организации. В соответствии со ст. 18 Устава механизм принятия решения определяется в Правилах процедуры Организации. Причем особо подчеркивается, что Совет министров иностранных дел в ходе принятия решений стремится к достижению консенсуса по всем вопросам (Бюллетень международных договоров. 2002. № 6. С. 16 - 18). Однако Устав прямо не предусматривает, что принимаемые решения являются обязательными. Представляется, что если в договоре, учреждающем международную межправительственную организацию, отсутствует упоминание об обязательной юридической силе принимаемых решений, то при прочих равных условиях должна презюмироваться такая сила в отношении этих решений. В противном случае смысл функционирования органов международных организаций теряет силу.

В. Моравецкий отмечает, что различают "три основных способа создания международной организацией норм, непосредственно обязательных для государств-членов: 1) внесение изменений в уставы международных организаций; 2) установление правил, определяющих поведение государств-членов вне организации (внешняя регламентация); 3) создание так называемого внутреннего права международной организации (внутренняя регламентация)" [78. С. 147].

Источником международного права являются обязательные нормативные решения, принимаемые международной межправительственной организацией (см. **Схему 4**).

Схема 4

Сферы реализации правотворческой функции международной межправительственной организацией		
Внесение изменений в уставы (учредительные договоры) международных межправительственных организаций	Установление правил, определяющих поведение государств-членов вне международной межправительственной организации (внешнее право организации)	Создание внутреннего права международной межправительственной организации

3.5.1. Внесение изменений в уставы (учредительные договоры) международных межправительственных организаций

В силу ст. 5 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. "настоящая Конвенция применяется к любому договору, являющемуся учредительным актом международной организации, и к любому договору, принятому в рамках международной организации, без ущерба для соответствующих правил данной организации".

Данное конвенционное положение означает, что действие международного договора, ставшего

учредительным актом международной межправительственной организации, подчиняется общим положениям, закрепленным в Венской конвенции о праве международных договоров. Но стороны в таком договоре могут предусмотреть иные правила действия такого договора, нежели те, которые содержатся в Конвенции. Прежде всего это касается процедуры изменения договора. По общему правилу, предусмотренному ст. 39 Конвенции, договор может быть изменен по соглашению между участниками. Однако учредительный акт международной организации вправе предусмотреть возможность изменения такого договора по решению органа.

Так, в силу ст. 108 Устава ООН, "поправки к настоящему Уставу вступают в силу для **всех** Членов Организации, после того как они приняты двумя третями голосов членов Генеральной Ассамблеи и ратифицированы, в соответствии с их конституционной процедурой, двумя третями Членов Организации, включая всех постоянных членов Совета Безопасности".

Согласно ст. 41 Устава Совета Европы, Комитет Министров вправе оформить поправки к Уставу в виде Протокола, который вступает в силу после его подписания и ратификации 2/3 членов Совета Европы.

В свою очередь, изменения к Уставу Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., а также Уставу Организации Черноморского экономического сотрудничества от 5 июня 1998 г. осуществляются на общих основаниях, предусмотренных Венской конвенцией о праве международных договоров.

Поэтому если учредительный договор не предусматривает специальный порядок изменения такого договора, то любые изменения в данный учредительный договор вносятся на общих основаниях, предусматриваемых Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. В свою очередь, если учредительный договор наделяет компетенцией определенный орган международной межправительственной организации внесения изменений в такой договор, то соответствующее решение, принятое организацией в соответствии с учредительным договором, должно являться обязательным и, как следствие, представлять собой источник международного права.

3.5.2. Создание внешнего права международной межправительственной организации

Возможность осуществления "внешнего правотворчества", т.е. принятие обязательных для государств - членов организации решений, должна быть предусмотрена учредительными договорами организации либо иными документами, принятыми организацией во исполнение учредительного договора.

Совет Безопасности в силу Устава ООН принимает не только рекомендации, но и решения, являющиеся обязательными для государств-членов.

Так, Резолюция 1267 (1999) Совета Безопасности ООН от 15 октября 1999 г. **обязала** все государства заморозить средства и другие финансовые ресурсы, включая средства, получаемые или извлекаемые благодаря имуществу, находящемуся во владении или под прямым или косвенным контролем движения "Талибан" или любого предприятия, находящегося во владении или под контролем движения "Талибан". Данное положение Резолюции, безусловно, носит обязательный и нормативный характер для всех государств - членов ООН. Однако данная резолюция также **призывает** государства возбуждать дела против подпадающих под их юрисдикцию физических и юридических лиц, нарушающих меры, определенные в Резолюции. Представляется, что в этой части положения данного международного акта носят рекомендательный характер.

Посредством Резолюции 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН **обязал** государства, в частности, ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались - или при осознании того, что они будут использованы - для совершения террористических актов. (Режим доступа: www.un.org).

"Внешнее право международной межправительственной организации" - система правовых норм, регулирующих отношения данной организации с иными субъектами международного права, включая отношения между организацией и ее государствами-членами, а также отношения, возникающие между государствами-членами такой организации. Решение международной межправительственной организации, предусматривающее данные категории норм, является источником международного права.

3.5.3. Создание внутреннего права международной межправительственной организации

"Внутреннее право международной организации" - система правовых норм, регулирующих отношения, возникающие внутри организации. Решения, принимаемые международной организацией для внутренней регламентации своей деятельности, являются источниками международного права.

Любому источнику международного права, включая решения международных межправительственных организаций, свойственно два критерия - **юридическая обязательность** и **нормативность**. Причем указанные свойства должны эксплицитно или имплицитно следовать из учредительного акта международной организации либо решений организации, принимаемых во исполнение учредительного акта.

"Нормативные решения" (в рамках настоящего Курса) - решения международной межправительственной организации, которые содержат правовую норму, рассчитанную на неоднократное применение в сфере регулируемых отношений.

Межгосударственная практика свидетельствует о том, что во исполнение учредительных договоров, иных международных договоров организация может принимать решения, имеющие обязательный характер, но не обладающие нормативным свойством, т.е. не рассчитанные на неоднократное применение. Поэтому такие решения будут являться не источником права, а результатом реализации уже готовых правовых норм, действующих в рамках международной организации. В данном случае речь прежде всего идет о решениях межправительственных судебных и арбитражных органов, применяющих нормы международного права при рассмотрении относящихся к их компетенции дел.

Решения, принимаемые международными судебными, арбитражными органами, являются обязательными, однако обязательность решений распространяется исключительно в отношении спорящих сторон. Несмотря на присутствие свойства обязательности, такие решения, не обладающие свойством нормативности, не должны рассматриваться в качестве источников международного права.

Статут Международного Суда ООН в ст. 38 рассматривает международные судебные и арбитражные решения не в качестве источника права, а в качестве **вспомогательного средства для определения правовых норм**.

Конституция РФ включила в правовую систему России международные договоры РФ, а также международные обычаи, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права. Но решение международной межправительственной организации, являющееся источником международного права, принимается во исполнение международного договора. Неисполнение государством соответствующих решений может повлечь за собой нарушение международного договора [138. С. 91]. Правовая связь международного договора, включенного в правовую систему государства, и решения международной организации, действующей на основании такого договора, обуславливают объективную необходимость включения решения такой международной организации, ставшего для государства источником международного права, в правовую систему данного государства. Трудно представить, что международный договор является частью правовой системы, а решение международной организации, принятое во исполнение такого договора, не формирует правовую систему государства.

С целью надлежащей реализации международно-правовых норм, источником которых являются решения международных межправительственных организаций, государство в сфере законодательной и/или правоприменительной практики должно четко заявить о своей позиции по вопросу, являются ли частью правовой системы России решения международных организаций, ставшие источником международного права для Российской Федерации.

В случае отсутствия ярко выраженной позиции по рассматриваемому вопросу, наличие вышеупомянутой объективной правовой связи между договором и решением организации, действующей на основе такого договора, может способствовать возникновению в сфере внутрисудебных отношений концепции наличия **имплицитной (скрытой) национально-правовой отсылки к решениям международных межправительственных организаций**, ставшим источниками международного права для государства. Национальные суды в своей деятельности могли бы исходить из указанной концепции. Указанная концепция основывается на **общепризнанном принципе международного права - принципе добросовестного выполнения международно-правовых обязательств**.

Рассматриваемая концепция **имплицитной национально-правовой отсылки** должна действовать в отношении всех видов решений международных организаций, представляющих собой источник международного права. Но указанная концепция не должна осуществляться применительно к рекомендательным решениям международных организаций. Исходя из природы указанных решений, здесь государство должно явно заявить о включении этих решений в свою правовую систему.

Объективная необходимость включения в правовую систему решений международных организаций, ставших источником международного права, обуславливается не только наличием правовой связи между решением и международным договором, во исполнение которого и было принято соответствующее решение, но также и тем обстоятельством, что вследствие реализации в сфере внутрисудебных отношений решений международной организации могут быть ограничены права и свободы частных лиц. В случае, если решение не будет включено в правовую систему, государство, ограничившее права и свободы частного лица вследствие реализации такого решения, не сможет в защиту своей позиции сослаться в национальном суде на данное решение. В свою очередь, если у государства отсутствовало правовое основание для осуществления вмешательства в права и свободы человека, то такое вмешательство, как уже неоднократно подчеркивалось выше, должно быть признано

незаконным. В связи с этим включение в правовую систему государства решений международных организаций, реализуемых в сфере отношений с участием субъектов национального права, также вызывается объективной правовой необходимостью эффективной защиты прав и свобод человека.

Важно подчеркнуть, что если положение, содержащееся в решении международной межправительственной организации, предусматривает **обязанности** частного лица, то такое решение, как неоднократно подчеркивалось выше, должно быть официально опубликовано. Но в настоящее время в правовой системе России отсутствует законодательство, которое бы регулировало порядок официальной публикации данных решений. Поэтому в принципе представляется обоснованным в настоящее время издание внутрисударственных правовых актов, связанных с имплементацией решений международных межправительственных организаций, ставших обязательными для Российской Федерации, и национальный суд в своей деятельности будет руководствоваться именно этими внутрисударственными (имплементационными) нормативными актами, но не решением организации.

В свою очередь, если положения, сформулированные в решении международной организации, содержат **субъективные права** частных лиц, а обязанным субъектом выступает государство, то можно предположить, что правовой необходимостью в официальной публикации соответствующих решений нет. Национальный суд мог бы защитить права и интересы, закрепленные в таких решениях, и при отсутствии официальной публикации таких нормативных правовых актов, основываясь на положениях международного договора, ранее уже включенного в правовую систему страны, во исполнение которого и было принято международной межправительственной организацией соответствующее решение.

Все методы национально-правовой имплементации норм международного права (**инкорпорационная отсылка, внутрисударственное правотворчество, толкование**) (см. подробнее **Лекцию 2**) в полной мере распространяются и в отношении международно-правовых норм, источником которых является решение международной межправительственной организации.

Но необходимо иметь в виду, что решение международной межправительственной организации может носить не только обязательный, но и рекомендательный характер, и тогда в этом случае представляется целесообразным обратить внимание на следующие обстоятельства.

Так, при осуществлении внутрисударственного правотворчества необходимо учитывать, что если речь идет о решении международной межправительственной организации, ставшем источником международного права для конкретного государства, то такое государство по общему правилу обязано принимать национально-правовые нормы, которые бы конкретизировали соответствующие международно-правовые обязательства применительно к сфере внутрисударственных отношений. В свою очередь, если решение международной межправительственной организации полностью или в части носит рекомендательный характер, то государство здесь обладает не **обязанностью**, а **правом** принимать соответствующие внутрисударственные правовые акты, которые бы конкретизировали нормы либо вводили в состав правовой системы страны соответствующие рекомендательные стандарты.

В сфере межгосударственных отношений рекомендательные решения носят характер рекомендаций, но если государство включает данные решения в свою правовую систему, то, соответственно, положения, содержащиеся в таких решениях, становятся уже обязательными для субъектов внутрисударственных отношений.

Указом Президента РФ от 10 января 2002 г. N 6 "О мерах по выполнению Резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. "Российская Федерация посредством данного нормативного акта конкретизировала применительно к сфере внутрисударственных отношений положения, зафиксированные в вышеупомянутой Резолюции, носящие как обязательный, так рекомендательный характер (Собрание законодательства РФ. 2002. N 2. Ст. 137). Так, в силу подп. "d" п. 1 вышеупомянутой Резолюции Совет Безопасности ООН **постановил**, т.е. обязал все государства, являющиеся членами Организации, "запретить своим гражданам или любым лицам и организациям на своей территории предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов, или финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или содействуют или участвуют в их совершении, организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц".

В свою очередь, Указ Президента РФ от 10 января 2002 г. в порядке реализации соответствующей международно-правовой нормы обязал федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации в своей деятельности в пределах соответствующих полномочий исходить из необходимости принимать "меры, с тем чтобы запретить гражданам Российской Федерации или любым лицам и организациям на территории Российской Федерации предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов либо финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты либо содействуют им или участвуют в их совершении, организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под

контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц". Но Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 предусматривает не только обязательные для государств-членов ООН положения, но и рекомендации, согласно одной из которых "(Совет Безопасности) **призывает** все государства обмениваться в соответствии с международным правом и внутригосударственным законодательством и сотрудничать в административных и судебных вопросах в целях предотвращения совершения террористических актов". В свою очередь, вышеупомянутый Указ Президента РФ уже **обязал** Федеральную службу безопасности РФ, Министерство финансов РФ, Министерство юстиции РФ, МИД России, Министерство обороны РФ, МВД России, Министерство экономического развития и торговли РФ, Службу внешней разведки РФ, Федеральную пограничную службу, Государственный таможенный комитет РФ, Центральный банк РФ в пределах предоставленной им компетенции в целях предотвращения совершения террористических актов "осуществлять в соответствии с международным правом и законодательством Российской Федерации обмен информацией с компетентными органами заинтересованных государств и сотрудничать с этими органами в административных и судебных вопросах".

Как было отмечено выше, если речь идет о рекомендательных решениях международных организаций, то для того, чтобы последние стали частью правовой системы государства, такие решения должны быть включены в эту систему посредством издания специального или общего внутригосударственного нормативно-правового акта.

ПРИМЕЧАНИЕ: Следует отметить, что понятие "рекомендательное решение" носит достаточно условный характер, так как в одном решении могут быть как обязательные, так и рекомендательные положения. Одним из ярких примеров являются Резолюции Совета Безопасности ООН. В связи с этим, когда речь идет о рекомендательных решениях, то в рамках настоящего **Курса** подразумеваются и такие решения международных организаций, которые полностью или в части содержат рекомендательные положения.

Так, согласно п. 2 ст. 70 Закона "О связи" "порядок расчетов между операторами международной электросвязи устанавливается на основе международных эксплуатационных соглашений и с учетом рекомендаций международных организаций электросвязи, участником которых является Российская Федерация". Таким образом, с помощью отсылки в правовую систему страны были включены (инкорпорированы) положения, содержащиеся в рекомендациях международных организаций электросвязи, участником которых является Российская Федерация (Собрание законодательства РФ. 2003. N 28. Ст. 2895).

Обязательность любой правовой нормы не может зависеть от неюридических условий. В связи с этим нельзя согласиться с порядком включения в правовую систему рекомендаций международных организаций, касающихся порядка исполнения наказания в Российской Федерации.

В силу п. 4 ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации "рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей".

Рекомендательные решения могут содержать в себе общепризнанные принципы и/или нормы международного права, т.е. являться доказательством существования таких норм (например, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., принятая Резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеей ООН). В этом случае со стороны государства отсутствует необходимость в принятии отсылки к таким решениям. Если конституция государства, иной национально-правовой акт провозглашает общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью его национально-правовой системы, то рекомендательные решения международных межправительственных организаций, являющиеся доказательством международного обычая, закрепившего вышеупомянутую категорию норм международного права, **автоматически** становятся составной частью правовой системы такого государства.

Конституция РФ провозгласила частью правовой системы России общепризнанные принципы и нормы международного права. Следует в этом случае подчеркнуть, что орган государства будет участвовать в реализации в сфере внутригосударственных отношений не самих рекомендательных решений, а международного обычая, содержащего общепризнанные принципы и/или нормы международного права, доказательством существования которого являются соответствующие решения.

Так, например, Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы от 9 декабря 1998 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме от 9 декабря 1988 г., также принятый Генеральной Ассамблеей ООН, будучи рекомендациями, содержат общепризнанные нормы международного права в сфере защиты прав и свобод человека. То есть указанные решения Генеральной Ассамблеи ООН являются доказательством, средством установления как факта существования соответствующей общепризнанной нормы международного права, так и ее нормативного содержания.

Особенность включения в правовую систему государства решений международных межправительственных арбитражных и судебных институтов обусловлена двумя аспектами:

с одной стороны, объективным отсутствием нормативного свойства у данных решений;

с другой стороны, решения, принятые против государства, обладают обязательной силой и, как правило, исполнение таких решений может затронуть права, свободы и обязанности субъектов внутригосударственных отношений, включая частных лиц.

Причем обязательная сила решения, принятого против государства, обусловлена соответствующими международно-правовыми нормами и, следовательно, решение обладает такой силой в сфере отношений, регулируемых международным правом. В связи с этим включение в правовую систему государства решений межправительственных арбитражей и судов должно осуществляться через **процедуру признания** за такими решениями обязательной силы в пределах юрисдикции государства.

Следует отметить, что действующее гражданское и арбитражное процессуальное законодательство России предусматривают процедуру признания и исполнения на территории Российской Федерации решений, принятых иностранными судами, а также иностранными третейскими судами (арбитражей).

Так, в силу ст. 409 Гражданского процессуального кодекса РФ "решения иностранных судов, в том числе решения об утверждении мировых соглашений, признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации".

Согласно п. 1 ст. 241 Арбитражного процессуального кодекса РФ "решения судов иностранных государств, принятые ими по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные суды), решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей, принятые ими на территории иностранных государств по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные арбитражные решения), признаются и приводятся в исполнение в Российской Федерации арбитражными судами, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом".

Но в данном случае речь идет, во-первых, о решениях иностранных **государственных** судов, а также иностранных арбитражей, в том числе коммерческих, вынесенных по спорам между частными лицами. Объективно невозможно использовать соответствующие положения ГПК РФ и АПК РФ для реализации на территории России решений, принимаемых арбитражами и судами, имеющими международно-правовую природу. Применительно к АПК РФ можно даже предположить, что иностранный международный третейский суд, являющийся международной межправительственной организацией или органом такой организации (к примеру, **Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, Постоянный третейский суд в Гааге**), примет против государства решение по инициативе частного лица. Однако и в этом случае невозможно применить соответствующие положения АПК РФ, так как отсутствует международный договор РФ о признании и приведении в исполнение указанных решений на территории РФ. Все это свидетельствует об объективной необходимости существования особого механизма признания и исполнения на территории Российской Федерации решений, ставших обязательными для государства и принятых в рамках международных арбитражных и судебных учреждений.

Государство может признать юридическую силу на своей территории решений, принимаемых международными межправительственными арбитражными и судебными институтами, посредством принятия закона, иного нормативного правового акта.

Так, в силу п. 2 Нормативного Постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 28 июня 2002 г. N 15 "О протесте Генерального Прокурора Республики Казахстан на нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 19 октября 2001 г. "О судебной практике рассмотрения заявлений о принудительном исполнении решений третейских судов" "судам (Республики Казахстан) следует иметь в виду, что в предусмотренных законодательными актами случаях, в том числе Законом "Об иностранных инвестициях", решения третейских (арбитражных) судов исполняются так же, как решения судебных органов Республики Казахстан". В свою очередь, Закон Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. "Об иностранных инвестициях" (в ред. от 1 сентября 1999 г.) предусматривает, в частности, нижеследующие международные арбитражные органы для рассмотрения инвестиционных споров: международный центр по урегулированию инвестиционных споров; арбитражные институты, учреждаемые во исполнение Арбитражного регламента Комиссии Организации Объединенных Наций по Международному торговому праву; Арбитражный институт Торговой палаты в г. Стокгольм (тексты вышеупомянутых нормативно-правовых документов находятся в архиве автора настоящего исследования). Иными словами, если один из вышеупомянутых третейских судов примет решение против Республики Казахстан в пользу какого-либо частного лица, то такое решение должно быть исполнено на территории Республики Казахстан.

30 марта 1998 г. Российская Федерация приняла Федеральный закон "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней". Данный Закон имеет не только международно-правовое значение - с помощью данного нормативного акта Россия выразила согласие в отношении данной Конвенции и Протоколов к ней, - но и национально-правовое - Россия признала обязательными в сфере внутригосударственных отношений постановления, принятые Европейским судом по правам человека против Российской Федерации. Согласно ст. 1 Закона "Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает **ipso facto** и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступлений в действие в отношении Российской Федерации" (Собрание законодательства РФ. 1998. N 14. Ст. 1514).

Таким образом, за постановлениями Европейского суда по правам человека, принятыми против Российской Федерации, была признана юридическая сила в сфере внутригосударственных отношений. Причем, как будет рассмотрено ниже, данные постановления Суда в рамках правовой системы России выполняют две основные функции: а) функцию, связанную с закреплением правовых позиций, возникших вследствие толкования Судом Конвенции; б) функцию юридического факта. Так, в частности, постановление Суда является основанием возникновения внутригосударственного отношения между государством и частным лицом, в пользу которого было принято постановление.

В правовую систему государства посредством внутригосударственного правотворчества могут включаться различные решения международных организаций, место и значение которых в этой системе зависит от содержания соответствующих решений. Частью правовой системы России должны являться решения международных межправительственных организаций, ставшие источником международного права для Российской Федерации. С этой целью государство в законодательстве должно закрепить соответствующую отсылочную норму. В противном случае правоприменительные органы в своей деятельности могли бы руководствоваться концепцией имплицитной отсылки к вышеупомянутым источникам международного права. Рекомендательные решения международных межправительственных организаций, содержащие общепризнанные принципы и/или нормы международного права, автоматически являются частью правовой системы России. Для того, чтобы иные решения международных межправительственных организаций, не являющиеся источниками международного права, стали частью правовой системы России, посредством внутригосударственного правотворчества необходимо явно признать юридическую силу указанных решений в сфере внутригосударственных отношений.

ПРИМЕЧАНИЕ: Следует отметить, что решения международных межправительственных организаций, независимо от того, обладают ли они свойством нормативности, в сфере внутригосударственных отношений могут выполнять функцию юридического факта. То есть принятие или отмена соответствующего решения международной организации может служить обстоятельством, являющимся основанием для возникновения, изменения или прекращения отношений с участием субъектов национального права.

Так, в силу п. 2 Указа Президента РФ "О мерах по выполнению Российской Федерацией Резолюции Совета Безопасности ООН в отношении создания международного механизма постоянного наблюдения и контроля за поставками в Ирак" "впредь до принятия Советом Безопасности ООН решения об изменении или отмене ограничительных мер, введенных в отношении Ирака, экспорт из Российской Федерации в Ирак товаров, технологий и иных средств, упомянутых в утвержденном пунктом 1 настоящего Указа Списке, за исключением материалов, оборудования и технологий, экспорт которых в Ирак в соответствии со Списком запрещен, может быть осуществлен только с разрешения Комитета, учрежденного Резолюцией 661 Совета Безопасности ООН от 6 августа 1990 г. ". Таким образом, в случае принятия соответствующего решения Комитетом допускается экспорт товаров из Российской Федерации в Ирак товаров, технологий и иных средств, упомянутых в утвержденном п. 1 Указа Списке.

3.6. Решения Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации

30 марта 1998 г. Российская Федерация Федеральным законом "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. с изменениями, внесенными Протоколами к ней N 3, N 5, N 8 и дополнениями, содержащимися в Протоколе N 2, и Протоколы к ней N 1, N 4, N 7, N 9, N 10, N 11 (далее - Конвенция), и с 5 мая 1998 г., с момента передачи ратификационных грамот Генеральному секретарю Совета Европы, указанная выше Конвенция и соответствующие Протоколы к ней стали обязательными для Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЕ: В соответствии со ст. 9 Протокола N 7 к Европейской конвенции о защите прав

человека и основных свобод указанный Протокол вступил в силу для Российской Федерации 1 августа 1998 г.

Одна из особенностей данного международного договора о правах и свободах человека заключается в том, что для обеспечения соблюдения международно-правовых обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции, был учрежден Европейский Суд по правам человека (далее - Суд).

В ходе своей деятельности при рассмотрении межгосударственных дел и дел, основанных на индивидуальных жалобах, Суд принимает решения о приемлемости и постановления по существу. В связи с этим не только в теоретическом, но и в практическом плане возникает вопрос: какое место в правовой системе России занимают данные судебные акты?

Конвенция наделила Европейский суд по правам человека компетенцией не только применять Конвенцию, но и осуществлять ее толкование (ст. 32 Конвенции). Таким образом, в рамках Совета Европы, под эгидой которого и была принята Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, право толковать и применять положения, содержащиеся в Конвенции, принадлежит исключительно Суду.

При вынесении решения или постановления практически по каждому делу Суд для обоснования своей позиции ссылается на ранее вынесенные им решения и/или постановления.

К примеру, по делу **Бурдов против Российской Федерации** Европейский суд по правам человека, констатируя, что несвоевременное исполнение судебного решения нарушает право на справедливое судебное разбирательство, сослался на Постановление Суда от 19 марта 1997 г. по делу **Hornsby v. Greece**. Отметив, что, по смыслу ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, "требование" о взыскании денежных средств, содержащееся в национальном судебном решении, включается в понятие "собственности", Европейский суд по правам человека сослался на Постановление от 9 декабря 1994 г. по делу **Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece** (**Бурдов против Российской Федерации**, п. п. 34, 40 Постановления от 7 мая 2002 г.).

По делу **Калашников против Российской Федерации** Суд для обоснования своей позиции по вопросу, насколько сроки предварительного и судебного следствий в отношении заявителя соответствовали критерию разумности (п. 1 ст. 6 Конвенции), сослался, в частности, на Постановление Суда от 10 декабря 1982 г. по делу **Corigliano v. Italy**, а также Постановление Суда от 24 ноября 1993 г. по делу **Imbrioscia v. Switzerland** (**Калашников против Российской Федерации**, п. 124 Постановления от 15 июля 2002 г.).

При рассмотрении дела **Посохов против Российской Федерации** Европейский суд, констатируя, что требование "законности", закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции, распространяется не только на институциональную основу деятельности суда, но и непосредственно на судей, осуществляющих правосудие, обратился к решению Суда по делу **Buscarini v. San Marino** от 4 мая 2000 г. (**Посохов против Российской Федерации**, п. 37 Постановления от 4 марта 2003 г.).

По делу **Смирновы против Российской Федерации** Суд, в частности, указал, что вопрос, являются ли сроки заключения лица под стражей разумными (п. 1 ст. 5 Конвенции), не может быть разрешен абстрактно, без оценки конкретных обстоятельств по делу. Продолжительное заключение под стражей может быть оправдано исключительно в том случае, когда по делу встречаются обстоятельства, имеющие общественное значение, которые, несмотря на презумпцию невиновности, обладают приоритетом над правом лица на личную свободу. Этими обстоятельствами могут быть, к примеру, реальная угроза обвиняемого, подсудимого скрыться от следствия, повлиять на ход следствия, а также угроза фальсификации доказательств, тайного сговора со свидетелями и т.д. При этом Суд для обоснования данной позиции по делу сослался на постановление от 26 июня 1991 г. по делу **Letellier v. France**, Постановление от 26 января 1993 г. по делу **W.v. Switzerland** и др. (**Смирнова против Российской Федерации**, п. п. 57 - 62 Постановления от 24 июля 2003 г.).

В Постановлении от 24 июля 2003 г. по делу **Рябых против Российской Федерации** Европейский Суд по правам человека подчеркнул, что п. 1 статьи 6 гарантирует каждому лицу, если речь идет о гражданских правах и обязанностях, право на рассмотрение его дела судом или трибуналом. Причем право на доступ к правосудию, заключающееся в возможности возбудить судебную процедуру по гражданскому делу, является одним из элементов права на суд. Право на суд являлось бы иллюзорным, если бы правовая система государства - участника Конвенции позволяла не исполнять окончательное решение по делу в интересах одной из сторон. Было бы непостижимо, если бы п. 1 ст. 6, предусматривая критерии судебной процедуры - справедливость, публичность, законность, осуществление правосудия в разумные сроки, не гарантировал исполнение окончательного судебного решения. Толкование п. 1 ст. 6 таким образом, что данная статья касается только доступа к правосудию, осуществляемому с учетом вышеупомянутых критериев, привело бы к ситуации, не совместимой с принципом верховенства права, который государства обязались соблюдать, ратифицируя Конвенцию. Для подтверждения данной позиции Европейский суд по правам человека сослался на Постановление от 19 марта 1997 г. по делу **Hornsby v. Greece**. Более того, указанная правовая позиция была

использована Судом вновь при рассмотрении по существу дела **Тимофеев против Российской Федерации**, когда Российская Федерация не исполняла на протяжении почти трех лет судебное решение о выплате компенсации за имущество, незаконно конфискованное вследствие осуждения заявителя (п. 40 Постановления от 23 октября 2003 г.).

В Постановлении по делу **Рябых против Российской Федерации** Европейский суд по правам человека впервые в своей практике сформулировал правовую позицию, согласно которой право лица на суд было бы иллюзорным, если бы правовая система государства предоставляла возможность вышестоящему суду отменить окончательное и обязательное решение по делу на основании заявления государственного чиновника (**Рябых против Российской Федерации**, п. п. 55, 56 Постановления от 24 июля 2003 г.).

По делу **Ракевич против Российской Федерации**, касающемуся лишения свободы душевнобольного лица, Европейский суд по правам человека в Постановлении от 28 октября 2003 г. подчеркнул, что "понятие "душевнобольного лица" не может содержать четкие и определенные критерии, поскольку психиатрия постоянно эволюционирует как в медицинском, так и социальном отношении. Однако недопустимо лишать лицо свободы исключительно только на том основании, что его либо ее взгляды расходятся с общепринятыми в обществе правилами". "Для того, чтобы лишение душевнобольного лица являлось законным, с точки зрения ст. 5 п. 1 (е) Конвенции, должны быть соблюдены три основных критерия. Во-первых, за исключением экстренных случаев, состояние заинтересованного лица должно быть исследовано объективной медицинской комиссией на предмет существования реальной душевной болезни. Во-вторых, болезнь должна сопровождаться такими симптомами, которые оправдывали бы лишение лица свободы. В-третьих, душевная болезнь должна быть на протяжении всего периода лишения лица свободы" (п. п. 26, 27 Постановления от 28 октября 2003 г.). Для аргументации соответствующих позиций Суд сослался на ранее рассмотренное им дело **Winterwerp v. the Netherlands**, Постановление от 24 октября 1979 г. Анализируя вопрос законности лишения свободы лица, в том числе душевнобольного, Суд отметил, что "принцип правовой определенности лежит в основе Конвенции. Для того чтобы государство соблюдало этот принцип, нормативно-правовой акт должен быть достаточно четким, чтобы заинтересованное лицо было в состоянии соизмерять свои действия с требованием законодательства, однако принцип не требует, чтобы нормативно-правовой акт был абсолютно точным" (п. 31 Постановления). Здесь Суд сослался на другое ранее принятое им Постановление от 26 апреля 1979 г. по делу **The Sunday Times v. the United Kingdom**.

В Постановлении от 29 января 2004 г. по делу **Кормачева против Российской Федерации**, касающемуся неоправданной задержки в рассмотрении трудового дела, Европейский суд по правам человека отметил, что именно на государстве лежит ответственность за организацию своей правовой системы таким образом, чтобы суды могли гарантировать каждому лицу принятие окончательного решения в течение разумных сроков, когда речь идет о гражданских правах и обязанностях. Государству предоставляются широкие возможности в отношении того, каким образом создать такую систему. Если государство позволяет судебному разбирательству продолжаться сверх разумных сроков, гарантируемых п. 1 ст. 6 Конвенции, не предпринимая каких-либо действий для исправления ситуации, то государство должно быть ответственно за такое упущение (п. 54 Постановления от 29 января 2004 г.). Для подтверждения данной позиции по делу Суд сослался на Постановление от 29 июля 2003 г. по делу **Price and Lowe v. the United Kingdom**.

Европейский суд по правам человека для подтверждения, обоснования своей позиции по делу практически всегда ссылается на ранее принятые им решения и/или постановления, поэтому возникает вопрос: возможно ли в данном случае говорить о **прецедентном праве** Суда?

Родиной "судебного прецедентного права" является Великобритания.

"Судебный прецедент" - решения высших судов, имеющие обязательную силу для нижестоящих судов и содержащие правовую норму [114. С. 107].

Поэтому **один из необходимых признаков, свойств судебного прецедента как источника права** заключается в том, что такой прецедент (решение суда) должен содержать правовую норму, т.е. общеобязательное правило поведения, обеспечиваемое принудительной силой государства (если речь идет о национальных правовых нормах). Можно ли утверждать, что решения и/или постановления Европейского суда по правам человека содержат правовую норму? Ответ отрицательный.

Европейский суд по правам человека не создает правовые нормы, а применяет нормы, содержащиеся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Протоколах к ней. Суд занимается не правотворческой, а правоприменительной деятельностью. Более того, Конвенция непосредственно наделяет Суд полномочием именно применять и толковать конвенционные положения, а не создавать новые нормы права.

Правотворческая деятельность Суда противоречила бы не только Конвенции о защите прав человека и основных свобод, послужившей основой создания Европейского суда по правам человека, но и общепризнанному принципу международного права - суверенного равенства государств. Государства,

выражая согласие с Конвенцией, исходили из того, что Суд наделяется компетенцией именно применять и толковать данный международный договор, а не создавать новые правовые нормы, обязывающие государства - участников Конвенции. Нормы международного права формируются прежде всего в процессе взаимоотношений между государствами.

Норма международного права может обязывать государство только в том случае, если последнее выразит свое явное или подразумеваемое согласие в отношении данной правовой нормы. Если даже предположить, что Европейский суд по правам человека создает правовые нормы, то последние не должны являться обязательными для государств - участников Конвенции.

Необходимо отметить, что в своих решениях и постановлениях Европейский суд по правам человека, ссылаясь на ранее вынесенные им судебные акты, использует словосочетание **"the case-law"** (см., к примеру, п. п. 34, 37 Постановления от 25 ноября 1997 г. по делу **Grigoriades v. Greece**). Словосочетание **"the case-law"** переводится как "прецедентное право" [12. С. 328]. Однако, как свидетельствует практика, Суд в своих решениях и постановлениях использует и понятие **"jurisprudence"** (см., к примеру, п. 270 Постановления Суда от 23 апреля 2003 г. по делу **Aktas v. Turkey**), которое переводится, в частности, как "судебная практика" [12. С. 290]. Можно предположить, что последнее понятие в большей степени соответствует смыслу и значению практики Европейского суда по правам человека.

Таким образом, решения и постановления Европейского суда по правам человека являются результатом правоприменительной, а не правотворческой деятельности Суда и поэтому данные судебные акты не могут содержать каких-либо правовых норм. Необоснованно говорить о существовании прецедентного права Суда и, как следствие, о наличии в рассматриваемом аспекте прецедентного права в России вследствие включения в ее правовую систему постановлений Суда. Суд при рассмотрении дела вправе только констатировать, было ли допущено нарушение со стороны государства Конвенции или Протоколов к ней, и, в случае констатации такого нарушения, вправе присудить заявителю справедливую компенсацию.

Судьи Европейского суда по правам человека отождествляют понятия "прецедента" и "прецедентного права".

Так, судья **Л. Вильдхабер**, подчеркивает, что "дискуссии, происходящие внутри Европейского суда по правам человека, достаточно часто выявляют несогласие по вопросу о том, необходимо ли следовать ранее созданным прецедентам. Это неудивительно для международного суда с огромным количеством правовых норм и традиций. Поэтому мнения о том, что же собственно является прецедентом, могут расходиться: можно ли опираться на одно дело в качестве прецедента, либо это должна быть серия дел, либо прецедентное право в целом, являющееся обычным правом? Как можно определить и найти **ratio decidendi** (мотивы решения)? Являются ли сущностью прецедента явные обобщения либо упор должен быть сделан на конкретные факты по каждому делу? Мнения также могут расходиться по вопросу о том, должен ли прецедент иметь приоритет всегда, или регулярно, или обычно, или в исключительных случаях. Неудивительно, что прецедентное право Суда не дает точных ответов на эти вопросы" [22. С. 7].

В.А. Туманов, являвшийся первым судьей Европейского суда по правам человека от Российской Федерации, отмечает, что "давний доктринальный спор о том, является ли судебная практика источником права в отношении судебной практики Европейского суда по правам человека, решается однозначно позитивно, ее правотворческая роль не отрицается" [143. С. 89].

Если даже предположить, что Европейский суд по правам человека создает прецедентное право, то невозможно определить правовую природу тех норм, которые формируют соответствующее право Суда. Это, безусловно, не нормы внутригосударственного права, так как последние в силу принципа суверенного равенства государств могут создаваться исключительно государствами. Прецедентное право Суда не может состоять и из норм международного права, так как для возникновения последних, в частности, необходимо согласие субъектов международного права. Более того, если это нормы международного права, то какой будет источник существования этих норм - международный договор, международный обычай, решение международной организации, а также какова будет структура этих норм? Все эти обстоятельства свидетельствуют о международно-правовой необоснованности существования словосочетания **"прецедентное право Европейского суда по правам человека"**.

Применительно к деятельности Суда возможно говорить о создании Судом не правовых прецедентов, содержащих нормы права, а **прецедентов толкования**.

Перед тем как применить то или иное положение, содержащееся в тексте Конвенции, Европейский суд по правам человека должен истолковать соответствующую норму международного права, уяснить, в частности, ее смысл, дух, нормативное содержание. Конвенция содержит понятия, объем которых можно определить только посредством толкования. К примеру, что понимается под **"пытками, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением, наказанием"** по ст. 3 Конвенции, что - под **"гражданскими правами и обязанностями"** и **"уголовным обвинением"** в свете ст. 6 Конвенции, а также под **"частной жизнью"** по ст. 8 Конвенции, что включается в понятие **"собственность"**,

защищаемое ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции.

В результате толкования Судом конвенционных положений складываются **правовые позиции**, которые помогают Суду в дальнейшем более эффективно и оперативно рассматривать дела.

Статья 3 Конвенции, запрещающая, в частности, подвергать кого-либо бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, не раскрывает, что следует понимать под **"бесчеловечным обращением или наказанием"**. В ходе рассмотрения ряда дел Европейский суд по правам человека определил, что понятие **"бесчеловечное обращение"** включает в себя по крайней мере такие действия, которыми умышленно причиняются сильные страдания, нравственные или физические, что в данной ситуации является неприемлемым [36. С. 16].

Можно предположить, что юридическую суть правовых позиций, вырабатываемых Судом, необходимо раскрывать через п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которому при осуществлении толкования международного договора наряду с контекстом необходимо учитывать последующую практику "применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования". Международное право исходит из того, что между участниками международного договора возможно достижение соглашения, возникшего вследствие практики применения международного договора. Деятельность Европейского суда по правам человека, связанную с применением и толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод, возможно рассматривать в качестве одной из форм практики применения Конвенции, которая устанавливает соглашение между участниками Конвенции применительно к порядку ее толкования.

Указанный вывод подтверждается Верховным Судом РФ, подчеркнувшим в уже неоднократно упоминавшемся Постановлении от 10 октября 2003 г. N 5, что "согласно пункту "b" части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней"). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод". Эта практика должна приниматься во внимание органами государства, участвующими в реализации конвенционных положений в сфере внутривнутригосударственных отношений.

"Правовая позиция", вырабатываемая Европейским судом по правам человека, - форма последующей практики государств-участников, связанной с применением Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, которая устанавливает соглашение участников относительно порядка толкования данной Конвенции и Протоколов к ней.

Международное право в частности Конвенция о защите прав человека и основных свобод, не запрещает государствам-участникам возражать против толкования, осуществляемого Европейским судом по правам человека. Причем государство - участник Конвенции имеет право возражать против толкования не только по делам, где такое государство выступает в качестве ответчика, но и по любому иному делу, рассматриваемому Европейским судом по правам человека.

См., например, вышеупомянутое заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации от 8 июля 2004 г. в связи с принятием Европейским судом по правам человека Постановления по делу **Ilascu and others v. Moldova and Russia** (официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: www.mid.ru). Посредством данного заявления Российская Федерация высказала свое несогласие с толкованием Европейским судом по правам человека Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вследствие которого (толкования) Россия была привлечена к международно-правовой ответственности за события, происходившие на территории Приднестровья.

Правовые позиции, возникающие вследствие применения Судом Конвенции и Протоколов к ней, подразделяются на две категории - **материальные и процессуальные правовые позиции**.

Если Европейский суд по правам человека в ходе толкования раскрывает нормативное содержание конвенционных положений, то в этом случае речь идет о **материальных правовых позициях**.

К примеру, в ходе неоднократного применения ст. 6 Суд применительно к понятию **"гражданских прав и обязанностей"** выработал правовую позицию, согласно которой указанное понятие носит автономный характер. Законодательство, на основании которого решается вопрос о правах и обязанностях (гражданское, коммерческое, административное и т.д.), и орган, на который возложены полномочия по разрешению спора, не имеют большого значения (п. 94 Постановления от 16 июля 1971 г.

по делу **Рингейзен против Австрии**). Ключевым моментом в определении того, применима или нет ст. 6, является то, имеет ли результат судебного разбирательства определяющее значение для частных прав и обязанностей (п. 47 Постановления от 24 октября 1989 г. по делу **X. против Франции**).

Осуществляя толкование понятия "**частной жизни**", предусмотренного в ст. 8 Конвенции, Суд, в частности, исходит из следующей правовой позиции: было бы непозволительно ограничить понятие "**частной жизни**" внутренним кругом, в котором может жить отдельный человек своей личной жизнью, которую он выбирает, и исключить оттуда целиком внешний мир, не входящий в этот круг. Уважение к личной жизни должно также включать определенный набор прав для установления и развития взаимоотношений с другими аспектами жизни человека (Постановление от 16 декабря 1992 г. по делу **Niemietz v. Germany**).

Словосочетания "**законный**", "**в соответствии с процедурой, предписанной законом**", закрепленные в п. 1 ст. 5 Конвенции, прежде всего обращают внимание на законодательство государства и предусматривают обязанность государства действовать согласно своему материальному и процессуальному праву. Однако законность заключения человека под стражу с точки зрения национального законодательства не всегда является решающим моментом. Суд должен быть уверен, что содержание лица под стражей было совместимо и с п. 1 ст. 5 Конвенции, которая не допускает произвольного лишения свободы (п. 74 Постановления от 25 октября 2005 г. по делу **Федотов против Российской Федерации**).

Однако если в ходе неоднократного применения конвенционных положений у Суда вырабатывается алгоритм (процедура) применения соответствующей статьи, то в этом случае речь идет о **процессуальной правовой позиции**.

Применяя ст. 10 Конвенции (свобода выражения мнения), Европейский суд по правам человека в первую очередь изучает, было ли осуществлено вмешательство в право, гарантируемое Конвенцией. Затем Суд анализирует, насколько вмешательство было законным, т.е. соответствовало правовым нормам, действующим в правовой системе соответствующего государства. В-третьих, Суд обращает внимание на то, преследовало ли такое вмешательство законную (общественную) цель, непосредственно предусмотренную в тексте ст. 10. И, в-четвертых, Суд определяет, насколько необходимо было вмешательство с учетом конкретных обстоятельств дела, включая вопрос пропорциональности используемых средств для достижения социально значимой цели. Данный алгоритм действий Суда имеет большое практическое значение. Если при ответе на вопросы, касающиеся законности вмешательства, наличия социальной цели, необходимости вмешательства, Судом дается отрицательный ответ, то констатируется факт нарушения государством прав, закрепленных в данном случае в ст. 10 Конвенции.

Формой существования (закрепления) правовых позиций являются решения и постановления Европейского суда по правам человека. Важно определить, какие судебные акты Европейского суда по правам человека формируют правовую систему России, за какими актами Суда Российская Федерация признает юридическую силу в сфере внутригосударственных отношений и, как следствие, какие правовые позиции (прецеденты толкования) включаются в национально-правовую систему России.

Как отмечалось выше, право формировать, определять национальную правовую систему принадлежит исключительно государству. Иные государства и международные межправительственные организации обязаны уважать это суверенное право. Только государство вправе определять, какие элементы, составные части формируют его национальную правовую систему. Решения и постановления Европейского суда по правам человека не являются международным договором РФ и, как правило, не содержат общепризнанных принципов и норм международного права. Однако объем правовой системы России определяется не только Конституцией, но и иными источниками национального права России.

Поэтому необходимо обратить внимание на неоднократно упоминавшуюся в рамках настоящего курса ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", согласно которой "Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает **ipso facto** и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации".

Как следует из содержания вышеупомянутого Закона, последний включил в правовую систему не любые **судебные акты, принятые Европейским судом по правам человека**, а только такие, которые отвечают определенным критериям:

1. Судебный акт должен быть принят в отношении Российской Федерации, т.е. ответчиком по делу должна являться Российская Федерация. Если по рассматриваемому делу Российская Федерация выступает в качестве третьего лица (ст. 36 Конвенции), то судебный акт, принятый в данном случае, не станет частью правовой системы России.

Так, по делу **Сливенко против Латвии** Российская Федерация выступала в качестве третьего лица на стороне заявителей, являющихся гражданами России.

2. Судебный акт должен устанавливать факт нарушения Конвенции и/или Протоколов Российской Федерации. Данный критерий имеет важное значение. Европейский суд по правам человека, рассматривая дело, принимает два вида судебных актов - решение о приемлемости и постановление. Констатация Судом факта нарушения государством - участником Конвенции и/или Протоколов к ней отражается исключительно в постановлениях. Поэтому решения о приемлемости, принятые Судом даже в отношении России, согласно Закону не являются обязательными для России и, следовательно, не формируют ее правовую систему. Более того, не каждое постановление Суда, принятое по делу, где в качестве ответчика выступает Российская Федерация, является частью правовой системы, а только такое постановление, где Судом констатирован факт нарушения Россией конвенционных положений.

Так, Постановлением от 20 июля 2004 г. по делу **Никитин против Российской Федерации** Судом не был констатирован факт каких-либо нарушений Конвенции и/или Протоколов.

3. Постановление Европейского суда, вынесенное против Российской Федерации, где констатирован факт нарушения Россией Конвенции и/или Протоколов к ней, должно вступить в законную силу, т.е. стать обязательным для государства. Данный критерий не предусматривается в Законе, однако данное положение непосредственно следует из содержания Конвенции, согласно ст. 44 которой постановление любой из палат становится окончательным, если: а) стороны не заявляют, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату; или б) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступило обращения о передаче дела в Большую Палату; или в) Коллегия Большой Палаты отклоняет обращение о передаче дела в Большую Палату.

Так, например, Постановление от 7 июня 2007 г. по делу **Сергей Золотухин против Российской Федерации** стало окончательным 10 февраля 2009 г., после рассмотрения данного дела Большой Палатой Суда по заявлению властей Российской Федерации.

Постановления Европейского суда по правам человека, одновременно отвечающие вышеупомянутым критериям, являются обязательными для Российской Федерации. Причем данная обязательность имеет как международное, так и национально-правовое значение.

Международно-правовой аспект обязательности постановлений Европейского суда по правам человека закреплен в нормах международного права, а именно в ст. 46 Конвенции, согласно которой "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, где они являются сторонами... Окончательное постановление Суда направляется Комитету Министров, который осуществляет надзор за его исполнением". Как известно, за всю историю Европейского суда по правам человека не было ни одного неисполненного окончательного постановления.

Национально-правовой аспект обязательности постановлений Суда закрепляется в источниках внутригосударственного права государств - участников Конвенции и Протоколов к ней. Применительно к Российской Федерации основным документом является уже вышеупомянутый Закон о ратификации Конвенции. Как следует из содержания Закона, постановления Европейского суда по правам человека, содержащие нарушения Россией Конвенции и/или Протоколов, обязательны в рамках правовой системы России по вопросам толкования и применения соответствующих международно-правовых актов. Вопросы толкования охватывают те правовые позиции (прецеденты толкования), которые излагаются Судом в соответствующем постановлении. Вопросы применения Конвенции охватывают, в частности, вопросы исполнения постановлений, выносимых Судом против Российской Федерации, вопросы возобновления арбитражного или уголовного судопроизводства.

Постановления Европейского суда по правам человека выполняют две основные функции. Первая функция связана с закреплением в тексте постановления соответствующей правовой позиции. Вторая функция связана с рассмотрением постановления Европейского суда по правам человека в качестве юридического факта, являющегося основанием для возникновения, изменения или прекращения внутригосударственных отношений.

Анализируя первую функцию постановления Суда, необходимо подчеркнуть, что, принимая во внимание правовую суть рассматриваемых позиций, последние должны входить именно в правовую систему, а не в систему права страны, так как прецеденты толкования не являются правовыми нормами и, следовательно, ни при каких условиях не могут включаться в состав внутригосударственного права.

Известно, что правовые позиции Суда находят свое закрепление в решениях о приемлемости, постановлениях, принимаемых в отношении других государств - участников Конвенции. Однако данные судебные акты не формируют правовую систему России и поэтому не должны являться обязательными в сфере внутригосударственных отношений. Но органы Российской Федерации в своей деятельности могли бы руководствоваться такими решениями и постановлениями, закрепляемыми в них правовыми позициями, учитывая их прецедентный характер, а также руководствуясь **общепризнанным принципом международного права - добросовестным выполнением международных обязательств.** Одновременно следует иметь в виду, что правовые позиции, выработанные Европейским судом по

правам человека, со временем могут измениться вследствие осуществления **"эволютивного толкования"**.

Судебная практика России свидетельствует о том, что суды при толковании конвенционных положений принимают во внимание правовые позиции, сформулированные Европейским судом по правам человека в судебных актах, не являющихся обязательными для Российской Федерации.

Так, в **решении от 17 октября 2003 г. по делу N ГКПИ03-958** Верховный Суд РФ указал, что ст. 1 Протокола N 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не вменяет в обязанность государству поддерживать покупательную способность денежных сумм, размещенных в финансовых институтах. Для подтверждения данной правовой позиции Суд сослался на решения Европейского суда по правам человека от 29 августа 2002 г. по делу **Апполонов против Российской Федерации**, Европейской комиссии от 6 марта 1980 г. по делу **Х. против Федеративной Республики Германия**, Европейского суда по правам человека от 7 сентября 1999 г. по делу **Рудзинска против Польши**, Европейского суда по правам человека от 2 июля 2002 г. по делу **Гайдук против Украины**.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" было обращено внимание, что "при разрешении споров о защите чести и достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и, в силу ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего ст. 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации" (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. N 4. С. 30). Важно отметить, что в отличие от Постановления Пленума от 10 октября 2003 г. N 5 данное Постановление ориентирует на практику Европейского суда по правам человека, выражающуюся исключительно в постановлениях данного международного судебного учреждения. В свою очередь, как подчеркивалось выше, практика Суда, в том числе его правовые позиции, находят отражение и в решениях о приемлемости.

Нельзя не согласиться с положением, закрепленным в Постановлении Пленума от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц", согласно которому правовые позиции Европейского суда по правам человека должны учитываться не только при реализации положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но и в ходе применения норм национального законодательства. Иными словами, прецеденты толкования (правовые позиции) Европейского суда по правам человека должны приниматься во внимание не только при толковании вышеупомянутой Конвенции, но также и при толковании как норм национального права, так и других источников международного права, ставших обязательными для Российской Федерации.

Постановление Суда закрепляет не только правовые позиции, но и является **юридическим фактом** возникновения, в частности, внутригосударственных отношений. Рассматривая данную функцию постановлений Суда, нельзя не отметить, что данная функция реализуется как в сфере **материальных, так и процессуальных национально-правовых отношений**.

Так, если постановление Суда предусматривает взыскание в пользу заявителя справедливой компенсации (определенной денежной суммы), то, включив соответствующее постановление в правовую систему, в сфере внутригосударственных отношений между государством в лице его финансовых органов и частным лицом образуются правовые отношения, содержанием которых будет обязанность государства выплатить частному лицу денежные средства в сумме, определенной в постановлении Суда (здесь подразумеваются **материальные правоотношения**).

Примерами **процессуальных правоотношений**, возникающих вследствие принятия постановления Европейским судом по правам человека, являются ст. 413 УПК РФ, а также ст. 311 АПК РФ.

В силу подп. 2 п. 4 ст. 413 УПК РФ основанием возобновления производства по уголовному делу является "установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод; б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод".

Согласно п. 7 ст. 311 АПК РФ, "установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский суд по правам человека", также является основанием для пересмотра судебных актов по вновь

открывшимся обстоятельствам.

Необходимо подчеркнуть, что указанных процессуальных положений не содержит Гражданский процессуальный кодекс РФ. Представляется, что в этом случае суд общей юрисдикции, рассматривающий гражданское дело, в случае необходимости мог бы руководствоваться аналогией закона как средством восполнения пробелов.

Таким образом, постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенные против Российской Федерации, содержащие указание на нарушения Россией Конвенции и/или Протоколов к ней, являются основанием для пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам. Необходимо отметить, что Конвенция в этом случае не предусматривает обязанности государств пересматривать дела, ранее рассмотренные в пределах их юрисдикции. Представляется, что указанные выше процессуальные положения являются свидетельством уважения Россией Конвенции и Протоколов к ней. Нельзя не вернуться к уголовным делам, которые были пересмотрены в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ вследствие принятия постановлений Европейским судом по правам человека.

"По приговору суда Б. признан виновным в том, что 20 марта 1997 г., прибыв в аэропорт "Шереметьево-1" г. Москвы из г. Риги и имея при себе 250 тыс. долларов США, не внес их в таможенную декларацию, не заявил при устном опросе, произведенном работниками таможни, переместил указанную сумму в ручной клади через таможенную границу Российской Федерации, скрыв таким образом 250 тыс. долларов США от таможенного контроля.

В представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации поставлен вопрос о возобновлении производства по уголовному делу и отмене судебных решений в части обращения в доход государства 250 тыс. долларов США в связи с тем, что Европейский суд по правам человека Постановлением от 9 июня 2005 г. признал нарушение ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом уголовного дела в отношении Б. и обращении 250 тыс. долларов США в доход государства.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации находит представление подлежащим удовлетворению.

Как видно из приговора, Б. в судебном заседании заявил, что 250 тыс. долларов США принадлежали не ему, а Б.В., с которым он работал в одной фирме в г. Риге. Б.В. попросил его доставить деньги в г. Москву для передачи. Допрошенный в качестве свидетеля Б.В. подтвердил, что снял 250 тыс. долларов США со своего счета в банке г. Риги и попросил Б. перевезти их в г. Москву, так как намеревался с семьей переезжать в г. Москву и у него была договоренность о приобретении квартиры.

23 марта 2001 г. Б.В. обратился с жалобой в Европейский суд по правам человека, в которой утверждал, что был лишен денежных средств в соответствии с судебным решением, которое не содержало правовых оснований для конфискации этих денежных средств. Постановлением от 9 июня 2005 г. Европейский суд по правам человека признал, что имело место нарушение ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. (Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.) Констатируя нарушение положений Конвенции, Европейский суд по правам человека исходил из того, что в соответствии с ч. 4 ст. 86 УПК РСФСР орудия преступления, денежные средства и иные предметы, нажитые преступным путем, должны быть изъяты, а остальные вещи должны быть возвращены их законным владельцам. Тем не менее никем не утверждалось, равно как и не было приведено доказательств того, что денежные средства заявителя (Б.В.) были нажиты преступным путем, национальные суды не ссылались на данное обстоятельство при принятии решения об обращении денежных средств в доход государства. Кроме того, Европейский суд по правам человека признал, что "рассматриваемое национальное законодательство не было сформулировано с такой точностью, чтобы заявитель смог предусмотреть последствия его действий в степени, разумной при обстоятельствах дела. Следовательно, вмешательство в право собственности заявителя не могло рассматриваться как законное по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

В соответствии с подп. "б" п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод является обстоятельством, влекущим возобновление производства по уголовному делу. Судебные решения в части обращения в доход государства 250 тыс. долларов США были отменены на основании ч. 5 ст. 415 УПК РФ и в соответствии с Постановлением Европейского Суда по правам человека" (**Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 мая 2006 г., дело N 203-П06-ПРК**).

"По приговору Преображенского районного суда г. Москвы от 10 сентября 2003 г. П. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда 20 января 2004 г. оставила приговор без изменения. Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу и об отмене судебных решений с передачей дела на

новое судебное разбирательство ввиду новых обстоятельств. Президиум Верховного Суда РФ 29 августа 2007 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

В качестве доказательств виновности П. в совершении преступления в приговоре приведены протоколы его опознания свидетелями З.М., их показания о том, что они видели, как П. догнал незнакомого парня, затащил его в парк, задрал ему одежду на голову, повалил на землю и удерживал за шею, показания свидетеля Б. о том, что у П. имелась куртка, которая соответствует описанию, данному указанными свидетелями, протокол осмотра места происшествия, материалы компьютерных баз. Сам П. виновным себя не признал и пояснил, что к убийству он не причастен, в тот день находился дома, выходил только к соседке Р. чинить телевизор, дома в это время находились мать и плотник Х., который устанавливал дверь, и они могут это подтвердить.

Постановлением от 13 июля 2006 г. Европейский суд по правам человека признал, что имело место нарушение подп. "d" п. 3 ст. 6 Конвенции. Как указано в Постановлении Европейского Суда, в течение предварительного следствия адвокат заявителя ходатайствовал о вызове свидетелей Р. и Х. для их допроса. Суд первой инстанции 17 февраля 2003 г. позволил защитнику вызвать Р. на слушания, однако она не была допрошена. 8 сентября 2003 г. адвокат заявителя снова попросил допросить Р. с целью подтверждения алиби заявителя. Суд отклонил просьбу без объявления причин. Также Европейский суд отметил, что свидетель Х. присутствовал в суде 17 февраля 2003 г., однако слушания были отложены и его не допросили. К концу судебного следствия адвокат заявителя пытался получить разрешение дополнить выступление заслушиванием показаний Х., но ему было отказано на том основании, что Х. был извещен о слушаниях, но не явился на них. Отказавшись допросить свидетелей Р. и Х., суд не смог оценить, важны ли их показания для рассмотрения дела. Данное обстоятельство привело к ограничению права на защиту, не совместимому с гарантиями справедливого судебного разбирательства.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела является основанием для возобновления производства по делу ввиду новых обстоятельств, а состоявшиеся по делу судебные решения подлежат отмене на основании ч. 5 ст. 415 УПК РФ с передачей дела на новое судебное разбирательство.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по данному уголовному делу ввиду новых обстоятельств; отменил приговор суда и кассационное определение в отношении П.; дело передал для производства нового судебного разбирательства" (**Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 августа 2007 г., дело N 290-П07**).

Нельзя не отметить, что УПК РФ признает постановление Европейского суда по правам человека в качестве "**нового обстоятельства**"; в свою очередь, АПК РФ рассматривает данное постановление как "**вновь открывшееся обстоятельство**". Представляется, что для надлежащей квалификации (новое или вновь открывшееся обстоятельство) в каждом конкретном случае необходимо анализировать природу того или иного обстоятельства, зафиксированного в постановлении Суда, ставшем частью правовой системы России. По крайней мере, принимая во внимание вышеупомянутые формулировки процессуальных законов, необходимо указать, что Суд не вправе констатировать, что тот или иной закон противоречит Конвенции и/или Протоколам к ней. Речь может, в частности, идти о том, что применение того или иного закона привело к нарушению конвенционных прав и свобод.

Применительно упоминания нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в качестве "**нового обстоятельства**" (УПК РФ) и/или "**вновь открывшегося обстоятельства**" (АПК РФ) нельзя не согласиться с мнением **Е.А. Ершовой и В.В. Ершова**, обративших внимание на возникающие в практике вопросы. "Из теории процессуального права хорошо известно: вновь открывшиеся обстоятельства - это новые факты, которые не были известны суду на момент вынесения решения. Однако Европейская конвенция о правах человека - это не вновь открывшееся обстоятельство, а международный договор - один из источников права в России" [5. С. 602].

Важно также подчеркнуть, что условия возобновления производства по уголовному делу, связанные с принятием постановления Европейским судом по правам человека, являются более эффективными в плане осуществления правосудия, нежели аналогичные условия, содержащиеся в АПК РФ. Так, согласно УПК РФ возобновлять производство по делу необходимо только в тех случаях, когда в постановлении Европейского суда по правам человека будут зафиксированы обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии преступности и наказуемости деяния. Действительно, если, к примеру, при рассмотрении уголовного дела нарушены разумные сроки судебного разбирательства, насколько целесообразно в рамках правовой системы России вновь возобновлять производство по делу. В свою очередь, АПК РФ при буквальном толковании обязывает арбитражные суды РФ пересматривать национальные судебные акты при вынесении Европейским судом по правам человека любого постановления, независимо от "качества" нарушений, которые были допущены в ходе рассмотрения арбитражного дела.

Лекция 4. Источники международного права, ставшие

частью правовой системы России, и источники национального права Российской Федерации. Соотношение юридической силы

4.1. Общие положения

Международно-правовые положения, ставшие частью правовой системы государства, входят в систему правовых регуляторов поведения субъектов внутригосударственного права. Естественно, в ходе реализации вышеуказанных положений не исключается возможность возникновения коллизий с нормами национального права. Более того, не исключается возможность возникновения коллизий между отдельными международно-правовыми положениями, сформировавшими правовую систему государства. Поэтому вопрос о юридической силе в правовой системе России положений международного права имеет не столько теоретический, сколько практический характер.

В первую очередь, следует подчеркнуть, что объективно невозможно появление коллизии между нормой международного права и нормой, содержащейся в источниках национального права государства.

Международно-правовая норма и норма внутригосударственного права являются нормами различных правовых систем, которые могут взаимодействовать, как было отмечено выше, но не коллизировать друг с другом.

С.В. Черниченко пишет: "когда говорят о приоритете международно-правовых норм, договорных или договорных и обычных, в случае их расхождения с нормами внутригосударственного права, то под этим следует понимать, если придерживаться дуалистической концепции, приоритет "переадресованных", трансформированных, ставших внутригосударственными норм, т.е. приоритет одних норм внутригосударственного права перед другими в случае возникновения коллизий между ними" [152. С. 342].

Коллизии между правовыми нормами могут возникнуть только в том случае, если эти нормы регулируют одну и ту же сферу общественных отношений: либо отношения между субъектами международного права, либо отношения, складывающиеся между субъектами внутригосударственного права. Если исходить из предпосылки, что нормы, формирующие различные правовые системы, имеют возможность коллизировать, то подразумевается, что коллизии возникают как на структурном уровне норм (**гипотеза, диспозиция, санкция**), так и между различными элементами "идеальных" правовых отношений (**субъект, объект, юридические факты, субъективные права и обязанности**), регулируемых такими нормами, а этого по объективным причинам быть не может. В связи с этим в рассматриваемом нами случае в сфере внутригосударственных отношений коллизии объективно могут иметь место только между нормами, образующимися в правовой системе России вследствие действия отсылки к источникам международного права, и нормами внутригосударственного права данного государства либо непосредственно между комплексными нормами, возникшими в вышеупомянутом порядке.

Правовая суть коллизии заключается в наличии противоречий между нормами, формирующими правовую систему государства. Коллизия должна носить такой характер, который с неизбежностью обуславливает возникновение ситуации, когда применение одной нормы влечет за собой автоматическое нарушение другой нормы. Причем нормы внутригосударственного права и международно-правовые положения, ставшие частью правовой системы государства, невозможно истолковать с целью "правового совмещения" (примирения).

Так, согласно ст. 5 Европейской конвенции о защите прав и свобод человека, лицо, обвиняемое в совершении уголовного правонарушения, может быть заключено под стражу исключительно с санкции суда. Данное конвенционное положение, став частью правовой системы России, наделяет лицо при возникновении определенных жизненных обстоятельств **субъективным правом** требовать, чтобы его арест был санкционирован судом; в свою очередь, государство в лице соответствующих органов **обязано реализовать данное право**. Однако в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве России предусматривалось санкционирование заключения под стражу лица, обвиняемого в совершении преступления, органами прокуратуры, которые, как известно, не являются судом, по смыслу Конвенции о защите прав человека и основных свобод (глава 6 УПК РФ). Иными словами, существовало объективное противоречие, которое не могло быть разрешено даже посредством толкования. Конвенция о защите прав и свобод человека вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г., а новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ, предусматривающий судебное санкционирование заключения под стражу лица, обвиняемого в совершении преступления, был введен в действие с 1 июля 2002 г. Поэтому санкционирование со стороны органов прокуратуры ареста лица, обвиняемого в совершении преступления, с 5 мая 1998 г. по 1 июля 2002 г. являлось бы явным, объективным нарушением ст. 5 Конвенции. В связи с этим при ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Российская Федерация сделала оговорку, согласно которой "Российская Федерация... заявляет что положения п. п. 3 и 4 ст. 5 не препятствуют применению нижеследующих положений законодательства Российской Федерации: санкционированного абзацем

вторым пункта 6 раздела второго Конституции Российской Федерации 1993 г. временного применения установленного частью 1 ст. 11, ч. 1 ст. 89, ст. ст. 90, 92, 96, 96.1, 96.2, 97, 101 и 122 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г., с последующими изменениями и дополнениями, порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления".

Возникновение коллизии возможно, когда регулирующее воздействие международно-правовых положений осуществляется и на внутрисударственные отношения с присутствием **иностранного элемента**.

"Отношения с иностранным элементом" - отношения с участием иностранных физических, юридических лиц, отношения, объектом которых является имущество, находящееся за пределами территории государства, юридические факты, с которыми связаны возникновение, изменение или прекращение правоотношений, имели место за границей, в том числе признание иностранных решений третейских (арбитражных) и государственных судов [11. С. 18 - 24; 95. С. 12,13].

Например, двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения, объектом регулирования которых являются налоги, уплачиваемые лицами, находящимися на территории договаривающихся государств, в том числе постоянно проживающими на этой территории, могут предусматривать иные правила, чем содержащиеся в налоговом законодательстве государства. Естественно, в этом случае возникает коллизия, которая должна быть разрешена правоприменительным органом.

В Арбитражный суд Приморского края обратилось предприятие с иском к Государственной налоговой инспекции по г. Находка о признании частично недействительным ее решения.

При вынесении решения налоговая инспекция, в частности, руководствовалась Инструкцией Госналогслужбы России от 16 июня 1995 г. N 34 "О налогообложении прибыли и доходов иностранных юридических лиц". Согласно данной Инструкции удержание суммы налогов с доходов иностранных юридических лиц от источников в Российской Федерации производится по всем видам доходов во всех случаях выплаты таких доходов, а в случае наличия международного договора, в котором установлены пониженные ставки налогов или полное освобождение от налогообложения в Российской Федерации, возврат излишне удержанного производится в соответствии с п. 6.2 Инструкции. Таким образом, Инструкция устанавливала обязанность платить налоги во всех случаях.

Однако в силу п. 1 ст. 11 Конвенции между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 15 февраля 1994 г. "Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и прирост стоимости имущества", вступившей в силу 18 апреля 1997 г., "проценты, возникающие в одном Договаривающемся Государстве и выплачиваемые лицу с постоянным местопребыванием в другом Договаривающемся Государстве, могут облагаться налогами только в этом другом государстве, если такое лицо имеет право на проценты". Таким образом, в отличие от вышеупомянутой Инструкции, положения международного договора предусматривали право частного лица не платить определенные налоги на доходы в Российской Федерации и, как следствие, последняя (Российская Федерация) не имела права взыскивать такие налоги с частного лица. Принимая во внимание, что судом первой инстанции не были учтены, в частности, положения данного международного договора, Высшим Арбитражным Судом РФ **Постановлением от 25 апреля 2000 г. по делу N 5029/99** судебные акты нижестоящих инстанций были отменены и дело направлено на рассмотрение в суд первой инстанции.

Положения международного договора РФ предусматривали иные положения применительно к порядку налогообложения иностранных юридических лиц, нежели внутрисударственный нормативно-правовой акт. Возникшая коллизия справедливо была разрешена в пользу международного договора РФ, обладающего более высокой иерархической силой в рамках правовой системы России.

Когда речь идет о возможном возникновении коллизии, то подразумеваются случаи, когда правовые нормы, ставшие частью правовой системы государства, **предусматривают один и тот же объект социальных отношений**. Поэтому если объект регулируемых отношений различен, то, соответственно, невозможно возникновение коллизии. Разрешая коллизию, суд должен установить наличие одного и того же объекта в "сравниваемых отношениях".

В **решении от 6 марта 2001 г. по делу N ГКПИ01-44** Верховный Суд РФ указал, что доводы заявителя о противоречии Конвенции о дорожном движении и приложения N 12 к Инструкции об организации в органах внутренних дел производства по делам об административных нарушениях правил дорожного движения и иных норм, действующих в сфере обеспечения безопасности дорожного движения являются необоснованными, так как ст. 41 вышеупомянутой Конвенции регулирует статус водительского удостоверения, а заявитель, в свою очередь, обжалует незаконность выдачи "временного разрешения на право управления транспортными средствами". То есть правовой статус временного разрешения не тождествен правовой статусу водительского удостоверения, установленному в ст. 41

Конвенции о дорожном движении, и, таким образом, условия действительности водительского удостоверения неприменимы к временному разрешению на право управления транспортным средством.

Объект сравниваемых правовых норм различен: в одном случае объект связан с **водительским удостоверением**, а в другом - с **временным разрешением на право управления транспортным средством**, и поэтому в рассматриваемом случае невозможно говорить о наличии коллизий.

В Определении от 28 февраля 2002 г. по делу N КАС02-59 Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении кассационной жалобы заявителей на решение Верховного Суда РФ от 26 декабря 2001 г. по делу о признании недействительным Постановления Правительства Российской Федерации "Об утверждении Правил предоставления налоговых льгот организациям и индивидуальным предпринимателям, зарегистрированным на территории г. Байконура" как противоречащее Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о статусе г. Байконур. В указанном кассационном Определении было отмечено отсутствие каких-либо противоречий между обжалуемым внутригосударственным нормативно-правовым актом и международным договором. Так, в частности, Суд указал, что, "отвергая как необоснованный довод заявителей о несоответствии этого Постановления Соглашению (международному договору РФ), Верховный Суд РФ (по первой инстанции) правильно сослался на то, что согласно п. 1 ст. 7 Соглашения глава городской (г. Байконур) администрации предоставляет в соответствии с законодательством Российской Федерации налоговые и иные льготы предприятиям с учетом значения их деятельности для населения города в пределах сумм налогов и иных платежей, зачисляемых в доход городского бюджета". Приведенная норма международного договора РФ в отличие от действующего налогового законодательства предоставляла главе городской администрации право применения налоговых льгот предприятиям, т.е. ввела новый субъект, компетентный принимать решение о предоставлении таких льгот. Остальные же условия предоставления налоговых льгот Соглашение (как это следует из п. 1 ст. 7) связало с необходимостью соответствия их законодательству". (Данное Определение опубликовано не было.)

Соглашение в рассматриваемой части не предусматривало иных, чем национальное законодательство России, порядка и условий предоставления льгот. Речь шла исключительно о наделении органа муниципальной власти возможностью предоставлять льготы согласно законодательству РФ. В свою очередь, обжалуемое Постановление Правительства РФ, принятое в соответствии с законами РФ, регулировало именно порядок предоставления налоговых и иных льгот. Объект сравниваемых правовых норм различен, и в силу этого здесь также невозможно говорить о наличии каких-либо противоречий.

По одному из дел, рассмотренных Верховным Судом России, заявители просили признать недействующим Постановление Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2002 г. N 285 "О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2001 г. N 229", поскольку оно противоречит Конституции РФ, Федеральному закону "Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации", иным законам Российской Федерации, а также Соглашению между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Объединенным пенсионным фондом персонала Организации Объединенных Наций от 10 октября 1980 г. "О передаче пенсионных прав в целях обеспечения их преемственности".

Согласно этому Соглашению, участники Пенсионного фонда ООН получили право на выбор пенсионного обеспечения: в соответствии с положениями Пенсионного фонда ООН или в соответствии с советским законодательством. В последнем случае средства, положенные участнику, переводились в Фонд социального страхования СССР. Согласно ст. IV Соглашения, стаж работы в ООН засчитывался в стаж, дающий право на пенсию по законодательству СССР, а сумма, переведенная Пенсионным фондом ООН, должна была учитываться при определении вида и размера пенсии по законодательству СССР. При этом решение вопроса о том, в каком объеме данная сумма должна приниматься при назначении советской пенсии, Соглашением было оставлено на усмотрение Правительства СССР.

Являясь правопреемником СССР по указанным правоотношениям, Российская Федерация в лице Правительства РФ в пределах предоставленных ему полномочий для реализации права бывших сотрудников международных организаций системы ООН, предусмотренного упомянутым международным Соглашением, 23 марта 2001 г. издала Постановление N 229, которое впоследствии было приведено в соответствие с Федеральным законом "О трудовых пенсиях в Российской Федерации", оспариваемым Постановлением. В решении особо было подчеркнуто, что оспариваемое заявителями Постановление Правительства РФ не противоречит вышеуказанному международному договору, так как последний не устанавливает размер доплаты к пенсии, подлежащей выплате гражданам из числа бывших сотрудников международных организаций системы ООН (**решение от 7 октября 2003 г. по делу N ГКПИ03-722**).

Объект правоотношений, регулируемых оспариваемым Постановлением Правительства РФ от 29 апреля 2002 г. N 285 "О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2001 г. N 229", не совпадает с объектом правоотношений, регулируемых положениями,

содержащимися в Соглашении между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Объединенным пенсионным фондом персонала Организации Объединенных Наций от 10 октября 1980 г. "О передаче пенсионных прав в целях обеспечения их преемственности", ставшим частью правовой системы Российской Федерации, и, как следствие, отсутствуют какие-либо основания для возникновения правовой коллизии.

В Определении от 9 марта 2005 г. по делу N 19-Г05-1 Верховный Суд РФ, рассматривая дело в кассационном порядке, подчеркнул, что "суд правильно пришел к выводу, что не может быть основанием для признания недействующим оспариваемого Закона (Закон Ставропольского края "О некоторых вопросах организации местного самоуправления на территориях районов Ставропольского края") ссылка в заявлениях на нормы статьи 3 Протокола N 1 от 20.03.1952 к Конвенции Совета Европы "О защите прав человека и основных свобод", так как речь в ней идет о праве на свободные выборы народом органов законодательной власти, а представительные органы местного самоуправления органами законодательной власти не являются, а Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах - участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 г., ратифицированная Федеральным законом от 2 июля 2003 г., также не касается вопросов, реализованных в оспариваемом краевом Законе". (Определение опубликовано не было.)

Объект отношения, регулируемого оспариваемым Законом, **не совпадает с объектом отношения**, регулируемого положениями, содержащимися в вышеприведенных источниках международного права, ставших частью правовой системы России.

Отсутствие какой-либо коллизии между нормой внутригосударственного права и положением, содержащимся в нормах международного права, было констатировано при рассмотрении Верховным Судом РФ вопроса о признании недействительными (незаконными) подп. "и" п. 7 Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию.

Ц. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с жалобой о признании недействительными (незаконными) подп. "и" п. 7 Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию, утвержденных Постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1973 г. N 252 и ч. 2 п. 16 Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 13 декабря 1979 г. N 1117 "О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве", ссылаясь на то, что положения оспариваемых нормативных правовых актов не соответствуют действующему законодательству и нарушают права заявителя на свободное распоряжение своими способностями к труду.

Верховный Суд РФ, отказывая заявителю в удовлетворении его жалобы, в **решении от 20 августа 2002 г. по делу N ГКПИ2002-771** отметил, что "Трудовой кодекс Российской Федерации не регулирует отношения об обязательном социальном страховании, поэтому доводы заявителя о несоответствии положений оспариваемых нормативных актов ст. 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах ст. ст. 2, 4, 21, 80 Трудового кодекса Российской Федерации и нарушении прав заявителя на свободное распоряжение своими способностями к труду не основаны на законе. Связь отношений по обеспечению прав на обязательное социальное страхование работников с трудовыми отношениями отнюдь не предполагает их правовое регулирование непосредственно и в зависимости от норм трудового права". (Решение опубликовано не было.)

Открытое акционерное общество "Авиакомпания "Сахалинские Авиатрассы" (сокращенное наименование - ОАО "Авиакомпания "САТ") обратилось в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о признании частично недействующим п. 99 Федеральных авиационных правил "Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей". Как указывает заявитель, оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат действующему законодательству, изданы с превышением полномочий Минтранса России и нарушают права заявителя, который должен бесплатно предоставлять дополнительные услуги. В суде представитель ОАО "Авиакомпания "САТ" поддержал заявленные требования и пояснил, что положения п. 99 Правил, предусматривающие бесплатное предоставление пассажирам в случае задержки рейса, отмены рейса вследствие неблагоприятных метеорологических условий, по техническим и другим причинам, изменения маршрута перевозки таких услуг, как: два телефонных звонка или два сообщения по электронной почте при ожидании отправления рейса более двух часов; обеспечение прохладительными напитками при ожидании отправления рейса более двух часов; обеспечение горячим питанием при ожидании отправления рейса более четырех часов и далее каждые шесть часов - в дневное время и каждые восемь часов - в ночное время; размещение в гостинице при ожидании вылета рейса более восьми часов - в дневное время и более шести часов - в ночное время; доставка транспортом от аэропорта до гостиницы и обратно в тех случаях, когда гостиница предоставляется без взимания дополнительной платы; организация хранения багажа, противоречат ст. 106 Воздушного кодекса Российской Федерации, ст. 20 Варшавской конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок.

Отказывая в удовлетворении заявления, Верховный Суд РФ, применительно доводам о предполагаемом противоречии оспариваемого положения и норм международного права, в **решении от 29 мая 2008 г. по делу N ГКПИ08-1212** отметил, что "статья 20 Конвенции об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (заключена в Варшаве 12 октября 1929 г.), предусматривает освобождение перевозчика от ответственности, если он докажет, что им и поставленными им лицами были приняты все необходимые меры к тому, чтобы избежать вреда, или что им было невозможно их принять. Из содержания Конвенции следует, что в статье 20 речь идет о возмещении вреда, происшедшего в случае смерти, ранения или всякого другого телесного повреждения, понесенного пассажиром, если несчастный случай, причинивший вред, произошел на борту воздушного судна или во время всяких операций при посадке и высадке. Положения пункта 99 Правил не регулируют вопросы возмещения вреда пассажирам, а устанавливают перечень услуг, предоставляемых пассажиру при перерыве в воздушной перевозке по вине перевозчика или при вынужденной задержке воздушного судна, и, следовательно, не могут противоречить нормам международного договора. Предусмотренные пунктом 99 Правил услуги, предоставляемые пассажирам без взимания дополнительной платы, соответствуют общепризнанным нормам международного права (согласно правилам, действующим в Европейском союзе, если пассажиру отказывают в посадке на самолет в аэропорту Европейского союза, то авиакомпания обязана бесплатно оказать ему содействие в виде телефонного звонка по месту назначения; в обеспечении едой и напитками соразмерно с временем ожидания; в размещении в гостинице, если необходимо дополнительное пребывание в течение одной или двух ночей)". (Решение опубликовано не было.)

Объективно коллизия может возникнуть **на уровне субъективных прав и обязанностей**. В свою очередь, как было подчеркнуто выше, по **объекту отношений** противоречий не должно быть, так как если объекты различны, то, следовательно, объективно не могут возникнуть противоречия между рассматриваемыми правовыми нормами. Применительно к **субъектам правоотношений** также необходимо отметить, что коллизия в этом случае не может возникнуть, так как если различны субъекты, даже при совпадающем объекте правоотношений, то правоприменитель должен руководствоваться той нормой, состав элементов которой соответствует фактически возникшим отношениям. Различие в субъектах отношений, регулируемых правовыми нормами, свидетельствует о наличии различных правовых норм, которые объективно не имеют возможности коллизировать друг с другом.

Т. и М. обратились в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о признании не соответствующим действующему законодательству распоряжения Правительства РФ от 15 октября 1998 г. N 1483-р, ссылаясь на то, что реализация указанного решения Правительства приведет к дальнейшему обострению проблемы радиационного загрязнения и нарушению прав граждан Уральского региона на благоприятную окружающую среду и иных неимущественных прав, что противоречит законодательству Российской Федерации.

Удовлетворяя заявленные требования, Верховный Суд РФ в **решении от 26 февраля 2002 г. по делу N ГКПИ2001-1660** подчеркнул, что "в соответствии со ст. 13 Гражданского кодекса Российской Федерации ненормативный акт государственного органа, не соответствующий закону или иным правовым актам и нарушающий гражданские права и охраняемые законом интересы граждан, может быть признан судом недействительным.

Правительство Российской Федерации 15 октября 1998 г. издало распоряжение N 1483-р, которым в соответствии со статьей 9 Федерального закона "Об использовании атомной энергии" разрешен прием на переработку ограниченного количества отработавшего ядерного топлива из Венгерской Республики в порядке, определенном решением Минатома России, Госкомэкологии России и Госатомнадзора России по организации приема ограниченного количества отработавшего ядерного топлива атомной электростанции "Пакт", сооруженной при технической помощи СССР в Венгерской Республике, от 16 июля 1997 г...

В силу ст. 9 ФЗ "Об использовании атомной энергии" Правительство РФ в области использования атомной энергии решает вопросы ввоза в Российскую Федеральную отработавшего ядерного топлива в целях его переработки, включая технологический процесс временного хранения до его переработки, в соответствии с законом.

Согласно ст. 1 Протокола к Соглашению между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Революционным рабоче-крестьянским правительством Венгерской Народной Республики о сотрудничестве в сооружении атомной электростанции в Венгерской Народной Республике от 28 декабря 1966 г., подписанного Правительством Российской Федерации и Правительством Венгерской Республики 1 апреля 1994 г., соответствующие организации Российской Федерации будут принимать отработавшее ядерное топливо АЭС "Пакт" в виде тепловыделяющих сборок и регулирующих кассет после пятилетней выдержки на АЭС "Пакш" в течение всего периода эксплуатации АЭС "Пакш" на условиях, аналогичных приему отработавшего ядерного топлива из других стран по межправительственным соглашениям, заключенным СССР до 31 декабря 1991 г.

Указом Президента РФ от 21 апреля 1993 г. N 472 подтверждено выполнение Российской

Федерацией как государством - продолжателем СССР обязательств, вытекающих из межправительственных соглашений о сотрудничестве в сооружении атомных электростанций за рубежом, заключенных СССР до 1991 г. и предусматривающих, в частности, поставки ядерного топлива из России и возврат в Россию на переработку отработавшего ядерного топлива этих атомных электростанций.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в ч. 4 ст. 15 устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Правительство Российской Федерации, выполняя межправительственные соглашения, заключенные СССР до 1991 г., в которых не предусмотрены условия возврата государству - поставщику отработавшего ядерного топлива образующихся при его переработке радиоактивных отходов и продуктов переработки, эти вопросы в каждом конкретном случае должно решать с учетом требований ст. 48 ФЗ "Об охране окружающей среды".

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 48 настоящего Федерального закона ввоз в Российскую Федерацию из иностранных государств облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов для их переработки разрешается в случае, если проведены государственная экологическая экспертиза и иные государственные экспертизы соответствующего проекта, предусмотренные законодательством Российской Федерации, обоснованы общее снижение риска радиационного воздействия и повышение уровня экологической безопасности в результате реализации соответствующего проекта. Ввоз в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов осуществляется на основе международных договоров Российской Федерации.

Необходимость проведения государственной экологической экспертизы при ввозе в Российскую Федерацию из иностранных государств облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов для их переработки на основе международных договоров Российской Федерации также была предусмотрена ст. 4 Закона РСФСР "Об охране окружающей природной среды" в ред. Федерального закона от 10 июля 2001 г. N 93-ФЗ "О внесении дополнений в ст. 50 Закона РСФСР "Об охране окружающей природной среды".

Согласно ст. 11 ФЗ от 23 ноября 1995 г. N 174-ФЗ "Об экологической экспертизе" обязательной государственной экологической экспертизе, проводимой на федеральном уровне, подлежат проекты правовых актов Российской Федерации нормативного и ненормативного характера, реализация которых может привести к негативным воздействиям на окружающую природную среду.

Заинтересованное лицо не представило суду доказательств того, что государственная экологическая экспертиза проекта распоряжения Правительства РФ о разрешении приема на переработку ограниченного количества отработавшего ядерного топлива проводилась.

Из содержания оспариваемого распоряжения следует, что прием на переработку ограниченного количества отработавшего ядерного топлива осуществляется в порядке, определенном решением Минатома России, Госкомэкологии России и Госатомнадзора России. Решением Минатома России, Госкомэкологии России и Госатомнадзора России по организации приема ограниченного количества отработавшего ядерного топлива атомной электростанции "Пакш", сооруженной при технической помощи СССР в Венгерской Республике, от 16 июля 1997 г. предусмотрен прием в виде исключения ОЯТ АЭС "Пакш" в количестве 3550 отработавших сборок в переходный период на условиях предшествующей практики, т.е. без последующего возврата отверженных радиоактивных отходов и продуктов переработки в Венгерскую Республику.

Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 1998 г. N 1483-р, являющееся ненормативным актом, опубликовано в Собрании законодательства Российской Федерации от 19 октября 1998 г. N 42 и доведено до сведения неопределенного круга лиц. Вместе с тем в данном акте имеется ссылка на решение Минатома России, Госкомэкологии России и Госатомнадзора России от 16 июля 1997 г., которое не было опубликовано. Прием на переработку отработавшего ядерного топлива осуществляется ПО "Маяк", расположенным в Челябинской области..." (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 1. С. 13, 14).

Федеральный закон "Об охране окружающей среды" установил обязательное условие - проведение государственной экологической экспертизы (**юридический факт**) - для ввоза в Российскую Федерацию из иностранных государств облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов для их переработки. Указанное условие отсутствовало в соответствующих международных договорах РФ, ставших частью правовой системы России.

В связи с тем что вышеупомянутое условие предусматривалось в Федеральном законе, а соответствующие международные договоры не были ратифицированы, Верховный Суд РФ справедливо разрешил возникшую коллизию в пользу положений, содержащихся в Федеральном законе.

По данному делу коллизия на уровне юридических фактов обусловила **коллизию на уровне**

субъективных прав и обязанностей. Государство в лице своих органов, осуществив проведение государственной экологической экспертизы и получив положительное ее заключение, получает субъективное право на транспортировку в Россию из иностранных государств тепловыделяющих сборок ядерных реакторов для их переработки. Данному праву корреспондирует обязанность частных лиц подчиниться указанному субъективному праву. Обязанность подчиниться праву государства на транспортировку вышеупомянутых материалов косвенно следовала также из положений, содержащихся в международном договоре.

Учитывая, что объем обязанностей подчиниться транспортировке из иностранных государств облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов для их переработки различен (в одном случае требуется проведение экспертизы, а в другом - такой необходимости нет), возникшая коллизия, установленная благодаря нижеописываемому принципу необходимого возложения на частное лицо обязанностей, была разрешена в пользу Федерального закона, обладающего более высокой иерархической силой, нежели международный договор, согласие в отношении которого не было выражено в форме закона.

Нельзя также не обратить внимания на следующее обстоятельство. В силу ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека могут быть ограничены исключительно федеральным законом. В свою очередь, вышеуказанный Федеральный закон предусматривал право частного лица требовать проведения данной экспертизы в случае осуществления вышеупомянутой транспортировки. Обжалуемые нормативно-правовые акты, позволяющие транспортировку без проведения экспертизы, были приняты Правительством РФ, иными органами исполнительной власти без учета положений, зафиксированных в Федеральном законе. Иными словами, обжалуемые нормативно-правовые акты в нарушение Конституции РФ ограничивали соответствующие права частных лиц. Поэтому и по данному основанию были удовлетворены обоснованные требования заявителей.

4.1.1. Принципы, позволяющие определить наличие или отсутствие правовых коллизий, возникающих на уровне субъективных прав и обязанностей

Посредством правового регулирования субъекты наделяются правами и обязанностями. Поэтому при сравнении международно-правовых положений, ставших частью национально-правовой системы, и норм внутригосударственного права не исключается возникновение ситуации, когда объем прав и обязанностей у одних и тех же субъектов применительно к одному и тому же объекту отношения по-разному определяется в сравниваемых нами нормах.

Так, в **Постановлении от 30 сентября 2003 г. по делу N 7127/03** Высший Арбитражный Суд РФ отметил, что "в соответствии со статьей 23 Конвенции (о договоре международной дорожной перевозки грузов (далее - Конвенция) перевозчик обязан возместить ущерб, вызванный полной или частичной потерей груза, размер которого определяется на основании стоимости груза в месте и во время принятия его для перевозки. Стоимость груза определяется на основании текущей рыночной цены. При отсутствии и той и другой - на основании обычной стоимости товара такого же рода и качества, однако в любом случае размер возмещения не должен превышать 8,33 единицы специальных прав заимствования за 1 килограмм недостающего веса брутто (данное положение было введено дополнительным Протоколом к Конвенции от 05.07.1978). Таким образом, Конвенция предусматривает иные порядок и размер исчисления и возмещения стоимости утраченного при перевозке груза, чем это установлено Гражданским кодексом Российской Федерации. Поскольку судом неправильно применены нормы материального права, судебные акты в части взыскания ущерба подлежат отмене...".

Как видно, положения международного договора РФ предусматривали **иные субъективные права**, касающиеся порядка определения ущерба, возникшего вследствие ненадлежащего исполнения перевозчиком своих обязанностей, нежели те, которые содержались в Гражданском кодексе РФ (ст. 796).

В процессе определения наличия или отсутствия коллизий необходимо иметь в виду, что один из аспектов взаимодействия норм международного и внутригосударственного права заключается в том, что положения международного права, став частью правовой системы государства, вправе дополнять национально-правовое регулирование, восполняя пробелы.

Так, если международно-правовое положение, ставшее частью правовой системы государства, или внутригосударственная правовая норма предоставляют дополнительные (но не иные, в смысле коллидирующие) права субъектам внутригосударственных отношений (за исключением государственных органов), то связь вышеупомянутых положений следует рассматривать через **принцип дополняемости**. Если национальный закон, иной нормативно-правовой акт предоставляет частным лицам (физическим и/или юридическим) в дополнение к правам, предусмотренным в источниках международного права, иные дополнительные субъективные права либо, наоборот, источник международного права содержит дополнительные права и свободы, нежели закрепленные в источниках национального права, то здесь должно отсутствовать какое-либо противоречие, подлежащее разрешению государственными органами.

Иными словами, если правовой статус частного лица, предусмотренный источником международного права, более благоприятный, чем статус, определенный в источниках национального права, или, наоборот, национальные нормативные акты гарантируют более высокий уровень стандартов в области прав и свобод человека, нежели международные договоры, иные источники международного права, то здесь следует руководствоваться именно принципом дополняемости.

Возможность применения принципа дополняемости к процедуре взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере прав и свобод человека подтверждается ст. 15 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации", предусматривающей, в частности, что ратификации подлежат международные договоры Российской Федерации, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом. Законодатель придерживается позиции, согласно которой, если международный договор РФ "вторгается" в компетенцию законодательной власти Российской Федерации, то такой договор должен быть ратифицирован. Но если положения международного договора РФ дополняют национально-правовое регулирование, не содержат иных правил, то такие правила (положения) объективно не должны обуславливать возникновение правовой коллизии.

Нельзя не отметить, что принцип дополняемости характерен не только взаимодействию международно-правового положения, ставшего частью правовой системы, и внутригосударственно-правовой нормы, но и взаимодействию международно-правовых положений между собой.

Н.В. Миронов, рассматривая вопрос соотношения Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г. и двустороннего Соглашения по вопросам гражданского процесса между СССР и Австрией от 11 марта 1970 г., подчеркнул, что к данным международно-правовым актам "применимо правило соотношения основного и развивающего (дополняющего, толкующего)... акта. Иными словами, такие акты (нормы) не конкурируют между собой, не находятся в иерархической зависимости друг от друга, а являются взаимодополняющими, самостоятельными актами" [97. С. 48, 49].

Одним из ярких примеров реализации принципа дополняемости является соотношение между Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г. и двусторонними консульскими конвенциями. Согласно ст. 73 Конвенции "положения настоящей Конвенции не отражаются на других международных соглашениях, действующих между участвующими в них государствами. Ни одно из положений настоящей Конвенции не препятствует государствам заключать международные соглашения, подтверждающие, дополняющие, распространяющие или расширяющие ее положения" (Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 124 - 147. Конвенция вступила в силу для Союза ССР 14 апреля 1989 г.). В правовом отношении судьба двусторонних консульских конвенций, как правило, не будет зависеть от судьбы Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. В двусторонних консульских конвенциях содержится принцип дополняемости как принцип соотношения Венской конвенции о консульских сношениях и соответствующих двусторонних соглашений. Так, в преамбуле к Консульской конвенции между Российской Федерацией и Венгерской Республикой предусматривается, что Российская Федерация и Венгерская Республика выражают волю "дополнять и развивать положения Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.", а также подтверждают, что "по вопросам, которые не оговорены в настоящей Конвенции, будут применяться положения, зафиксированные двусторонней Венской конвенцией о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г., а также другие нормы международного права" (Бюллетень международных договоров. 2004. N 5. С. 22, 23). Иными словами, прекращение действия Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. не повлияет на юридическую судьбу двусторонних консульских конвенций. Отношения, не урегулированные двусторонними конвенциями в случае прекращения действия Венской конвенции о консульских сношениях, будут регулироваться обычными нормами международного права.

Поэтому принцип дополняемости не должен свидетельствовать о наличии правовых коллизий, данный принцип должен презюмировать наличие соответствия между применяемыми положениями. Однако если правоприменитель сталкивается с явным и недвусмысленным противоречием (коллизией), то последнее должно разрешиться с учетом принципов разрешения коллизий.

Принцип дополняемости при прочих равных условиях свидетельствует об отсутствии правовых коллизий. Следующий принцип, наоборот, способствует определению коллизий, подлежащих разрешению с учетом нижеописываемых принципов.

Наделение частного лица субъективными правами, предусматриваемыми в положениях, закрепленных в источниках международного и внутригосударственного права, с необходимостью влечет за собой появление корреспондирующей обязанности. Носителем такой обязанности может быть как государство в лице его органов, так и частное лицо.

Если носителем обязанностей является государство и объем таких обязанностей по-разному регулируется международно-правовыми положениями и/или нормами внутригосударственного права, то в интересах защиты субъективных прав частного лица необходимо следовать презумпции отсутствия коллизий, так как в противном случае не исключается возможность разрешения коллизии в пользу

"меньшего" объема обязанностей государства, что не сможет не привести к нарушению субъективных прав частного лица.

Но если носителем обязанностей по отношению к субъективному праву является частное лицо и, соответственно, круг таких обязанностей, предусмотренных международно-правовыми положениями и нормой внутригосударственного права, различен в отношении одного и того же объекта регулирования, то здесь представляется целесообразным констатировать наличие коллизии в интересах лица, на которое возлагается такая обязанность.

Обязывая частное лицо с помощью источников внутреннего права либо источников международного права, становящихся частью правовой системы государства, последнее осуществляет вмешательство в те или иные права или свободы, ограничивает их. Наделение обязанностями частных лиц, независимо от того, кто является носителем корреспондирующих прав, согласно международному праву должно носить обоснованный характер, т.е. являться необходимым, пропорциональным; демократическое правовое государство должно аргументировать, обосновать необходимость возложения на частное лицо соответствующих обязанностей. Важно отметить, что критерий "необходимости" как неотъемлемое условие ограничения прав и свобод человека находит подтверждение как в сфере международного правотворчества, так и в международной судебной практике.

Так, в Постановлении от 7 мая 2002 г. по делу **Бурдов против Российской Федерации** Европейский суд по правам человека, констатировав нарушение Россией ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отметил, что, "не исполнив решения Шахтинского городского суда, власти государства-ответчика лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить. Власти государства-ответчика не выдвинули никаких оснований для такого вмешательства в реализацию права заявителя; при этом Суд полагает, что нехватка средств не может служить тому оправданием" (Российская газета. 2002. N 120).

Согласно ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод "каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются **необходимыми** для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов, или других сборов, или штрафов".

В Постановлении от 23 июля 2003 г. по делу **Смирновы против Российской Федерации** Европейский суд по правам человека, констатируя факт нарушения Россией ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подчеркнул, что "основным вопросом является то, было ли вмешательство оправданным в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции, а именно было ли оно "предусмотрено законом" и **"необходимо в демократическом обществе"**, служило ли одной из целей, перечисленных в данном пункте" (Журнал российского права. 2004. N 6. С. 108 - 124).

В силу ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: "1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и **необходимо** в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

При рассмотрении дела **Красуля против Российской Федерации** Суд обратил внимание, что "осуждение заявителя (п. 2 ст. 129 УК РФ) явилось вмешательством в права, гарантируемые ст. 10 Конвенцией; указанное вмешательство было основано на законе (п. 2 ст. 129 УК РФ); преследовало социально значимую цель - защиту прав других лиц, что предусматривается п. 2 ст. 10. Требуется определить, было ли вмешательство **"необходимым в демократическом обществе"**. При определении соблюдения критерия "необходимости" Суд должен изучить, соответствовало ли вмешательство "неотложной социальной необходимости", было ли оно пропорционально и являлись ли основания для такого вмешательства достаточными и относящимися. Оценивая наличие "неотложной социальной необходимости" и какие меры требуется принять для достижения соответствующих целей, государства обладают некоторой свободой. Но такая свобода не является неограниченной и ее реализация осуществляется одновременно и Судом, чья задача заключается в том, чтобы вынести окончательное суждение, является ли ограничение совместимым с правами и свободами, защищаемыми в ст. 10. Задача Суда, осуществляющего свои контрольные функции, заключается не в том, чтобы заменить национальные власти, а проверить через ст. 10 решения, которые были приняты (государством)... Осуществляя такой контроль, Суд должен убедиться, что национальные власти применяли стандарты, которые находились в соответствии с принципами, закрепленными в ст. 10, и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке относящихся к делу фактов.

Оценивая конкретные обстоятельства дела, суд должен принять во внимание следующие аспекты: положение заявителя, положение лица, против которого была направлена критика, существо публикации, квалификация высказанного со стороны национальных судов, слова, которые были использованы заявителем, и наказание, к отбыванию которого был осужден заявитель. Что касается положения заявителя, то Суд указывает, что он является журналистом и редактором газеты. Он был осужден за свою публикацию, поэтому осуществленное вмешательство должно быть рассмотрено в аспекте значения прессы в деле функционирования политической демократии. Суд подчеркивает, что исключения из свободы журналистской деятельности, закрепленные в п. 2 ст. 10, должны толковаться узко и необходимость для таких ограничений должна убедительно быть продемонстрирована. Критика заявителя была направлена против регионального губернатора г-на Черногорова, профессионального политика, в отношении которого ограничения приемлемой критики выше, чем в случае с обычными лицами. Участвуя в выборах губернатора, г-н Черногоров вышел на политическую сцену, неизбежно и сознательно открыл себя для детального анализа каждого своего действия как со стороны журналистов, так и со стороны общества. Поэтому он должен испытывать более высокий уровень терпимости. Существо публикации заключалось в анализе решения органа законодательной власти отменить выборы главы города Ставрополя и что губернатор неправомерно вмешался в деятельность органов законодательной власти. Статья также анализировала результаты выборов губернатора и критиковала административные возможности (губернатора Черногорова). Вопросы, поднятые в статье, представляли первостепенное значение для населения региона. Это представляло собой предмет интереса со стороны публики, и статья явилась частью политических дебатов. Суд вновь повторяет, что согласно п. 2 ст. 10 существует незначительная возможность ограничения политических высказываний, дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес. У Суда имеется постоянный подход, требующий необходимости наличия убедительных причин, оправдывающих ограничения на политические высказывания, для более широких ограничений, накладываемых в отдельных случаях, которые с неизбежностью негативно влияют на свободу выражения в государстве. Российские суды интерпретировали публикацию заявителя как публикацию, содержащую сведения о фактах, и признали его виновным в связи с невозможностью последним доказать правдоподобность указанных суждений. Они отказались признавать суждения в качестве оценочной информации. В связи с этим Суд обращает внимание на необходимость разделять суждения о факте и оценочные суждения. Если существование факта может быть подтверждено, то правдоподобность оценочных суждений не может быть доказана. Требование о необходимости доказать правдивость оценочных суждений является невозможным и нарушает свободу мысли само по себе, которая является основополагающим элементом права, гарантируемого ст. 10. Первое рассматриваемое суждение заявителя касалось принятия городским законодательным собранием решения, отменяющего выборы мэра. Далее описывается появление губернатора на сессии собрания в компании помощников. Из этого был сделан вывод о том, что губернатор и его советники лоббировали депутатов в пользу принятия решения. Национальные суды интерпретировали последнее высказывание как обвинения во взяточничестве. Суд не может согласиться с такой интерпретацией. С его позиции, утверждение заявителя далеко от того, чтобы делать выводы о наличии взяточничества. Он только утверждает о влиянии губернатора на принятие решения, без каких-либо деталей. Суд считает, что представляется достаточно трудно определить, являются ли утверждения заявителя о влиянии губернатора на законодательный процесс суждениями факта или оценочными суждениями. Использование заявителем в статье будущего времени дает основания, что статья скорее содержит предположения, нежели факты. Однако, согласно прецедентной практике Суда, оценочные суждения должны основываться на достаточных фактах, чтобы речь шла о правдивых суждениях в рамках ст. 10. Суд исследует, существовали ли достаточные факты для соответствующих утверждений. Не оспаривается, что губернатор присутствовал на сессии законодательного собрания города и старался убедить депутатов голосовать за решение, отменяющее выборы мэра. С точки зрения Суда, указанные факты дают возможность говорить о наличии достаточных фактических оснований для утверждений заявителя о том, что губернатор и его помощники вмешивались в законодательный процесс. Суд считает, что заявитель опубликовал правдивую информацию, представляющую общественный интерес. Что касается утверждений о том, что "губернатор чудом избежал поражения на выборах" и что он является "громогласным, амбициозным и полностью неспособным", Суд полагает, что эти утверждения являются примером оценочных суждений, которые показывают субъективную позицию заявителя, касающуюся управленческих способностей губернатора и его (заявителя) личное восприятие результатов выборов. Национальные суды посчитали, что требуется доказать правдивость этих утверждений. Здесь явно невозможно применение принципа "возложение бремени доказательств". Далее Суд полагает, что, хотя статья выдержана в сильных тонах, статья не содержит оскорбительных, несдержанных формулировок и не выходит за общепринятый уровень преувеличения и провокации, к которому обращаются журналисты. Пропорциональность вмешательства, сущность и суровость наказания, к которому был привлечен заявитель, также должны быть оценены. В связи с этим Суд указывает, что заявитель был осужден и привлечен к ответственности

в виде одного года лишения свободы, несмотря на то, что наказание являлось условным, заявитель столкнулся с реальностью такого наказания. Наказание было условным при условии, что он не совершит какого-либо другого преступления в качестве редактора в течение шести месяцев. Это условие обладает ужасающим последствием для заявителя, ограничивая свободу журналистской деятельности и уменьшая его возможности распространять информацию и идеи по вопросам, представляющим общественный интерес. С учетом вышеизложенного, принимая во внимание роль журналистской деятельности и прессы в распространении информации и идей по вопросам общественной значимости, даже в том случае, когда это может шокировать, обескураживать, Суд считает, что публикация заявителя не превышала приемлемый уровень критики. Его осуждение было несовместимым с принципами ст. 10, поскольку российские суды не предоставили убедительных оснований, оправдывающих вмешательство. Поэтому Суд полагает, что национальные суды превысили незначительный уровень усмотрения, допускаемый для ограничений в случае обсуждения представляющих интерес для общества вопросов, и вмешательство явилось непропорциональным преследуемой цели и не было "необходимым в демократическом обществе". Соответственно, было нарушение ст. 10 Конвенции" (**Красуля против Российской Федерации**, п. п. 35 - 46 Постановления от 22 февраля 2007 г.).

Таким образом, данный принцип, с помощью которого представляется возможным установить наличие коллизий, целесообразно именовать (условно) **принципом необходимого возложения обязанностей на частное лицо**.

Суть данного принципа заключается в том, что государство свободно в своем усмотрении наделять субъективными правами частных лиц посредством принятия внутригосударственных правовых актов, а также включения в национально-правовую систему международно-правовых положений, предусматривающих права и свободы человека и гражданина. Однако возложение на частное лицо обязанностей должно соответствовать критерию необходимости. Если положение международного права, став частью национальной правовой системы, и внутригосударственно-правовая норма, регулируя отношения, имеющие сходный объект, имеют различный объем обязанностей частного лица, то с целью эффективной защиты прав и свобод человека здесь должно презюмироваться наличие коллизии, которую государство обязано разрешить.

Министр обороны Российской Федерации 2 сентября 1994 г. издал Приказ N 300 "О порядке реализации льгот по проезду и перевозкам личного имущества военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей". Приказ предусмотрел оплату проезда военнослужащих и иных категорий граждан только по территории Российской Федерации.

Между тем, согласно ст. 1 Соглашения между государствами - участниками Содружества Независимых Государств о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, заключенного Российской Федерацией 14 февраля 1992 г., за военнослужащими, лицами, уволенными с военной службы и проживающими на территории государств - участников Содружества, а также членами их семей сохраняется уровень прав и льгот, установленных ранее законами и другими нормативными актами бывшего Союза ССР. П. обратился в Верховный Суд РФ с заявлением о признании недействительным упомянутого Приказа. В связи с тем что Приказ противоречил данному международному договору, Верховный Суд РФ 8 декабря 1999 г. требования заявителя о признании недействительным данного Приказа удовлетворил. Кассационная коллегия Верховного Суда РФ оставила данное решение без изменения.

Приказ Министра обороны предусматривал более высокий объем обязанностей соответствующих частных лиц, чем международный договор. Вследствие этого возникла коллизия, которая была разрешена в пользу международного договора, обладающего более высокой иерархической силой, нежели обжалуемый Приказ.

ПРИМЕЧАНИЕ: В дополнение к принципу необходимого возложения обязанностей на частное лицо вновь следует обратить внимание на то, что в международном праве существует категория прав и свобод, ограничение (вмешательство) которых недопустимо. Речь идет о праве не подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах), о праве не содержаться в рабстве (ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Большинство прав и свобод человека предполагают возможность осуществления вмешательства государства в права и свободы человека.

В силу уже вышеупомянутой ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод "каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

Согласно ст. 10 Конвенции "каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственной границы. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Поэтому внутригосударственные нормативные правовые акты, соответствующие требованиям, предусмотренным в нормах международного права и национального законодательства, и принимаемые с целью ограничения прав и свобод человека, не должны рассматриваться в качестве актов, содержащих нормы, коллидирующие соответствующим положениям норм международного права. Однако необходимо иметь в виду, что нормативно-правовые акты, направленные на ограничение прав и свобод, не должны приводить к лишению человека этих прав и свобод. В случае если национально-правовой акт фактически лишает человека прав и свобод, естественно, объективно возникает коллизия, которая должна быть разрешена с учетом нижеуказанных принципов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Принимая тот или иной нормативный правовой акт, государство, как правило, гипотетически осуществляет вмешательство в субъективные права и свободы частного лица. Поэтому принятие такого акта должно быть **необходимым** в демократическом государстве, преследовать социально значимые цели и положения, зафиксированные в таком акте, должны отвечать принципу "правовой определенности", обязывающему, в частности, государство при формулировании такого акта не использовать нечеткие, неясные, двусмысленные формулировки, т.е. такие формулировки, которые допускают неоднозначное толкование. Указанный принцип также предполагает официальное опубликование нормативно-правовых актов, касающихся прав и свобод человека, включая акты, связанные с их (прав и свобод) ограничением.

Таким образом, если правовой статус частного лица, предусматриваемый международно-правовым положением, более благоприятен, нежели статус, определяемый в источниках национального права, либо наоборот, то такая ситуация свидетельствует об отсутствии какой-либо подлежащей разрешению коллизии. Однако наличие коллизии будет обуславливаться тем обстоятельством, когда международно-правовое положение и источник национального права по-разному определяют объем обязанностей частного лица.

4.1.2. Принципы разрешения коллизий, возникающих в сфере внутригосударственных отношений

Практика и доктрина международного права выделяют два основных принципа разрешения коллизий: **принцип иерархии и принцип приоритета применения** [97.1. С. 71].

Принцип иерархии объективно существует практически в любой социальной нормативной системе, включая правовую.

Одна из особенностей принципа иерархии заключается в том, что указанный принцип применяется к правовым нормам, имеющим различную юридическую силу в рамках той или иной правовой системы. Причем если речь идет о нормах международного права, то юридическая сила таких норм зависит от их природы, содержания, а не от источника их закрепления. Иерархическое место нормы международного права в системе межгосударственных отношений определяется не формой ее существования, а ее содержанием.

Принцип иерархии должен быть закреплен либо в источниках международного права, когда речь идет об иерархии международно-правовых норм, либо в источниках национального права, когда возникает необходимость разрешения коллизий между правовыми нормами, действующими в сфере внутригосударственных отношений.

Так, в силу ст. 53 Конвенции о праве международных договоров, нормы **jus cogens** обладают большей юридической силой, чем все остальные нормы международного права.

Статья 103 Устава ООН предусматривает преимущественную силу обязательств, которые закреплены в Уставе ООН, перед всеми другими нормами международного права, содержащимися в международных соглашениях, заключаемых государствами - участниками Организации Объединенных Наций.

В соответствии с п. 2 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., "если в договоре устанавливается, что он обусловлен предыдущим или последующим договором или что он не

должен считаться несовместимым с таким договором, то **преимущественную силу** имеют положения этого другого договора".

Согласно ст. 15 Конституции РФ, последняя "имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации".

При реализации в национальной правовой системе принципа иерархии применительно к международно-правовым положениям он должен быть закреплен в национальном законодательстве, одним из примеров которого является второе предложение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: "если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора".

Основное отличие **принципа приоритета применения** от **принципа иерархии** заключается в том, что здесь правовые коллизии возникают между нормами, имеющими равную юридическую силу.

В сфере внутригосударственных отношений при разрешении коллизий, возникающих между положениями международного права и национально-правовой нормой или между положениями международного права, ставшими частью правовой системы России, государственные органы должны руководствоваться как принципом иерархии, так и принципом приоритета.

Когда речь идет о реализации международно-правовых положений в сфере внутригосударственных отношений, при осуществлении принципа иерархии, в отличие от международной нормативно-правовой системы, основное внимание в принципе должно быть уделено иерархии государственных органов, создающих (принимающих) соответствующие источники внутригосударственного права и/или выражающих прямо или косвенно согласие на обязательность для государств тех или иных норм международного права.

ПРИМЕЧАНИЕ: Когда государство выражает свое согласие в отношении международного договора, то всегда имеется в виду выражение явного, прямого согласия. В свою очередь, при формировании обычной, в том числе и общепризнанной, нормы международного права возможно как активное согласие (если государство, будучи заинтересованным, принимает непосредственное участие в практике, признаваемой в качестве обычая), так и пассивное, неявное согласие, суть которого заключается в отсутствии активного возражения государства применительно к формирующейся или уже сформированной общепризнанной норме. В отношении решений международных межправительственных организаций как источников международного права также возможно как активное согласие, так и пассивное, порядок выражения которого зависит как от учредительных актов организации, так и внутреннего права такой организации.

Толкование принципа иерархии в сфере внутригосударственных отношений в зависимости от иерархии государственного органа, издавшего нормативно-правовой акт и/или выразившего согласие в отношении нормы международного права, обусловлено тем обстоятельством, что если международное право основано на принципе координации, то внутригосударственное право - на принципе соподчинения нижестоящих органов вышестоящим.

В Конституции РФ представлен четкий перечень основополагающих источников внутригосударственного права, а также их иерархия в зависимости от органа, издавшего соответствующий источник. В соответствии с Конституцией РФ, наряду с данным нормативным правовым актом на территории Российской Федерации действуют иные источники национального права России (см. **схему 5**).

Конституция РФ регулирует вопросы иерархичности вышеуказанных нормативных актов. К примеру, указы и распоряжения Президента РФ не могут противоречить Конституции РФ и федеральным законам. Правотворческая деятельность Правительства РФ должна соответствовать не только Конституции РФ и федеральным законам, но и указам Президента РФ. Из иных внутригосударственных нормативных правовых актов следует, что деятельность федеральных министерств, ведомств, иных федеральных органов государственной власти должна соответствовать не только Конституции РФ, федеральным законам, но и правовым актам Президента РФ, Правительства РФ (ст. 3 ГК РФ, п. 2 Положения о Министерстве иностранных дел РФ в ред. от 16 сентября 2002 г.).

Схема 5. Иерархия источников национального права, действующих в Российской Федерации на федеральном уровне (ст. ст. 90, 105, 108, 115 Конституции РФ)

Конституция Российской Федерации
Федеральные конституционные законы
Федеральные законы

Правовые акты, принимаемые Президентом РФ
Правовые акты, принимаемые Правительством РФ
Правовые акты, принимаемые федеральными министерствами и ведомствами

Органы государственной власти принимают не только нормы внутригосударственного права, но и в пределах предоставленной им компетенции участвуют в создании норм международного права. Международное правотворчество является проявлением международной правосубъектности государства. Более того, международное право - творчество является одним из неотъемлемых элементов принципа суверенного равенства государства, согласно которому государство вправе самостоятельно осуществлять не только свою внутреннюю, но и внешнюю политику. Согласно п. п. "к" и "л" ст. 71 Конституции РФ, "внешняя политика, и международные отношения, международные договоры Российской Федерации, вопросы войны и мира", "внешнеэкономические отношения Российской Федерации" находятся в исключительном ведении Российской Федерации. Указанные выше вопросы подразумевают под собой участие федеральных органов государственной власти России, уполномоченных организаций (с учетом изменений в Законе "О международных договорах Российской Федерации" в ред. от 1 декабря 2007 г.) в создании, изменении и прекращении норм международного права независимо от источника существования таких норм. В свою очередь, на федеральном уровне в пределах предоставленной компетенции в решении вышеупомянутых вопросов принимает участие Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, федеральные министерства и ведомства, уполномоченные организации.

Положения международного права, став частью правовой системы России, должны подчиняться принципу иерархии, существующему в рамках этой системы.

Международно-правовые положения, источником которых является международный договор, международный обычай, решение международной межправительственной организации (см. подробнее **лекцию 3**), став частью правовой системы России, оказывают правовое воздействие на внутригосударственные отношения, возникающие не только с участием частных лиц, но и с участием федеральных органов государственной власти, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления.

В связи с этим можно утверждать, что подчинение процедуры разрешения коллизий с "участием" международно-правовых положений, ставших частью правовой системы России, принципу иерархии, как он толкуется применительно к национально-правовым нормам, отвечает и способствует обеспечению **основ конституционного строя**, провозглашенных и закрепленных в гл. 1 Конституции РФ.

Принцип приоритета применения используется в отношении правовых норм, обладающих равной юридической силой. Особенность реализации данного принципа в правовой системе России заключается в том, что указанный принцип не применяется к коллизиям, возникающим между положениями международного права, ставшими частью правовой системы России, и нормой внутригосударственного права.

Если возникает коллизия между нормой федерального закона и положением международного договора, согласие в отношении которого было выражено Российской Федерацией в форме федерального закона, то положения международного договора будут действовать не в силу принципа приоритета применения, а согласно принципу иерархии, предусмотренному в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также ст. ст. 5, 15 Закона "О международных договорах Российской Федерации". Если возникает коллизия между положением федерального закона и положением международного договора, согласие в отношении которого было выражено в иной форме, нежели принятие федерального закона, то должны действовать положения закона также в силу принципа иерархии. В свою очередь, принцип приоритета применения реализуется при разрешении коллизий, возникающих непосредственно между положениями международного права, ставшими частью правовой системы России и обладающими равной юридической силой в рамках этой системы.

Соотношение общих норм, определенных в национальном законодательстве, и специальных норм, содержащихся в источниках международного права, либо наоборот, должно подчиняться не принципу приоритета применения, а принципу иерархии.

Когда национальный суд рассматривает дела с иностранным элементом и если международный договор предусматривает исключения из общего правила, содержащегося в источнике внутригосударственного права, здесь речь идет об **"относительной отмене"**, т.е. суд отдает иерархический приоритет положению, закрепленному в международном договоре, только в конкретном случае.

Так, например, положения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров

1980 г. применяются к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах: а) когда эти государства являются Договаривающимися государствами или б) когда, согласно нормам международного частного права, применимо право Договаривающегося государства (ст. 1 Конвенции) [20. С. 221]. В случае если стороны заключают договор международной купли-продажи товаров, действие которого подчиняется российскому праву, то к отношениям сторон будут в первую очередь применяться положения вышеупомянутой Конвенции. В случае если бы Конвенция отсутствовала, то соответствующие отношения регулировались общими нормами, предусмотренными в Гражданском кодексе РФ.

При "**относительной отмене**" международный договор делает как бы исключение из общего правила, предусмотренного в источнике национального права.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в **информационном письме от 13 августа 2004 г. N 81 "Обзор практики применения арбитражными судами Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации"** отметил, что, "поскольку судно, об аресте которого в порядке принятия обеспечительных и предварительных обеспечительных мер ходатайствует заявитель, плавает под флагом государства - участника Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов, 1952 г. (далее - Конвенция об аресте морских судов), арбитражный суд при принятии определения об аресте судна руководствовался правилами этой Конвенции. В соответствии с Федеральным законом от 6 января 1999 г. Российская Федерация присоединилась к Конвенции об аресте морских судов. Как указано в пункте 1 статьи 8 Конвенции, ее положения применяются к любому судну, плавающему под флагом договаривающегося государства в пределах юрисдикции любого договаривающегося государства. Поскольку судно, об аресте которого ходатайствовал заявитель, плавает под флагом государства - участника Конвенции, арбитражный суд, налагая арест на это судно, должен был руководствоваться правилами АПК РФ в той мере, в какой иные правила не установлены этой Конвенцией".

Положения Конвенции об аресте морских судов осуществляли "относительную отмену" правил, содержащихся в АПК РФ, исключительно в рамках конкретного рассматриваемого дела.

Но необходимо иметь в виду, что положения, содержащиеся в международном договоре, могут оказывать регулирующее воздействие не только на отношения с иностранным элементом, но и на внутригосударственные отношения, не содержащие такого элемента, и в этом случае норма национального законодательства, противоречащая положению международного права, ставшему частью правовой системы государства, в дальнейшем не должна применяться ни при каких условиях. В отличие от вышерассмотренной ситуации, здесь подразумевается "**абсолютная отмена**", "абсолютное" неприменение соответствующей нормы национального законодательства. Если речь идет об "абсолютной отмене" нормы национального законодательства, то фактически речь идет о признании такой нормы недействующей и правового акта, содержащего такую норму, недействующим. Данный вывод вытекает из того, что такую норму невозможно будет в дальнейшем реализовать ни в одной из известных нам признанных юридических форм: использование, соблюдение, исполнение и применение.

Нельзя не отметить, что гражданско-процессуальное законодательство предусматривает процедуру оспаривания нормативных правовых актов, принятых органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, вследствие которого нарушаются права и свободы человека и гражданина (глава 24 ГПК РФ). По результатам рассмотрения суд признает недействующим полностью или в части обжалуемый нормативный правовой акт, противоречащий федеральному закону или другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу (ст. 253 ГПК РФ). Судебная практика свидетельствует, что если внутригосударственный нормативный правовой акт противоречит положениям, содержащимся в источнике международного права, и в том числе международном договоре, то такой правовой акт признается судом недействующим.

Так, в **решении от 3 февраля 2000 г. по делу N ВКПИ99-032** Верховный Суд РФ, частично удовлетворяя требования заявителя, отметил, что "в соответствии с ч. 1 ст. 20 Закона РФ от 22 января 1993 г. "О статусе военнослужащих" военнослужащие имеют право на бесплатный проезд железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (кроме такси) транспортом в командировке, в связи с переводом к новому месту военной службы, к местам использования основного отпуска (один раз в год), дополнительных отпусков и обратно. Правительство же Российской Федерации в Постановлении от 6 июля 1994 г. N 806 указало, что Министерство обороны РФ при реализации льгот военнослужащих, установленных Законом РФ "О статусе военнослужащих", осуществляет оплату проезда только по территории Российской Федерации, и признало не действующими на территории Российской Федерации статьи 49, 52, 55, 56, 62 Постановления Совета Министров СССР от 17 февраля 1981 г. N 193 "Об утверждении Положения о льготах для военнослужащих, военнообязанных, лиц, уволенных с военной службы в отставку, и их семей". Между тем в статье 55 указанного выше Положения были предусмотрены льготы военнослужащим на проезд за счет средств Министерства обороны при следовании в очередные отпуска и обратно на всей территории СССР. Таким образом, указав в п. 1

Постановления от 6 июля 1994 г. N 806, что Министерство обороны РФ осуществляет оплату проезда военнослужащих лишь по территории Российской Федерации, и признав не действующими на территории Российской Федерации указанные выше статьи Постановления Совета Министров СССР от 17 февраля 1981 г. N 193, Правительство Российской Федерации своим Постановлением фактически лишило военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей права на бесплатный проезд к местам использования основного отпуска и обратно по территории стран СНГ.

В соответствии же со ст. 1 Соглашения (между государствами - участниками Содружества Независимых Государств о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей) от 14 февраля 1992 г. за военнослужащими, лицами, уволенными с военной службы, проживающими на территории государств - участников Содружества, а также членами их семей сохраняется уровень прав и льгот, установленных ранее законами и другими нормативными актами бывшего Союза ССР.

Одностороннее ограничение указанных прав и льгот военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей не допускается... В связи с тем что Постановление Правительства РФ от 6 июля 1994 г. N 806 вопреки международному договору Российской Федерации ограничивает права и льготы военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в части бесплатного проезда к месту использования основного отпуска и обратно по территории СНГ, оно не может быть признано в этой части и подлежит отмене".

Таким образом, при разрешении коллизий, возникающих между положениями международного права, ставшими частью правовой системы государства, и правилами, предусматриваемыми в национально-правовых источниках, а также при разрешении коллизий, непосредственно возникающих между положениями международного права, вошедшими в правовую систему государства, действуют как принцип иерархии, так и принцип приоритета применения. Однако особенности реализации вышеупомянутых принципов в рамках правовой системы государства зависят от источника международного права, содержащего соответствующие положения.

4.2. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации

Действующее законодательство Российской Федерации непосредственно не предусматривает правил соотношения юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права и положений, предусматриваемых в источниках национального права России.

ПРИМЕЧАНИЕ: Автор делает оговорку, что с учетом вышеизложенного речь должна идти не о коллизиях между общепризнанными принципами и нормами международного права и внутригосударственными правовыми нормами, а о коллизиях между нормами, образуемыми на основе общепризнанных принципов и норм международного права, и нормами национального права. Однако с целью эффективного изложения и восприятия материала посчиталось возможным в рассматриваемом аспекте говорить именно об общепризнанных принципах и нормах международного права.

Законодательство и практика иностранных государств неоднозначны по вопросу иерархического соотношения положений, зафиксированных во внутригосударственном праве, и общепризнанных принципов и норм международного права.

Согласно ст. 25 Конституции ФРГ 1949 г., "общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории". Единообразное обеспечение применения норм международного права в государстве возложено на Конституционный суд ФРГ. В силу ст. 100 Конституции ФРГ "если в юридическом споре возникает сомнение, является ли норма международного права составной частью федерального права и порождает ли она непосредственно права и обязанности для индивида, суд должен получить решение федерального конституционного суда". Как показывает судебная практика, Суд не только констатирует наличие той или иной нормы общего международного права, но и ее отсутствие. В одном из дел Федеральный конституционный суд ФРГ, изучая вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности посла, представлявшего интересы своего государства в ГДР, пришел к выводу, что "в общем международном праве отсутствует какая-либо норма, предусматривающая обеспечение дипломатического иммунитета на территории третьих государств" [187. С. 94].

Конституция Швейцарской Конфедерации 1874 г. прямо не предусматривает положения, касающегося соотношения нормы общего международного права и национального законодательства. Однако судебная практика следует правилу, согласно которому обычное международное право действует в стране непосредственно. Военный трибунал Швейцарии, рассматривая вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица, обвиняемого в нарушении правил и обычаев войны на территории бывшей Югославии, отметил, что "согласно общему и договорному международному праву

военный конфликт на территории бывшей Югославии носил международный характер" [187. С. 78 - 80]. По своему статусу нормы общего международного права приравниваются к договорным нормам, которые по своей юридической силе равны закону. В случае коллизии между нормой международного права и нормой внутригосударственного права суд исходит из следующих принципов: "закон последующий отменяет закон предыдущий", "специальный закон отменяет закон общий".

Судебная практика США, связанная с применением норм международного права, свидетельствует, что обычно-правовые нормы занимают одно из последних мест в нормативной иерархии. В решении Верховного суда США по делу о пакетботе "Гавана" было отмечено, что "международное право является частью нашего права и должно определяться и применяться судами, обладающими соответствующей юрисдикцией, каждый раз, когда связанные с ним вопросы права должным образом представлены на его рассмотрение. В этих делах, если нет договора и нет регулирующего акта исполнительной власти или судебного решения, можно обращаться к обычаям и обычкновениям цивилизованных стран" [68. С. 14; См. также: 183. С. 913].

Конституция Японии 1947 г. предусматривает, что "Конституция является Верховным законом страны, и никакие законы, указы, рескрипты, противоречащие в целом или в части ее положениям, не имеют законной силы. Заключенные Японией договоры и установленные нормы международного права должны добросовестно соблюдаться" [125. С. 283]. Судебная практика свидетельствует, что общие нормы международного права пользуются приоритетом в применении перед нормами национального законодательства. Районный суд Японии, оценивая соответствие международного соглашения с Южной Кореей, регулирующего вопросы рыболовства, имплементирующему данное соглашение законодательству, подчеркнул что "обычное международное право всегда имеет приоритет перед внутренним законодательством, независимо от того, когда норма международного права возникла" [188. С. 303].

Законодательство и судебная практика большинства государств при возникновении коллизии между нормой общего международного права и законом отдают предпочтение применению обычно-правовой нормы.

Анализ отечественной доктрины, действующего законодательства РФ не предоставляет возможности четко определить юридическую силу общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации, соотношение этих норм с правилами, содержащимися в источниках национального права России.

Так, ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" (в ред. от 05.04.2005) в ст. 3 предусматривает, что "единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем ...применения всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации". Общепризнанные нормы международного права в указанном Законе занимают место после обычных федеральных законов.

Согласно ст. 2 ФКЗ "О военном положении", правовой основой военного положения являются "Конституция Российской Федерации, настоящий Федеральный конституционный закон, принятые на его основе федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в данной области". Здесь общепризнанные нормы международного права были "помещены" после иных внутригосударственных нормативно-правовых актов РФ.

Трудовой и Таможенный кодексы РФ заимствовали положения п. 4 ст. 15 Конституции РФ, включив в правовую систему России общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 10 и ст. 8 соответственно), не определив иерархическую силу положений, содержащихся в вышеупомянутых нормах международного права.

Неопределенность в вопросе **о юридической силе общепризнанных норм международного права** привела к принятию ст. 31 ФКЗ "Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации", согласно которой "по результатам изучения и анализа информации о нарушении прав и свобод граждан, обобщения итогов рассмотрения жалоб Уполномоченный вправе... обращаться к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и о дополнении федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации либо о восполнении пробелов в федеральном законодательстве и законодательстве субъекта Российской Федерации, если Уполномоченный полагает, что решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан, совершаются на основании и во исполнение федерального законодательства и законодательства субъекта Российской Федерации, либо в случае, **если законодательство противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации**". Иными словами, Уполномоченный по правам человека вынужден обращаться с требованием изменения соответствующего законодательства, противоречащего

международным договорам РФ и общепризнанным нормам международного права. Можно предположить, что если бы существовали четкие правила соотношения юридической силы общепризнанной нормы международного права в правовой системе России, то обращение Уполномоченного по правам человека в вышеупомянутые органы не было бы необходимым.

Закон обязывает Уполномоченного по правам человека обращаться к субъектам законодательной инициативы с требованием изменения законодательства, противоречащего международным договорам. В свою очередь, в Конституции РФ четко определено, что положения международных договоров РФ имеют более высокую иерархическую силу, чем законы и тем более подзаконные акты. В связи с этим изменение законодательства, противоречащего международным договорам РФ, является экономически и юридически нецелесообразным.

Как будет отмечено ниже, юридическая сила международного договора в рамках правовой системы России должна определяться статусом государственного органа, который выразил от имени Российской Федерации согласие на обязательность международного договора. В свою очередь, особенность формирования общепризнанных обычно-правовых норм заключается в том, что от государства не всегда требуется активного волеизъявления, явного выражения своей позиции применительно к формирующейся или уже сформированной общепризнанной норме. Главное - отсутствие возражения со стороны государства.

В формировании обычных норм международного права принимают участие не только органы исполнительной, но и законодательной и судебной властей. Поэтому четко определить, какой орган выразил свое согласие с обычной нормой либо участвовал в формировании такой нормы, представляется не только трудным, но и практически невозможным.

В связи с этим **юридическую силу общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России целесообразно определить в зависимости от характера соответствующей общепризнанной нормы.** Общепризнанные нормы международного права подразделяются на **императивные** и **диспозитивные**. Причем важно вновь обратить внимание на критерии, благодаря которым те или иные общепризнанные нормы международного права можно отнести к императивным или диспозитивным.

Понятие "**императивной общепризнанной нормы международного права**" было дано в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров. А.Н. Талалаев выделил следующие основные признаки (элементы) общепризнанной императивной нормы международного права (*jus cogens*):

норма *jus cogens* всегда является нормой **общего международного права**. Сюда не входят локальные или партикулярные нормы;

любое отступление субъектов международного права от данной категории норм, даже основанное на соглашении, является ничтожным;

норма ***jus cogens*** может быть изменена и/или отменена общепризнанной нормой международного права, обладающей таким же характером, т.е. норма ***jus cogens*** изменяется и/или отменяется только нормой *jus cogens* [131. С. 144, 145]. Императивные нормы международного права не являются исключительным достоянием современного международного права. Для статуса императивной нормы международного права важно не та форма, в которой может быть закреплена соответствующее положение, а природа регулируемого такой нормой социального отношения, значение данного отношения для межгосударственной системы.

Рассматривая иерархическую силу общепризнанных императивных норм международного права в сфере внутригосударственных отношений, в первую очередь, следует исходить из уже неоднократно повторявшейся посылки - международный договор, противоречащий императивным нормам международного права, является ничтожным. В свою очередь, международный договор РФ, применительно к которому согласие было выражено посредством принятия федерального закона, имеет большую иерархическую силу, чем закон. В связи с этим в рамках правовой системы России императивные обычно-правовые нормы, включая общепризнанные принципы международного права, должны иметь большую иерархическую силу, чем международный договор РФ и закон.

Поэтому императивные общепризнанные нормы международного права, ставшие частью правовой системы России, должны обладать иерархическим приоритетом перед положениями международных договоров РФ, также ставших частью правовой системы России, и положениями федеральных законов.

Однако если речь идет о Конституции РФ, о соотношении общепризнанных императивных норм международного права и конституционных положений, то здесь необходимо исходить из следующего.

Часть 1 ст. 15 Конституции РФ предусматривает, что "законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации". Буквальное толкование данного положения может нас привести к выводу, что конституционные нормы имеют приоритет исключительно над внутригосударственными нормативными актами, принятыми Российской Федерацией в процессе правотворчества, и не обладают верховенством над общепризнанными нормами международного права и международными договорами РФ. Однако, как справедливо отмечается в комментарии к Конституции РФ, указанное положение лишь **конкретизирует довод о**

высшей юридической силе Конституции РФ [54. С. 112].

Высшая юридическая сила Конституции РФ распространяется не только на все внутригосударственные нормативные акты, включая законы, но и на международно-правовые положения, ставшие частью правовой системы России.

Поэтому, Конституция РФ в рамках правовой системы России обладает высшей юридической силой по отношению ко всем внутригосударственным нормативным актам, а также к общепризнанным императивным нормам международного права. В случае возникновения коллизии между конституционными положениями и указанными выше международно-правовыми положениями государственный орган, согласно Конституции РФ, должен руководствоваться правилами, закрепленными в Конституции РФ.

Кроме императивных общепризнанных норм международного права доктрина выделяет **диспозитивные общепризнанные нормы**. В отличие от императивных, диспозитивные нормы могут быть изменены субъектами международного права на основании соглашения. Так, например, общепризнанные нормы международного права, касающиеся дипломатического иммунитета, могут быть изменены заинтересованными государствами и поэтому эти нормы являются диспозитивными [69. С. 166].

ПРИМЕЧАНИЕ: Положение ст. 32 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г., предусматривающее возможность отказа аккредитуемого государства от иммунитета от юрисдикции дипломатических агентов, иных лиц, пользующихся иммунитетом, свидетельствует о диспозитивности соответствующих норм международного права.

Отклонение от содержания диспозитивной нормы может быть осуществлено посредством любого источника международного права: международным договором, обычаем, решением международной межправительственной организации.

Доказательствами существования международного обычая, представляющего собой основной источник закрепления общепризнанных норм международного права, являются, в частности, внешнеполитические документы государств, правительственные заявления, иные односторонние действия и акты государств, дипломатическая переписка, совместные заявления государств, национальное законодательство, решения международных судебных и арбитражных органов, решения национальных судов, кодификационные многосторонние конвенции, не вступившие в силу, и т.д. [69. С. 227, 228, 240; 87.1. С. 43; 90. С. 109]. Поэтому, осуществляя, в частности, внутригосударственную нормотворческую деятельность, государство может влиять на процесс создания, изменения обычных норм международного права и, в частности, в рассматриваемом нами случае - общепризнанных норм международного права.

Государство посредством принятия национально-правовых актов вправе не только создавать, но и изменять те или иные общепризнанные нормы. Но важно подчеркнуть, что речь должна и может идти исключительно о диспозитивных нормах международного права. Возможность государству изменить те или иные диспозитивные общепризнанные нормы международного права обуславливается природой, характером таких норм, так как изменение этих норм не нанесет ущерба международному публичному порядку, который основывается на императивных нормах международного права.

Государство посредством национального законодательства с учетом интересов иных субъектов международного права может непосредственно влиять как на действие обычной нормы международного права, включая общепризнанные, так и на содержание соответствующих правовых норм. Важно иметь в виду, что государственная практика, конституирующая международные обычные нормы, должна отличаться единообразием [33. С. 116 - 118; 69. С. 223, 224; 88. С. 80; 97. С. 136].

Поэтому при осуществлении национальной нормотворческой деятельности государство, издавая нормативные правовые акты, имеющие вышеуказанный "международно-правовой эффект", должно следовать вышеупомянутым правилам стабильности, предсказуемости, единообразия. Государство не должно принимать различные по содержанию нормативные акты, касающиеся одно и того же вопроса. В противном случае трудно будет утверждать, что практика государства в сфере внутреннего нормотворчества "повлияла" на "судьбу" диспозитивной общепризнанной нормы международного права.

Требование единообразной практики, имеющей "международно-правовой эффект", распространяется не только в отношении нормотворческой деятельности государства, но и касается правоприменительной, в частности, деятельности национальных судов. Судебная практика должна быть также стабильной, предсказуемой и единообразной.

В связи с этим нельзя не согласиться с включением в Арбитражный процессуальный кодекс РФ положения, согласно которому "судебные акты арбитражных судов, вступившие в законную силу, подлежат изменению или отмене, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации установит, что оспариваемый судебный акт... нарушает единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права". Аналогичные положения отсутствуют в УПК РФ и ГПК РФ.

Принимая во внимание, что отдельные действия государства имеют вышеупомянутый

"международно-правовой эффект", любое заинтересованное государство вправе заявить свое несогласие с соответствующей практикой.

Причем данные действия "протестующего" государства не должны рассматриваться в качестве вмешательства во внутренние дела, так как эффект опротестовываемых действий имеет международно-правовой характер. Наличие протеста свидетельствует о том, что заинтересованное "протестующее" государство не желает изменять существующую диспозитивную норму международного права посредством вышеупомянутых односторонних действий государства.

Л. Генкин подчеркивает, что "если государство или группа государств пожелает изменить уже сформировавшуюся норму международного обычного права, то такое государство должно создавать соответствующую новую государственную практику и **opinio juris**... Однако этот процесс требует определенного времени. Другие государства, в свою очередь, имеют право заявить протест в отношении такой практики". Автор особо обращает внимание, что обычная норма не может быть изменена, не являясь нарушенной [183. С. 914].

В свою очередь, отсутствие такого протеста со стороны дестинаторов диспозитивной общепризнанной нормы международного права может свидетельствовать, в зависимости от содержания соответствующей практики, либо о соблюдении государством диспозитивной нормы, либо о согласии третьих государств с изменением такой нормы международного права.

Таким образом, право государства вследствие своих односторонних действий изменить, поменять содержание диспозитивных норм международного права не носит абсолютного характера. Для того чтобы соответствующая практика изменила диспозитивную норму международного права, связывающую государства, необходимо либо явное согласие других заинтересованных субъектов международного права, либо отсутствие каких-либо возражений со стороны таких субъектов. Данное требование основывается на координационной основе международного права [32. С. 16].

ПРИМЕЧАНИЕ: Требуемое количество и "качество" протестов должно рассматриваться с учетом конкретных обстоятельств дела. В связи с этим следует вновь подчеркнуть, что действующее международное право не требует того, чтобы с формирующейся или уже сформированной императивной и/или диспозитивной общепризнанной нормой соглашались абсолютно все государства.

Поэтому диспозитивные общепризнанные нормы международного права в сфере внутрисударственных отношений должны применяться только в том случае, когда в национальном праве отсутствуют иные нормы, отличающиеся от диспозитивных норм международного права, либо такие внутрисударственные нормы присутствуют, однако в отношении таких норм со стороны заинтересованных государств имеются явно выраженные протесты (возражения).

ПРИМЕЧАНИЕ: Следуя указанной точке зрения, можно частично согласиться с позицией, изложенной в деле Верховного суда США о пакетботе "Гавана" 1900 г., по которому, в частности, было подчеркнуто, что "международное право является частью нашего права и должно определяться и применяться судами, обладающими соответствующей юрисдикцией, каждый раз, когда связанные с ним вопросы права должным образом представлены на его рассмотрение. В этих целях, если нет договора и нет регулирующего акта исполнительной или законодательной власти или судебного решения, то можно обращаться к обычаям или обычновениям цивилизованных стран" [68. С. 141].

Ряд национально-правовых норм содержит положения, согласно которым то или иное законодательство России соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права.

Так, в силу п. 2 ст. 1 УК РФ, "настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права".

Согласно п. 2 ст. 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, "настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права..." (Собрание законодательства РФ. 2002. N 1. Ст. 1).

Статья 6 Федерального закона "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" предусматривает, что "законодательство Российской Федерации в области отношений с соотечественниками основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права...".

Как подчеркивалось выше, аналогичные формулировки закона являются юридической формой закрепления в определенной сфере общественных отношений **презумпции соответствия законодательства Российской Федерации общепризнанным принципам и/или нормам международного права**. Поэтому правоприменитель должен в своей деятельности прежде всего исходить из существования этой презумпции. Однако если в ходе толкования оказывается, что те или иные положения закона, подзаконного акта в рассматриваемой сфере отношений явно противоречат общепризнанным принципам и/или нормам международного права, то, доказав наличие соответствующего факта, правоприменитель должен руководствоваться принципами разрешения коллизий и юридической силой общепризнанных норм международного права в правовой системе РФ.

Таким образом, **императивные общепризнанные нормы международного права**, став частью правовой системы России, должны обладать в рамках этой системы большей юридической силой, чем

законы и международные договоры РФ, согласие в отношении которых было выражено в форме федерального закона. **Диспозитивные общепризнанные нормы международного права**, став частью правовой системы России, подлежат применению только в случае отсутствия в национальном праве иной правовой нормы либо присутствия такой нормы, но применительно к этой норме существуют явные протесты (возражения) со стороны заинтересованных субъектов международного права.

4.3. Юридическая сила международного договора Российской Федерации в правовой системе Российской Федерации

Для того чтобы международный договор стал частью правовой системы России, Российской Федерации необходимо выразить свое согласие в отношении договора.

ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" предусматривает следующие основные формы выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора (см. **схему 6**).

Схема 6. Основные формы выражения согласия Российской Федерации на обязательность международного договора (п. 1 ст. 6 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации")

Подписание договора
Обмен документами, образующими договор
Ратификация договора
Утверждение договора
Принятие договора
Присоединение к договору
применение любого другого способа выражения согласия, о котором условились договаривающиеся стороны

"Ратификация", "утверждение", "принятие" и "присоединение" означают в зависимости от случая форму выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора (п. "б" ст. 2 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации").

"Подписание" - либо стадия заключения договора, либо форма выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора в том случае, если договор предусматривает, что подписание имеет такую силу, или иным образом установлена договоренность Российской Федерации и других участвующих в переговорах государств о том, что подписание должно иметь такую силу, или намерение Российской Федерации придать подписанию такую силу вытекает из полномочий ее представителя либо было выражено во время переговоров (п. "в" ст. 2 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации").

Ратификация, будучи одной из форм выражения Российской Федерацией согласия на обязательность договора, всегда осуществляется в форме федерального закона (ст. 15 Закона). В свою очередь, если согласие Российской Федерацией выражается посредством утверждения, принятия, присоединения в отношении международных договоров по вопросам, которые предусмотрены в п. 1 ст. 15 Закона, то и в этом случае требуется принятие федерального закона. Если международный договор не касается вопросов, предусмотренных в п. 1 ст. 15 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации", то в случае утверждения, принятия, присоединения согласие выражается государственным органом в зависимости от категории заключаемого международного договора.

ПРИМЕЧАНИЕ: В силу п. 1 ст. 15 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации", **"ратификации"** подлежат международные договоры Российской Федерации: а) исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом; б) предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина; в) о территориальном разграничении Российской Федерации с другими

государствами, включая договоры о прохождении Государственной границы Российской Федерации, а также о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации; г) об основах межгосударственных отношений, по вопросам, затрагивающим обороноспособность Российской Федерации, по вопросам разоружения или международного контроля над вооружениями, по вопросам обеспечения международного мира и безопасности, а также мирные договоры и договоры о коллективной безопасности; д) об участии Российской Федерации в межгосударственных союзах, международных организациях и иных межгосударственных объединениях, если такие договоры предусматривают передачу им осуществления части полномочий Российской Федерации или устанавливают юридическую обязательность решений их органов для Российской Федерации. 2. Равным образом подлежат ратификации международные договоры Российской Федерации, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации".

Ратификация является одной из форм выражения Российской Федерацией согласия на обязательность международного договора посредством принятия федерального закона. **Утверждение, принятие, присоединение**, являясь формами выражения согласия на обязательность международного договора, также могут быть осуществлены через принятие федерального закона. В связи с этим утверждение в рассматриваемом нами аспекте соотношения международного договора и закона, что только ратифицированные международные договоры РФ могут обладать более высокой юридической силой по отношению к федеральным законам, является не совсем обоснованным.

Закон классифицировал международные договоры РФ на три категории: **межгосударственные**, заключаемые от имени Российской Федерации, **межправительственные**, заключаемые соответственно от имени Правительства РФ, и **договоры межведомственного характера**, заключаемые федеральными органами исполнительной власти или, с учетом изменений в рассматриваемый Закон от 1 декабря 2007 г., уполномоченными организациями.

Международное право исходит из того, что международный договор может быть заключен исключительно субъектом международного права. Ни правительство, ни тем более министерство, ведомство, иной государственный орган и/или орган государственной власти не имеют право заключать международные договоры от своего имени. В связи с этим приведенная в ст. 3 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" классификация международных договоров в зависимости от того, кем был заключен договор, и, как следствие, наименование договора соответственно межгосударственным, межправительственным или договором межведомственного характера является алогичной, не вполне соответствующей общепризнанным нормам международного права, действующим в сфере права международных договоров. Одновременно следует отметить, что ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" конкретизировал многие положения, содержащиеся в международном праве и касающиеся процедуры действия международных договоров, применительно к правовой системе России. Представляется, что Закон мог бы указать перечень лиц, государственных органов, имеющих возможность участвовать в заключении международных договоров от имени Российской Федерации, не подразделяя международные договоры на межгосударственные, межправительственные, договоры межведомственного характера.

Как следует из ст. 20 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации", утверждение, принятие международных договоров, которые подлежат утверждению, принятию, осуществляются в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации... - Президентом РФ, а в отношении договоров, заключаемых от имени Российской Федерации, по вопросам, относящимся к ведению Правительства РФ, - Правительством РФ. В свою очередь, утверждение, принятие международных договоров межведомственного характера, предусматривающих вступление их в силу после утверждения, принятия, осуществляются федеральными органами исполнительной власти или уполномоченными организациями, от имени которых подписаны такие договоры. Следует отметить, что Президент РФ может принять решение об утверждении, о принятии международных договоров по вопросам, относящимся к ведению Правительства РФ, если это вызывается необходимостью. Аналогичный порядок существует применительно к процедуре присоединения Российской Федерации к международным договорам (ст. 21).

При разрешении в рамках правовой системы России противоречий, возникающих между договорным положением международного права и положением внутригосударственного права либо непосредственно между положениями международных договоров, ставших частью правовой системы России, необходимо определить правовой источник закрепления соответствующих коллидирующих положений и, как следствие, орган, выразивший согласие на обязательность международного договора, содержащего соответствующее коллидирующее положение. Определение органа, выразившего согласие на договор, позволяет надлежащим образом реализовать, в зависимости от категории рассматриваемых норм, принцип иерархии и/или принцип приоритета применения для разрешения возникших коллизий.

Предложенная позиция была подтверждена Верховным Судом РФ.

"Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на

обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласные на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор" (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5).

4.3.1. Разрешение коллизий, возникающих между положениями, содержащимися в международных договорах Российской Федерации, а также в источниках национального права России

Рассматривая вопрос о соотношении договорных положений международного права и внутригосударственных правовых норм, нельзя не обратить внимания на особенности законодательства и практики зарубежных государств, касающихся вопроса соотношения положений международного договора и правил, зафиксированных в национальном законодательстве.

Конституция США 1879 г. предусматривает, что "Конституция и законы Соединенных Штатов, изданные в ее исполнение, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, являются высшими законами страны и судьи каждого штата обязаны к их исполнению, хотя бы в конституциях и законах отдельных штатов встречаются противоречащие постановления". Судья Грей по делу **Hilton v. Guyot** в 1895 г. подчеркнула, что "международное право, в самом широком и современном понимании включающее не только вопросы прав между государствами, но также вопросы, возникающие согласно международному частному праву, т.е. при возникновении конфликта между национальными правовыми системами, и касающиеся прав частных лиц в пределах территории одного государства... есть часть нашего права, которое должно быть установлено и применено судами в указанных выше случаях" [195. С. 43].

Судебная практика истолковала вышеуказанное конституционное положение таким образом, что федеральные законы США обладают равной юридической силой с международными договорами и, следовательно, в случае возникновения коллизии между федеральным законом и международным договором применяется общий принцип права: последующий закон отменяет закон предыдущий. Однако положения Конституции США в любом случае имеют приоритет над положениями, сформулированными в международных договорах.

В одном из решений суд апелляционной инстанции установил, что "правила международного соглашения об экстрадиции, заключенного между США и Францией, противоречат четвертой поправке к Конституции США и поэтому не подлежат применению" [187. С. 91].

М. Эйкхерст отмечает, что международные договоры, заключаемые Соединенными Штатами Америки, должны в любом случае соответствовать Конституции США, имплементационное законодательство не должно противоречить вышеупомянутому внутригосударственному нормативно-правовому акту [168. С. 66].

Согласно Конституции 1947 г., Япония "обязана добросовестно соблюдать международно-правовые обязательства, вытекающие из общепризнанных норм международного права, а также международных соглашений". Конституция непосредственно не регулирует вопрос соотношения положений международного договора и правила, сформулированного в национальном праве. Однако судебная практика в случае возникновения коллизии между вышеупомянутыми правилами отдает предпочтение положениям, содержащимся в международном соглашении. При рассмотрении дела районный суд Японии установил, что ряд законодательных актов противоречит международному договору, заключенному между Японией и Южной Кореей. Вследствие этого факта действия органов внутренних дел, связанные с задержанием капитана южнокорейского рыболовецкого судна, были признаны незаконными как противоречащие соответствующим положениям международного договора. В мотивировочной части решения суд указал, что "положения международного договора имеют преимущество перед национальным законодательством независимо от того, когда был заключен договор" [188. С. 301 - 305].

В соответствии со ст. 10 Конституции Италии 1947 г. "правопорядок Италии согласуется с общепризнанными нормами международного права". Итальянская судебная практика, как известно, придерживается дуалистической концепции соотношения международного и внутригосударственного права. Чтобы применить правила, содержащиеся в международном договоре, они должны быть инкорпорированы в национальное законодательство. Договор, как и в США, имеет тот же юридический статус, что и закон. Однако правоприменительная практика старается следовать концепции доброжелательного отношения к международному праву. Но если возникает коллизия между конституционными положениями и международным договором, приоритет в применении отдается Конституции.

В одном из дел Конституционный суд Италии признал, что "соглашение об экстрадиции между

США и Италией является неконституционным и, следовательно, не подлежит применению" [186. С. 728].

Таким образом, в вышеприведенных случаях при возникновении коллизии между положениями, содержащимися в законе и международном договоре, органы государства отдавали приоритет в применении положений международного договора. Однако, если обнаруживается несоответствие между конституционными положениями и положениями, предусматриваемыми международным договором, приоритетом в применении пользуется, как правило, конституция государства.

Согласно Конституции РФ, "если международным договором установлено иное правило, чем предусмотренное **законом**, то применяются правила международного договора".

Является ли Конституция Российской Федерации законом? Ответ отрицательный. С точки зрения общей теории права можно утверждать, что Конституция РФ 1993 г. является Основным Законом. Однако с позиции системы и структуры национального законодательства России Конституция РФ представляет собой именно конституцию, а не закон. Конституция РФ 1993 г. является особым источником российского права, обладающим высшей юридической силой на территории Российской Федерации. Более того, сам текст Конституции РФ особо выделяет конституцию в качестве самостоятельного источника национального права России. К примеру, в силу п. 1 ст. 120 Конституции РФ, "судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону".

Формальное и буквальное толкование ч. 4 ст. 15 Конституции РФ позволяет утверждать, что в случае возникновения коллизии между конституционными положениями и положениями международного договора РФ правоприменитель обязан отдать иерархический приоритет конституционным нормам.

Указанный вывод находит поддержку в отечественной доктрине международного права [69. С. 36, 37, 44; 80. С. 60; 152. С. 349].

Вывод о более высокой юридической силе конституционных положений перед положениями международного договора РФ подтверждается действующим российским законодательством, предусматривающим меры, связанные с недопустимостью появления в правовой системе России международных договоров, положения которых противоречили бы Конституции РФ.

Так, в силу ст. 22 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации", "если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции РФ, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ или пересмотра ее положений в установленном порядке". В комментарии к Конституции РФ подчеркивается, что "из части 4 статьи 15 вытекает, что международные договоры обладают приоритетом только в отношении законов и не могут превалировать над положениями самой Конституции" [54. С. 118].

Именно Конституция РФ является тем высшим нормативным правовым актом, который наделяет международные договоры РФ юридическим свойством действовать в правовой системе России и в случае возникновения коллизии с законом иметь иерархический приоритет. Положения международного договора, ставшие частью правовой системы государства, не могут и не должны превалировать над положениями, содержащимися в нормативном правовом акте, включившем указанные договорные положения в правовую систему страны. Более того, в соответствии с общими принципами права положения, содержащиеся в определенном нормативном акте, могут быть отменены или изменены иным нормативным актом, обладающим такой же или большей юридической силой. Конституция РФ обладает на территории Российской Федерации высшей юридической силой, и, как известно, любые поправки или изменения к ней могут быть осуществлены в особом порядке, указанном в гл. 9 Конституции РФ. Из самой Конституции РФ следует положение, согласно которому международный договор РФ не может и не должен иметь приоритет над конституционными положениями.

Рассматривая вопрос **соотношения международного договора РФ и федерального закона**, необходимо обратить внимание на то, что более высокую юридическую силу по отношению к таким законам должны иметь только те международные договоры РФ, согласие в отношении которых Российской Федерации было осуществлено в форме федерального закона.

Как было отмечено выше, регулирующее воздействие положений международного договора может быть оказано как на чисто внутрисударственные отношения, так и на внутрисударственные отношения с иностранным элементом. Возникает вопрос: **подлежат ли ратификации международные договоры, регулирующее воздействие которых осуществляется на отношения с иностранным элементом?**

Исключение из правила, предусмотренного законом, должно быть определено непосредственно законом или иным актом, обладающим не меньшей иерархической юридической силой, чем закон. Поэтому международные договоры, содержащие "исключения" в отдельном случае из общего правила, установленного законодательным актом, должны также быть ратифицированы. Законодательная практика подтверждает необходимость ратификации такого рода международных договоров.

Так, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., регулирующее воздействие которой направлено на отношения с участием субъектов коммерческой деятельности,

находящихся в разных странах, была ратифицирована Парламентом СССР и вступила в силу с 1 сентября 1991 г. (Постановление Верховного Совета СССР от 23 мая 1990 г. N 1511-1 "О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров" (документ находится в архиве автора настоящего исследования)). Положения указанной Конвенции создают специальный правовой режим для международной купли-продажи товаров и тем самым делают исключение из общих правил купли-продажи товаров, закрепленных в Гражданском кодексе РФ и иных нормативных актах.

Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы от 25 апреля 1994 г., которая, в частности, устанавливает специальный, отличный от налогового законодательства РФ режим налогообложения для лиц с постоянным местопребыванием в одном или обоих Договаривающихся Государствах, была ратифицирована (Бюллетень международных договоров. 2004. N 8. С. 36 - 53. Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 8 октября 2000 г. N 126-ФЗ).

Следовательно, ратификации или выражению согласия на обязательность договора в иных формах посредством принятия федерального закона должен подлежать любой международный договор, который содержит отличное правило, чем закон, а также требование о внесении соответствующих изменений в законы Российской Федерации независимо от присутствия во внутрисударственных отношениях иностранного элемента.

Из Конституции РФ следует, что законы принимаются не только федеральными органами государственной власти, но и субъектами Российской Федерации. Каково же **соотношение между законом субъекта РФ и международным договором РФ?**

Конституция РФ устанавливает четкую иерархию правовых актов, принимаемых как на федеральном, так и региональном уровнях. В силу п. 6 ст. 76 Конституции, при наличии "противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным в соответствии с частью четвертой настоящей статьи, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации". Согласно п. 4 ст. 76 Конституции РФ, "вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов". Таким образом, если субъект Российской Федерации принимает в пределах своей компетенции закон, противоречащий федеральному законодательному акту, то приоритетом в применении пользуются положения закона субъекта РФ.

Конституция РФ относит вопросы заключения, изменения и прекращения международных договоров к исключительной компетенции федеральной власти. Однако действующее законодательство России предусматривает гарантии защиты интересов субъектов Федерации при заключении международных соглашений. Так, Закон о международных договорах РФ выделяет две категории международных договоров, затрагивающих полномочия субъекта Федерации: **международные договоры РФ, касающиеся вопросов, относящихся к исключительному ведению субъекта Федерации;** **международные договоры, затрагивающие полномочия субъекта по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъекта.**

При заключении международного договора РФ, касающегося **исключительной компетенции субъекта Федерации**, положения такого договора должны обязательно быть согласованы между федеральной властью и властью соответствующего субъекта РФ (ст. 4 Закона о международных договорах РФ).

Если субъект Российской Федерации принимает закон, противоречащий положениям международного договора РФ, затрагивающего исключительную компетенцию субъекта РФ и заключенного без согласования с субъектом РФ, то суд должен отдать приоритет правилам, закрепленным в законе субъекта Российской Федерации. Если в этой ситуации будут применены положения международного договора, то такое правоприменение, представляется, будет противоречить смыслу и духу Конституции РФ, основам конституционного строя Российской Федерации.

Законы и иные нормативные акты субъекта Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по вопросам, относящимся к исключительной компетенции Российской Федерации, а также предметам совместного ведения субъекта и Российской Федерации. В случае противоречия между федеральным законом и иным нормативным актом, принятым в Российской Федерации, действуют положения федерального закона (п. 5 ст. 76 Конституции РФ).

Порядок заключения международных договоров по вопросам, относящимся к **совместному ведению Российской Федерации и субъекта Федерации**, менее категоричен, чем порядок заключения международных договоров по вопросам, входящим в исключительную компетенцию субъекта. "Основные положения или проект международного договора, затрагивающего полномочия субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъекта

Федерации, направляются федеральными органами исполнительной власти органам государственной власти заинтересованного субъекта Российской Федерации... Поступившие предложения рассматриваются при подготовке проекта" (п. 2 ст. 4 Закона о международных договорах РФ).

Как видно, в этом случае процедуры согласования носят больше факультативный, чем обязательный, характер. Поэтому, если субъект Федерации принимает закон, противоречащий положениям международного договора РФ, затрагивающего совместную компетенцию субъекта и Российской Федерации, правоприменитель должен руководствоваться правилами, закрепленными в международном договоре РФ.

Рассматривая **вопрос о соотношении положений международного договора РФ и закона**, нельзя не остановиться на таком источнике российского права, как **федеральный конституционный закон**.

"По предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на территории Российской Федерации" (п. 1 ст. 76 Конституции РФ). Федеральные конституционные законы обладают большей юридической силой, чем обычные федеральные законы, но уступают конституционным положениям. "Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам" (п. 3 ст. 76 Конституции РФ).

Правовая особенность федеральных конституционных законов заключается в том, что указанные нормативные правовые акты принимаются исключительно в случаях, специально предусмотренных Конституцией РФ (ст. 108). Так, согласно п. 3 ст. 118 Конституции РФ, "судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом". Во исполнение данного конституционного положения был принят Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации".

Если правоприменитель в своей деятельности столкнулся с коллизией, то в этом случае необходимо исходить из того, что федеральный конституционный закон обладает равной юридической силой с международным договором РФ, согласие в отношении которого было выражено в форме федерального закона. Практика иностранных государств, в которых юридическая сила закона адекватна силе международного договора, показывает, что правоприменитель в своей деятельности исходит из принципа приоритета применения, включающего, в частности, правило - закон последующий отменяет закон предыдущий, закон специальный отменяет общий закон. Так, если Федеральный конституционный закон содержит иные правила, чем международный договор, вступивший в силу для Российской Федерации после принятия конституционного закона, то приоритетом в применении пользуются правила договора. В свою очередь, если имеется коллизия между договором и конституционным законом, принятым после вступления в силу договора, то приоритетом в применении должны пользоваться правила закона.

Ратификации подлежат не все международные договоры РФ. Нератифицированные межгосударственные, межправительственные договоры и договоры межведомственного характера также являются частью правовой системы России. Однако, в отличие от ратифицированных международных договоров, нератифицированные международные договоры не обладают иерархическим приоритетом в случае возникновения коллизии между положениями закона и положениями вышеупомянутых договоров и тем не менее указанные договоры входят в правовую систему России.

Соотношение нератифицированного международного договора РФ (договора, согласие в отношении которого не было выражено в форме федерального закона) и подзаконных нормативных актов. "Указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам" (п. 3 ст. 90 Конституции РФ). Постановления и распоряжения Правительства РФ должны соответствовать не только Конституции и федеральным законам, но и указам Президента РФ (ст. 115 Конституции РФ). Федеральные ведомства в своей деятельности руководствуются Конституцией РФ, федеральными законами, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ.

Положения **нератифицированного межправительственного договора** не должны противоречить ни федеральным законам, ни указам Президента РФ. Положения нератифицированного межправительственного договора не могут пользоваться приоритетом перед правилами, сформулированными в законах и указах Президента РФ.

Договоры межведомственного характера также включаются в правовую систему России, но обладают приоритетом исключительно в отношении нормативных актов, принимаемых данным ведомством или уполномоченной организацией, если последняя в силу закона обладает такой компетенцией. Соответственно, иерархическая сила договора межведомственного характера будет распространяться и на нижестоящие органы, организации.

К примеру, если Минюстом России подписан межведомственный договор, то Управление юстиции по г. Москве не вправе издавать нормативные акты, условия которых противоречили бы положениям указанного договора. В этом случае при возникновении коллизии правоприменитель обязан руководствоваться не актом соответствующего управления юстиции, а правилами, содержащимися в

договоре.

Соотношение нератифицированного международного договора и подзаконных нормативных актов должно подчиняться следующему принципу: правила международного договора РФ имеют иерархический приоритет в отношении внутригосударственных правовых актов, изданных государственным органом (органом государственной власти), уполномоченной организацией, выразившими в рамках предоставленных им полномочий согласие применительно к данному договору, а также в отношении иных актов, принятых нижестоящими органами, организациями.

4.3.2. Разрешение коллизий, возникающих между положениями международных договоров Российской Федерации, ставших частью правовой системы России

В первую очередь необходимо отметить, что при разрешении коллизий, возникающих непосредственно между договорными положениями международного права, одновременно действуют как правила разрешения этих коллизий, предусмотренные в источниках международного права, так и правила, имманентные той национальной правовой системе, в рамках которой и разрешаются соответствующие коллизии. При разрешении коллизий, возникающих между договорами как источниками международного права, подразумевается прежде всего реализация договорного иерархического приоритета одних договорных норм международного права над другими договорными нормами. Выделяются следующие виды международно-правовой иерархии норм: а) **универсальный иерархический приоритет**, т.е. примат императивных общепризнанных принципов и норм международного права над всеми другими принципами и нормами; б) **специальный договорный иерархический приоритет** одних норм, закрепленных в международных договорах, над нормами других международных договоров.

"Иерархический приоритет основополагающих, общепризнанных императивных принципов и норм международного права основывается не на авторитете органов, утвердивших эти принципы или нормы, что имеет место в национальной праве. Он носит универсальный характер и определяется содержанием принципов и норм, составляющих самую основу международного права вообще. Универсальный иерархический приоритет императивных норм и принципов международного права (и только этих норм и принципов) включает в себя не только приоритет применения императивных норм и принципов перед всеми другими нормами в данном конкретном международном правоотношении, но и одновременно признание, утверждение международно-правовой ничтожности и недействительности противоречащих им неимперативных норм. Несколько иной характер имеет специальный договорный иерархический приоритет, т.е. иерархическое соотношение норм (принципов) конкретного международного договора, который государства с общего согласия признали иерархически более высоким, с нормами и принципами других договоров" [97.1. С. 133].

Примером **договорного иерархического приоритета** является ст. 103 Устава ООН, согласно которой "в том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу". Следует отметить, что иерархический приоритет норм Устава ООН распространяется на иные международно-правовые обязательства члена Организации и не распространяется в отношении источников внутригосударственного права: конституций, законов, указов, постановлений и т.д. [73. С. 277].

Если международный договор РФ противоречит обязательствам Российской Федерации, вытекающим из Устава ООН, то орган государственной власти не должен участвовать в реализации положений такого международного договора не только в сфере международных, но и в сфере внутригосударственных отношений. Причем в последнем случае речь идет как о внутригосударственном правотворчестве, так и о правоприменении.

Следующим примером реализации принципа **договорной иерархии** является **разрешение коллизий, возникающих между последовательно заключенными международными договорами, относящимися к одному и тому же вопросу**.

В п. 2 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров предусматривается общее правило, согласно которому если одни и те же государства последовательно заключают международные договоры по одному и тому же вопросу и в этом договоре непосредственно предусматривается, что он (договор) обусловлен предыдущим или последующим договором или что он не должен считаться несовместимым с таким договором, то преимущественную силу имеют положения этого другого договора. Однако данная договорная иерархия при реализации в сфере внутригосударственных отношений имеет свои особенности.

Если вышеупомянутое условие, предусматриваемое в международных договорах, обладающих равной юридической силой в сфере отношений с участием субъектов национального права, иными словами, согласие на обязательность таких договоров было дано одними и теми же органами

государства, то принцип иерархии действует в том виде, как он предусматривается в п. 2 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров. Но если международные договоры, с точки зрения внутрисударственной иерархии, заключены на различных уровнях, то следует исходить из следующего принципа: международный договор, обладающий более высокой иерархической силой в рамках правовой системы государства, вправе предоставить преимущественное положение правилам, предусматриваемым в международном договоре, обладающие меньшей иерархической силой.

Международный договор, обладающий меньшей иерархической силой в рамках правовой системы государства, вправе предоставить преимущественное положение правилам, содержащимся в международном договоре, обладающим, в свою очередь, большей иерархической силой. Однако договор, который обладает меньшей иерархической силой, не должен предоставлять преимущественную силу положениям такого договора в сравнении с правилами, содержащимися в договоре, обладающие более высокой иерархической силой.

Нижестоящие государственные органы не должны вносить изменения в договорные правила, которые были приняты или будут приняты вышестоящими государственными органами. Нижестоящие органы государства должны действовать в пределах компетенции, которая была им предоставлена на основании национально-правовых норм вышестоящими государственными органами.

При разрешении коллизии, возникающей вследствие последовательно заключенных международных договоров, должны действовать как **принцип иерархии**, когда международные договоры последовательно заключаются между государствами на различных уровнях (различные органы государства) либо на одном уровне, но последующий договор обусловлен предыдущим (п. 2 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров), так и **принцип приоритета применения**, когда последовательно заключены договоры на одном и том же уровне и в отношении договоров в этом случае применяются правила более позднего и/или специального договора.

Жумуров и Коннов обвинялись в умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью группой лиц по предварительному сговору из хулиганских побуждений. 3-й Окружной военный суд возвратил уголовное дело в прокуратуру комплекса "Байконур" для выделения дела в отношении гражданина Республики Казахстан Жумурова и решения вопроса о передаче его правоохранным органам Республики Казахстан. Для обоснования своего решения суд сослался на п. 6.12 договора аренды комплекса "Байконур", заключенного 10 декабря 1994 г. между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, согласно которому юрисдикция РФ распространяется исключительно на ее граждан-военнослужащих, лиц гражданского персонала РФ и членов их семей.

В протесте прокурора комплекса "Байконур" ставился вопрос об отмене постановления судьи окружного военного суда, поскольку суд должен был руководствоваться не названным договором, а заключенным на его основе Соглашением между Правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан от 4 октября 1997 г. "О взаимодействии правоохранных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса "Байконур", ратифицированным Федеральным законом от 8 октября 2000 г. N 123-ФЗ. Статья 5 Соглашения относит к юрисдикции России рассмотрение всех дел о правонарушениях, совершенных на территории комплекса, за исключением преступлений, совершенных гражданами Республики Казахстан против Республики Казахстан, ее физических и юридических лиц.

В силу ст. 59 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора, а при несовместимости положений, исключающей одновременное применение договоров, предыдущий договор в этой части считается прекращенным. Таким образом, в этой ситуации подлежит применению Соглашение от 4 октября 1997 г., поскольку вопросы юрисдикции оно трактует иначе, чем договор от 10 декабря 1994 г. (См. п. 31 Обзора кассационно-надзорной практики Военной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам за 2000 г. Документ опубликован не был.)

Венская конвенция о праве международных договоров (ст. 30) устанавливает общее правило соотношения силы предыдущего и последующего договоров как в случаях, когда все участники предыдущего договора, действие которого не прекращено или не приостановлено, являются участниками последующего договора, так и когда не все участники предыдущего договора являются сторонами последующего.

Применительно к **первому случаю** (когда все участники предыдущего договора, действие которого не прекращено или не приостановлено, являются участниками последующего договора) общее правило заключается в том, что "если все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора, но действие предыдущего договора не прекращено или не приостановлено... предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора".

Так, согласно п. 1 ст. 311 Конвенции ООН по морскому праву, "настоящая Конвенция имеет преимущественную силу в отношениях между государствами-участниками перед Женевскими конвенциями по морскому праву от 29 апреля 1958 г."

Если речь идет о **втором случае** (когда не все участники предыдущего договора являются

сторонами последующего), то здесь общее правило сводится к следующему: а) в отношениях между государствами - участниками обоих договоров применяется то же правило, что и в первом случае, т.е. предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора; б) в отношениях между государством - участником обоих договоров и государством - участником только одного договора, участниками которого являются оба государства, продолжает регулировать их взаимные права и обязательства (п. 4 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров).

Так, Российская Федерация и Эстонская Республика являются участниками многостороннего договора - Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. Пункт 2 ст. 73 Конвенции предусматривает, что ни одно из положений Конвенции не препятствует государствам заключать международные соглашения, подтверждающие, дополняющие, распространяющие или расширяющие ее положения. В свою очередь, между Российской Федерацией и Эстонской Республикой была заключена Консульская конвенция.

Поэтому в случае возникновения коллизий между данной Конвенцией и Венской конвенцией о консульских сношениях, согласно п. 4 ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров, а также п. 2 ст. 73 Венской конвенции о консульских сношениях, преимущественную силу будут иметь положения двустороннего договора.

Пункт 3 ст. 311 Конвенции по морскому праву предусматривает, что "два или более государств-участников могут заключать соглашения, изменяющие или приостанавливающие действие положений настоящей Конвенции и распространяющиеся только на отношения между ними при условии, что такие соглашения не касаются тех положений, отступление от которых несовместимо с эффективным осуществлением объекта и цели настоящей Конвенции, и при условии также, что такие соглашения не затрагивают применения основных принципов, закрепленных в ней, и что положения таких соглашений не затрагивают осуществления другими государствами-участниками своих прав и выполнения ими своих обязательств по настоящей Конвенции".

Государства - участники Конвенции вправе отступать от положений данного международного договора при соблюдении определенных условий. Поэтому если данные условия будут соблюдены, то более высокой юридической силой будут обладать международные соглашения, заключенные двумя или более государствами - участниками Конвенции по морскому праву.

Важно вновь подчеркнуть, что когда вышеупомянутые случаи **договорной иерархии** реализуются в сфере внутригосударственных отношений, то осуществление принципа иерархии должно происходить с учетом иерархии государственных органов, давших согласие на обязательность того или иного международного договора.

Так, если государство в порядке реализации ст. 311 Конвенции по морскому праву с соблюдением соответствующих условий заключает нератифицируемый межправительственный договор и правила, предусматриваемые в таком договоре, противоречат положениям Конвенции по морскому праву, то в рамках международно-правовой системы такой межправительственный договор будет пользоваться иерархическим приоритетом. Однако в сфере внутригосударственных отношений более высокой юридической силой должна пользоваться Конвенция по морскому праву, так как согласие в отношении последней было выражено через ратификацию, а межправительственный договор, в свою очередь, не прошел данную процедуру.

Таким образом, при разрешении коллизий, непосредственно возникающих между положениями международных договоров, ставших частью правовой системы России, принцип иерархии и принцип приоритета применяются с учетом правил, действующих в рамках правовой системы России, и, в частности, с учетом иерархического положения государственного органа, уполномоченной организации, выразивших согласие от имени государства на обязательность соответствующих международных договоров.

4.4. Юридическая сила решений международных межправительственных организаций в правовой системе Российской Федерации

Одно из основных отличий решений международных межправительственных организаций от международных договоров и обычаев заключается в том, что международный договор и/или обычай, для того чтобы стать обязательным для субъекта международного права, требует непосредственного выражения со стороны такого субъекта согласия в активной или пассивной форме. Применительно к международному договору согласие должно всегда осуществляться в активной форме, а если речь идет о международном обычае, то согласие может быть либо в активной, либо в пассивной форме (молчаливое согласие).

В свою очередь, решение принимается непосредственно международной организацией, ее органом, и, как правило, в этом случае не требуется выражения согласия субъекта международного

права, являющегося учредителем такой организации. В связи с этим невозможно определить иерархическую силу решения международной организации в правовой системе России по аналогии с международными договорами в зависимости от государственного органа, выразившего согласие с таким решением.

Деятельность любой международной межправительственной организации, как правило, основывается на международном договоре, в котором предусматриваются структура организации, включая ее органы, их компетенция, решения, принимаемые этими органами, их (решений) юридическая сила.

Государство, выражая согласие с международным договором, учреждающим международную организацию, тем самым соглашается с потенциальными решениями, которые будет принимать такая организация. Неисполнение обязательных решений государством, иным субъектом международного права должно рассматриваться как нарушение положений соответствующего международного договора. Поэтому в правовую систему государства должны автоматически (через **имплицитную (скрытую) отсылочную норму** в случае отсутствия явного указания закона) включаться решения международной организации, отвечающие определенным требованиям (см. **схему 7**):

Схема 7. Требования к решениям международных межправительственных организаций, входящим в правовую систему России посредством имплицитной отсылочной нормы

Возможность принятия решения непосредственно предусматривается в международном договоре, учреждающем международную, межправительственную организацию. Указанный договор стал частью правовой системы Российской Федерации	Решение является источником международного права, т.е. согласно учредительному договору обладает юридически обязательной силой и содержит правовую форму	Реализация положений решения может повлиять на права и свободы частного лица	В отношении такого решения Российская Федерация в лице своих органов не заявляла протеста (возражения)
---	--	--	--

Для включения в правовую систему государства решений, не являющихся источниками международного права, со стороны государства всегда требуется принятие законодательных мер.

Юридическая сила решений международных организаций, представляющих собой источник международного права и включаемых в национально-правовую систему государства, должна зависеть от юридической силы в правовой системе страны международного договора, непосредственно предусматривающего возможность принятия организацией таких решений. Если международный договор РФ, учреждающий международную организацию, в правовой системе России обладает более высокой юридической силой, чем федеральный закон, то, соответственно, решения, принимаемые международной организацией во исполнение такого договора, также должны обладать в правовой системе России более высокой иерархической силой, чем федеральный закон.

Следует отметить, что включение в правовую систему государства решений международных межправительственных организаций не означает автоматического появления свойства самоисполнимости у положений, содержащихся в таких решениях, т.е. возможности их применения органами государства. Поэтому если из решения организации, ставшего частью национально-правовой системы, невозможно определить необходимые элементы подлежащей применению правовой нормы, основанной на таком решении, то государство обязано издавать конкретизирующие внутригосударственные правовые акты.

Если решение международной межправительственной организации рассматривается как доказательство существования общепризнанных принципов и норм международного права, то, соответственно, юридическая сила таких решений обуславливается юридической силой общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России, что было подробно рассмотрено выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международное право и национальное право являются самостоятельными нормативно-правовыми системами. Однако межгосударственная и внутригосударственная практика свидетельствует, что в современном мире эффективность вышеупомянутых систем права в значительной степени зависит от эффективности их взаимодействия. Причем данное взаимодействие осуществляется не только в сфере межгосударственных отношений, но и в сфере отношений с участием субъектов национального права. Эффективность вышеуказанного взаимодействия зависит от принципов и правил, которые регулируют данное взаимодействие. Причем, когда речь идет о взаимодействии международного и национального права в сфере межгосударственных отношений, подразумеваются принципы и правила, действующие в рамках международной нормативной системы. Соответственно, рассматривая вышеупомянутое взаимодействие в сфере национально-правовых отношений, предполагаются принципы и правила, действующие в рамках отношений, с участием субъектов национального права. Указанные принципы и правила находят отражение в праве государства, судебной практике, а также национальной доктрине. Одной из целей настоящего курса явилось формулирование этих принципов и правил, направленных на эффективное взаимодействие международного и внутригосударственного права в правовой системе России. Следует подчеркнуть, что сформулированные в настоящем исследовании принципы и правила направлены именно на обеспечение баланса международного и национального права в процессе их взаимодействия, так как любое взаимодействие не должно осуществляться образом, ведущим к нанесению ущерба одной из нормативных систем. В противном случае можно и необходимо говорить не о взаимодействии, а о поглощении одной нормативной системой другой.

Взаимодействие международного и внутригосударственного права проявляется в многочисленных формах. Есть основания предполагать, что внутригосударственная практика, включая судебную, будет продуцировать в этом отношении все новые и новые примеры. Поэтому автор настоящего курса не ставил перед собой задачу изучить все формы такого взаимодействия, так как это практически сделать невозможно. Представлялось целесообразным исследовать основные формы, направления такого взаимодействия, которые могли бы послужить залогом дальнейшего развития международного и внутригосударственного права.

В заключение **необходимо акцентировать внимание на тех основных выводах (включающих принципы и правила взаимодействия международного и национального права в сфере внутригосударственных отношений), которые могут иметь значение для эффективной реализации в сфере внутригосударственных отношений Российской Федерацией ее международно-правовых обязательств.**

1. Взаимодействие международного и внутригосударственного права носит взаимообусловленный характер, означающий, что реализация современного международного права не может быть надлежащим образом обеспечена без помощи внутригосударственного права, как и последнее будет испытывать значительные трудности в функционировании без содействия международного права.

2. При осуществлении обеспечительных мер, связанных с реализацией в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых обязательств, необходимо исходить из того, что международное право в принципе не предусматривает конкретные способы и порядок реализации государством его международно-правовых обязательств, однако такие способы и порядок должны основываться на правовой основе, т.е. любые действия (бездействие) государства, касающиеся реализации в сфере внутригосударственных отношений норм международного права, должны регулироваться правовыми нормами.

3. Взаимодействие международного и внутригосударственного права осуществляется в форме **национально-правовой имплементации**. Сущность данного процесса непосредственно связана с принятием государством внутригосударственных юридических мер, которые бы обеспечивали реализацию этим государством его международно-правовых обязательств. Причем национально-правовая имплементация охватывает не только стадию создания национально-правовых норм, способствующих реализации норм международного права, но и стадию правоприменения.

4. Внутригосударственная практика предполагает следующие основные **методы (формы) национально-правовой имплементации: метод внутригосударственного правотворчества, метод инкорпорационной отсылки, метод толкования.**

Метод внутригосударственного правотворчества заключается в принятии государством правовых норм либо санкционировании юридического действия иных социальных норм с целью надлежащей реализации норм международного права. Принимаемые либо санкционируемые государством нормы могут как полностью или частично повторять правила, закрепленные в источниках международного права, так и содержать иные правила, способствующие реализации государством его международно-правовых обязательств. При осуществлении правотворческой деятельности с целью реализации международно-правовых положений последние необязательно должны быть включены в правовую систему страны. Так, в частности, орган государства в ходе правотворческой деятельности

вправе принимать во внимание официально не опубликованные международные договоры РФ или договоры, которые не вступили в силу для Российской Федерации, однако реализуемые государством по тем или иным обстоятельствам, включая обстоятельства политического свойства.

Вследствие действия **метода инкорпорационной отсылки** к международно-правовым положениям в рамках правовой системы государства образуется комплексная норма, имеющая гипотезу, диспозицию и санкцию, однако применительно уже к отношениям с участием внутригосударственных субъектов права. Данное положение распространяется не только в отношении международных договоров, но и международного обычая и решения международной межправительственной организации, ставших частью правовой системы государства. Элементы структуры комплексной нормы находят свое закрепление как в источниках национального, так и международного права. Комплексная норма имеет комплексный источник своего существования, одновременно состоящий из источников национального и международного права.

5. Под **"правилом"**, предусмотренным в п. 4 ст. 15 Конституции РФ, следует понимать положение, содержащееся в источнике международного права, которое совместно с иными положениями, зафиксированными в национально-правовых актах и/или иных источниках международного права, ставших частью правовой системы России, образуют в ее правовой системе **комплексную правовую норму**.

6. Включение международно-правовых положений в правовую систему страны обуславливает появление юридической обязанности государственных органов, частных лиц в своей деятельности руководствоваться соответствующими международно-правовыми положениями, субъекты национального права получают возможность участвовать в реализации указанных положений.

7. **Комплексные нормы**, становясь частью правовой системы государства, в сравнении с нормами международного права, включают иные субъективные права и обязанности, иной объект, иные субъекты, а также иные юридические факты. Комплексные нормы также предусматривают иное содержание структуры (гипотеза, диспозиция, санкция) в сравнении с нормами международного права.

8. В зависимости от юридических последствий **отсылочные нормы подразделяются на две основные категории**: первая включает положения, содержащиеся в источниках международного права, в правовую систему государства (**материальные отсылочные нормы**), вторая - указывает государственным органам на порядок разрешения возможной коллизии между положениями международного права, ставшими частью правовой системы государства, и национально-правовыми положениями (**процессуальные отсылочные нормы**).

Кроме разрешения возможных коллизий процессуальные отсылочные нормы выполняют и функцию включения положений международного права в правовую систему государства. Поэтому объем юридических последствий действия второй категории отсылочных норм в рамках национальной правовой системы шире, чем последствия действия первой категории отсылочных норм. По своим юридическим последствиям вторая категория отсылочных норм полностью охватывает последствия реализации первой категории отсылочных норм.

9. Положения международного права, ставшие частью правовой системы государства, должны реализовываться в сфере внутригосударственных отношений не только в случае возникновения коллизии с положениями национального права, но и при восполнении пробелов в национально-правовом регулировании.

10. Рассматривая вопрос закрепления отсылочных норм в законодательстве государства, следует обратить внимание на то, что некоторые законодательные акты, упоминающие нормы международного права, содержат формулировки, которые не являются по своей сути отсылочными нормами (например, п. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ: "настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права"). Данные положения не включают нормы международного права в правовую систему, а констатируют факт наличия в регулируемой (охраняемой) сфере общественных отношений соответствия норм внутригосударственного права нормам международного права. Речь идет о **закреплении юридической презумпции соответствия положений международного и внутригосударственного права** в определенной сфере общественных отношений. Данную презумпцию необходимо иметь в виду при осуществлении толкования правовых норм.

11. Отсылочные нормы должны реализовываться, в том числе толковаться, государственными органами РФ, включая суды РФ, в духе ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

12. **Метод толкования**, будучи самостоятельным методом национально-правовой имплементации, **охватывает два аспекта: толкование норм внутригосударственного права с учетом норм международного права и толкование международно-правовых положений**, ставших частью правовой системы государства благодаря действию внутригосударственных отсылок к международному праву. Применяя норму внутригосударственного права с учетом норм международного права, правоприменительный орган способствует надлежащей реализации государством соответствующих норм международного права. Положения международного права, используемые при толковании норм

национального права, необязательно должны соответствовать критериям, которые, в свою очередь, требуются для их непосредственной реализации, в том числе и применения, в сфере внутригосударственных отношений (к примеру, соответствующие международно-правовые положения могут быть официально не опубликованы или являться несамоисполнимыми). Если вследствие толкования национально-правовой нормы с учетом международно-правовых положений увеличивается объем обязанностей частного лица, то, руководствуясь смыслом и духом ст. ст. 15, 55 Конституции РФ, такие международные договоры РФ должны быть официально опубликованы.

13. Государственные органы при толковании норм национального права должны принимать во внимание только те международно-правовые положения, которые стали обязательными для государства.

14. Государство в сфере внутригосударственных отношений осуществляет толкование именно комплексных норм, а не норм международного права. При осуществлении толкования комплексной нормы (международно-правового положения) должна учитываться связь такой нормы не только с национально-правовой системой, но и с международной нормативной системой. Вышеупомянутая связь обусловлена источником права, в котором закреплены соответствующие положения комплексной нормы. Комплексная норма обуславливает комплексное толкование данной нормы. **Суть комплексного толкования** заключается в том, что положения, формой закрепления которых являются источники международного права, должны толковаться с учетом принципов и правил, действующих в международно-правовой системе; в свою очередь, положения, формой закрепления которых являются источники внутригосударственного права, должны толковаться с учетом принципов и правил, существующих в рамках национально-правовой системы.

15. **Систематическое толкование** комплексной нормы (международно-правового положения) имеет двойной аспект. С одной стороны, лицо, реализующее комплексную норму, обязано при толковании учитывать связь этой нормы с нормами международного права (**международно-правовой аспект систематического толкования**), а с другой стороны, следует учитывать связь этой нормы с внутригосударственными правовыми нормами (**национально-правовой аспект систематического толкования**). При осуществлении систематического толкования необходимо иметь в виду, что толкование любой правовой нормы не должно приводить к ситуации, влекущей нарушение иных норм, если законодателем или сторонами международного договора не предусмотрено иное.

При осуществлении толкования комплексной нормы (международно-правового положения) должна действовать **презумпция отсутствия коллизии** между данными нормами и иными правовыми нормами, действующими в правовой системе государства.

16. При толковании положений, зафиксированных в источниках международного права, важно иметь в виду, что такое толкование должно осуществляться согласно основам правопорядка (**публичному порядку**), существующим в данном государстве. Толкование вышеупомянутых положений не должно приводить не только к ситуации, когда толкование противоречит положениям императивных норм международного права, но и к случаям, когда толкование ведет к нарушению основ конституционного строя государства.

17. При толковании обычной (общепризнанной) нормы международного права в первую очередь следует осуществить **специально-юридическое толкование**, направленное на установление факта существования обычной нормы, определение сферы ее действия, анализ места обычной нормы в системе иных международно-правовых норм. А затем - определить нормативное содержание обычной нормы международного права.

18. Деятельность международных межправительственных судебных и арбитражных органов должна рассматриваться в качестве особой формы "последующей практики применения договора, которая устанавливает соглашение участником относительно его толкования" (п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров). Если международный суд или арбитраж (действующие в рамках межправительственных организаций) в пределах предоставленной ему компетенции осуществил толкование международно-правовых положений, применяемых национальным судом, то, руководствуясь вышеупомянутым конвенционным положением, правовые позиции, возникшие вследствие такого толкования, должны приниматься во внимание, учитываться национальными судами.

19. Реализация в сфере внутригосударственных отношений положений, зафиксированных в источниках международного права, не может и не должна рассматриваться как внутреннее дело государства.

20. Государство свободно в выборе средств, методов, способов реализации норм международного права в сфере отношений с участием субъектов национального права, однако, если по мнению заинтересованного субъекта международного права государство, реализуя соответствующие положения, нарушает международно-правовые нормы, то заявить протест в этом отношении является правом заинтересованного субъекта международного права.

21. Толкование положений, предусматриваемых в источниках международного права, непосредственно связано с принципом разделения властей. Во избежание возникновения "правовой

неопределенности" органы исполнительной власти должны воздерживаться от дачи каких-либо необоснованных разъяснений применительно к пониманию положений, ставших частью его правовой системы благодаря отсылкам к международному праву. Законодательные органы должны воздерживаться от односторонних "интерпретационных заявлений", за исключением случаев необходимости, когда этого требуют национальные интересы государства. При осуществлении правосудия толкование положений, содержащихся в источниках международного права, должно входить в компетенцию судебной власти. Причем судебная система не должна допускать неоднозначного, двусмысленного толкования одних и тех же международно-правовых положений.

22. Необходимо говорить не о самоисполнимых нормах международного права, а о самоисполнимых и несамоисполнимых положениях, которые находят закрепление в том или ином источнике международного права, включая международный договор. Если положения источника международного права вместе с положениями, зафиксированными в национально-правовых источниках, не позволяют четко определить все **элементы содержания структуры** вновь образованной в правовой системе государства комплексной нормы (**гипотеза, диспозиция, санкция**) либо **основные элементы регулируемого такой нормой отношения (субъект, объект, субъективные права и обязанности, юридические факты)**, то положение договора должно быть признано несамоисполнимым, т.е. не подлежащим реализации, включая применение национальными судами. Поэтому одним из условий непосредственного действия международно-правовых положений является условие самоисполнимости. Данное условие должно распространяться в отношении любых международно-правовых положений, ставших частью правовой системы государства, независимо от источника их закрепления.

23. Несамоисполнимые положения международного права в сфере защиты прав и основных свобод человека обязывают государство не вмешиваться, не ограничивать соответствующие права и свободы. Однако если права и свободы человека вследствие действий государства были нарушены (ограничены), то национальный суд не вправе отказать частному лицу в защите его нарушенных прав и свобод, руководствуясь доктриной несамоисполнимых положений. Если национальный суд в рассматриваемом случае отказывает частному лицу в защите его прав и свобод, зафиксированных в общепризнанной норме международного права, то такие действия суда должны рассматриваться как незаконное вмешательство в права и свободы со стороны государства.

24. Принимая во внимание обстоятельство, что, с одной стороны, государство обязано обеспечивать реализацию своих международно-правовых обязательств посредством принятия национальных правовых актов, а с другой - в сфере внутригосударственных отношений объективно невозможно реализовать несамоисполнимые положения, закрепляемые в том числе в международных договорах, необходимо, чтобы в рамках национально-правовой системы действовала **презумпция самоисполнимых международно-правовых положений**, ставших частью правовой системы государства. Суд, иной государственный орган, участвующие в реализации в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых положений, признавая те или иные положения несамоисполнимыми и, как следствие, отказывая в конкретном деле применить положения международного договора, иного источника международного права, обязаны обосновать несамоисполнимость соответствующих положений.

25. Частью правовой системы России стал международный обычай, предусматривающий **общепризнанные** нормы международного права. Международные обычаи, содержащие **региональные** нормы, включая нормы двустороннего характера, в правовую систему России включены не были. При отсутствии в законодательстве РФ соответствующих отсылочных норм положения, закрепляемые в данной категории международных обычаев, не должны подлежать применению судами Российской Федерации.

26. Применяя общепризнанную норму международного права, суд, иной государственный орган должны тщательно изучить межгосударственную практику, различные формы ее проявления в соответствующей области международных отношений, а также позицию Российской Федерации применительно к общепризнанной норме международного права, возникшей в результате вышеупомянутой практики, принимая во внимание презумпцию согласия Российской Федерации с общепризнанной нормой международного права.

27. При осуществлении внутригосударственной правотворческой деятельности государство должно уточнять конкретные органы, обязанные уже в силу национального законодательства соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права. Такая детализация субъекта реализации общепризнанной нормы способствует более эффективному исполнению Российской Федерацией соответствующих норм международного права.

28. В настоящее время сложилась общепризнанная норма международного права, согласно которой **любое вмешательство (ограничение) в права и свободы человека, независимо от источника их закрепления, должно быть основано на правовой норме**. Если норма отсутствует либо норма, на основании которой орган государства осуществил вмешательство в права и свободы, сформулирована недостаточно четко и конкретно, т.е. предполагает неоднозначное толкование, либо

официально не опубликована, то вмешательство государства в соответствующие субъективные права и свободы должно быть расценено национальным судом как неправомерное. В связи с этим на государстве лежит не только международная, но и национально-правовая обязанность по конкретизации своих нечетко сформулированных и/или допускающих неоднозначное толкование международно-правовых обязательств, зафиксированных в том числе в общепризнанных нормах, неисполнение которых (обязательств) может повлечь нарушение (ограничение) прав и свобод частного лица.

29. Практика Российской Федерации позволяет выделить следующие основные **критерии** международного договора, положения которого могут быть реализованы в сфере отношений с участием субъектов национального права: **вступление международного договора в силу и заключение международного договора в письменной форме.**

Положения **временно применяемого международного договора** должны подлежать реализации в сфере внутригосударственных отношений только в случае официального опубликования такого международного договора.

Обязательными **условиями** действия международного договора Российской Федерации, положения которого реализуются в сфере внутригосударственных отношений, являются: **официальная публикация такого договора, наличие самоисполнимых положений, наличие в национальном законодательстве отсылочной нормы к международным договорам.**

30. **Источником международного права будет являться такое решение международной межправительственной организации,** которое а) принято в соответствии с ее учредительным договором; б) стало обязательным для государств - членов организации согласно ее учредительному договору и/или иным документам, принятым организацией во исполнение такого договора; в) обладает нормативным характером, т.е. рассчитано на неоднократное применение.

Источниками международного права являются следующие **виды решений международной межправительственной организации:** решение, связанное с внесением изменений в устав международной межправительственной организации; решение, связанное с установлением правил, определяющих поведение государств-членов вне международной межправительственной организации (внешняя регламентация, внешнее право международной организации); решение, связанное с регулированием отношений в рамках международной межправительственной организации (внутренняя регламентация, внутреннее право международной организации).

Если государство - участник организации считает, что организация, приняв решение, нарушила какую-либо норму международного права, являющуюся обязательной для данной организации, то государство должно заявить протест. Наличие протеста при прочих равных условиях должно рассматриваться как непризнание юридически обязательной силы за соответствующим решением международной организации. Данное решение не должно являться источником международного права для протестующего государства.

31. В настоящее время в праве Российской Федерации отсутствует отсылочная норма к решениям международной межправительственной организации, являющимся источником международного права для России. Однако наличие объективной правовой связи между учредительным договором и решением организации, действующей на основании такого договора, может обусловить существование **имплицитной национально-правовой отсылки,** включающей решения международных межправительственных организаций, ставшие источниками международного права для государства, в его правовую систему. Национальные суды в своей деятельности могли бы исходить из указанной концепции. Данная концепция основывается на **общепризнанном принципе международного права - принципе добросовестного выполнения международно-правовых обязательств.** Но упомянутая выше концепция (презумпция) не должна действовать в отношении решений международных организаций, не являющихся источниками международного права. Исходя из природы указанных решений, государство должно явно заявить о включении этих решений в свою правовую систему.

32. Объективная необходимость включения в правовую систему решений международных организаций, ставших источником международного права, обуславливается не только наличием правовой связи между решением и международным договором, во исполнение которого и было принято соответствующее решение, но также и тем, что вследствие реализации решений международной организации в сфере внутригосударственных отношений могут быть нарушены права и свободы частных лиц. В случае если решение не будет включено в правовую систему, то государство, ограничившее права и свободы частного лица в порядке реализации такого решения, не вправе ссылаться в национальном суде на данное решение как на правовое основание.

Если суд применяет положение, содержащееся в решении международной межправительственной организации, предусматривающее **обязанности** частного лица, то такое решение организации должно быть официально опубликовано. Но в настоящее время в правовой системе России отсутствует законодательство, которое бы регулировало порядок официальной публикации данных решений. Поэтому представляется обоснованным издание внутригосударственных правовых актов, связанных с

имплементацией решений международных межправительственных организаций, ставших обязательными для Российской Федерации, и национальные суды в своей деятельности должны руководствоваться именно этими внутригосударственными (имплементационными) нормативными актами, но не решением организации.

Если положения, сформулированные в решении международной организации, содержат **субъективные права** частных лиц, а обязанным субъектом выступает государство, то можно предположить, что в данном случае правовой необходимости в официальной публикации соответствующих решений нет. Национальный суд мог бы защитить права и интересы, закрепленные в таких решениях, и при отсутствии официальной публикации таких нормативно-правовых актов, основываясь на положениях международного договора, ранее уже включенного в правовую систему страны, во исполнение которого и было принято соответствующее решение международной межправительственной организацией.

33. Существование правовой связи между решением организации и договором, являющимся правовым основанием функционирования такой организации, обуславливает наличие у государства **права полностью или в части не соглашаться с решением организации**, если последнее, по мнению государства, было принято с нарушением международного договора, учредившего данную международную организацию. Если государство возражает против такого решения, то, естественно, такой акт не должен становиться частью правовой системы данного государства. Если государство включает в свою правовую систему решения международных организаций (посредством явной или имплицитной отсылки), представляется целесообразным существование в рамках такой системы презумпции согласия государства с решениями, принимаемыми в международных организациях, членом которых является данное государство. В ходе реализации в сфере внутригосударственных отношений положений, содержащихся в таких решениях международной организации, при наличии оснований необходимо доказывать не факт выражения согласия государства с данным решением, а, наоборот, факт несогласия государства с таким решением.

34. У государства отсутствует необходимость в принятии отсылки к **рекомендательным решениям, являющимся доказательством существования общепризнанных принципов и/или норм международного права**.

Если конституция государства, иной национально-правовой акт провозглашает общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью его национально-правовой системы, то рекомендательные решения международных межправительственных организаций, являющиеся доказательством существования и нормативного содержания вышеупомянутой категории норм международного права, автоматически становятся составной частью правовой системы такого государства.

Конституция РФ провозгласила частью правовой системы России общепризнанные принципы и нормы международного права, поэтому рекомендательные решения, являющиеся доказательством наличия и нормативного содержания таких международно-правовых норм, автоматически стали частью правовой системы Российской Федерации. Следует в этом случае подчеркнуть, что орган государства будет участвовать в реализации в сфере внутригосударственных отношений не самих рекомендательных решений, а международного обычая, содержащего общепризнанные принципы и/или нормы международного права, доказательством существования которого являются соответствующие рекомендательные решения.

35. **Особенность включения в правовую систему государства решений международных (межправительственных) арбитражных и судебных институтов обусловлена двумя аспектами:** а) с одной стороны, объективным отсутствием нормативного свойства у данных решений; б) с другой стороны, решения, принятые против государства, обладают обязательной силой и, как правило, исполнение таких решений может затронуть права, свободы и обязанности субъектов внутригосударственных отношений, включая частных лиц. Причем обязательная сила решения, принятого против государства, обусловлена соответствующими международно-правовыми нормами и, следовательно, решение обладает такой силой в сфере отношений, регулируемых международным правом. В связи с этим включение в правовую систему государства решений международных межправительственных арбитражей и судов должно осуществляться через процедуру признания (или исполнения) за такими решениями обязательной силы в пределах юрисдикции государства.

36. **Решения и постановления Европейского суда по правам человека** являются результатом правоприменительной, а не правотворческой деятельности Суда, и поэтому данные судебные акты **не содержат каких-либо правовых норм**.

37. **"Правовые позиции"**, вырабатываемые Европейским судом по правам человека, должны приниматься во внимание, учитываться органами государства в ходе применения норм внутригосударственного права, а также положений, содержащихся в источниках международного права, ставших частью правовой системы России, включая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней.

Правовые позиции, возникающие вследствие применения Судом Конвенции и Протоколов к ней, подразделяются на две категории: **материальные и процессуальные (процедурные) правовые позиции**. Если Европейский Суд по правам человека в ходе толкования раскрывает нормативное содержание конвенционных положений, то в этом случае речь идет о материальных правовых позициях. Однако если в ходе неоднократного применения конвенционных положений у Суда вырабатывается алгоритм (процедура) применения соответствующей нормы, то в этом случае речь идет о процессуальной правовой позиции.

38. Федеральный закон РФ от 30 марта 1998 г. "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" инкорпировал (включил) в правовую систему не любые судебные акты, принятые Европейским судом по правам человека, а только такие, которые отвечают следующим критериям.

Во-первых, постановление должно быть принято в отношении Российской Федерации, т.е. ответчиком по делу должна являться Российская Федерация.

Во-вторых, постановление должно устанавливать факт нарушения Российской Федерацией Конвенции и/или Протоколов. В-третьих, постановление Европейского суда, вынесенное против Российской Федерации, где констатирован факт нарушения Конвенции и/или Протоколов к ней, должно вступить в законную силу, т.е. стать обязательным для государства.

Постановления Европейского суда по правам человека, одновременно отвечающие вышеупомянутым критериям, являются обязательными для Российской Федерации. Причем данная обязательность носит как международное, так и национально-правовое значение.

Международно-правовой аспект обязательности постановлений Европейского суда по правам человека закреплен в нормах международного права. **Национально-правовой аспект обязательности** постановлений Суда закрепляется в источниках внутригосударственного права государств - участников Конвенции и Протоколов к ней.

39. В рамках правовой системы России постановления Европейского суда по правам человека выполняют **две основные функции**. Первая функция связана с закреплением в тексте постановления соответствующей правовой позиции. Вторая функция связана с рассмотрением постановления Европейского суда по правам человека в качестве юридического факта, являющегося основанием для возникновения, изменения или прекращения внутригосударственных материальных и процессуальных отношений.

40. Правовые позиции Суда находят свое закрепление в решениях о приемлемости, постановлениях, принимаемых в отношении других государств - участников Конвенции. Однако данные судебные акты не формируют правовую систему России. Но государственные органы Российской Федерации в своей деятельности могли бы руководствоваться такими решениями и постановлениями, закрепляемыми в них правовыми позициями, принимая во внимание их прецедентный характер, а также руководствуясь общепризнанным принципом международного права - добросовестным выполнением международных обязательств. Одновременно следует иметь в виду, что правовые позиции, выработанные Европейским судом по правам человека, со временем могут измениться вследствие осуществления "**эволютивного толкования**".

41. Возникновение коллизии между нормой международного права и нормой, содержащейся в источниках национального права государства, невозможно. Международно-правовая норма и норма внутригосударственного права являются нормами различных правовых систем, которые могут взаимодействовать, но не коллизировать друг с другом. В сфере внутригосударственных отношений коллизии объективно могут иметь место только между нормами, образующимися в правовой системе России вследствие действия отсылки к международно-правовым положениям, и нормами внутригосударственного права данного государства либо непосредственно между нормами, возникшими в вышеупомянутом порядке.

42. При констатации факта наличия или отсутствия коллизий необходимо иметь в виду, что один из аспектов взаимодействия норм международного и внутригосударственного права заключается в том, что международно-правовые положения, став частью правовой системы государства, могут дополнять национально-правовое регулирование, восполняя пробелы. Так, если положение международного права, ставшее частью правовой системы государства, или внутригосударственная правовая норма предоставляют дополнительные права субъектам внутригосударственных отношений (за исключением государственных органов), то связь вышеупомянутых положений следует рассматривать через **принцип дополняемости**. Иными словами, если правовой статус частного лица, предусмотренный положениями, содержащимися в источниках международного права, более благоприятный, чем статус, определенный в источниках национального права, или наоборот, национальные нормативные акты гарантируют более высокий уровень стандартов в области прав и свобод человека, нежели международные договоры, то здесь следует руководствоваться именно принципом дополняемости в аспекте восполнения пробелов.

43. Если носителем обязанностей по отношению к субъективному праву является частное лицо и, соответственно, круг таких обязанностей, предусмотренных положениями международного права и

нормами внутригосударственного права, различен в отношении одного и того же объекта правового регулирования, то здесь констатируется наличие коллизии в интересах лица, на которое возлагается такая обязанность. Соответственно, данная коллизия должна быть разрешена. Принцип, с помощью которого представляется возможным установить наличие коллизий, именуется **принципом необходимого возложения обязанностей на частное лицо**. Суть данного принципа заключается в том, что государство свободно в своем усмотрении наделять субъективными правами частных лиц посредством принятия внутригосударственных правовых актов, а также включения в национально-правовую систему положений международного права, закрепляющих права и свободы человека и гражданина. Однако возложение на частное лицо обязанностей должно соответствовать критерию необходимости. Если международно-правовое положение, ставшее частью национальной правовой системы, и внутригосударственно-правовая норма имеют различный объем обязанностей частного лица, то с целью эффективной защиты прав и свобод человека здесь должно презюмироваться наличие коллизии, которую государство обязано разрешить.

44. Практика и доктрина международного права выделяют два **основных принципа разрешения коллизий: принцип иерархии и принцип приоритета применения**. **Особенность принципа иерархии** заключается в том, что указанный принцип применяется к правовым нормам, имеющим различную юридическую силу в рамках той или иной правовой системы. В свою очередь, **принцип приоритета применения** реализуется в отношении норм, обладающих в рамках правовой системы равной юридической силой. В сфере внутригосударственных отношений при разрешении коллизий, возникающих между положениями международного права и национально-правовой нормой или непосредственно между положениями международного права, ставшими частью правовой системы России, государственные органы должны руководствоваться как принципом иерархии, так и принципом приоритета.

45. **Особенность реализации принципа приоритета применения** в правовой системе России заключается в том, что указанный принцип не применяется к коллизиям, возникающим между положениями международного права, ставшими частью правовой системы России, и положениями внутригосударственного права. Если возникает коллизия между нормой федерального закона и положением международного договора, согласие в отношении которого было выражено Российской Федерацией в форме федерального закона, то положения международного договора будут обладать более высокой юридической силой согласно принципу иерархии, отраженному в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также ст. 5, 15 Закона "О международных договорах Российской Федерации". В свою очередь, принцип приоритета применения реализуется при разрешении коллизий, возникающих непосредственно между положениями международного права, ставшими частью правовой системы России и обладающими равной юридической силой в рамках этой системы.

46. Юридическая сила общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России определяется в зависимости от характера соответствующей общепризнанной нормы. **Императивные общепризнанные нормы международного права**, ставшие частью правовой системы России, обладают более высокой юридической силой перед положениями международных договоров РФ и положениями федеральных законов. **Диспозитивные общепризнанные нормы международного права** должны применяться в сфере внутригосударственных отношений только в том случае, когда в национальном праве отсутствуют подлежащие применению правовые нормы либо такие внутригосударственные нормы присутствуют, однако в отношении таких норм со стороны заинтересованных государств имеются явно выраженные протесты (возражения).

47. Конституция РФ в рамках правовой системы Российской Федерации обладает высшей юридической силой по отношению ко всем внутригосударственным нормативным актам, а также к императивным нормам международного права.

48. При разрешении коллизий, возникающих между положениями, содержащимися в международных договорах, ставших частью правовой системы страны, и положениями, зафиксированными в источниках национального права, основное внимание необходимо уделять иерархическому месту органа государства, уполномоченной организации, выразивших согласие от имени Российской Федерации в отношении международного договора. Поэтому при разрешении в рамках правовой системы России коллизий, возникающих между договорным положением международного права и нормой внутригосударственного права либо непосредственно между положениями международных договоров, ставшими частью правовой системы России, необходимо определить орган, уполномоченную организацию, издавшие источник или выразившие согласие на обязательность международного договора, содержащего соответствующее коллидирующее положение. Это позволяет надлежащим образом реализовать, в зависимости от категории рассматриваемых норм, принцип иерархии и/или принцип приоритета применения.

49. В случае возникновения коллизии между конституционными положениями и положениями международного договора РФ правоприменитель обязан руководствоваться Конституцией РФ.

50. Более высокую юридическую силу по отношению к законам должны иметь только те

международные договоры РФ, согласие в отношении которых Российской Федерации было осуществлено в форме федерального закона. Причем ратификации или выражению согласия на обязательность договора в иных формах посредством принятия федерального закона должен подлежать любой международный договор, который содержит отличное правило, чем закон, а также требование о внесении соответствующих изменений в законы Российской Федерации, независимо от присутствия во внутрисударственных отношениях **иностранный элемент**.

51. В случае если субъект Российской Федерации принимает закон, противоречащий положениям международного договора РФ, затрагивающего исключительную компетенцию субъекта РФ и заключенного без согласования с субъектом РФ, то суд должен руководствоваться правилами, закрепленными в законе субъекта Российской Федерации. Но если субъект Федерации принимает закон, противоречащий положениям международного договора РФ, затрагивающего совместную компетенцию субъекта и Российской Федерации, то правоприменитель должен применить правила, закрепленные в международном договоре РФ.

52. Федеральный конституционный закон должен обладать равной юридической силой с международным договором РФ, согласие в отношении которого было выражено с помощью принятия федерального закона.

53. Нератифицированные межгосударственные, межправительственные договоры и договоры межведомственного характера (договоры, согласие в отношении которых не было выражено в форме федерального закона) также являются частью правовой системы России. Однако, в отличие от ратифицированных международных договоров, нератифицированные международные договоры не должны обладать более высокой юридической силой в отношении закона. Указанные договоры входят в правовую систему России, занимая свое место согласно следующему принципу: правила международного договора РФ имеют иерархический приоритет в отношении внутрисударственных правовых актов, изданных государственным органом (органом государственной власти), уполномоченной организацией, выразившими в рамках предоставленных им полномочий согласие применительно к данному договору, а также в отношении иных актов, принятых нижестоящими государственными органами.

54. При разрешении коллизий, возникающих между договорными положениями международного права, одновременно действуют как правила разрешения этих коллизий, предусмотренные в источниках международного права, так и принципы, имманентные той правовой системе, в рамках которой и разрешаются соответствующие коллизии. При разрешении коллизий, возникающих между положениями международных договоров, ставших частью правовой системы России, принцип иерархии и принцип приоритета применяются с учетом правил, действующих в рамках правовой системы России, и, в частности, с учетом положения государственного органа, уполномоченной организации, выразивших согласие от имени государства на обязательность соответствующих международных договоров.

55. При разрешении коллизии, возникающей вследствие последовательно заключенных международных договоров, должны действовать как **принцип иерархии**, если, в частности, международные договоры последовательно заключаются между государствами на различных уровнях (различные органы государства), так и **принцип приоритета применения**, когда последовательно заключены договоры на одном и том же уровне и к соотношению договоров в этом случае применяются правила более позднего и/или специального договора, если в таких договорах не предусмотрено иное.

56. Юридическая сила решений международных организаций, включаемых в национально-правовую систему государства, должна зависеть от юридической силы в правовой системе страны международного договора РФ, непосредственно предусматривающего возможность принятия организацией таких решений. Если международный договор РФ, учреждающий международную организацию, в соответствии с вышерассмотренными принципами обладает более высокой силой, чем федеральный закон, то, соответственно, решения, принимаемые международной организацией во исполнение такого договора, также должны обладать в правовой системе России более высокой юридической силой, чем федеральный закон.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ НАПИСАНИИ ОБЩЕЙ И ОСОБЕННОЙ ЧАСТЕЙ КУРСА

А, Б, В

Бесчеловечное обращение или наказание - умышленное, интенсивное причинение физических, психических, моральных страданий без какой-либо цели.

Взаимодействие международного и национального права - система обеспечительных мер, принимаемых в рамках международного права для реализации внутрисударственного, а также мер, реализуемых в рамках национального права для эффективной реализации норм международного права.

Внутрисударственное право - система правовых норм, выраженных в нормативных актах,

судебных прецедентах, иных формах (источниках права), регулирующих внутригосударственные отношения и обеспечиваемых возможностью государственного принуждения.

Внутригосударственное правотворчество (один из методов национально-правовой имплементации) - деятельность государства с целью реализации в сфере внутригосударственных отношений международно-правовых положений, заключающихся в создании, изменении, прекращении внутригосударственных правовых норм либо санкционировании действия иных социальных норм.

Г, Д

Гипотеза правовой нормы - указание на условия, при которых возникают субъективные права и обязанности лица.

Дискриминация - различное обращение с лицами, находящимися в одном и том же положении, без необходимости, существующей в демократическом обществе.

Диспозиция правовой нормы - указание на субъективные права и обязанности.

Диспозитивная общепризнанная норма международного права - правило поведения, регулирующее межгосударственные отношения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, отклонение от которого допускается на основании соглашения субъектов международного права.

Дуалистическая теория соотношения международного и внутригосударственного права рассматривает международное и внутригосударственное (национальное) право как две различные правовые системы, лежащие в различных плоскостях и не подчиненные друг другу.

Ж, З

Жилище - помещение, независимо от правового статуса последнего, где человек постоянно осуществляет свою **личную и семейную жизнь**.

Законная цель вмешательства в права и свободы - это то, ради чего происходит ограничение права и свобод человека. Это могут быть обеспечение общественной безопасности, защита прав и свобод другого лица, предотвращение беспорядков и преступлений и т.д.

Законное ограничение (вмешательство) прав и свобод человека - ограничение прав и свобод человека, основывающееся на официально опубликованной правовой норме, являющейся четкой, ясной, доступной, предсказуемой в применении, исключающей неоднозначное толкование.

И

Императивная общепризнанная норма международного права - правило поведения, регулирующее межгосударственные отношения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, отклонение от которого не допускается даже на основании соглашения субъектов международного права.

Имущество - охватывает как минимум движимые, недвижимые вещи, принадлежащие лицу на праве собственности, а также имущественные права, которые определены достаточно четко, чтобы быть обеспечены в принудительном порядке.

Инкорпорационная отсылка - один из методов национально-правовой имплементации, заключающийся в принятии государством отсылку к нормам и/или источникам международного права, вследствие чего в правовую систему включаются международно-правовые положения и, как следствие, образуются **комплексные правовые нормы**.

Источники международного права - международные договоры, международные обычаи и решения международных межправительственных организаций, являющиеся обязательными и содержащими правовую норму.

К

Комплексная правовая норма - норма, образуемая в правовой системе государства вследствие действия отсылок к нормам и/или источникам международного права. **Гипотеза, диспозиция и санкция** комплексной правовой нормы раскрываются, как правило, одновременно как в источниках международного права, включаемых в правовую систему государства, так и в источниках внутригосударственного права.

Комплексное толкование заключается в том, что комплексная норма в части, закрепленной в источниках международного права, должна толковаться с учетом принципов и правил, действующих в международно-правовой системе; в свою очередь, часть комплексной нормы, определенная в источниках внутригосударственного права, должна толковаться с учетом тех принципов и правил,

существующих в рамках национально-правовой системы.

Конвенционное положение - положение, которое закреплено в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и/или Протоколах к ней.

Концепция "сверх разумных подозрений" - согласно данной концепции, доказательства, подтверждающие те или иные факты, должны следовать из сосуществования достаточно весомых, четких и последовательных аргументов или неопровержимых фактических презумпций.

Концепция "трех правил". Применяя ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Суд следует позиции, что указанное конвенционное положение содержит три четких правила: **первое**, указанное в первом предложении первого параграфа, является основным по своему значению и закрепляет принцип беспрепятственного пользования имуществом; **второе правило**, содержащееся во втором предложении первого параграфа, охватывает возможность лишения имущества при соблюдении определенных условий; **третье правило**, заключенное во втором параграфе, признает, что государства - участники Конвенции имеют право контролировать использование имущества в соответствии с общими интересами. Указанные три правила являются взаимосвязанными. Второе и третье правило являются отдельными формами вмешательства в право беспрепятственно пользоваться имуществом и должны толковаться в свете основного принципа, содержащегося в первом правиле.

Корреспонденция - информация, независимо от формы существования, пересылаемая от одного лица к другому.

Критерий Ratione loci (применительно к деятельности Европейского суда по правам человека) - юрисдикция Суда, обусловленная пространственной (территориальной) сферой обеспечения прав и свобод человека.

Критерий Ratione materiae (применительно к деятельности Европейского суда по правам человека) - юрисдикция Суда, обусловленная конвенционными правами и свободами, о предполагаемых нарушениях которых может идти речь в жалобе заявителя.

Критерий Ratione personae (применительно к деятельности Европейского суда по правам человека) - юрисдикция Суда в отношении круга лиц, имеющих возможность быть стороной в судебном разбирательстве.

Критерий Ratione temporis (применительно к деятельности Европейского суда по правам человека) - юрисдикция Суда, обусловленная датой вступления в силу Конвенции о защите прав человека и основных свобод для конкретного государства.

Критерии международного договора Российской Федерации, ставшего частью правовой системы России и положения которого подлежат реализации в сфере внутригосударственных отношений, - вступление договора в силу и заключение такого договора в письменной форме.

Л, М

Личная (частная) жизнь - моральная и физическая целостность человека, позволяющая последнему свободно осуществлять свое развитие и реализовывать свои возможности, исключая необоснованное внимание (вмешательство) со стороны третьих лиц.

Лишение лица свободы - действия со стороны государства, частных лиц, вследствие которых лицо помещается в пространство, которое он не в состоянии покинуть по своей воле.

Материальные аспекты позитивных обязательств государства в сфере защиты прав и свобод человека - наличие у государства обязательств совершать активные действия по предотвращению материального и морального ущерба лицу вследствие возможного нарушения прав и свобод.

Материальные отсылочные нормы - нормы, которые включают международно-правовые положения в правовую систему государства.

Международное право - система правовых норм, созданных субъектами международного права для урегулирования межгосударственных отношений и обеспечиваемых принудительной силой государств(-а), иных субъектов международного права.

Международно-правовые положения - словесные формулировки (указания), содержащиеся в источниках международного права.

Международный межправительственный суд или арбитраж - соответственно судебные или арбитражные органы (либо организации), действующие на основании международного договора либо на основании решения международной межправительственной организации.

Международный договор - международное соглашение, заключенное между субъектами международного права и регулируемое международным правом.

Международный договор Российской Федерации - международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры

(далее - иное образование), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Международные договоры Российской Федерации могут заключаться от имени Российской Федерации (**межгосударственные договоры**), от имени Правительства Российской Федерации (**межправительственные договоры**), от имени федеральных органов исполнительной власти, уполномоченной организации (**договоры межведомственного характера**).

Международная межправительственная организация - организация, которая создана на основании соглашения субъектов международного права либо на основании решения органа международной межправительственной организации, имеет постоянную и институциональную структуру.

Минимальный уровень жестокости - уровень, обуславливающий возможность применения ст. 3 Конвенции о защите прав и свобод человека. Оценка этого минимума относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как, но не ограничиваясь, существо и окружающие обстоятельства недопустимого обращения или наказания, способы их осуществления, продолжительность, психологические и физические последствия, возраст, пол, в отношении которого осуществляется предположительно недопустимое обращение, иных обстоятельств.

Монистическая теория соотношения международного и внутригосударственного права рассматривает международное и внутригосударственное право как части, элементы единой правовой системы.

Н

Национально-правовая имплементация - принятие государством внутригосударственных правовых мер, обеспечивающих реализацию этим государством его международно-правовых обязательств в сфере внутригосударственных отношений.

Негативный аспект субъективного права и/или свободы заключается в возможности субъекта права воздержаться от совершения активных действий по реализации права и/или свободы. К примеру, право воздержаться от высказываний.

Негативные обязательства государства в сфере защиты прав и свобод человека заключаются в воздержании государства от ограничения (вмешательства) в права и свободы человека, за исключением случаев, когда такое ограничение предусмотрено правовой нормой, преследует законные цели и необходимо в демократическом обществе.

Недопустимое обращение - обращение, запрещенное в том числе ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Может быть в форме **пытки, бесчеловечного обращения или наказания или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания**.

Несамоисполнимое международно-правовое положение - положение, которое для непосредственной реализации в сфере внутригосударственных отношений обуславливает принятие государством нормативно-правовых актов.

О

Общепризнанная норма международного права - правило поведения, регулирующее межгосударственные отношения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, обеспечиваемое принудительной силой государств(-а) и/или международной межправительственной организации.

Общепризнанные (основные) права и свободы человека - права и свободы, признаваемые мировым сообществом государств в целом, т.е. права и свободы, закрепленные в общепризнанных нормах международного права.

Общепризнанный принцип международного права - основополагающие общепризнанные нормы международного права, отклонение от которых недопустимо. Общепризнанные принципы международного права подразделяются на **основные и отраслевые**.

Обычай (международно-правовой) - доказательство всеобщей практики, признанной субъектами международного права в качестве правовой нормы.

Объект международного договора - материальные и нематериальные блага, действия или воздержания от действий.

Объект правоотношения - различные блага, которые стремятся получить управомоченные субъекты, это состояния, которых они стремятся достичь, это то поведение, которого они ждут от обязанных субъектов, и т.д.

Оговорка - одностороннее заявление участника многостороннего договора, направленное на исключение или изменение содержания договорного обязательства, сделанное перед или в момент выражения согласия на обязательность международного договора.

Основные принципы международного права - принцип всеобщего уважения прав человека; принцип добросовестного выполнения международных обязательств; принцип суверенного равенства государств; принцип неприменения силы или угрозы силы; принцип территориальной целостности и неприкосновенности государств; принцип мирного разрешения международных споров; принцип невмешательства во внутренние дела; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип сотрудничества, принцип нерушимости государственных границ.

Отраслевой общепризнанный принцип международного права - принцип, действующий в определенной сфере межгосударственных отношений (международное морское право, космическое, воздушное, дипломатическое и консульское право и т.д.).

П

Позитивный аспект субъективного права и/или свободы - возможность субъекта права совершать те или иные действия, например высказываться.

Позитивные обязательства государства в сфере защиты прав и свобод человека - наличие у государства обязательств совершать активные действия, касающиеся эффективного обеспечения прав и свобод человека.

Право на доступ к суду - многоаспектное право, включающее право на инициацию судебного разбирательства по гражданскому делу, право на разрешение по существу спора о гражданских правах и обязанностях (право на получение судебного решения), а также запрет на необоснованный пересмотр вступивших в силу судебных решений.

Правовая позиция (прецедент толкования), вырабатываемая Европейским судом по правам человека, - форма последующей практики государств-участников, связанной с применением Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, которая устанавливает соглашение участников относительно порядка толкования данной Конвенции.

Правовая система государства - система, которая как минимум включает нормы внутригосударственного права (систему права), принятые или санкционированные государством, международно-правовые положения, правовую культуру, идеологию, сознание, практику реализации правовых норм, иные элементы, обуславливающие правовую действительность в государстве.

Преамбула международного договора - вступительная часть международного договора.

Прецедент судебный - решения вышестоящих судов, имеющие обязательную силу для нижестоящих и содержащие правовую норму.

Принципы разрешения коллизий: принцип иерархии и принцип приоритета применения. **Принцип иерархии** применяется к правовым нормам, имеющим различную юридическую силу в рамках той или иной правовой системы. **Принцип приоритета применения** реализуется в случаях возникновения коллизий между нормами, имеющими равную юридическую силу.

Принцип правовой определенности - многоаспектный принцип, включающий в том числе обязанность государства в сфере обеспечения прав и свобод человека действовать на основании официально опубликованного источника права, положения которого должны быть четкими, ясными, доступными, предсказуемыми в применении, не допускать неоднозначного толкования.

Пропорциональность (необходимость) вмешательства в права и свободы человека - допускается вмешательство только в том объеме, который строго требуется для достижения законных целей, ради которых и происходит такое вмешательство.

Процессуальные аспекты позитивных обязательств государства в сфере защиты прав и свобод человека - наличие у государства обязательств совершать действия по обеспечению эффективного расследования случаев необоснованного ограничения прав и свобод человека (речь прежде всего идет о ст. 2, 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Процессуальные отсылочные нормы - нормы, которые определяют порядок разрешения в сфере внутригосударственных отношений коллизии, возникающей между национально-правовыми и международно-правовыми положениями.

Пытка - умышленное, как правило на протяжении непродолжительного периода времени, причинение человеку физических, психических, моральных страданий с целью заставить человека совершить те или иные действия или, наоборот, воздержаться от совершения действий.

Р

Разумное подозрение (в совершении правонарушения) - подозрение, основывающиеся на таких материалах (фактических обстоятельствах), анализ которых со стороны незаинтересованных лиц позволяет последним утверждать, что подозреваемое лицо могло совершить правонарушение.

Разумные сроки нахождения лица под стражей (п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) - сроки, которые обусловлены реальной (обоснованной) угрозой того, что

подозреваемое, обвиняемое лицо, подсудимый могут скрыться от предварительного, судебного следствий, могут вновь совершить преступления либо могут препятствовать осуществлению следствия.

Разумные сроки судебного разбирательства по гражданским и уголовным делам (п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) - сроки, в течение которых независимый и беспристрастный суд, созданный на основании закона, должен справедливо рассмотреть гражданское или уголовное дело в условиях фактических обстоятельств дела. При анализе соблюдения указанных сроков Европейским судом по правам человека исследуются следующие критерии: сложность дела, поведение заявителя, поведение государства, значение оперативного рассмотрения дела для заявителя.

Решения международных организаций являются источниками международного права в том случае, если они согласно учредительным актам этих организаций имеют юридически обязательный характер и содержат правила, рассчитанные на неоднократное применение, т.е. относятся к нормативным международно-правовым актам. Виды решений, принимаемых международной межправительственной организацией и являющихся источником международного права: а) решение международной организации об изменении учредительного договора (устава) такой организации; б) юридически обязательные нормативные решения, имеющие целью регулирование внешних отношений между организацией и иными субъектами международного права либо между иными субъектами международного права, включая отношения между государствами - участниками такой организации; в) юридически обязательные нормативные решения, касающиеся урегулирования отношений внутри организации.

С

Самоисполнимое международно-правовое положение - положение, которое может быть непосредственно реализовано в сфере внутригосударственных отношений без необходимости принятия дополнительных внутригосударственных нормативных актов.

Санкция правовой нормы - неблагоприятные последствия, которые претерпевает субъект права в случае несоблюдения **диспозиции**.

Семейная жизнь - семейные отношения между мужчиной и женщиной, независимо от наличия факта признания со стороны государства сложившихся отношений, отношения, складывающиеся между родителями и ребенком, между бабушкой, дедушкой и их внуками.

Справедливая компенсация - форма ответственности государства за допущенные нарушения прав и свобод человека. Как правило, справедливая компенсация охватывает возмещение материального и морального вреда, непосредственно обусловленного нарушением прав и свобод. С учетом обстоятельств дела компенсация может быть осуществлена в том числе посредством отмены незаконного решения.

Справедливое судебное разбирательство в условиях фактических обстоятельств дела - судебное разбирательство, основывающееся на адекватной, разумной, беспристрастной оценке фактических обстоятельств рассматриваемого дела с соблюдением принципа равенства сторон.

Субъекты международного права - государства, международные межправительственные организации, угнетаемые нации и народы, борющиеся за свою независимость, государственно-подобные образования.

Субъективное право и обязанность - мера возможного и должного поведения соответствующего субъекта права.

Субъект правоотношения - лицо, обладающее правоспособностью согласно действующему праву.

Суд - орган государства, являющийся независимым от органов исполнительной и законодательной властей, действующий на основании процессуального законодательства.

Т, У

Толкование правовой нормы - деятельность государственных и муниципальных органов, частных лиц по уяснению и разъяснению смысла и содержания правовых норм.

Уголовное обвинение - претензии со стороны государства уголовно-правового характера либо административного свойства, если имеется угроза применения к лицу наказания в виде **лишения свободы**.

Унижающее человеческое достоинство обращение или наказание - такое обращение или наказание, которое обуславливает появление у человека чувства тревоги, муки, неопределенности, унижает человека. Причем указанная форма недопустимого обращения может иметь место независимо от наличия умысла у лица, осуществляющего такое обращение или наказание.

Условия реализации в сфере внутригосударственных отношений международного договора

Российской Федерации - официальное опубликование международного договора, наличие самоисполнимых положений, наличие отсылочных норм к международному договору.

Ф, Ц

Фундаментальные нарушения права - нарушения, подрывающие основы конституционного (государственного) строя государства, нарушения юрисдикционного характера, серьезные нарушения судебной процедуры, злоупотребление правом.

Цель международного договора - то, на что направлено осуществление положений данного международного договора. Она определяется сторонами, вырабатывающими договор, и формулируется в его преамбуле. Все права и обязанности сторон договора направлены на достижение целей в международном договоре.

Э, Ю

Эволютивное толкование - толкование, осуществляемое в условиях изменившихся обстоятельств в сравнении с теми, которые существовали в том числе в момент заключения договора, с целью эффективного обеспечения реализации международно-правовых обязательств. При осуществлении эволютивного толкования должны учитываться **объект и цели** международного договора.

Элементы структуры правовой нормы - гипотеза, диспозиция, санкция.

Элементы отношения, урегулированного правовой нормой, - субъекты, объекты, субъективные права и обязанности, юридические факты.

Эффективное расследование - расследование, которое отвечает одновременно следующим критериям: независимость и беспристрастность; оперативность в проведении необходимых следственных действий, способность сохранить собранные доказательства, компетентность, способность обнаружить и наказать виновное лицо; наличие общественного контроля за следствием.

Эффективное средство правовой защиты - средство, предусмотренное правовыми нормами и способное реально обеспечить защиту прав и свобод лица, а именно: предотвратить предполагаемое нарушение прав и свобод либо прекратить уже осуществляемое нарушение прав и свобод, при наличии соответствующих обстоятельств констатировать факт нарушения прав и свобод и присудить **справедливую компенсацию**, обуславливающуюся возмещением материального и морального вреда, возникшего вследствие нарушения прав и свобод.

Юридические факты - такие факты (жизненные обстоятельства), с которыми право связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ПРИ НАПИСАНИИ ОБЩЕЙ И ОСОБЕННОЙ ЧАСТЕЙ КУРСА

Литература на русском языке

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
2. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999.
3. Алексидзе Л.А. Проблема *jus cogens* в современном международном праве // Советский ежегодник международного права 1969. М., 1970.
4. Аметистов Э.М. Международное право и труд. М.: Международные отношения, 1982.
5. Антология научной мысли. К 10-летию Российской академии правосудия. М.: Статут, 2008.
6. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002.
7. Бардина М.П. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров и субсидиарное применение национального права // Государство и право. 2002. N 3.
8. Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право. М.: Госюриздат, 1960.
9. Блищенко И.П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: МНИМП, 1999.
10. Богатина Ю.Г., Толстых В.Л. О некоторых вопросах усыновления детей - граждан Российской Федерации иностранными гражданами // Российское правосудие. 2006. N 6.

КонсультантПлюс: примечание.

Учебник М.М. Богуславского "Международное частное право" включен в информационный банк согласно публикации - Юристъ, 2005 (издание пятое, переработанное и дополненное).

11. Богуславский М.М. Международное частное право. М.: Юристъ, 2004.
12. Большой англо-русский словарь в трех томах / Под. ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. М.: Русский язык, 1997.
13. Броунли Я. Международное право: В 2 кн. Кн. 1. М.: Прогресс, 1977.
14. Буткевич В.Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев: Вища школа, 1980.
15. Варламова Н.В. Принцип недискриминации в практике Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2006. N 3.
16. Вельяминов Г.М. Международные договоры в "международном частном праве" и его понятие // Государство и право. 2002. N 8.
17. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс: Академический курс. М.: Волтерс Клувер, 2004.
18. Венгерова А.Б. Теория государства и права: Учебник. М.: Новый Юрист, 1998.
19. Венгерова А.Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2006.
20. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: Комментарий. М.М. Богуславский, Н.Г. Вилкова, А.С. Комаров, М.Г. Розенберг, О.Н. Садилов и др. М.: Юридическая литература, 1994.
21. Верещетин В.С., Мюллерсон Р.А. Новое мышление и международное право // Советское государство и право. 1988. N 3.
22. Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека // Государство и право. 2001. N 12.
23. Всероссийская научно-практическая конференция. Нижегородский юридический институт, сентябрь 1995 г.: Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия // Государство и право. 1996. N 2 - 3.
24. Витрук Н.В. Практика Конституционного Суда Российской Федерации в контексте действия Конвенции "О защите прав человека и основных свобод" // Российское правосудие. 2006. N 3.
25. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев: Вища школа, 1980.
26. Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2005.
27. Гинзбург Дж. Соотношение международного и внутреннего права в СССР и в России // Советское государство и право. 1994. N 3.
28. Глобализация и развитие законодательства (очерки) / Под ред. Ю.А. Тихомирова и А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2004.
29. Горшкова С.А. Россия и юридические последствия решений Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2000. N 5.
30. Горшкова С.А. О гарантиях прав российских граждан Европейской конвенцией по защите прав человека // Международное публичное и частное право. 2003. N 1.
31. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Т. 1. Е.А. Васильев и др. М.: Международные отношения, 2004.
32. Даниленко Г.М. Обычай в современном международном праве. М.: Наука, 1988.
33. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. 1995. N 11.
34. Даниленко Г.М. Международная защита прав человека: Вводный курс. М.: Юристъ, 2000.
35. Действующее международное право: В 3 т. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1997.
36. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 3. Запрещение пыток. Прецеденты и комментарии. Эйшлинг Рейди, С.А. Разумов, Ю.Ю. Берестнев. М.: Российская академия правосудия, 2002.
37. Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации: Сборник документов / Под ред. Ю.Ю. Берестнева. М.: Юридическая литература, 2003.
38. Европейский суд по правам человека: В 2 т. / Под ред. В.А. Туманова и др. М.: Норма, 2000.
39. Ершов В.В. Судебное правоприменение: актуальные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2006. N 5.
40. Ершов В.В., Ершова Е.А. Современные проблемы международного права // Российское правосудие. 2006. N 2.
41. Ершов В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. N 1(9).
42. Ершова Е.А., Ершов В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Антология научной мысли. К 10-летию Российской академии правосудия. М.: РАП; Статут, 2008.
43. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: Норма, 2002.

44. Игнатенко Г.В. Взаимодействие международного и внутригосударственного права: Учебное пособие. Свердловск: УрГУ, 1981.
45. Игнатенко Г.В. Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российской правовой системе: реальности и перспективы // Московский журнал международного права. 1997. N 3.
- 45.1. Игнатенко Г.В. Новые кодексы Российской Федерации: опыт комплексной международно-правовой экспертизы // Российский ежегодник международного права. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 2003.
46. Игнатенко Г.В., Марочин С.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. и международно-правовые реалии // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. N 4.
47. Каламкарян Р.А. Эстоппель в международном публичном праве. М.: Наука, 2001.
48. Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство. М.: Международные отношения, 2004.
49. Капустин А.Я. Понятие, предмет, источники и субъекты права международных организаций // Лекции по актуальным проблемам международного и европейского права. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 2004.
50. Каюмова А.Р. Соотношение международной и национальной уголовной юрисдикции // Российское правосудие. 2007. N 9 (17).
51. Ковалев А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности на современном этапе: Учебное пособие. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 1995.
52. Комментарий к Венской конвенции о договорах международной купли-продажи / Под ред. В.И. Кулешова. М.: Юридическая литература, 1994.
53. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2002.
54. Комментарий к Конституции РФ / Под ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М.: Юридическая литература, 1994.
55. Комментарий к Федеральному закону "О международных договорах Российской Федерации" / Под ред. В.П. Звекова и Б.И. Осминова. М.: Спарк, 1996.
56. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев. 7-е изд. М.: Юрайт, 2007.
57. Конституции государств Европы: В 3 т. / Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001.
58. Котляров И.И. Международное гуманитарное право М.: Юрлитинформ, 2003.
59. Кривчикова Э.С. Основы теории права международных организаций: Учебное пособие. М.: МГИМО, 1979.
60. Курс международного права: В 7 т. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.С. Верещетина, И.И. Лукашука и др. М.: Наука, 1989 - 1993.
61. Лапин Г.Э. Консульская служба. М.: Международные отношения, 2005.
62. Лаптев П.А., Девятко А.Ю. Эффективность расследования и обстоятельства, исключающие ответственность и наказуемость деяния // Российское правосудие. 2007. N 8 (16).
63. Лаптев П.А., Лиховидов К.С. Ящик Пандоры (возможна ли конструктивная критика постановлений Большой Палаты Европейского Суда по правам человека) // Российское правосудие. 2007. N 10 (18).
64. Лаптев П.А. Европейские стандарты правосудия в российской судебной системе // Российское правосудие. 2008. N 5.
65. Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. М.: Международные отношения, 1975.
66. Лукашук И.И. Механизм международно-правового регулирования. Киев: Вища школа, 1980.
67. Лукашук И.И. Функционирование международного права. М.: Наука, 1992.
68. Лукашук И.И. Применение норм международного права в судах государств. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 1993.
69. Лукашук И.И. Нормы международного права. М.: Спарк, 1997.
70. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Бек, 1997.
- 70.1. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М.: Бек, 1997.
71. Лукашук И.И. Нормы международного права. М.: Спарк, 1997.
72. Лукашук И.И., Лукашук О.И. Толкование норм международного права: Учебное пособие для вузов. М.: N ОТА ВЕН Е, 2002.
73. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004.
74. Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. М.: Спарк, 2002.
75. Малеев Ю.Н. Неизвестные, но общепризнанные // Международное право. 2005. N 1.
76. Манов Т.Н. Теория государства и права. М.: Бек, 1995.

77. Матвеев А.А. Россия и международные договоры по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Московский журнал международного права. 2004. N 2.
78. Моравецкий В. Функции международной организации. М.: Прогресс, 1976.
79. Марочкин С.Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск: Иркутский университет, 1988.
80. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1998.
81. Марочкин С.Ю. Международное право и практика судов общей юрисдикции в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. // Российский ежегодник международного права. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 2004.
82. Марочкин С.Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 2003.
83. Матвеев А.А. Россия и международные договоры по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Московский журнал международного права. 2004. N 2.
84. Материалы Научно-практической конференции по применению международного права правоохранительными органами Российской Федерации, состоявшейся в г. Москве с 7 по 9 февраля 1996 г. // Государство и право. 1996. N 5.
85. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990.
86. Международное право: Словарь. С.Б. Бацанов, Г. К Ефимов, В.И. Кузнецов и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 1986.
87. Международное право: Учебник. Под ред. Ф.И. Кожевникова, Э.С. Кривчиковой, С.В. Молодцова. М.: Международные отношения, 1981.
- 87.1. Международное право: Учебник / Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова и др. М.: Международные отношения, 2001.
88. Международное право: Учебник / Под ред. В.И. Кузнецова, С.А. Егорова, С.В. Черниченко. М.: Юристъ, 2001.
89. Международное право: Учебник / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. 3-е изд. М.: Проспект, 2008.
90. Международное право: Учебник / Под ред. Е.Т. Усенко и Г.Г. Шинкарецкой. М.: Юристъ, 2003.
91. Международное право: Учебник / Под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. М.: Норма-Инфра-М, 1999.
92. Международное право: Учебник. Г.В. Игнатенко и др. М.: Норма-Инфра-М, 2006.
93. Международное право: Учебник / Под ред. Л.Н. Шестакова, А.Н. Талалаева, Е.А. Шибяевой, М.А. Коробовой. М.: Юридическая литература, 1999.
94. Международное право и советское законодательство / Под ред. Г.И. Курдюкова. Казань: Издательство Казанского университета, 1991.
95. Международное частное право: Учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2000.
96. Международное частное право: Учебное пособие. Г.К. Дмитриева, М.В. Филимонова и др. М.: Институт международного права и экономики, 1997.
97. Миронов Н.В. Советское законодательство и международное право. М.: Международные отношения, 1968.
- 97.1. Миронов Н.В. Международное право: нормы и их юридическая сила. М.: Юридическая литература, 1980.
98. Миронов Н.В. О соотношении юридической силы норм международного права // Советское государство и право. 1979. N 9.
99. Миронов Н.В. Современные международные отношения и международно-правовое регулирование внутригосударственных избирательных стандартов // Московский журнал международного права. 2004. N 2.
100. Морозов Г.И. Организация Объединенных Наций. М., 1962.
101. Мюллерсон Р.А. О соотношении международного публичного, междугородного частного и национального права // Советское государство и право. 1982. N 2.
102. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982.
103. Нерсисянц В.С. Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское правосудие. 2006. N 4.
104. Нешатаева Т.Н. Арбитражные суды и некоторые вопросы применения международного права в Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. 1998 - 1999. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 1999.
105. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в

- международно-правовом регулировании. М.: Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, 1999.
106. Нешатаева Т.Н. Защита собственности: в Европейском суде по правам человека и в арбитражных судах Российской Федерации // Российское правосудие. 2006. N 1.
107. Нешатаева Т.Н. "Свобода выражения мнения" в аспекте статьи 10 Европейской конвенции о правах человека // Российское правосудие. 2007. N 1 (9).
108. Нешатаева Т.Н. "Право на суд" в решениях Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2008. N 5.
109. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Ю.Д. Апресян, Э.М. Медниковой и др. М.: Русский язык, 1997.
110. Орлова Т.О. Некоторые вопросы принятия федеральных законов о ратификации международных договоров Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2003. N 4.
111. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М.: Wolters Kluwer, 2006.
112. Петрова Г.В. О приведении норм российского финансового законодательства в соответствии с международно-правовыми нормами // Журнал российского права. 2000. N 12.
113. Права человека: Сборник международных договоров. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1978.
114. Правовые системы стран мира / Ф.М. Решетников, У.Э. Батлер и др. Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2000.
115. Программа семинара: "Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: первые итоги". М.: Российская академия правосудия, 2005.
116. Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека за 2002 г. / Под ред. В.Н. Руднева. М.: Московский клуб юристов, 2004.
117. Пыриков Е.Г. Понятие "жилища" в практике Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2006. N 4.
118. Пыриков Е.Г. Пересмотр в порядке надзора судебных постановлений по гражданским делам в оценках Европейского суда по правам человека и органов Совета Европы // Российское правосудие. 2007. N 9 (17).
119. Раушнинг Д. Применение норм международного публичного права в рамках национальной правовой системы // Российский ежегодник международного права. 1998 - 1999. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 1999.
120. Рацборинская К.Н. Применение международного права российскими судами // Международное публичное и частное право. 2004. N 1.
121. Ромашев Ю.С. Некоторые подходы к определению условий формирования общепризнанных норм международного права // Российский ежегодник международного права. СПб.: СКФ "Россия-Нева", 1999.
122. Сандуца Г.И. Применение общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Международное публичное и частное право. 2001. N 3.
123. Сафаров Н. Проблемы имплементации статута Международного уголовного суда (разграничение "экстрадиции" и "передачи лиц") // Российский ежегодник международного права. 2001.
124. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2007.
125. Совет Европы и Россия: Сборник документов / Л.И. Брычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзвиков. Под ред. Ю.Ю. Берестнева. М.: Юридическая литература, 2004.
126. Современные зарубежные конституции: Учебное пособие / Б.А. Страшун и др. Под ред. Б.А. Страшуна. М.: Московский юридический институт, 1992.
127. Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного права. 1997. N 2.
128. Талалаев А.Н. Конституционный Суд и международные договоры России (К вопросу о конституционности международных договоров РФ) // Государство и право. 1996. N 3.
129. Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1994. N 4.
130. Талалаев А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. 1998. N 3.
131. Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров: Комментарий. М.: Юридическая литература, 1997.
132. Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2004.
133. Теоретические и практические проблемы правоприменения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. М.: Российская академия правосудия, 2007.

134. Тиунов О.И. СССР и обеспечение международных договоров. Иркутск: Иркутский университет, 1989.
135. Тиунов О.И. Конституционный Суд и международно-правовые акты об обеспечении прав человека // Журнал российского права. 1997. N 7.
136. Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М.: Норма, 1999.
137. Тиунов О.И. Защита прав человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации в условиях интернационализации российского права и роль в этом процессе международно-правовых стандартов // Международное публичное и частное право. 2003. N 2.
138. Тихомиров Ю.А. Реализация международно-правовых актов в российской правовой системе // Журнал российского права. 1999. N 3.
139. Толстик В.А. Общеизвестные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. N 8.
140. Трунцевский Ю.В., Гриб В.В. О формировании научной концепции имплементации норм европейского права в России // Международное публичное и частное право. 2001. N 4.
141. Тузмухамедов Б.Р. Международное право в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Дипломатический вестник. 2000. N 10.
142. Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции. М.: Юристъ, 2006.
143. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001.
144. Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2000.
145. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 1996.
146. Усенко Е.Т. Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права // Советское государство и право. 1983. N 10.
147. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. N 2.
148. Ушаков К.А. Международное право. М.: Юристъ, 2004.
149. Черкашина И.Л. Послесловие, или Почему гражданка М.С. Прокопович не выиграла дело в российском суде // Российское правосудие. 2006. N 4.
150. Черниченко С.В. Личность и международное право. М.: Международные отношения. 1974.
151. Черниченко С.В. Нормы и принципы международного права. М.: Научная книга, 1998.
152. Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 1. М.: НИМП, 1999.
153. Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 2. М.: НИМП, 1999.
154. Шестаков Л.Н. Императивные нормы в системе современного международного права. М.: Московский государственный университет, 1981.
155. Шибаева Е.А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М.: Издательство Московского университета, 1980.
156. Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. М.: Международные отношения, 2003.
157. Шуршалов В.М. Международные правоотношения. М.: Международные отношения, 1971.
158. Юрин М.В. Надзорная инстанция: взгляд Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2006. N 6.
159. Хижняк В.Г. Международное право и российский конституционализм // Московский журнал международного права. 2004. N 2.
160. Хлестов О.Н., Кузнецов М.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права // Становление и развитие советской науки международного права: Учебное пособие. М.: МГИМО, 1974.
161. Хлестов О.Н. Международное право и Российская Федерация // Московский журнал международного права. 1994. N 4.
162. Хлестова И.О. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Журнал российского права. 1997. N 12.
163. Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека. Опыт Совета Европы. М.: Московский независимый институт международного права, 1997.

Литература на иностранных языках

164. Aleinikoff Alexander. International Law, Sovereignty, and American Constitutionalism: Reflection on the Customary International Law Debate // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. N 1.
165. Alford P. Roger. Misusing International sources to interpret the Constitution // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. N 1.
166. Alston Philip and Crawford James. The Future of UN Human Rights Treaty Monitoring / Cambridge University Press, 2000.
167. Antonio La Pergola and Patric Del Duca. Community Law, International Law and the Italian

Constitution // American Journal of International Law. 1985. Vol. 79. N 3.

168. Akehurst's Modern introduction to International Law: seventh revised edition / red. by P. Malahczuk. London, Taylor and Francis Group, 2004.

169. Australia and New Zealand Banking Group Ltd et al. v. Australia et al., House of Lords, judgment of 26 October. 1990. International Legal Materials 29 (1990), 671.

170. Brownlie Ian. Principles of public International Law. Sixth edition. Oxford, 2003.

171. Brower N. Charles and Nupman W. Michael. Court-ordered provisional measures under the New York Convention // American Journal of International Law. 1986. Vol. 80. N 1.

172. Burnes Andrew and Charlesworth Hilary. Federalism and the International Legal Order: recent developments in Australia // American Journal of International Law. 1985. Vol. 79. N 3.

173. Cassese Antonio. International Law. Second edition. Oxford, 2005.

174. Charney Jonathan I. Universal International Law // American Journal of International Law. 1993. Vol. 87. N 4.

175. Currie John H. Public International Law. Ontario, Irwin Law Inc., 2001.

176. Damrosch Lori Fisler. Politics across borders: nonintervention and nonforcible influence over domestic affairs // American Journal of International Law. 1989. Vol. 83. N 1.

177. Delaume R. Georges. ICSID Arbitration and the Courts // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. N 4.

178. Edmundson William A. An Introduction to Rights / Cambridge University Press, 2004.

179. Elias T.O. The doctrine of Intertemporal Law // American Journal of International Law. 1980. Vol. 74. N 2.

180. Falk R. The Role of Domestic Courts in the Interantional Legal Order / Syracuse: Syracuse University Press, 1964.

181. Goldklang Jack M. House Approves Proposal Permitting ICJ to Advise Domestic Courts // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. N 2.

182. Hansen Stephen A. Economic, Social & Cultural Rights: Terminology and Potential Violations / American Association for the Advancement of Science, 2000.

183. Henkin Louis. May the President violate customary International Law? // American Journal of International Law. 1986. Vol. 80. N 4.

184. International decisions // American journal of International Law. 1998. N 2. Vol. 92.

185. International decisions // American journal of International Law. 1998. N 1. Vol. 92.

186. International decisions // American journal of International Law. 1997. N 4.

187. International decisions // American journal of International Law. 1998. Vol. 92. N 1.

188. International decisions // American journal of International Law. 1998. Vol. 92. N 2.

189. International decisions // American journal of International Law. 1998. Vol. 92. N 3.

190. International decisions // American journal of International Law. 2000. Vol. 94. N 4.

191. International decisions // American journal of International Law. 2001. Vol. 95. N 1.

192. International decisions // American journal of International Law. 2002. Vol. 96. N 1.

193. Jackson H. John. Status of Treaties in Domestic Legal Systems: a Policy Analysis // American Journal of International Law. 1992. Vol. 86. N 2.

194. John R. Crook. The 2003 Judicial Activity of the International Court of Justice // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. N 2.

195. Koh Harold Hongju. International Law as part of our Law // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. N 1.

196. Kirgis L. Frederic. Restitution as a Remedy in U. S. Courts for Violations of Internatioonal Law // American Journal of International Law. 2001. Vol. 95. N 2.

197. Leigh Monroe. International Criminal Law and the Role of Domestic Courts // American Journal of International Law. 2001. Vol. 95. N 1.

198. Lillich B. Richard and Hannum Hurst. Linkages between International Human Rights and U. S. Constitutional Law // American Journal of International Law. 1985. Vol. 79. N 1.

199. Lukashuk I.I. The Principle Pacta Sunt Servanda and the Nature of Obligation Uhder International Law // American Journal of International Law. 1989. Vol. 83. N 3.

200. Maier Harold. G. Extraterritorial Jurisdiction at a Crossroads: an Intersec tion between Public and Privat International Law // American Journal of International Law. 1982. Vol. 76. N 2.

201. Meesern M. Karl. Antitrust jurisdiction under Customary International Law // American Journal of International Law. 1984. Vol. 78. N 4.

202. Mehren B. Robert and Kourides P. Hicholas. International arbitrations between states and forfign privat parties: the Libian Nationalisation Cases // American Journal of International Law. 1981. Vol. 75. N 3.

203. Meron Theodor. On a hierarchy of International Human Rights // American Journal of International Law. 1986. Vol. 80. N 1.

204. Mullerson R.A. Sources of International Law: New Tendencies in Soviet Thinking // American Journal

of International Law. 1989. Vol. 83. N 3.

205. Murphy D. Sean. Legal Regulation of Use of Force // American Journal of International Law. 2002. Vol. 96. N 1.

206. Neuman L. Gerald. The Uses of International Law in Constitution Interpretation // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. N 1.

207. Paust Jordan J. Agora. May the President violate customary International Law? Federal Statutes, Executive Orders and "Self-Executing Custom" // American Journal of International Law. 1987. Vol. 81. N 2.

208. Paust Jordan J. Agora. Self-executing treaties // American Journal of International Law. 1988. Vol. 82. N 4.

209. Ramsey D. Michael. International Materials and Domestic Rights: Reflections on Atkins and Lawrence // American Journal of International Law. 2004. Vol. 98. N 1.

210. Riesenfeld Stefan A. The Doctrine of Self-Executing Treaties and U. S. v. Postal: Win at any Price? // American Journal of International Law. 1980. Vol. 74. N 4.

211. Reisman W. Michael. International Law after the Cold War // American Journal of International Law. 1990. Vol. 84. N 4.

212. Reisman W. Sovereignty and Human Rights in Contemporary International Law // American Journal of International Law. 1990. Vol. 84. N 4.

213. Schabas William A. An introduction to the International Criminal Court. Second edition. Cambridge University Press, 2004.

214. Singer Michael. The Act of State Doctrine on the United Kingdom: an Analysis, with comparisons to United States Practice // American Journal of International Law. 1981. Vol. 75. N 2.

215. Sperduti G. Dualism and Monism: A Confrontation to be Overcome / 3 Ital / Y.B. Int'l L. 31, 1977.

216. Watson J.S. The Limited Utility of International Law in the Protection of Human Rights // American Journal of International Law. 1980. Proceedings of the 74th annual meeting.

217. Weil Prosper. Towards Relative Normativity in International Law // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. N 3.

Словари

218. Словарь международного права. М.: Международные отношения, 1986.

219. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York, 1996.

220. Collins Dictionary. Russian, English // Collins, Second edition, 2000.

Международные акты

221. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

222. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. N 9.

223. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 24 апреля 1963 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991.

224. Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991.

225. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. N 37.

226. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Права человека: Сборник международных договоров. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1978.

227. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. // Действующее международное право: В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. Т. 1.

228. Договор между Российской Федерацией и Королевством Бельгия о согласии и сотрудничестве от 8 декабря 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 3.

229. Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 5 марта 1996 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. N 1.

230. Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о социальном обеспечении от 11 апреля 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 2.

231. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г. // Бюллетень

международных договоров. 2002. N 5.

232. Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы // Бюллетень международных договоров. 2001. N 10.

233. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам // Бюллетень международных договоров. 2003. N 2.

234. Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Собрание законодательства РФ. 1998. N 2. Ст. 229.

235. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. N 7. Ст. 632.

236. Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об аренде объектов и боевых полей 929 Государственного летно-испытательного центра Российской Федерации, расположенных на территории Республики Казахстан, от 18 октября 1996 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. N 9.

237. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. N 2. Ст. 163.

238. Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожном движении, открытую для подписания в Вене 8 ноября 1968 г. // Бюллетень международных договоров. 2008. N 1.

239. Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

240. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

241. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

242. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

243. Международная конвенция о морских залогах и ипотеках от 6 мая 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 3.

244. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

245. Заключительный Акт по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977.

246. Конвенция 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. N 12. Ст. 244.

247. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. N 2. Ст. 163.

248. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими лицами или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 г. // Текст Конвенции был получен с помощью официального сайта Международного центра по урегулированию инвестиционных споров: www.worldbank.org/icsid.

249. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. N 48. Ст. 5493.

250. Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы от 25 апреля 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 8.

251. Конвенции, отменяющие требование легализации иностранных официальных документов, 1961 г. // Международное частное право: Учебное пособие. Г.К. Дмитриева, М.В. Филимонова. М.: Институт международного права и экономики, 1997.

252. Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, заключенные в Вене 11 апреля 1980 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994.

253. Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Румынии о сотрудничестве в области карантина и защиты растений от 3 мая 1997 г. // Бюллетень международных

договоров. 2005. N 1.

254. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 3.

255. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2004. N 2 (41).

256. Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28 марта 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. N 5.

257. Консульский договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 25 апреля 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 4.

258. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Венгерской Республикой от 12 января 2001 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 5.

259. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Эстонской Республикой от 2 декабря 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. N 1.

260. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Монголией от 25 марта 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 2.

261. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Индия от 21 декабря 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 1.

262. Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. Ст. 291.

263. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, основанный Резолюцией Совета Безопасности ООН 808 (1993) от 22 февраля 1993 г. Режим доступа: www.un.org.

264. Международный трибунал по Руанде, учрежденный Резолюцией Совета Безопасности 955 (1994) от 8 ноября 1994 г. Режим доступа: www.un.org.

265. Меморандум между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о понимании об уведомлениях о пусках ракет от 16 декабря 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. N 5.

266. Протокол о внесении изменений в Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея по вопросам выдачи виз от 18 марта 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. N 10.

267. Протокол между Правительством РФ и Правительством Республики Сан-Марино о сотрудничестве в области культуры, образования, спорта, туризма и торгово-экономической деятельности от 19 февраля 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. N 12.

268. Рамочное соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации от 21 мая 2003 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 8.

269. Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. Режим доступа: www.un.org.

270. Решение N 122 Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 27 апреля 2003 г. // Информационный бюллетень ЕвразЭС. 2003. N 5.

271. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных делах // Бюллетень международных договоров. 2003. N 7.

272. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о единстве управления таможенными службами от 16 мая 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 4.

273. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о торговом судоходстве от 22 февраля 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 6.

274. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватия о военно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 8.

275. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и сертификации от 24 октября 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 8.

276. Соглашение о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности // Бюллетень международных договоров. 2004. N 3.

277. Соглашение об информационном взаимодействии государств - членов Евразийского экономического сообщества по пограничным вопросам от 14 сентября 2001 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. N 7.

278. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Испания о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах от 14 июня 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 8.

279. Соглашение между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о порядке комплектования и прохождения военной службы гражданами Кыргызской Республики в Пограничных войсках Российской Федерации, находящихся на территории Кыргызской Республики, от 1 апреля 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 6.

280. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местной власти Социалистической Республики Вьетнам от 11 сентября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. N 6.

281. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики от 10 ноября 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. N 8.

282. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Канады о принципах и основах сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями и территориями Канады от 18 декабря 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. N 6.

283. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Испания о международном автомобильном сообщении от 22 мая 2001 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. N 10.

284. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Албания о воздушном сообщении от 23 июня 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 11.

285. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве и взаимодействии в обеспечении безопасности комплекса "Байконур", воинских формированиях Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан, и лиц, входящих в их состав // Бюллетень международных договоров. 2004. N 5.

286. Соглашения между Правительством Кыргызской Республики и Правительством РФ об урегулировании задолженности Кыргызской Республики перед Российской Федерацией // Бюллетень международных договоров. 2003. N 9.

287. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Грузия о воздушном сообщении от 8 октября 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 10.

288. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о научно-техническом сотрудничестве в области гидрометеорологии от 27 марта 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. N 10.

289. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан по вопросам юрисдикции о взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, от 21 января 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 3.

290. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Армения о регулировании процесса добровольного переселения // Бюллетень международных договоров. 2004. N 6.

291. Соглашение между Правительством РФ и Чешской Республикой, об организации ремонта вертолетов типа Ми-24 (Ми-35), Ми-171Ш (Ми-8, Ми-17) и их модернизации на территории Чешской Республики (временно применяется с 27 апреля 2001 г.) // Бюллетень международных договоров. 2007. N 12.

292. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Республики Узбекистан от 22 июля 2004 г. // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2004. N 8.

293. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Азербайджанской Республики от 19 апреля 1996 г. // Сборник международных соглашений МВД РФ. М.: Спарк, 1996.

294. Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Латвийской Республики о сотрудничестве в сфере борьбы организованной преступностью от 26 апреля 1996 г. // Сборник международных соглашений МВД РФ. М.: Спарк, 1996.

295. Статут Международного суда Организации Объединенных Наций. Действующее международное право: В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Ривчикова. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. Т. 1.

296. Статут Суда Евразийского экономического сообщества от 27 апреля 2003 г. // Информационный бюллетень ЕврАзЭС. 2003. N 5.

297. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 3.

298. Устав Содружества Независимых Государств // Бюллетень международных договоров. 1994. N 1.

299. Устав Организации Черноморского экономического сотрудничества от 5 июня 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. N 6.

300. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. N 3.

301. Устав Совета Европы от 5 мая 1949 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. N 12. Ст. 1390.

302. Совместное заявление Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина и Президента Республики Болгарии Георгия Пырванова о 125-й годовщине установления дипломатических отношений между Россией и Болгарией и перспективах развития дружественных отношений и многостороннего российско-болгарского сотрудничества от 7 июля 2004 г. // Дипломатический вестник. 2004. N 8.

Внутригосударственные нормативные правовые акты

303. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. N 237.

Федеральные конституционные законы Российской Федерации

304. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ "О военном положении" // Собрание законодательства РФ. 2002. N 5. Ст. 375.

305. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" (ред. от 16.10.2006) // Собрание законодательства РФ. 1997. N 9. Ст. 1011.

306. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" (ред. от 05.01.2005) // Собрание законодательства РФ. 1997. N 1. Ст. 1.

Федеральные законы Российской Федерации

307. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 02.10.2007) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. Специальное приложение к N 8. М.: ЮРИТ-Вестник, 2002.

308. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 (ред. от 06.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.

309. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1964. N 24. Ст. 407.

310. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 04.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532.

311. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ред. от 06.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1. Ст. 1.

312. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (утратили силу с 01.01.2008 в связи с принятием ФЗ от 18.12.2006 N 231-ФЗ).

313. Федеральный закон от 20 марта 2001 г. N 26-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод" (ред. от 30.12.2001) // Собрание законодательства РФ. 2001. N 13. Ст. 1140.

314. Федеральный закон от 30 апреля 1999 года N 82-ФЗ "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" (ред. от 26.06.2007) // Собрание законодательства РФ. 1999. N 18. Ст. 2208.

315. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. N 99-ФЗ "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" (ред. от 18.07.2006) // Собрание законодательства РФ. 1999. N 22. Ст. 2670.

316. Федеральный закон от 26 марта 1998 г. N 41-ФЗ "О драгоценных металлах и драгоценных камнях" (ред. от 24.07.2007) // Собрание законодательства РФ. 1998. N 13.

317. Федеральный закон РФ от 4 января 1999 года "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации" (ред. от 04.01.1999) // Собрание законодательства РФ. 1999. N 2. Ст. 231.

318. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" (в ред. Федерального закона РФ N 318-ФЗ от 1 декабря 2007 г.) (ред. от 01.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 1995. N 29. Ст. 2757.

319. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. N 14. Ст. 1514.

320. Федеральный закон РФ от 7 апреля 1999 г. N 70-ФЗ "О статусе наукограда Российской Федерации" (ред. от 18.10.2007) // Собрание законодательства РФ. 1999. N 15. Ст. 1750.

321. Федеральный закон от 9 января 1996 г. N 3-ФЗ "О радиационной безопасности населения" (ред. 22.08.2004) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 3. Ст. 141.
322. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ "О связи" (ред. от 29.12.2006) // Собрание законодательства РФ. 2003. N 28. Ст. 2895.
323. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. N 191-ФЗ "Об исключительной экономической зоне Российской Федерации" (ред. от 06.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 1998. N 51. Ст. 6273.
324. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. N 61-ФЗ "Об обороне" (ред. от 26.06.2007) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 23. Ст. 2750.
325. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (ред. от 21.07.2007) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 1.
326. Таможенный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 мая 2003 г. N 61-ФЗ (ред. от 30.10.2007) // Собрание законодательства РФ. 2003. N 22. Ст. 2066.
327. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ (ред. от 01.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 1997. N 2. Ст. 198.
328. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 06.12.2007) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. N 52. Ст. 4921.
329. Федеральный закон от 26 июля 2004 г. N 76-ФЗ "О присоединении Российской Федерации к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии" // Бюллетень международных договоров. 2004. N 10.
330. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ от (ред. от 01.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 3.
331. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 06.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.

Указы Президента Российской Федерации

332. Указ Президента РФ от 11 января 1993 г. N 11 "О порядке опубликования международных договоров РФ" (ред. от 01.12.1995) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. N 3. Ст. 182.
333. Указ Президента РФ от 1 декабря 1995 г. N 1207 "О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 1995. N 49. Ст. 4777.
334. Указ Президента РФ от 2 сентября 1997 г. N 972 "О мерах по выполнению Российской Федерацией Резолюции Совета Безопасности ООН в отношении создания международного механизма постоянного наблюдения и контроля за поставками в Ирак" (ред. от 01.09.2001) // Собрание законодательства РФ. 1997. N 36. Ст. 4128.
335. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2002 г. N 6 "О мерах по выполнению Резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г." // Собрание законодательства РФ. 2002. N 2. Ст. 137.

Иные подзаконные нормативные правовые акты Российской Федерации

336. Письмо ФНС РФ от 15.01.2009 N ВЕ-22-2/20@ "О направлении Перечня действующих двусторонних договоров Российской Федерации об избежании двойного налогообложения" (по состоянию на 01.01.2009) // Документы и комментарии. N 6. 2009.
337. Положение о переводном и простом векселе, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г.
338. Постановление Верховного Совета СССР от 23 мая 1990 г. N 1511-1 "О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров".
339. Письма Министерства юстиции РФ от 17 марта 1992 г. N 7-2/26 "О проставлении апостиля" и от 7 августа 1992 г. N 7-2/99 "О некоторых вопросах проставления апостиля" (утратило силу в связи с изданием приказа Минюста России от 19.02.2002. N 52).
340. Приказ Министерства юстиции РФ от 14 декабря 2006 г. N 363 "Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной регистрационной службой государственной функции по проставлению апостиля на официальных документах, подлежащих вывозу за границу".

Обзоры судебной практики <1>

<1> Список документов составлен в хронологическом порядке.

341. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. N 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. N 1.

341.1 Обзор кассационно-надзорной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам за 2000 г. // СПС "КонсультантПлюс".

342. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 12.

343. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. N 23 "О судебном решении" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. N 2.

344. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. N 2 "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. N 3.

345. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации: www.supcourt.ru.

346. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. N 52 "О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях" // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации: www.supcourt.ru.

347. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ "Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. N 12.

348. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2008 г. N 2 "О применении норм гражданского процессуального законодательства в суде надзорной инстанции в связи с принятием и введением в действие Федерального закона от 4 декабря 2007 г. N 330-ФЗ "О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" // Российская газета. 2008. N 34; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 4.

349. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. N 3 "О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и о прохождении военной или альтернативной гражданской службы" // Российская газета. 2008. N 76; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 6.

350. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. N 12 "О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции" // Российская газета. 2008. N 140.

351. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2007 г.: Обзор нормативных актов и судебной практики, касающихся обеспечения прав человека на свободу и личную неприкосновенность // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 5.

Перечень актов судов общей юрисдикции Российской Федерации
по конкретным делам, связанным с непосредственной
реализацией международно-правовых положений
и использованным при написании Общей и Особенной частей
настоящего курса <1> (на 1 января 2010 г.)

<1> Список судебных актов представлен в хронологическом порядке.

352. Постановление Верховного Суда РФ от 26 сентября 1996 г. Рассмотрение в порядке надзора приговора Кировского областного суда, согласно которому Комаров осужден по ч. 3 ст. 148, ч. 3 ст. 125 (1), ч. 2 ст. 218 УК РСФСР, Кощев - по ч. 3 ст. 148, ч. 3 ст. 125 (1), ч. 2 ст. 145, ч. 2 ст. 218 УК РСФСР, Недбаевский - по ч. 3 ст. 148 УК РСФСР, Храмцов - по ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 148 УК РСФСР, Комаров оправдан по ст. 77 и ч. 2 ст. 145 УК РСФСР, а все остальные - по ст. 77 УК РСФСР. Все они признаны виновными в мошенничестве, Комаров и Кощев, кроме того, - в похищении человека, в незаконном изготовлении и ношении холодного оружия, Кощев также - в открытом похищении личного имущества граждан, а Храмцов, помимо мошенничества, - в незаконном лишении свободы потерпевшего Михеева.

353. Определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 1996 г. по делу N 83-Г96-2. Рассмотрение в кассационном порядке заявления Курганского областного общественного движения "За честные выборы"

о признании недействительным решения Курганской областной Думы от 31.01.96 N 398, согласно которому выборы депутатов Курганской областной Думы должны пройти в декабре 1997 г, и возложении на Думу обязанности по назначению выборов в течение 3 месяцев.

354. Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 1997 г. по делу N 74-Г97-1. Рассмотрение кассационной жалобы цехового комитета профсоюза автоколонны N 3 автобазы Мирнинского горно-обогатительного комбината АК "Алмазы России - Саха" на решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 18 декабря 1996 г. по делу, связанному с заявлением директора Мирнинского ГОКа АК "Алмазы России - Саха" о признании забастовки, возникшей вследствие несвоевременной оплаты труда, незаконной.

355. Определение Верховного Суда РФ от 19 июня 1997 г. по делу N 4-Г97-13. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации Постановления Симферопольского районного суда (Украина) от 25 июля 1995 г. о взыскании алиментов.

356. Определение Верховного Суда РФ от 24 июня 1997 г. по делу N 74-Г97-4. Рассмотрение кассационной жалобы забастовочного комитета базы ЭРТОС на решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 7 августа 1996 г. по заявлению прокурора Республики Саха (Якутия) о признании незаконной забастовки работников базы электрорадиотехнического обеспечения самолетов (ЭРТОС) Колымо-Индигирского авиапредприятия.

357. Определение Верховного Суда РФ от 23 октября 1997 г. по делу N 87-Г97-2. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации Постановления Балтского районного суда Донецкой области (Украина) от 30 октября 1996 г. о взыскании алиментов.

358. Определение Верховного Суда РФ от 18 ноября 1997 г. по делу N 74-Г97-10. Рассмотрение кассационной жалобы трудового коллектива и стачечного комитета производственного предприятия тепловых сетей "Якутскгортеплосеть" на решение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 26 августа 1997 г. по заявлению администрации производственного предприятия тепловых сетей "Якутскгортеплосеть" о признании забастовки работников предприятия незаконной.

359. Определение Верховного Суда РФ от 20 ноября 1997 г. по делу N 4-Г97-22. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации Постановления Артемовского городского суда Донецкой области (Украина) от 4 октября 1996 г. о взыскании алиментов.

360. Определение Верховного Суда РФ от 4 декабря 1997 г. по делу N 44-Г97-9. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Приднестровского районного суда г. Черкассы от 26 октября 1995 г., согласно которому установлен факт родственных отношений.

361. Определение Верховного Суда РФ от 15 января 1998 г. по делу N 47-Г98-12. Рассмотрение в кассационном порядке Определения Оренбургского областного суда от 24 августа 1998 г., согласно которому в удовлетворении ходатайства о выдаче разрешения на принудительное исполнение на территории Российской Федерации решения Конотопского городского суда Сумской области Республики Украина от 20 февраля 1997 г. отказано.

362. Решение Верховного Суда РФ от 12 февраля 1998 г. по делу N ГКПИ98-4. Рассмотрение заявления о признании недействительным Постановления Правительства Российской Федерации от 30 декабря 1997 г. N 1660 "Об утверждении среднемесячной заработной платы в стране за IV квартал 1997 г. для исчисления и увеличения государственных пенсий с 1 февраля 1998 г. " в части установления размера среднемесячной заработной платы в стране за IV квартал 1997 г. в размере 760 тыс. рублей.

363. Определение Верховного Суда РФ от 24 марта 1998 г. по делу N 9-Г98-2. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействительными: Постановления Законодательного Собрания Нижегородской обл. от 19.03.96 N 38 "О принятии Закона области "Об основных принципах организации Законодательного Собрания Нижегородской обл.", п. 3 данного Постановления, Закона Нижегородской обл. "Об основных принципах организации Законодательного Собрания Нижегородской обл." и всех нормативных актов, принятых Законодательным Собранием после 19.03.96.

364. Определение Верховного Суда РФ от 8 мая 1998 г. по делу N 56-Г97-8. Рассмотрение кассационной жалобы забастовочного комитета цеха N 36 ОАО "ХК "Дальзавод" на решение судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 10 марта 1998 г., которым было удовлетворено заявление администрации ОАО "ХК "Дальзавод" по тем основаниям, что при проведении забастовки работниками цеха не были соблюдены примирительные процедуры и сроки предупреждения администрации о начале забастовки.

365. Определение Верховного Суда РФ от 25 июня 1998 г. по делу N 87-Г98-1. Рассмотрение в кассационном порядке дела, связанного с принудительным исполнением на территории Российской Федерации решения Евпаторийского суда Республики Крым от 11 июня 1997 г. о взыскании с УВД

Костромской области в пользу Т. денежных сумм в возмещение материального ущерба и морального вреда.

366. Определение Верховного Суда РФ от 2 июля 1998 г. по делу N 77-г98-5. Рассмотрение в кассационном порядке дела, касающегося признания и разрешения принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Зырянского городского суда Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан от 27.05.96 с Л.Г. в пользу Л. о взыскании алиментов на содержание дочери Елены, 16.01.96 года рождения, в размере 1/4 части всех видов заработка и на содержание самой Л.Г. в размере 4-кратного размера минимальной заработной платы до 16.01.99.

367. Определение Верховного Суда РФ от 31 июля 1998 г. по делу N 67-г98-4. Рассмотрение в кассационном порядке дела, связанного с ходатайством о признании и принудительном исполнении на территории Российской Федерации постановлений Высшего арбитражного суда Украины от 27.03.97 и 11.07.97, подтвердивших, соответственно, право собственности за УВЭА "Контакт" на самолет ИЛ-86 и обязывающих авиакомпанию "Сибирь" выделять транспортное средство ООО "УВЭА "Контакт".

368. Определение Верховного Суда РФ от 7 августа 1998 г. по делу N 5-Г98-49. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении следующих судебных актов: решения Таллинского городского суда от 15 января 1997 г., согласно которому АО "Таллинн Эйр Карго" было объявлено банкротом и назначен управляющий банкротом; Определение того же суда от 14 января 1997 г., в силу которого были приняты меры по обеспечению иска кредиторов: АО "Таллинн Эйр Карго" было запрещено совершать любые сделки, направленные на отчуждение или аренду, в отношении транспортного самолета ИЛ-76 ТД, которым пользуется АО "Крыло", который занесен в Государственный реестр гражданских воздушных судов Российской Федерации и находится на аэродроме г. Жуковский под Москвой. Определением того же суда от 23 декабря 1997 г. Главной инспекции по безопасности полетов гражданских воздушных судов ФАС России было предписано восстановить в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации статус АО "Таллинн Эйр Карго" как единственного законного собственника транспортного самолета ИЛ-76 ТД и аннулировать все остальные оформленные документы в отношении этого самолета как юридически ничтожные.

369. Определение Верховного Суда РФ от 17 августа 1998 г. по делу N 10-В98-4. Рассмотрение в надзорном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения коллегии по хозяйственным спорам Алматинского городского арбитражного суда Республики Казахстан от 27 мая 1997 г. по делу N 1023/13/6 с АО "Спичечная фабрика "Белка" г. Слободского Кировской области о взыскании в пользу производственной коммерческой фирмы "КАРЭ" 413887022 руб. и расходов по госпошлине.

370. Определение Верховного Суда РФ от 21 августа 1998 г. по делу N 5-Г98-52. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Высшего арбитражного суда Украины от 30 июня 1995 г., которым удовлетворены требования прокурора г. Бердянска в интересах ПО "Юждормаш" (в настоящее время - ОАО "Дормаш") о взыскании с В/О "Стройдормашэкспорт" по контракту от 7 июля 1992 г. N 67/075-50 156 тыс. долларов США.

371. Определение Верховного Суда РФ от 21 августа 1998 г. по делу N 5-Г98-54. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации Постановления Комсомольского районного суда г. Херсона от 18.04.1997, которым удовлетворены иски о взыскании алиментов на содержание дочери Натальи, родившейся 10.05.1996.

372. Решение Верховного Суда РФ от 26 августа 1998 г. по делу N ГКПИ98-357. Рассмотрение заявления о признании недействительным пункта 2.1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090, в соответствии с которым при движении на транспортном средстве, оборудованном ремнями безопасности, водители обязаны быть пристегнуты и не перевозить пассажиров, не пристегнутых ремнями.

373. Определение Верховного Суда РФ от 28 августа 1998 г. Рассмотрение в надзорном порядке обращения Гнутова к авиакомпании "Сахалинские авиатрассы", связанного с возмещением материального ущерба и компенсацией морального вреда.

374. Решение Верховного Суда РФ от 30 августа 1998 г. по делу N ГКПИ98-358. Рассмотрение заявления о признании недействительной ч. 3 п. 2 Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. N 926 (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 9 октября 1995 г. N 988).

375. Определение Верховного Суда РФ от 8 сентября 1998 г. по делу N 58-Г98-8. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействительным постановления главы администрации Хабаровского края от 1 июня 1998 г. N 235 "О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с пассажирами маршрутных такси городского, пригородного и

междугородного сообщения на территории Хабаровского края".

376. Определение Верховного Суда РФ от 17 сентября 1998 г. по делу N 57Г98-8. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории России (г. Белгород) решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Украины от 12 мая 1997 г., согласно которому ИЧП "Ольга" обязано уплатить Кременчугской кондитерской фабрике 48815443 рублей.

377. Решение Верховного Суда РФ от 8 октября 1998 г. N ГКПИ98-490. Рассмотрение заявления о признании незаконными пунктов 33 и 34 Правил сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. N 831.

378. Определение Верховного Суда РФ от 13 октября 1998 г. С учетом ст. 76 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам стран - участниц СНГ от 22 января 1993 г. постановление президиума Нижегородского областного суда было отменено, приговор и определение судебной коллегии областного суда изменены: исключено осуждение Борисова по п. "б" ч. 2 ст. 158 УК РФ, в остальном оставлены без изменения.

379. Определение Верховного Суда РФ от 29 октября 1998 г. по делу N 18-Г98-11. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории России решения Жовтневого районного суда г. Днепропетровска Украины от 27.01.97, с А.В. в пользу А.М. взысканы алименты на содержание сына Максима, 20.01.95 года рождения, в размере: 1/4 части всех видов заработка и госпошлина в доход государства в сумме 34 гривен.

380. Определение Верховного Суда РФ от 2 ноября 1998 г. по делу N 4-Г98-16. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на определение Московского областного суда от 22 июля 1998 г., которым отказано в удовлетворении ходатайства гражданина Финляндской Республики Ю. о признании и разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Надворного суда г. Вааса (Финляндская Республика) от 25 марта 1997 г. N 443 о вверении несовершеннолетнего ребенка Ю.Т. исключительно на попечение отца.

381. Определение Верховного Суда РФ от 12 ноября 1998 г. по делу N 41-Вл98-20. Рассмотрение в надзорном порядке ходатайства о признании и разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Таллинского городского суда Эстонской Республики от 21 июля 1995 г., согласно которому с П.С. в пользу П.Т. на содержание сыновей Николая, 6 августа 1981 года рождения, и Владимира-Рината, 9 июня 1988 года рождения, взысканы алименты.

382. Определение Верховного Суда РФ от 19 ноября 1998 г. по делу N 78-Г98-38а. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Арбитражного суда г. Стокгольма от 30 июня 1997 г., согласно которому АО "Нева Чупа-Чупс" обязано выплатить АО "Кваттроджемини ЛТД" денежные средства.

383. Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 1998 г. по делу N 77-Г98-8. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о признании и разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения суда сектора Чокана г. Кишинева Республики Молдова от 25.09.96, которым с Ч.В. взысканы алименты на содержание сына Ч.Е., 31.10.89 года рождения.

384. Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 1998 г. по делу N 16-Г98-10. Рассмотрение в кассационном порядке дела, связанного с ходатайством о признании и разрешении принудительного исполнения на территории России решения Таллинского городского суда Эстонии от 10.11.97, которым с Г. взысканы алименты ежемесячно в размере 500 крон на содержание сына Г.И.

385. Определение Верховного Суда РФ от 3 декабря 1998 г. по делу N 78-Г98-40. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения суда Сморгонского района и г. Сморгони Гродненской области Республики Беларусь о взыскании алиментов с К.М. на содержание дочери Марии, 20 сентября 1991 года рождения.

386. Определение Верховного Суда РФ от 10 декабря 1998 г. по делу N 16-Г98-11. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации Постановления Мирабадского районного суда г. Ташкента (Республика Узбекистан) от 20 мая 1998 г. о взыскании алиментов с В.Е. в пользу В.

387. Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 1998 г. по делу 5-Г98-72. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении решения Арбитражного суда Лондона от 24 сентября 1997 г. о взыскании с Санкт-Петербургского судостроительного завода "Северная верфь" (ранее известного как Ленинградский судостроительный завод "Северная верфь") и Всесоюзной хозрасчетной внешнеэкономической торговой ассоциации "Судозэкспорт" солидарно в пользу "Коустинг Балк Пул Корпорейшен" 700000 долларов США, процентов на указанную сумму и судебных расходов.

388. Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 1998 г. по делу N 35-Г98-13. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении решения суда г. Бобруйска (Украина) от 12 мая 1997 г. о взыскании алиментов с Г.В. в пользу Г.Т.

389. Определение Верховного Суда РФ от 11 января 1999 г. по делу N 16-B98пр-39. Рассмотрение в надзорном порядке заявления о наложении ареста на имущество ЗАО "Волга-Алекс" в виде 4000 тонн металлического лома, находящегося в Волгоградском речном порту, во исполнение постановления председателя Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации от 16 июля 1998 г., которым в обеспечение имеющегося в производстве этого суда иска компании предоставлено право обратиться в компетентный суд с просьбой о наложении ареста на указанное имущество, если ответчиком не будет предоставлена истцу в трехдневный срок банковская гарантия.

390. Определение Верховного Суда РФ от 12 января 1999 г. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства об усыновлении несовершеннолетнего ребенка гражданами США - супругами Розенберг.

391. Определение Верховного Суда РФ от 28 января 1999 г. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения народного суда г. Хельсинки от 2 января 1998 г., согласно которому общий ребенок гражданки Российской Федерации Сбоевой и гражданина Финляндии Пааво Куллерво Исаксона - Мария Сбоева (17 января 1995 года рождения) доверен на попечительство ее отцу, а Сбоева обязана выплачивать алименты на дочь в размере 300 марок ежемесячно до исполнения дочери 18 лет, а также определен порядок общения матери с ребенком.

392. Решение Верховного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. по делу N ГКПИ98-801. Рассмотрение жалобы о признании незаконным Указа Президента РФ от 11 декабря 1998 г. N 1561, которым в связи с прекращением полномочий мэра г. Владивостока в соответствии с п. 1 ст. 59 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", а также с учетом предложений руководителей местного самоуправления Приморского края и г. Владивостока губернатору Приморского края предписано до избрания в установленном порядке главы муниципального образования г. Владивостока назначить исполняющего обязанности мэра г. Владивостока.

393. Определение Верховного Суда РФ от 25 февраля 1999 г. по делу N 1-Г99-1. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации заочного решения Нарвского городского суда Республики Эстония от 26.06.96 о взыскании алиментов.

394. Определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 1999 г. по делу N 5-Г99-5. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства фирмы "Бардон Консолидейтед ЛТД" об отмене решения арбитража "ад хок" от 18 ноября 1997 г. по иску ТОО "Центр нововведений в инвестиционной сфере "Ла Вида" к фирме "Бардон Консолидейтед ЛТД".

395. Определение Верховного Суда РФ от 4 марта 1999 г. по делу N 78-Г99-1. Рассмотрение в кассационном порядке дела о принудительном исполнении решения Санкт-Петербургского международного коммерческого арбитража от 04.07.97 о взыскании с АО "Балтийское морское пароходство" в пользу компании "Ворон Лайнз Корпорейшн" убытков.

396. Определение Верховного Суда РФ от 25 марта 1999 г. по делу N 4-Г99-4. Рассмотрение в кассационной инстанции ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Шевченковского районного суда г. Киева (Украина) от 14 апреля 1998 г.

397. Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 1999 г. по делу N 78-Г99-18. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения Постановления судьи Ленинского районного суда г. Уральска Республики Казахстан от 9 июля 1987 г. о взыскании с У.Е. алиментов на содержание детей.

398. Определение Верховного Суда РФ от 22 июля 1999 г. по делу N 4-B99-103. Рассмотрение в надзорном порядке дела по иску С. к Н. о передаче ребенка на воспитание и встречному иску Н. к С. об ограничении родительских прав С. и передаче ребенка на воспитание.

399. Определение Верховного Суда РФ от 21 сентября 1999 г. Рассмотрение в порядке надзора жалобы на действия командира войсковой части, отказавшего старшему прапорщику Кренцу (ранее проходившему службу на территории Республики Таджикистан, а затем переведенному к новому месту службы в г. Ижевск) в компенсации понесенных расходов на проезд его с женой в очередной отпуск в г. Худжанд Республики Таджикистан и обратно и перевозку личного имущества в 20-тонном контейнере из г. Худжанда в г. Ижевск.

400. Определение Верховного Суда РФ от 19 октября 1999 г. по делу N 5-Г99-81. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства и принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Алматинского городского суда Республики Казахстан от 5 ноября 1998 г.

401. Определение Верховного Суда РФ от 12 ноября 1999 г. по делу N 5-Г99-29. Рассмотрение в порядке надзора дела по заявлению Разина Вячеслава Николаевича об обязанности жилищного комитета Южного административного округа г. Москвы поставить его на учет для обеспечения жилым помещением.

402. Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 1999 г. по делу N 78-B99-13. Рассмотрение в порядке надзора дела по заявлению граждан США К.Р. и К.М. об установлении удочерения

несовершеннолетней У.

403. Определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 1999 г. по делу N 56-Г99-21. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению заместителя прокурора Приморского края о признании незаконной регистрации независимой профсоюзной организации работников надзорно-контрольных органов г. Владивостока и о запрете ее деятельности.

404. Решение Верховного Суда РФ от 8 декабря 1999 г. по делу N ГКПИ99-1014. Рассмотрение дела о признании недействительным Приказа Министра обороны Российской Федерации от 2 сентября 1994 г. N 300 "О порядке реализации льгот по проезду и перевозкам личного имущества военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей".

405. Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 1999 г. по делу N 83-Г98-4. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению прокурора Брянской области о признании частично недействительным Закона Брянской области "О профилактике правонарушений в Брянской области".

406. Определение Верховного Суда РФ от 11 января 2000 г. по делу N 93-Г99-9. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Новолынского городского суда Украины от 26 июня 1998 г.

407. Решение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. по делу N ВКПИ99-032. Рассмотрение дела о признании не соответствующим Закону Постановления Правительства РФ от 6 июля 1994 г. N 806 "О некоторых вопросах реализации льгот по проезду и перевозкам личного имущества военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, установленных Законом РФ "О статусе военнослужащих" в части лишения военнослужащих и членов их семей права на бесплатный проезд к местам использования отпуска и обратно по территории государств Содружества Независимых Государств (СНГ).

408. Определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. по делу N 24-В00пр-2. Рассмотрение в надзорном порядке дела по жалобе Ж. и других на решение малого Совета Майкопского городского Совета народных депутатов.

409. Определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2000 г. по делу N КАС00-97. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе Жириновского В.В. на Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 17 февраля 2000 г. N 84/999-3 "Об отказе в регистрации кандидата на должность Президента РФ В.В. Жириновского, выдвинутого избирательным объединением "Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)".

410. Определение Верховного Суда РФ от 28 апреля 2000 г. по делу N 50-Г00-5. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства супругов Г., граждан ФРГ, об установлении удочерения.

411. Определение Верховного Суда РФ от 5 мая 2000 г. по делу N 5-Г00-51. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства открытого акционерного общества "РТИ-каучук" об отмене решения Лондонского международного арбитражного суда от 19 ноября 1999 г.

412. Определение Верховного Суда РФ от 13 июля 2000 г. по делу N 20-Г00-4. Рассмотрение в кассационном порядке дела по иску М. к Министерству Российской Федерации о компенсации морального вреда в связи с незаконным осуждением.

413. Решение Верховного Суда РФ от 16 августа 2000 г. по делу N ГКПИ00-640. Рассмотрение дела о признании недействующими и не подлежащими применению п. п. 2, 3, 4, 5, 6 Положения о порядке выплаты денежных средств на питание, приобретение одежды, обуви, мягкого инвентаря для детей, находящихся под опекой (попечительством), утвержденного Приказом Министерства образования Российской Федерации от 19 августа 1999 г. N 199.

414. Определение Верховного Суда РФ от 14 сентября 2000 г. по делу N 2-Г00-7. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации Постановления Высокопольского районного суда Херсонской области Украины от 2 июня 1998 г. о взыскании алиментов.

415. Определение Верховного Суда РФ от 2 октября 2000 г. по делу N 26-Г00-6. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению прокурора Республики Ингушетия о признании противоречащими федеральному законодательству, недействующими и не подлежащими применению статей 2, 13 и 3, 15 и 2, 22, 35 Закона Республики Ингушетия "О местном самоуправлении в Республике Ингушетия".

416. Решение Верховного Суда РФ от 19 октября 2000 г. по делу N ГКПИ2000-1084. Рассмотрение дела о признании недействительным Постановления Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 28 апреля 1993 г. N 396 "О регистрации кино- и видеофильмов и регулировании их публичной демонстрации".

417. Определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2000 г. по делу N 5-В00-172. Рассмотрение в порядке надзора иска гражданки США Марты Херцог Вайс де Шепель Ниренберг к Правительству Российской Федерации о признании права собственности на коллекцию картин, принадлежавшую ее матери, конфискованную в мае 1944 г. и вывезенную в Германию.

418. Решение Верховного Суда РФ от 16 ноября 2000 г. по делу N ГКПИ00-1195. Рассмотрение

дела по жалобе профсоюза сотрудников милиции г. Москвы о признании частично недействительной (незаконной) Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 14 декабря 1999 г. N 1038.

419. Определение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2000 г. по делу N 5-Г00-122. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения арбитража при Международной федерации ассоциации масел, семян и жиров (ФОСФА) от 1 марта 1999 г. и решения Апелляционного совета от 3 августа 1999 г.

420. Решение Верховного Суда РФ от 16 января 2001 г. по делу N ГКПИ00-1438. Рассмотрение дела о признании незаконным п. 15.3 Правил проведения государственного технического осмотра транспортных средств Государственной инспекцией безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации, утвержденных Приказом МВД РФ от 15 марта 1999 г. N 190.

421. Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2001 г. по делу N 45-Г01-01. В удовлетворении жалобы о признании недействующим и не подлежащим применению подп. 12 п. 2 ст. 3 Закона Свердловской области от 27.11.1998 N 40-ОЗ "О налоге с продаж" (в ред. Закона Свердловской области от 01.08.2000 N 18-ОЗ) отказано правомерно, поскольку обжалуемый нормативный акт принят законодательным органом субъекта РФ в пределах своей компетенции и не противоречит федеральному законодательству.

422. Определение Верховного Суда РФ от 12 февраля 2001 г. по делу N 18-Г01-2. Рассмотрение в кассационном порядке дела о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Международного арбитражного суда города Пирей (Греция) о взыскании с Новороссийской государственной морской академии в пользу фирмы "Си Фейт Венчурс С.А." денежных сумм.

423. Определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2001 г. по делу N 58-Г01-08. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению дочернего государственного унитарного предприятия "Управление строительства N 73" федерального государственного унитарного предприятия "Управление специального строительства "Дальспецстрой" о признании забастовки незаконной.

424. Решение Верховного Суда РФ от 6 марта 2001 г. по делу N ГКПИ01-44. Рассмотрение дела о признании незаконным приложения 12 к Инструкции об организации в органах внутренних дел производства по делам об административных нарушениях Правил дорожного движения и иных норм, действующих в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденной Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 23 марта 1993 г. N 130, в редакции от 12 октября 1999 г. N 797.

425. Решение Верховного Суда РФ от 20 марта 2001 г. по делу N ГКПИ01-62. Рассмотрение дела о признании незаконным пункта 10 Правил рассмотрения заявлений о государственной регистрации общественных объединений в Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 6 октября 1997 г. N 19-01-122-97.

426. Решение Верховного Суда РФ от 9 апреля 2001 г. по делу ГКПИ01-754. Рассмотрение дела о признании недействительным абзаца 24 пункта 2 Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. N 725.

427. Решение Верховного Суда РФ от 9 апреля 2001 г. по делу ГКПИ2001-622. Рассмотрение дела о признании не соответствующим закону п. 7.3 приложения к Основным положениям по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностям должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения, утвержденным Постановлением Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090.

428. Определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2001 г. по делу N 45-Г01-15. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействительными и не порождающими правовых последствий подпунктов 2 и 3 пункта 3.8 Положения "О стаже государственной службы государственного служащего Свердловской области", утвержденного Указом губернатора Свердловской области от 15 июля 1996 г. N 274, предусматривающих, что в стаж государственной службы государственного служащего включаются, в частности, периоды работы на освобожденных выборных должностях в центральных профсоюзных органах Союза ССР, профсоюзных органах союзных республик, краев, областей, городов, районов, в аппаратах этих органов, а также на освобожденных выборных должностях в органах ЦК КПСС, в ЦК КП союзных республик, крайкомов, обкомов и райкомов, горкомов, в аппаратах этих органов.

429. Определение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2001 г. по делу N 3-Г01-10. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению прокурора Республики Коми о признании противоречащими федеральному законодательству и недействующими, не подлежащим применению ч. 1 ст. 2; ст. 3; ч. 3 ст. 9; ст. 10; ст. 20; ч. 2 ст. 23; ч. 1 и 2 ст. 33; ч. 3 ст. 36; ст. 48; ст. 59; ч. 2 ст. 61; ч. 2 ст. 71; п. 4 ст. 73; ч. 1 ст. 81; п. 1 ст. 85 в части, устанавливающей, что глава Республики Коми обеспечивает права и свободы граждан Республики Коми, безопасность и территориальную целостность республики; ст. 94; п. "в" ч. 2 и ч. 3 ст. 100 Конституции Республики Коми.

430. Определение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2001 г. по делу N 5-Г01-35. Рассмотрение в кассационном порядке заявления компании "Сокофл Стар Шиппинг Инк." о разрешении принудительного исполнения решения третейского арбитражного суда, действующего по правилам Лондонской ассоциации арбитров по морским делам, от 30 июня 1999 г. на территории Российской Федерации.

431. Решение Верховного Суда РФ от 17 апреля 2001 г. по делу N ГКПИ2001-477. Рассмотрение дела о признании недействительными подп. "в" п. 2 и п. 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2000 г. N 1010 "О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации".

432. Решение Верховного Суда РФ от 24 апреля 2001 г. по делу N ВКПИ01-23. Рассмотрение дело по жалобе генерал-майора запаса Юдина Николая Владимировича на действия Президента Российской Федерации, Министра обороны Российской Федерации, Главнокомандующего РВСН и командира войсковой части 13991, связанные с увольнением заявителя с военной службы без обеспечения жильем, и о взыскании в пользу заявителя с Главнокомандующего РВСН и командира войсковой части 13991 по 60 тыс. рублей в возмещение причиненного ему морального вреда.

433. Определение Верховного Суда РФ от 26 апреля 2001 г. по делу N 5-Г02-40. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству компании "Симпсон Трейдинг Лимитед" об отмене решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации от 13 сентября 2001 г.

434. Определение Верховного Суда РФ от 22 мая 2001 г. по делу N КАС01-165. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействующим абзаца 24 пункта 2 Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 сентября 2000 г. N 725.

435. Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2001 г. по делу N КАС01-153. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе ОАО "Костромская городская телефонная сеть" на абзац 2 пункта 4 Положения о лицензировании деятельности в области связи в Российской Федерации.

436. Решение Верховного Суда РФ от 9 августа 2001 г. по делу N ГКПИ01-1146/1149. Рассмотрение дела о признании незаконным Постановления Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 "Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю на территории Российской Федерации" в части включения в список наркотических средств амфетамина (фенамина).

437. Определение Верховного Суда РФ от 28 августа 2001 г. по делу N 5-Г01-104. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействительным решения Апелляционной палаты Роспатента от 25 ноября 1992 г. по основаниям возражений компании "ЮДВ Норт Америка инк." против регистрации товарного знака ТОО "П.А. Смирнов и потомки в Москве" N 99074 "П.А. Смирнов и потомки в Москве"; о признании недействительным п. 1 резолютивной части решения Апелляционной палаты Роспатента от 25 ноября 1992 г. по возражениям "ЮДВ Норт Америка инк." против регистрации товарного знака ТОО "П.А. Смирнов и потомки в Москве" N 99075 "Торговый дом Петра Смирнова" и N 99075 по основаниям возражений "ЮДВ Норт Америка" в Апелляционной палате Роспатента; о признании товарных знаков "SMIRNOFF" и "PIERRE SMIRNOFF" общеизвестными на 30 апреля 1991 г., (4) о признании неправомерными действий ВНИИГПЭ по принятию заявок N 134458 и 134459 ТОО (МГП) "П.А. Смирнов и потомки в Москве" на регистрацию товарных знаков, впоследствии зарегистрированных под N 99074 и 99075, и по установлению приоритета по дате подачи заявок 30 апреля 1991 г.; которым отказано в удовлетворении заявления ТОО "П.А. Смирнов и потомки в Москве" о признании недействительным решения Апелляционной палаты Роспатента в части признания недействительным товарного знака N 99075 и дискламации фамилии "Смирнов" в товарном знаке N 99074, о признании недействительным решения ВНИИГПЭ о регистрации товарных знаков N 110924 и N 110925 компании "Хьюблайн инк." и их регистрации.

438. Определение Верховного Суда РФ от 30 августа 2001 г. по делу N 38-Г01-15. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействующими п. 13 ст. 23 Закона Тульской области "О выборах губернатора - главы исполнительного органа государственной власти Тульской области", п. 8 ст. 17 Закона Тульской области "Об избирательной комиссии Тульской области".

439. Определение Верховного Суда РФ от 3 сентября 2001 г. по делу N 38-Г01-17. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о признании и разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Лозовского городского суда Харьковской области от 15 июня 2000 г. о взыскании алиментов.

440. Решение Верховного Суда РФ от 20 сентября 2001 г. по делу N ГКПИ2001-1409. Рассмотрение дела о признании недействительными пунктов 1 и 4 Указания Министерства социальной защиты населения РФ от 18 января 1996 г. N 1-1-У "О применении законодательства о пенсионном обеспечении в отношении лиц, прибывших на жительство в Россию из государств - бывших республик Союза ССР" в части, предусматривающей обязательное наличие у гражданина регистрации по месту жительства на

территории Российской Федерации, необходимой для назначения и выплаты пенсии.

441. Определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2001 г. по делу N 70-Г01-4. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Шосткинского городского суда Сумской области от 11 сентября 2000 г. о взыскании алиментов.

442. Определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2001 г. по делу N 5-Г01-118. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству ОАО "Реалбаза-1" и фирмы "Лираль Трейдинг Интернэшнл ЕСТ" о признании и приведении в исполнение решений Лондонского суда международного арбитража от 19.11.1999, 15.05.2000 и 26.03.2001.

443. Определение Верховного Суда РФ от 12 октября 2001 г. по делу N 58-Г01-51. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействительным постановления главы администрации Хабаровского края от 29.10.98 N 419 "Об утверждении Положения о социально-культурной деятельности на архитектурном комплексе "Площадь имени В.И. Ленина города Хабаровска" в связи с вводом в эксплуатацию после реконструкции" и о восстановлении его конституционного права на возможность организации, проведения и участия в митингах, пикетах и других массовых (в том числе и политических) акций на площади им. В.И. Ленина в г. Хабаровске.

444. Определение Верховного Суда РФ от 27 декабря 2001 г. по делу N 78-впр01-36. Рассмотрение в порядке надзора дела по иску к ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области о восстановлении на службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

445. Определение Верховного Суда РФ от 11 января 2002 г. по делу N 5-Г01-168. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Украины от 19 декабря 2000 г. о взыскании денежных средств с ООО "НПП "Транссервис" в пользу компании "Треке Шиппинг Лимитед".

446. Решение Верховного Суда РФ от 21 января 2002 г. по делу ГКПИ2001-1420, 1422, 1753. Рассмотрение дел по жалобам <1> о признании незаконными и недействующими пунктов 3 и 4 Постановления Правительства РФ от 28 апреля 2000 г. N 380 "О реорганизации системы государственного надзора за связью и информатизацией в Российской Федерации"; пункта 2.2 Порядка зачисления и использования средств, полученных за счет отчислений организаций, предоставляющих услуги в области связи и информатизации, на финансирование деятельности управлений по надзору за связью и информатизацией в субъектах Российской Федерации, утвержденного Приказом Министерства РФ по связи и информатизации от 8 декабря 2000 г. N 209, Приказа Министерства РФ по связи и информатизации от 18 апреля 2001 г. N 126 "О введении норматива отчислений".

<1> Ряд дел был объединен в одно производство.

447. Определение Верховного Суда РФ от 22 января 2002 г. по делу КАС02-12. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе о признании недействующими пунктов 2.1, 3.1, 3.5, 3.6, 3.7, 3.8, а также пункта 1.3 (в части примечания к нему); пунктов 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 15 Приложения N 1 (о форме заявления) Инструкции о порядке оформления и выдачи паспортов гражданам РФ для выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, утвержденной Приказом МВД России от 26 мая 1997 г. N 310 (в ред. Приказов от 30 июня 1998 г. N 394 и от 7 апреля 2000 г. N 360), по жалобе заявителя на решение Верховного Суда РФ от 5 ноября 2001 г., которым в удовлетворении заявленного требования отказано.

448. Решение Верховного Суда РФ от 31 января 2002 г. по делу N ГКПИ2002-12. Рассмотрение жалобы о признании незаконным и изменении Указа Президента РФ от 25 мая 1999 г. N 648 "О помиловании" в части замены ему, в порядке помилования, смертной казни пожизненным лишением свободы.

449. Определение Верховного Суда РФ от 12 февраля 2002 г. по делу N 66-Г02-1. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению граждан США супругов Р.Х. и Д.Х. об установлении усыновления.

450. Определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2002 г. по делу N 78-Г02-1. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству компании "АТА Инсаат Санайи Ве Тикарет Лтд." (Турция, Стамбул) о признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации решения Третейского суда Торгово-промышленной палаты Женевы от 3 октября 2000 г.

451. Решение Верховного Суда РФ от 22 февраля 2002 г. по делу N ГКПИ2001-1469. Рассмотрение жалобы о признании недействительным Постановления Правительства РФ от 12 декабря 1995 г. N 1222 "О лицензировании международной туристической деятельности".

452. Решение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2002 г. по делу N ГКПИ2001-1660. Рассмотрение дела по заявлению о признании не соответствующим действующему законодательству распоряжения Правительства Российской Федерации от 15 октября 1998 г. N 1483-р, разрешающего прием из Венгерской Республики на переработку ограниченного количества отработавшего ядерного топлива

атомной электростанции "Пакш", сооруженной при технической помощи СССР в Венгерской Республике, от 16 июля 1997 г.

453. Определение Верховного Суда РФ от 4 марта 2002 г. по делу N 34-Г02-2. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства корпорации "Кола Салмон Маркетинг, Инк" о разрешении принудительного исполнения решения Торговой палаты Арбитражного института г. Стокгольма на территории Российской Федерации.

454. Определение Верховного Суда РФ от 4 марта 2002 г. по делу N 35-Г02-4. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству о признании и разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации постановления Волочического районного суда Хмельницкой области Украины о взыскании алиментов.

455. Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2002 г. по делу N 93-Г02-1. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству о признании и разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Алчевского городского суда Луганской области Украины от 9 апреля 2001 г.

456. Определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2002 г. по делу N 78-Г02-9. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству Я. о признании на территории Российской Федерации решения Окружного суда Алкмаара Королевства Нидерланды о расторжении брака.

457. Определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2002 г. по делу N 57-Г02-4. Рассмотрение в кассационном порядке дела по иску Г.А.Л. и других (всего 41 человек) к Новооскольскому, Валуйскому, Ровеньскому, Краснояружскому, Ракитянскому, Яковлевскому РОВД, УВД Белгородской области, МВД России и Объединенной группировке войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации о взыскании денежных выплат и признании приказов недействительными, согласно которым им (заявителям) частично были включены дни участия в боевых действиях за период нахождения в командировке и в соответствии с этими приказами оплата произведена не полностью.

458. Определение Верховного Суда РФ от 26 марта 2002 г. по делу N 93-Г02-2. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобам о признании противоречащим федеральному законодательству в части упразднения муниципального образования "Ольский поссовет" Закона Магаданской области от 26 декабря 2001 г. N 214-ОЗ "Об упразднении муниципальных образований, не являющихся внутригородскими, расположенных в границах территории муниципального образования "город Магадан".

459. Определение Верховного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. по делу N 5-Г02-23. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства компании "Каргилл Интернэшнл С.А." о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения арбитража Торгово-промышленной палаты Женевы от 6 апреля 2000 г.

460. Определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. по делу N 66-Г02-9. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению гражданина Австралии Т.А.В. и гражданки США Т.Д.Э. об установлении усыновления.

461. Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2002 г. по делу N 66-Г02-10. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению гражданина США Ф. об установлении усыновления.

462. Решение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2002 г. по делу N ГКПИ2002-38. Рассмотрение дела по заявлению об отмене п. 5 Положения о порядке подготовки и аттестации работников организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, подконтрольные Госгортехнадзору России, утвержденного Постановлением Госгортехнадзора России от 11 января 1999 г. N 2.

463. Определение Верховного Суда РФ от 23 апреля 2002 г. по делу N 5-Г02-37. Рассмотрение в кассационном порядке дела, связанного с ходатайством фирмы "БОНН Фляйш Экс унд Импорт ГмБХ" об отмене решения Коммерческого арбитража при Московской торгово-промышленной палате от 10 сентября 2001 г.

464. Определение Верховного Суда РФ от 25 апреля 2002 г. по делу N КАС02-189. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе о признании незаконным и изменении Указа Президента РФ от 25 мая 1999 г. N 648 "О помиловании" в части замены заявителю, в порядке помилования, смертной казни пожизненным лишением свободы.

465. Определение Верховного Суда РФ от 29 апреля 2002 г. по делу N 91-Г02-7. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе о признании противоречащими федеральному законодательству и законодательству Псковской области некоторых положений ст. ст. 3, 6, 17, 45, п. 1 ст. 16 Закона Псковской области от 13.11.2001 N 158-ФЗ "О выборах депутатов Псковского областного Собрания депутатов", а также ч. 2 ст. 23 Устава Псковской области от 12.04.01 (в ред. от 06.12.01 N 2-У).

466. Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2002 г. по делу N 93-Г02-7. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании противоречащим федеральному законодательству Закона Магаданской области от 26 декабря 2001 г. N 214-ОЗ "Об упразднении муниципальных образований, не являющихся внутригородскими, расположенных в границах территории муниципального образования "город Магадан" в части упразднения муниципального образования "Аткинский поссовет".

467. Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2002 г. по делу N 93-Г02-8. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о признании противоречащим федеральному законодательству Закона Магаданской области от 26 декабря 2001 г. N 215-ОЗ "Об упразднении поселковых, сельских муниципальных образований, расположенных в границах муниципального образования "Ягоднинский район" Магаданской области" в части упразднения муниципального образования "Оротуканский поссовет".

468. Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2002 г. по делу N 49-Г02-37. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о признании противоречащими федеральному законодательству, недействующими и не подлежащими применению ст. 4, ч. 4 ст. 11, ч. 3 ст. 17, ст. 26, ч. 2 ст. 27, ст. 29, ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 39, ч. 3 ст. 41, ч. 3 ст. 44, ч. 5 ст. 46, ч. 2 ст. 58, ст. ст. 59, 60, 61, ч. 1 ст. 68, ч. 2 ст. 69, ч. 1 ст. 73, ч. 2 ст. 75, п. п. 6, 7, 8, 11, 14, 16, 23 ч. 1 ст. 79, ст. 83, п. п. 9, 10, 11, 16, 19, 20, 23 ст. 86, ч. 2, 3 ст. 89, ч. 1 ст. 118, п. п. 1, 2, 6 ч. 1, ч. ч. 2, 3, 5 ст. 123, ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 136, ч. 2 ст. 142 Конституции Республики Башкортостан и признании недействительными преамбулы и ч. ч. 1, 2, 6 ст. 1, ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 5, ч. 3 ст. 10, ст. 15, ч. ч. 1, 3 ст. 16, ч. 1 ст. 17, п. п. 3, 21 ч. 1 ст. 79, ч. ч. 2, 3 ст. 82, ч. 2 ст. 85, п. п. 1, 15, 17, 18 ч. 1 ст. 86, ч. 1 ст. 94, ч. ч. 2, 4 ст. 117, ч. 1 ст. 123, ст. 137, ст. 143 Конституции Республики Башкортостан, содержащих такие же нормы, которые ранее были признаны Конституционным Судом Российской Федерации противоречащими Конституции Российской Федерации.

469. Определение Верховного Суда РФ от 20 июня 2002 г. по делу N 57-Г02-10. Рассмотрение в кассационном порядке дела, связанного с исками к МВД России, УВД Белгородской области, ОВД Корочанского района, Объединенной группировке войск на территории Северо-Кавказского региона РФ о признании недействительными приказов руководителя группы управления временной оперативной группировки органов внутренних дел и подразделений МВД России и УВД Белгородской области, взыскании денежных выплат.

470. Определение Верховного Суда РФ от 5 июля 2002 г. по делу N 51-Г02-32. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о признании и разрешении на территории Российской Федерации заочного решения Ленинского судебного участка Советского района г. Караганды Республики Казахстан от 02.06.2000.

471. Определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2002 г. по делу N КА02-358. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению об отмене п. 5 Положения о порядке подготовки и аттестации работников организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, подконтрольные Госгортехнадзору России, утвержденного Постановлением Госгортехнадзора России от 11 января 1999 г. N 2.

472. Определение Верховного Суда РФ от 25 июля 2002 г. по делу N 45-Г02-18. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе на действия областной Думы Законодательного Собрания Свердловской области в части признания недействующим и не подлежащим применению подпункта 12 пункта 2 статьи 3 областного Закона от 27 ноября 1998 г. N 40-ОЗ "О налоге с продаж" (в ред. областного Закона от 1 августа 2000 г. N 18-ОЗ).

473. Определение Верховного Суда РФ от 5 августа 2002 г. по делу N 13-Г02-08. Рассмотрение в кассационном порядке дела по иску к УВД Тамбовской области о взыскании задолженности по зарплате.

474. Постановление Верховного Суда РФ от 7 августа 2002 г. Рассмотрение в надзорном порядке дела о компенсации морального вреда, причиненного вследствие незаконного заключения под стражу.

475. Определение Верховного Суда РФ от 13 августа 2002 г. по делу N КА02-382. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению Всероссийской конфедерации труда (ВКТ) о признании недействительными пункта 1, части 3 пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2001 г. N 775 "О повышении тарифных ставок (окладов) Единой тарифной сетки по оплате труда работников организаций бюджетной сферы".

476. Решение Верховного Суда РФ от 20 августа 2002 г. по делу N ГКПИ2002-771. Рассмотрение дела по жалобе о признании недействительными (незаконными) подпункта "и" пункта 7 Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию, утвержденных Постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1973 г. N 252, и части 2 пункта 16 Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 13 декабря 1979 г. N 1117 "О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве".

477. Определение Верховного Суда РФ от 6 сентября 2002 г. по делу N 53-Г02-20. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению прокурора Красноярского края о признании недействующим и не подлежащим применению Закона Красноярского края от 18 мая 2001 г. N 14-1294 "Об упразднении муниципальных образований, находящихся в границах Ермаковского района".

478. Определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2002 г. по делу N КА02-485. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе О. на действия (бездействие) Президента Российской Федерации по частной жалобе О. на Определение судьи Верховного Суда РФ от 31 мая 2002 г., которым

в принятии заявления отказано по п. 1 ст. 129 ГПК РСФСР. В принятии жалобы о признании незаконным бездействия Президента РФ, который не принял мер по ратификации Протокола N 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отказано правомерно в связи с тем, что заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

479. Определение Верховного Суда РФ от 16 сентября 2002 г. по делу N 57-Г02-15. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения народного суда Софиевского района Днепропетровской области от 18 июня 1987 г.

480. Определение Верховного Суда РФ от 1 октября 2002 г. по делу N 53-Г02-26. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению Красноярского городского Совета о признании противоречащими федеральному законодательству, недействующими и не подлежащими применению норм Закона Красноярского края от 29.03.2002 N 2-144 "О краевом бюджете на 2002 год".

481. Постановление Верховного Суда РФ от 2 октября 2002 г. по делу N 93пв-02. Рассмотрение в надзорном порядке дела по жалобе о признании незаконным пункта 149 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

482. Определение Верховного Суда РФ от 3 октября 2002 г. по делу КАС02-544. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействительными пунктов 3 и 4 Постановления Совета Министров СССР от 7 апреля 1990 г. N 329 "О мерах по оказанию помощи гражданам, вынужденно покинувшим Азербайджанскую ССР и Армянскую ССР" и пунктов 1 и 2 Постановления Совета Министров РСФСР от 13 апреля 1990 г. N 117 "О мерах по оказанию помощи гражданам, вынужденно покинувшим Азербайджанскую ССР и Армянскую ССР".

483. Определение Верховного Суда РФ от 4 октября 2002 г. по делу N 70-Г02-3. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Долинского районного суда Ивано-Франковской области Республики Украины от 1 марта 2001 г.

484. Определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2002 г. по делу N КАС02-546. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании незаконными пунктов 1, 3 и 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 21.12.2001 N 883 "О мерах по защите российских производителей карамели".

485. Определение Верховного Суда РФ от 15 октября 2002 г. по делу N 53-Г02-32. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании противоречащим федеральному законодательству, недействующим и не подлежащим применению Закона Эвенкийского автономного округа от 10.04.2002 N 257 "Об упразднении муниципального образования "Илимпейский район".

486. Определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2002 г. по делу N 16-Г02-12. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о признании противоречащей Конституции РФ и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ст. 53 Кодекса Волгоградской области об административной ответственности.

487. Постановление Тюменского областного суда от 15 ноября 2002 г. Рассмотрение в порядке надзора дела об удочерении, а также изменении даты и места рождения ребенка.

488. Решение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2002 г. по делу N ГКПИ2002-1215. Рассмотрение дела по заявлению о признании незаконным Постановления Правительства Российской Федерации от 13 августа 1996 г. N 965 "О порядке признания граждан инвалидами" в части, предусматривающей, что учреждения государственной службы медико-социальной экспертизы имеют право направлять лиц, проходящих медико-социальную экспертизу, с целью уточнения их клинико-функционального диагноза в лечебные учреждения.

489. Определение Верховного Суда РФ от 3 декабря 2002 г. по делу N 93-Г02-24. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании противоречащим федеральному законодательству и недействительным со дня принятия Закона Магаданской области от 10 июля 2002 г. N 253-ОЗ "О порядке образования, реорганизации и упразднения муниципальных образований в Магаданской области, установления и изменения их границ и наименований" (в ред. Закона Магаданской области от 6 августа 2002 г.).

490. Постановление Верховного Суда РФ от 4 декабря 2002 г. по делу N 447п02пр. Рассмотрение в надзорном порядке протеста заместителя Генерального прокурора Российской Федерации на приговор Калининградского областного суда от 9 июня 2001 г.

491. Определение Верховного Суда РФ от 6 декабря 2002 г. по делу N 93-Г02-25. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании противоречащим федеральному законодательству и недействительным со дня принятия Закона Магаданской области от 5 июля 1999 г. N 80-ОЗ "Об изменении административно-территориального устройства Магаданской области" (в ред. Законов Магаданской области от 8 апреля 2000 г. N 116-ОЗ, от 11 мая 2000 г. N 124-ОЗ и от 6 августа 2002 г. N 274-ОЗ) в части присоединения территории Ольского района к территории города Магадана.

492. Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. по делу N 50-Впр02-8. Рассмотрение в порядке надзора дела по жалобе А.Н. Адабира на решение окружной избирательной комиссии

Октябрьского избирательного округа N 13 об итогах голосования в Омский городской Совет 24 марта 2002 г.

493. Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. по делу N 50-В02пр-9. Рассмотрение в порядке надзора жалобы на решение окружной избирательной комиссии Октябрьского избирательного округа N 14 об итогах голосования в Омский городской совет 24 марта 2002 г.

494. Определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. по делу N 5-Г02-162. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства фирмы "Фридрих Шульце гмбх. и ко." о приведении в исполнение на территории Российской Федерации решения Земельного суда г. Берлина от 31 мая 1999 г., являющегося мировым соглашением между названной фирмой и закрытым акционерным обществом "Автокомбинат N 29".

495. Определение Верховного Суда РФ от 26 декабря 2002 г. по делу N 21-Г02-12. Рассмотрение в кассационном порядке дела по жалобе К. на решение Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 10 ноября 2002 г. Дело по жалобе на решение квалификационной коллегии судей о прекращении отставки судьи в связи с совершением поступков, позорящих честь и достоинство судьи и умаляющих авторитет судебной власти, направлено на новое рассмотрение в связи с существенным нарушением норм процессуального права, так как жалоба рассмотрена судом в отсутствие представителя квалификационной коллегии судей и в деле отсутствуют сведения об извещении квалификационной коллегии судей о времени рассмотрения дела.

496. Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2003 г. по делу N 61-Г02-7. Рассмотрение в кассационном порядке протеста и.о. прокурора Корякского автономного округа на решение суда Корякского автономного округа от 6 ноября 2002 г. по заявлению и.о. прокурора Корякского автономного округа о признании противоречащими федеральному законодательству, недействующими и не подлежащими применению отдельных положений Закона Корякского автономного округа от 25 декабря 1997 г. "Об образовании, объединении, преобразовании или упразднении муниципальных образований в Корякском автономном округе, установлении и изменении их границ и наименований".

497. Определение Верховного Суда РФ от 13 января 2003 г. по делу N 57-Г02-16. Рассмотрение в кассационном порядке дела по искам Самойленко Василия Леонидовича, Бронникова Дмитрия Алексеевича, Еременко Александра Петровича, Шамрай Евгения Владимировича, Васильчикова Александра Васильевича, Пак Сергея Тимофеевича, Харькова Валерия Ивановича, Марченко Александра Викторовича, Ларина Виктора Васильевича, Клепикова Владислава Евгеньевича, Рыжкова Владимира Егоровича, Коваль Андрея Владимировича к МВД России, УВД Белгородской области, Объединенной группировке войск на территории Северо-Кавказского региона РФ о признании недействительными приказов руководителя группы управления временной оперативной группировки органов внутренних дел и подразделений МВД России, взыскании денежных выплат по жалобе управления внутренних дел Белгородской области на решение Белгородского областного суда от 19 августа 2002 г.

498. Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2003 г. по делу N 92-Г03-1. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействительными и не порождающими последствий постановлений Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва от 31 октября 2002 г. N 46-ЗП-1 "О внесении изменений и дополнений в Постановление Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва "Об утверждении схемы образования избирательных округов по выборам депутатов Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва" и от 21 ноября 2002 г. N 23 "Об утверждении схемы образования избирательных округов по выборам депутатов Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва".

499. Определение Верховного Суда РФ от 31 января 2003 г. по делу N 82-Г03-1. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы Марка Эндрю Брэндо и Кэрол Мари Брэндо на решение Курганского областного суда от 29 ноября 2002 г. по делу об установлении усыновления детей.

500. Определение Верховного Суда РФ от 5 февраля 2003 г. по делу N 19-КПО02-97. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на Постановление Генерального прокурора РФ от 11 июля 2002 г. о выдаче Губарева правоохранительным органам Республики Казахстан.

501. Определение Верховного Суда РФ от 7 февраля 2003 г. по делу N 51-Г03-1. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории России Постановления Ильичевского районного суда г. Павлодара Республики Казахстан от 07.04.98.

502. Определение Верховного Суда РФ от 10 февраля 2003 г. по делу N 16-Г03-1. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействующей ст. 53 Кодекса Волгоградской области об административной ответственности.

503. Определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. по делу N 51-Г03-3. Рассмотрение в кассационном порядке дела по иску ГУДП "ЗапСибазэронавигация" ФУП "Государственная корпорация по организации воздушного движения в Российской Федерации" к профсоюзу авиационных диспетчеров Алтайского края о признании незаконным решения об объявлении забастовки по кассационным жалобам профсоюза авиарботников радиолокации, радионавигации и связи Алтайского края, трудового

коллектива Алтайского филиала ГУДП "ЗапСибавиационная" ФУП "Госкорпорация по ОВД", профсоюза авиационных диспетчеров Алтайского края.

504. Определение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2003 г. по делу N 7-Г02-9. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на решение окружной избирательной комиссии избирательного округа N 3 "Южный" города Иваново по дополнительным выборам депутата Законодательного Собрания Ивановской области от 18 ноября 2002 г., которым Ф. отказано в регистрации кандидатом в депутаты Законодательного Собрания Ивановской области на основании подп. 1, 5 п. 5 ст. 41 Закона Ивановской области "О выборах в Ивановской области" в связи с отсутствием ее письменного уведомления комиссии о начале сбора подписей избирателей.

505. Определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2003 г. по делу N 33-В02-12. Рассмотрение надзорной жалобы на Постановление Гатчинского районного суда Ленинградской области от 22 апреля 2002 г. и Определение судебной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда от 13 июня 2002 г. по делу о привлечении к административной ответственности SIA "VETIKO".

506. Определение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2003 г. по делу N 78-Г03-7. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению граждан Итальянской Республики Т. и Ш. об установлении усыновления по кассационной жалобе Ж. на решение Санкт-Петербургского городского суда от 11 декабря 2002 г., которым указанные заявления удовлетворены.

507. Определение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2003 г. по делу N КАС03-36. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы Северо-Западного Союза рыболовецких кооперативов-колхозов, рыбохозяйственных предприятий и организаций (Рыбакколхозсоюз) о признании незаконным Приказа Комитета РФ по рыболовству от 18 октября 1995 г. N 165 "Об организации управления безопасной эксплуатацией рыболовецкого флота" по жалобе Рыбакколхозсоюза на решение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2002 г., которым в удовлетворении жалобы отказано.

508. Определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2003 г. по делу N 56-Впр03-2. Рассмотрение протеста заместителя Генерального прокурора РФ на решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 1 апреля 2002 г., Определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда от 17 июля 2002 г. и Постановление президиума Приморского краевого суда от 25 октября 2002 г. Дело по иску Лантух Евгения Анатольевича к ООО "Интеррыбфлот" о взыскании заработной платы, компенсации за неиспользованный отпуск и отгульные дни.

509. Решение Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. по делу ВКПИ03-6. Рассмотрение дела по заявлению о признании незаконным подпункта "в" пункта 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или отставку и службы в органах внутренних дел, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. N 1054 "О порядке учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства".

510. Решение Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. N ГКПИ03-76. Рассмотрение дела по жалобе Габидуллиной Ф.К., Юнусовой Г.Ф., Кабировой Ф.М., Муратовой Г.Ш., Гамировой Г.Г., Латыповой Р.Г., Камаловой М.З., Шафигуллиной Г.Г., Хайруллиной Г.А., Хатбуллиной Г.М. об оспаривании пункта 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД России от 15 сентября 1997 г. N 605, в части слов "без головного убора".

511. Решение Верховного Суда РФ от 13 марта 2003 г. по делу N ГКПИ03-97. Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующими отдельных положений Постановлений Правительства РФ от 10.07.1999 N 788 "О порядке исчисления и выплаты денежного содержания федеральных государственных служащих, замещающих государственные должности федеральной государственной службы в представительствах Российской Федерации" и от 20.12.2002 N 911 "О гарантиях и компенсациях работникам, направляемым на работу в представительства Российской Федерации за границей".

512. Определение Верховного Суда РФ от 28 марта 2003 г. по делу N 3-Г03-3. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению кандидатов в депутаты Государственного Совета Республики Коми о признании незаконными п. 1 Постановления избирательной комиссии Республики Коми от 30 января 2003 г. N 01-09/44 "О форме и объеме сведений о доходах и об имуществе зарегистрированных кандидатов, подлежащих опубликованию в печати" и приложения N 1 к Постановлению избирательной комиссии Республики Коми N 01-09/44 "О форме и объеме сведений о доходах и об имуществе зарегистрированных кандидатов, подлежащих опубликованию в печати" от 30 января 2003 г.

513. Определение Верховного Суда РФ от 1 апреля 2003 г. по делу N 72-Г03-4. Рассмотрение в кассационном порядке дела по ходатайству о признании и разрешении принудительного исполнения решения суда сектора Флорешть Сорокского уезда Республики Молдова от 15 марта 2001 г.

514. Определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. по делу N 53-Г03-9. Рассмотрение в

кассационном порядке заявления о признании противоречащим федеральному законодательству, недействующим и не подлежащим применению Закона Эвенкийского автономного округа от 10.04.2002 N 257 "Об упразднении муниципального образования "Илимпийский район" по кассационной жалобе на решение Красноярского краевого суда от 29 января 2003 г.

515. Решение Верховного Суда РФ от 15 апреля 2003 г. по делу N ГКПИ03-166. Рассмотрение заявления о признании частично не действующими пункта 13 Положения о перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июля 1999 г. N 783, и пункта 2.6 Правил перемещения в упрощенном, льготном порядке транспортных средств физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации, утвержденных Приказом Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 24 ноября 1999 г. N 814, в редакции от 30 сентября 2002 г. N 1043.

516. Определение Верховного Суда РФ от 6 мая 2003 г. по делу N КАС03-180. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о признании незаконным подпункта "в" пункта 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или отставку и службы в органах внутренних дел, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. N 1054 "О порядке учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства".

517. Определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2003 г. по делу N КАС03-166. Об отмене решения Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. и признании частично не действующим и не подлежащим применению п. 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина Российской Федерации.

518. Определение Верховного Суда РФ от 19 мая 2003 г. по делу N ГКПИ03-543. Рассмотрение заявления к посольству Республики Узбекистан в Российской Федерации.

519. Решение Верховного Суда РФ от 22 мая 2003 г. по делу N ГКПИ03-475. Рассмотрение дела по заявлению о признании незаконным пункта 4 Основных условий обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию, утвержденных Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 23 февраля 1984 г. N 191.

520. Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2003 г. по делу N 84-Г03-4. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Киевского районного суда г. Одессы Республики Украина от 17 июня 2002 г.

521. Определение Верховного Суда РФ от 19 июня 2003 г. по делу N КАС03-262. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании частично не действующими пункта 13 Положения о перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июля 1999 г. N 783, и пункта 2.6 Правил перемещения в упрощенном, льготном порядке транспортных средств физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации, утвержденных Приказом Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 24 ноября 1999 г. N 814, в редакции от 30 сентября 2002 г. N 1043.

522. Решение Верховного Суда РФ от 13 августа 2003 г. по делу N ГКПИ03-703. Рассмотрение дела по заявлению об оспаривании распоряжения Правительства Российской Федерации от 5 мая 2003 г. N 553-р "О преобразовании Иркутского юридического института Генеральной прокуратуры РФ в Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ".

523. Определение Верховного Суда РФ от 16 сентября 2003 г. по делу N 70-Г03-4. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Липоводолинского суда Сумской области Республики Украина от 7 октября 2002 г., согласно которому с ОАО "Ямалгазпромстрой" в пользу М. был взыскан утраченный заработок в связи с повреждением здоровья за период с 26 июля 2000 г. по 11 марта 2002 г.

524. Решение Верховного Суда РФ от 26 сентября 2003 г. по делу N ГКПИ03-1012. Рассмотрение дела по заявлению о признании противоречащим закону подпункта "з" пункта 12 Положения о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. N 711.

525. Решение Верховного Суда РФ от 20 октября 2003 г. по делу N ГКПИ03-1072. Рассмотрение дела по заявлению о признании недействующим подпункта "а" пункта 15 Постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 г. N 1145 "О порядке и условиях совмещения профессий (должностей)".

526. Решение Верховного Суда РФ от 26 ноября 2003 г. по делу N ГКПИ03-1256. Рассмотрение дела по заявлению о признании незаконным Указа Президента Российской Федерации от 23 сентября

1993 г. N 1437 в части замены Ж.В.В. в порядке помилования смертной казни пожизненным лишением свободы.

527. Определение Верховного Суда РФ от 6 декабря 2003 г. по делу N 45-Г03-31. Рассмотрение дела по заявлению Лапкина Владимира Николаевича о признании незаконным решения окружной избирательной комиссии по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по Верх-Исетскому одномандатному избирательному округу N 162 от 31 октября 2003 г. N 50 "Об отказе в регистрации Лапкина В.Н. кандидатом в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по Верх-Исетскому одномандатному избирательному округу N 162" по кассационной жалобе Лапкина В.Н. на решение Свердловского областного суда от 13 ноября 2003 г.

528. Решение Верховного Суда РФ от 9 декабря 2003 г. по делу N ГКПИ03-1275. Рассмотрение заявления о признании недействительным абзаца 3 пункта 3.1 Правил дорожного движения РФ, утвержденных Постановлением Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090.

529. Определение Верховного Суда РФ от 14 января 2004 г. по делу N 78-Г03-69. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании незаконным решения Санкт-Петербургской городской избирательной комиссии и обязанности принять меры к пресечению дальнейшего распространения агитационных материалов С.Г. Беляева, содержащих неконституционное утверждение "губернатор - мужская работа".

530. Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2004 г. по делу N 51-Г03-25. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействующими пунктов 2, 3, 4 статьи 130 Кодекса Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов и выборных должностных лиц от 8 июля 2003 г. N 35-3С.

531. Решение Верховного Суда РФ от 9 марта 2004 г. по делу N ГКПИ2004-166. Рассмотрение дела по заявлению о признании недействующими и не подлежащими применению абзацев 2 и 3 п. 4 и подпункта "г" пункта 5 Постановления Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2003 г. N 704 "О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов" (с изм. от 23 января 2004 г.).

532. Определение Верховного Суда РФ от 23 марта 2004 г. по делу N 34-Г04-2. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации Постановлением судьи Ленинского районного суда г. Севастополя от 16 октября 1992 г. о взыскании с В. в пользу М. алиментов на содержание несовершеннолетнего сына.

533. Определение Верховного Суда РФ от 21 мая 2004 г. по делу N 49-Г04-48. Рассмотрение в кассационном порядке заявления прокурора Республики Башкортостан о ликвидации общественной организации "Центр "Дианетика" Республики Башкортостан".

534. Определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2004 г. по делу N 1-Г04-15. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения Коростышевского районного суда Житомирской области Украины от 5 декабря 2003 г., согласно которому был удовлетворен иск К. об отобрании несовершеннолетних детей у их матери - С.

535. Определение Верховного Суда РФ от 10 августа 2004 г. по делу N КАС04-342. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействующими и не подлежащими применению абзацев 2 и 3 пункта 4 и подпункта "г" пункта 5 Постановления Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2003 г. N 704 "О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов" (с изм. от 23 января 2004 г.).

536. Определение Верховного Суда РФ от 11 августа 2004 г. по делу N 1-о04-24. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на постановление заместителя Генерального прокурора РФ от 26 апреля 2004 г., согласно которому Арутюнян подлежит выдаче правоохранительным органам Республики Армения для уголовного преследования.

537. Определение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2004 г. по делу N КАС04-350. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о признании недействующим пункта 1 Постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 сентября 2003 г. N 25/177-4 "О размерах и порядке выплаты компенсации и дополнительной оплаты труда (вознаграждения) членам избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, окружных, территориальных, участковых избирательных комиссий с правом решающего голоса, работникам аппаратов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, а также выплат гражданам, привлекаемым к работе в этих комиссиях в период подготовки и проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва".

538. Решение Верховного Суда РФ от 12 октября 2004 г. по делу ГКПИ04-1237. Рассмотрение заявления о признании недействительным пункта 1.4 Инструкции о порядке рассмотрения обращений граждан и ведения делопроизводства по ним в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации, введенной в действие Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 23 декабря 1998 г. N 112, в части слов "не принимаются к рассмотрению обращения,

содержащие оскорбительные выражения".

539. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 октября 2004 г. по делу N 608п04. Рассмотрение в надзорном порядке жалоб на Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2003 г., согласно которому Б. отказано в удовлетворении ходатайств об участии его в судебном заседании суда кассационной инстанции и о назначении ему адвоката на участие последнего в кассационной инстанции.

540. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2004 г. по делу N 472п2004. Приговор по делу о даче и получении взятки отменен, дело передано на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей, поскольку судом допущены нарушения уголовно-процессуального закона, указанные в ст. 381 УПК РФ и выразившиеся в постановлении приговора незаконным составом суда и в его обосновании недопустимыми доказательствами, что повлияло на законность и обоснованность приговора.

541. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. по делу N 613п2004. Привлечение народных заседателей к исполнению своих обязанностей чаще одного раза в год является явным нарушением положений ФЗ "О народных заседателях федеральных судов в Российской Федерации" и уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора суда.

542. Определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2004 г. по делу N КАС04-604. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о признании недействительным пункта 1.4 Инструкции о порядке рассмотрения обращений граждан и ведения делопроизводства по ним в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации, введенной в действие Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 23 декабря 1998 г. N 112, в части слов "не принимаются к рассмотрению обращения, содержащие оскорбительные выражения".

543. Определение Верховного Суда РФ от 19 января 2005 г. по делу N 5-Г04-101. В удовлетворении заявления об отмене решения квалификационной коллегии судей о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий отказано правомерно, так как материалами дела установлено, что судья в угоду личным интересам распространяла надуманные и оскорбительные измышления в адрес судей и судебной системы Российской Федерации, умаляя тем самым авторитет судебной власти и достоинство судей, и у квалификационной коллегии имелись основания для проведения заседания в отсутствие заявительницы.

544. Определение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. по делу N 5-Г05-1. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о признании и принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Соломенского районного суда г. Киева от 16 марта 2004 г., согласно которому удовлетворены иски о признании О. к Л. об установлении отцовства в отношении несовершеннолетней Анны - дочери О., 18 сентября 2003 года рождения, и взыскании алиментов на ребенка.

545. Определение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. по делу N КАС05-9. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействующими пунктов 4.6, 4.7, 4.8, 4.10 Инструкции Банка России от 28 апреля 2004 г. N 113-И "О порядке открытия, закрытия, организации работы обменных пунктов и порядке осуществления уполномоченными банками отдельных видов банковских операций и иных сделок с наличной иностранной валютой и валютой Российской Федерации, чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц".

546. Решение Верховного Суда РФ от 11 февраля 2005 г. по делу ГКПИ04-1479. Рассмотрение заявления о признании незаконным Положения о премировании работников органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации по итогам работы за квартал, утвержденного Генеральным прокурором Российской Федерации 17 марта 1997 г.

547. Определение Верховного Суда РФ от 1 марта 2005 г. по делу N 24-Д04-9. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления согласно п. 16 ч. 4 ст. 47, ст. 247, ч. 3 ст. 278 УПК РФ вправе допрашивать показывающих против него свидетелей. Рассмотрение в надзорном порядке приговора Майкопского городского суда Республики Адыгея от 19 августа 2003 г., согласно которому Чихута признан виновным в убийстве и незаконном приобретении и хранении оружия и боеприпасов (ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ).

548. Определение Верховного Суда РФ от 1 марта 2005 г. по делу N 93-Г05-2. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения суда сектора Ботаника города Кишинева Республики Молдова от 1 июня 1995 г., согласно которому с ФГУП "Аэропорт Магадан" в пользу М. были взысканы денежные средства.

549. Определение Верховного Суда РФ от 9 марта 2005 г. по делу N 19-Г05-1. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы заявителей на Постановление Государственной думы Ставропольского края, согласно которому был принят Закон Ставропольского края "О некоторых вопросах организации местного самоуправления на территориях районов Ставропольского края".

550. Определение Верховного Суда РФ от 30 марта 2005 г. по делу N 57-Г05-1. Рассмотрение в

кассационном порядке дела по заявлениям и.о. прокурора Белгородской области о признании недействующими положений части 2 ст. 2 Закона Белгородской области от 28 октября 2004 г. "О размещении объектов игорного бизнеса на территории области", ООО "Шпиль" о признании недействующим указанного Закона в полном объеме.

551. Определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2005 г. по делу N 83-Г05-3. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о признании на территории Российской Федерации решения суда г. Темпио Паузания Итальянской Республики от 23 февраля 2004 г., согласно которому признан факт усыновления П. (25 апреля 1960 года рождения) со стороны Э. (1 января 1941 года рождения) с добавлением фамилии усыновителя перед собственной фамилией усыновленного.

552. Определение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2005 г. по делу N 52-Г05-1. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай на решение Верховного суда Республики Алтай от 6 декабря 2004 г., которым удовлетворено заявление прокурора Республики Алтай о признании недействующим Закона Республики Алтай от 9 июля 2004 г. N 33-рз "Об охране Телецкого озера".

553. Определение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2005 г. по делу N 9-Г05-7. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании противоречащими федеральному закону и недействующими с момента его принятия п. 3 ст. 6, п. 2 ст. 7, п. 4 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 10, п. 4 ст. 11 Закона Нижегородской области от 9 января 2004 г. N 3-3 "Об уполномоченном по правам человека в Нижегородской области" (в ред. Законов Нижегородской области от 11.06.2004 N 56-3, от 17.09.2004 N 102-3) в части порядка назначения на должность, вступления в должность, освобождения от должности уполномоченного по правам человека.

554. Определение Верховного Суда РФ от 12 мая 2005 г. по делу N 67-о05-28. Рассмотрение кассационной жалобы К. на Определение Новосибирского областного суда от 10 февраля 2005 г., которым жалоба К., гражданина Кыргызской Республики, осужденного приговором Чуй-Токмоцкого городского суда Кыргызской Республики от 17 декабря 1997 г. по ч. 2 ст. 144 УК КР к двум г-м лишения свободы, на постановление первого заместителя Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2004 г. о его выдаче правоохранительным органам Кыргызской Республики для привлечения к уголовной ответственности за побег из места лишения свободы, оставлена без удовлетворения.

555. Определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2005 г. по делу N 72-о05-19. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на Определение Читинского областного суда от 25 марта 2005 г., которым оставлена без удовлетворения жалоба на постановление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 14 февраля 2005 г. о выдаче правоохранительным органам Республики Армения для привлечения к уголовной ответственности за хищение чужого имущества А., уроженца г. Еревана.

556. Решение Верховного Суда РФ от 23 августа 2005 г. по делу N ГКПИ05-732. Рассмотрение заявления о признании недействующими Правил перевозки пассажиров, багажа, грузов на воздушных линиях СССР, утвержденных Приказом Министерства гражданской авиации СССР от 16 января 1985 г. N 19, в части пункта 3.1.1, предусматривающего, что утраченные билеты не возобновляются, дубликаты не выдаются и утраченные за билет деньги не возвращаются.

557. Определение Верховного Суда РФ от 24 августа 2005 г. по делу N 84-Г05-4. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению П.И., Н.О., Ш.О., Ш.И., М.Н., Р., Н.Т., Б., Т.Т., М.А., К.М., Ч., К.Н., Т.М., К.А., Е., Г., К.С., П.Ю., П.С. об оспаривании Закона Новгородской области от 17.01.2005 N 394-ОЗ "О мерах по социальной поддержке многодетных семей, проживающих на территории Новгородской области" (в ред. областного Закона от 05.03.2005 N 418-ОЗ).

558. Постановление Верховного Суда РФ от 28 сентября 2005 г. по делу N 609п05пр. Рассмотрение в надзорном порядке приговора Кировского областного суда от 26 января 2005 г., согласно которому С., родившийся 8 мая 1976 г. в г. Кирове, несудимый, осужден по ч. 3 ст. 30, п. п. "е", "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 4 г-м лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Этим же приговором осуждены И. и Г., в отношении которых надзорное производство не возбуждено. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2005 г. приговор изменен: исключено осуждение С. по ч. 3 ст. 30, п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

559. Решение Верховного Суда РФ от 18 октября 2005 г. по делу ГКПИ05-1233. Рассмотрение заявления об оспаривании решения Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (Постановлением от 14 сентября 2005 г. N 475), согласно которому прекращены полномочия заявителя в качестве судьи Уставного суда Санкт-Петербурга в связи с их (полномочий) истечением.

560. Определение Верховного Суда РФ от 19 октября 2005 г. по делу N 8-Г05-14. Рассмотрение дела по кассационным жалобам А., П., Б., К., У., М. на решение Ярославского областного суда от 27 июня 2005 г., которым им отказано в удовлетворении заявлений о признании недействующими и не подлежащими применению норм Закона Ярославской области от 21 декабря 2004 г. N 65-з "О наименованиях, границах и статусе муниципальных образований Ярославской области".

561. Определение Верховного Суда РФ от 20 октября 2005 г. по делу N КАС05-477. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению К. о признании недействующим абзаца одиннадцатого статьи 3 Положения о квалификационных коллегиях судей, утвержденного Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации 15 июля 2002 г.

562. Определение Верховного Суда РФ от 25 октября 2005 г. по делу 33-В05-6. Лицо, пользующееся льготами, связанными с временным ввозом товаров на таможенную территорию Российской Федерации, утрачивает право на такие льготы, если товары по истечении срока их временного ввоза не были вывезены с таможенной территории Российской Федерации. Рассмотрение надзорной жалобы по делу, связанному с признанием недействительными решения о взыскании недоимки и требования таможенного органа об уплате таможенных платежей в сумме 626802 руб. 20 коп.

563. Определение Верховного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. по делу N 1-Г05-28. Рассмотрение в кассационном порядке ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Коростенского городского суда Житомирской области Украины от 14 декабря 2003 г. о взыскании денежных средств с Г. в пользу Общества содействия обороне Украины "Коростенский технический колледж ОСОУ".

564. Определение Верховного Суда РФ от 15 ноября 2005 г. по делу N 4-Г05-36. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению прокурора Московской области о ликвидации межрегиональной общественной организации "Национал-большевистская партия".

565. Определение Верховного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. по делу КАС05-500. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании недействующими Правил перевозки пассажиров, багажа, грузов на воздушных линиях СССР, утвержденных Приказом Министерства гражданской авиации СССР от 16 января 1985 г. N 19, в части пункта 3.1.1, предусматривающего, что утраченные билеты не возобновляются, дубликаты не выдаются и утраченные за билет деньги не возвращаются.

566. Решение Верховного Суда РФ от 26 ноября 2005 г. по делу N 3-562/2005. Рассмотрение дела по заявлению Московского городского отделения политической партии "Либерально-демократическая партия России" об отмене регистрации городского списка кандидатов в депутаты Московской городской Думы четвертого созыва, выдвинутого региональным отделением политической партии "Родина" в г. Москве.

567. Решение Московского городского суда от 26 ноября 2005 г. по делу N 3-562/2005. Рассмотрение заявления Московского городского отделения политической партии "Либерально-демократическая партия России" об отмене регистрации городского списка кандидатов в депутаты Московской городской Думы четвертого созыва, выдвинутого региональным отделением политической партии "Родина" в г. Москве.

568. Постановление Верховного Суда РФ от 7 декабря 2005 г. по делу N 86-ад05-2. Рассмотрение в надзорном порядке Постановления судьи Ковровского городского суда от 22.11.2004, согласно которому гражданин Республики Узбекистан К. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ, выразившегося в несоблюдении установленного порядка регистрации на территории Российской Федерации, и ему назначено административное наказание в виде штрафа в размере 1000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

569. Постановление Верховного Суда РФ от 13 декабря 2005 г. по делу N 32-ад05-3. Рассмотрение в надзорном порядке Постановления судьи Ленинского районного суда г. Саратова от 16.06.2004, согласно которому гражданин Индии М.Ш. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ, выразившегося в несоблюдении установленного режима пребывания на территории Российской Федерации, и ему назначено административное наказание в виде штрафа в размере 1000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

570. Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. по делу N 88-Г05-19. Рассмотрение в кассационном порядке заявления гражданки США Р.Б. об усыновлении гражданина Российской Федерации С., 17 марта 1996 года рождения, находящегося на воспитании в государственном образовательном учреждении для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей "Первомайский детский дом".

571. Определение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. по делу N 67-о05-90. Рассмотрение кассационной жалобы на Постановление судьи Новосибирского областного суда от 21 октября 2005 г., которым срок содержания под стражей З., родившегося 25 февраля 1978 г. в р.п. Линево Искитимского района Новосибирской области, со средним образованием, не работавшего, ранее не судимого, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 139, п. п. "а", "в", "г", "ж" ч. 2 ст. 126 и ч. 2 ст. 330 УК РФ, - продлен на два месяца - до 21 декабря 2005 г.

572. Определение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2005 г. по делу N 67-о05-93. Рассмотрение кассационной жалобы обвиняемого Г. на постановление судьи Новосибирского областного суда,

которым срок содержания под стражей Г., родившегося 17 июня 1978 г. в р.п. Ордынское Новосибирской области, со средним образованием, работавшего преподавателем в ДЮСШ р.п. Линево, ранее не судимого; обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 139, п. п. "а", "в", "г", "ж" ч. 2 ст. 126 и ч. 2 ст. 330 УК РФ, - продлен на два месяца, а всего до 16 месяцев 21 суток - до 21 декабря 2005 г. включительно.

573. Определение Верховного Суда РФ от 11 января 2006 г. по делу N 53-о05-105. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на постановление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 20 июля 2005 г. о выдаче Б. правоохранительным органам Республики Молдова.

574. Определение Верховного Суда РФ от 13 января 2006 г. по делу N 55-В05-11. Рассмотрение в надзорном порядке дела по иску Б. к закрытому акционерному обществу "Петербург-Внестранс", Г. и Л. о нечинении препятствий в исполнении трудового договора.

575. Определение Верховного Суда РФ от 17 января 2006 г. по делу N 66-о05-151. Рассмотрение ходатайства потерпевшего об отложении слушания дела в кассационной инстанции в отношении Е.

576. Постановление Верховного Суда РФ от 24 января 2006 г. по делу N 18-ад05-13. Рассмотрение в надзорном порядке Постановления судьи Ленинского районного суда г. Новороссийска от 12 апреля 2005 г., решения судьи Краснодарского краевого суда от 21 апреля 2005 г., согласно которым гражданка Д. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 18.10 КоАП РФ, выразившегося в осуществлении иностранным гражданином трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешения на работу, и ей назначено административное наказание в виде штрафа в размере 2500 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

577. Определение Верховного Суда РФ от 8 февраля 2006 г. по делу N 5-Г05-141. Рассмотрение дела по заявлению М. об отмене решения квалификационной коллегии судей г. Москвы от 15 июня 2005 г. о привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи Дорогомиловского межмуниципального (районного) суда ЗАО г. Москвы, по кассационным жалобам заявителя и его представителя на решение Московского городского суда от 29 сентября 2005 г., которым отказано в удовлетворении заявленного М. требования.

578. Определение Верховного Суда РФ от 15 февраля 2006 г. по делу N 37-Д05-46. Рассмотрение дела по надзорной жалобе М. на Постановление судьи Железнодорожного районного суда г. Орла от 16 марта 2005 г., кассационное Определение судебной коллегии по уголовным делам Орловского областного суда от 17 мая 2005 г. и Постановление президиума Орловского областного суда от 27 октября 2005 г.

579. Постановление Верховного Суда РФ от 17 февраля 2006 г. по делу N 11-ад06-1. Рассмотрение в надзорном порядке Постановления судьи Ново-Савинского районного суда г. Казани от 3 августа 2005 г. и решения судьи Верховного суда Республики Татарстан от 18 августа 2005 г., согласно которым гражданин Турции Д. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ, выразившегося в несоблюдении установленного режима пребывания на территории Российской Федерации, и ему назначено административное наказание в виде штрафа в сумме 1000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

580. Определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2006 г. по делу N КАС06-36. Рассмотрение в кассационном порядке заявления В. об отмене решения (заключения) Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 24 марта 2005 г., которым он не рекомендован на должность председателя Астраханского областного суда, по кассационной жалобе заявителя на решение Верховного Суда РФ от 8 ноября 2005 г., которым в удовлетворении заявленного требования было отказано.

581. Постановление Верховного Суда РФ от 29 марта 2006 г. по делу N 86-ад06-1. Рассмотрение в надзорном порядке Постановления судьи Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области от 10 августа 2005 г. и решения судьи Владимирского областного суда от 26 августа 2005 г., согласно которым гражданин Азербайджана Р. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ, выразившегося в несоблюдении установленного режима пребывания на территории Российской Федерации, и ему назначено административное наказание в виде штрафа в сумме 1500 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

582. Определение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2006 г. по делу N 5-Г06-36. Рассмотрение в кассационном порядке дела об удочерении несовершеннолетней П. супругами - гражданином Соединенных Штатов Америки Ф. и гражданкой Украины С.

583. Определение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2006 г. по делу N КАС06-103. Рассмотрение гражданского дела по заявлению К. об отмене решения квалификационной коллегии судей Волгоградской области от 29 мая 1997 г. и решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 22 июля 1998 г. о прекращении полномочий судьи Городищенского районного

суда Волгоградской области по кассационной жалобе К. на решение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2006 г., которым в удовлетворении заявления отказано.

584. Определение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2006 г. по делу N КАС06-113. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению С. об отмене решения квалификационной коллегии судей Амурской области от 27 мая 2005 г. о прекращении полномочий судьи - председателя Благовещенского районного суда Амурской области по жалобе С. на решение Верховного Суда РФ от 13 февраля 2006 г., которым в удовлетворении заявления отказано.

585. Постановление Верховного Суда РФ от 10 мая 2006 г. по делу N 203п06прк. Рассмотрение уголовного дела по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации на приговор Головинского межмуниципального (районного) суда г. Москвы от 13 сентября 2000 г. Дело Белкинса.

586. Определение Верховного Суда РФ от 24 мая 2006 г. по делу N 59-Г06-8. Рассмотрение дела по кассационной жалобе Б. на решение Амурского областного суда от 7 марта 2006 г., которым ей отказано в удовлетворении заявления о признании незаконным решения окружной избирательной комиссии по повторным выборам депутата Амурского областного Совета народных депутатов 4 созыва по двухмандатному избирательному округу от 3 марта 2006 г. N 3; признании материала агитационным и возбуждении дела об административном правонарушении; возложении обязанности на директора филиала ФГУП ВГТРК ГТРК "Амур" обнародовать опровержение в защиту чести, достоинства и деловой репутации Б.

587. Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2006 г. по делу N 18-Д06-23. Рассмотрение надзорного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации и надзорной жалобы о пересмотре приговора Советского районного суда г. Краснодара от 25 апреля 2005 г., кассационного Определения судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 8 июня 2005 г., Постановления президиума Краснодарского краевого суда от 24 ноября 2005 г. в отношении С.Г.

588. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31 мая 2006 г. по делу N 952П05. Рассмотрение уголовного дела по надзорной жалобе осужденного Т. на приговор Орловского областного суда от 17 мая 2000 г.

589. Постановление Верховного Суда РФ от 31 мая 2006 г. по делу N 208-П06. Рассмотрение уголовного дела по надзорной жалобе осужденного на приговор Челябинского областного суда от 2 апреля 2001 г.

590. Определение Верховного Суда РФ от 6 июня 2006 г. по делу N 5-дп06-43. Рассмотрение надзорного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации на Постановление президиума Московского городского суда от 11 августа 2005 г.

591. Решение Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. по делу N ГКПИ06-475. Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующими пунктов 49 и 50 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 03.11.2005 N 205.

592. Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2006 г. по делу N 48-Г06-9. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на решение Челябинского областного суда от 3 апреля 2006 г., которым заявителю было отказано в удовлетворении требований о признании незаконными бездействия избирательной комиссии Челябинской области по невозврату средств перечисленного избирательного залога и действий по перечислению избирательного залога в федеральный бюджет и обязанности устранить допущенные нарушения.

593. Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2006 г. по делу N 81-В06-15. Рассмотрение в надзорном порядке дела по заявлению П. об установлении юридического факта. Решением Ленинского районного суда города Кемерово от 13 июля 2005 г. заявленное требование удовлетворено. Верховный Суд РФ, рассмотрев надзорную жалобу, отменил решение Ленинского районного суда города Кемерово от 13 июля 2005 г., а заявление П. об установлении юридического факта было оставлено без рассмотрения.

594. Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2006 г. по делу N 78-В06-22. Рассмотрение в надзорном порядке дела по иску Х. к Х.С. о признании утратившим право пользования жилым помещением по жалобе Х.С. на решение Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 16 апреля 1996 г., удовлетворившее требования заявителя, и Определение президиума Санкт-Петербургского городского суда от 12 ноября 2003 г., оставившее решение суда без изменения.

595. Надзорное Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2006 г. по делу N 36-дп06-15к. Рассмотрение надзорного представления заместителя Генерального прокурора о пересмотре приговора Сафоновского городского суда Смоленской области от 26 сентября 2005 г. и Постановления президиума Смоленского областного суда от 16 февраля 2006 г.

596. Рассмотрение в кассационном порядке гражданского дела избирательного объединения "Магаданское региональное отделение Коммунистической партии РФ" на решение Магаданского областного суда от 24 мая 2006 г., которым ему отказано в удовлетворении заявления об отмене постановления избирательной комиссии Магаданской области от 14 марта 2006 г. N 71/323 "Об

установлении общих результатов повторных выборов депутатов в Магаданскую областную Думу четвертого созыва по одномандатным избирательным округам N 3 и N 4 в части признания состоявшимися и действительными повторных выборов по одномандатному избирательному округу N 4 и избранным депутатом по данному округу Урсалова А.В., а также решения окружной избирательной комиссии по одномандатному избирательному округу N 4 от 13 марта 2006 г. N 15/28 "Об определении результатов повторных выборов депутатов в Магаданскую областную Думу четвертого созыва по одномандатному избирательному округу".

597. Определение Верховного Суда РФ от 5 сентября 2006 г. по делу N КАС06-319. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействующими пунктов 49 и 50 главы XII Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. N 205.

598. Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2006 г. по делу N ГКПИ06-927. Рассмотрение жалобы П. об отмене решения квалификационной коллегии судей Кемеровской области от 25 мая 2006 г. о наложении дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий мирового судьи судебного участка N 2 Промышленного района.

599. Определение Верховного Суда РФ от 11 октября 2006 г. по делу N 78-Г06-28. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействующими отдельных положений Закона Санкт-Петербурга от 27 мая 2005 г. N 250-24 "О внесении изменений и дополнений в Закон Санкт-Петербурга "Об Уставном суде Санкт-Петербурга", Закона Санкт-Петербурга от 29 сентября 2005 г. N 497-71 "Об официальном толковании положений пунктов 1, 3, 4 статьи 17 Закона Санкт-Петербурга "Об Уставном суде Санкт-Петербурга".

600. Определение Верховного Суда РФ от 25 октября 2006 г. по делу N 45-Г06-18. Рассмотрение в кассационном порядке дела, связанного с обращением избирательного объединения Свердловского регионального отделения политической партии "Либерально-демократическая партия России" в суд с заявлением об исключении кандидата в депутаты П. из списка кандидатов в депутаты областной Думы Законодательного Собрания Свердловской области, выдвинутого избирательным объединением Свердловское региональное отделение политической партии "Партия Национального Возрождения "Народная Воля".

601. Решение Верховного Суда РФ от 30 октября 2006 г. по делу N ГКПИ06-986. Рассмотрение дела о признании недействующим абзаца 5 пункта 15 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. N 205, в части слов "...дарить, принимать в дар, отчуждать иным способом."

602. Определение Верховного Суда РФ от 31 октября 2006 г. по делу N 77-В06-18. Рассмотрение в надзорном порядке дела, связанного с обращением Ф. и Ф.В. в суд к Министерству финансов Российской Федерации, Управлению Федерального казначейства Российской Федерации по Липецкой области о взыскании долга и возмещении ущерба.

603. Определение Верховного Суда РФ от 1 ноября 2006 г. по делу N 12-Г06-7. Рассмотрение в кассационном порядке заявления о признании противоречащим федеральному законодательству подпункта "г" пункта 2 статьи 20 Закона Республики Марий Эл от 7 апреля 1998 г. "О муниципальной службе в Республике Марий Эл (в ред. от 18 июня 2002 г.)".

604. Определение Верховного Суда РФ от 16 января 2007 г. по делу N КАС06-494. Рассмотрение в кассационном порядке гражданского дела по заявлению А. о признании недействующим пункта 3.1 Порядка предоставления набора социальных услуг отдельным категориям граждан, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 328 в части слов "расположенные на территории Российской Федерации".

605. Постановление Верховного Суда РФ от 23 января 2007 г. по делу N 41-АД06-4. Рассмотрение в порядке надзора Постановления судьи Сальского районного суда Ростовской области от 3 сентября 2004 г., согласно которому гражданин Азербайджана К. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ, выразившегося в несоблюдении установленного режима пребывания на территории Российской Федерации, и ему назначено административное наказание в виде штрафа в сумме 500 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

606. Определение Верховного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. по делу N 9-о07-1. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на Постановление Нижегородского областного суда от 9 ноября 2006 г., которым К., обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных п. "г" ч. 3 ст. 228.1, п. "б" ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, продлен срок содержания под стражей на два месяца.

607. Постановление Верховного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. по делу N 89-АД06-1. Рассмотрение в надзорном порядке Постановления судьи Калининского районного суда г. Тюмени, согласно которому А. была привлечена к административной ответственности по ст. 18.8 КоАП РФ в виде штрафа в размере 1 тыс. руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации за нарушение установленного порядка нахождения на территории Российской Федерации - свыше трех дней (с 21

марта по 25 марта 2005 г.) без регистрации по месту пребывания.

608. Определение Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. по делу N 18-Г07-1. Рассмотрение в кассационном порядке гражданского дела по заявлению прокурора Краснодарского края о запрете деятельности религиозной группы - Краснодарской православной славянской общины "ВЕК РА" (ведической культуры российских ариев) Скифской Веси Рассении Древнерусской Иглицкой церкви Православных Староверов-Инглингов по кассационной жалобе старейшины названной религиозной группы - Г. на решение Краснодарского краевого суда от 5 октября 2006 г., которым заявление прокурора удовлетворено.

609. Определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2007 г. по делу N 90-Г07-1. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению Ч. о признании недействующим Закона Эвенкийского автономного округа от 18 декабря 2001 г. N 245. Решением суда Эвенкийского автономного округа от 17 ноября 2006 г. в удовлетворении требований Ч. отказано.

610. Решение Верховного Суда РФ от 27 февраля 2007 г. по делу N ГКПИ06-1415. Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующим абзаца 11 пункта 15 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 03.11.2005 N 205, согласно которому запрещается занавешивать и менять спальные места, а также оборудовать спальные места на производственных объектах, в коммунально-бытовых и других служебных и подсобных помещениях, без разрешения администрации находиться на спальных местах в не отведенное для сна время.

611. Определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2007 г. по делу N 89-В06-19. Рассмотрение в надзорном порядке гражданского дела по иску социально-экономического объединения "Ассоциация офицеров запаса" к У., У.Г., У.И. о выселении на решение Калининского районного суда г. Тюмени от 14 января 2004 г., Определение судебной коллегии по гражданским делам Тюменского областного суда от 25 февраля 2004 г. и Постановление президиума Тюменского областного суда от 19 мая 2006 г.

612. Определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2007 г. по делу N 13-Г07-3. Рассмотрение в кассационном порядке жалобы на Определение Тамбовского областного суда от 28 декабря 2006 г., которым отказано в принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения Заречного районного суда г. Сумы Украины от 23 февраля 2006 г.

613. Определение Верховного Суда РФ от 20 марта 2007 г. по делу N КА07-43. Рассмотрение в кассационном порядке заявления К. об оспаривании абзаца 5 пункта 2; пункта 5.1 и абзаца 1 пункта 64.1 Правил регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных Приказом МВД России от 27 января 2003 г. N 59, в редакции от 26 марта 2005 г. N 208, по кассационной жалобе Министерства внутренних дел РФ на решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2007 г.

614. Определение Верховного Суда РФ от 20 марта 2007 г. N КА07-55. Рассмотрение гражданского дела по заявлению А. об оспаривании пунктов 1.4, 2.1, 4.1, 6.1 и 6.3 Правил подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утвержденных Приказом Роспатента от 22 апреля 2003 г. N 56, по кассационной жалобе заявителя на решение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2006 г.

615. Определение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2007 г. по делу N 19-о07-15. Оставление без изменений постановления судьи Ставропольского краевого суда от 26 февраля 2007 г., которым в отношении Ч., 1959 года рождения, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. п. "а", "б" ч. 2 ст. 171, п. "а", "б" ч. 2 ст. 171, п. п. "а", "в" ч. 2 ст. 171.1, ч. 2 ст. 195, ст. 199.2 УК РФ, продлен срок содержания под стражей на 23 суток, а всего до 12 месяцев 23 суток.

616. Определение Верховного Суда РФ от 23 мая 2007 г. по делу N 47-Г07-5. Рассмотрение заявления о признании недействующим и не подлежащим применению с момента вступления решения суда в законную силу пункта 13 приложения к Постановлению правительства Оренбургской области от 1 февраля 2006 г. N 29-п "О порядке проведения в Оренбургской области публичных мероприятий на территории объектов, являющихся памятниками истории и культуры".

617. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 мая 2007 г. по делу N 112П-07ПР. Рассмотрение уголовного дела по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации на кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2006 г.

618. Определение Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. по делу N 25-Д07-35. Ссылка в постановлении суда надзорной инстанции на нарушение ст. 7 УПК РФ и наличие противоречий в выводах суда кассационной инстанции не может являться основанием для пересмотра судебного решения в порядке надзора в сторону ухудшения положения осужденного, поскольку допущенное нарушение не может рассматриваться как существенное (фундаментальное), повлиявшее на исход дела. Отмена Постановления президиума Астраханского областного суда от 28 марта 2006 г.

619. Постановление Верховного Суда РФ от 28 июня 2007 г. по делу N 18-АД07-12. Рассмотрение

надзорных жалоб на Постановление судьи Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 1 сентября 2006 г., решение судьи Краснодарского краевого суда от 12 сентября 2006 г., Постановление заместителя председателя Краснодарского краевого суда от 4 июня 2007 г. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 18.8 КоАП РФ.

620. Определение Верховного Суда РФ от 31 июля 2007 г. по делу N КАС07-344. Рассмотрение гражданского дела по заявлению ООО "Орландо" о признании недействующими (в части) п. п. 1.3, 2.10, 3.5 Правил организации работы по выдаче ветеринарных сопроводительных документов, утвержденных Приказом Минсельхоза России от 16 ноября 2006 г. N 422 и п. п. 2.3 и 13.1 Приложения N 19 (в части). Приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. N 422 утверждены Правила организации работы по выдаче ветеринарных сопроводительных документов.

621. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 августа 2007 г. по делу N 13-ПВ06. Отмена в порядке надзора решения мирового судьи Санкт-Петербурга о взыскании с консульского учреждения Украины денежных средств.

622. Решение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2007 г. по делу ГКПИ07-780. Рассмотрение заявления З. о признании недействующими абзацев 1 и 2 пункта 3.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090.

623. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 сентября 2007 г. по делу N 189-П07. Надзорное определение отменено в связи с неознакомлением осужденного и его защитника с представлением прокурора, в котором поставлен вопрос об отмене вступившего в силу судебного решения по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного.

624. Определение Верховного Суда РФ от 24 сентября 2007 г. по делу N 2-О07-17СП. Отмена приговора Вологодского областного суда с участием коллегии присяжных заседателей от 29 мая 2007 г., согласно которому К. осужден к лишению свободы по п. "в" ч. 3 ст. 131 УК РФ и по п. "в" ч. 3 ст. 132 УК РФ.

625. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 октября 2007 г. по делу N 241-П07. Рассмотрение уголовного дела по надзорной жалобе А. на приговор Московского областного суда от 26 мая 2005 г.

626. Решение Верховного Суда РФ от 3 октября 2007 г. по делу N ГКПИ07-1079. Гражданское дело А. по заявлению о признании недействующим пункта 159 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. N 205.

627. Постановление Президиума Московского городского суда от 18 октября 2007 г. по делу N 44г-701. Дело по иску о разделе совместно нажитого имущества и выделении доли направлено на новое рассмотрение, так как судом был разрешен вопрос о правах и обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле.

628. Определение Верховного Суда РФ от 22 октября 2007 г. N 83-Д07-18. Рассмотрение надзорной жалобы осужденного А. о пересмотре приговора Клетнянского районного суда Брянской области от 15 ноября 2005 г. В надзорной жалобе А. оспаривает обоснованность своего осуждения, отрицает наличие у него умысла на сбыт наркотического средства, обращает внимание, что он действовал по просьбе сотрудников милиции и на их деньги, оказывая помощь в приобретении наркотического средства; просит о смягчении наказания.

629. Определение Верховного Суда РФ от 2 ноября 2007 г. N 6-В07-28. Рассмотрение в надзорном порядке гражданского дела по иску З. к государственному учреждению - Управлению Пенсионного фонда РФ в г. Рязани о перерасчете назначенной пенсии и взыскании задолженности по жалобе З. на решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 16 мая 2006 г., которым в удовлетворении иска отказано, Определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 12 июля 2006 г. и Постановление президиума Рязанского областного суда от 24 апреля 2007 г., оставившие решение суда без изменения.

630. Решение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2007 г. по делу N ГКПИ07-585. Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующими: пункта 2 Правил обеспечения в 2005 г. инвалидов техническими средствами реабилитации, отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами... утв. Постановлением Правительства РФ от 12.12.2004 N 771, и пункта 2 Правил обеспечения за счет средств федерального бюджета инвалидов техническими средствами реабилитации... утв. Постановлением Правительства РФ от 31.12.2005 N 877.

631. Определение Верховного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. по делу N КАС07-617. Рассмотрение в кассационном порядке дела о признании недействующими абзацев 1 и 2 пункта 3.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090.

632. Определение Верховного Суда РФ от 17 января 2008 г. по делу N 4-О07-125. Определение об отказе в отмене решения прокурора о выдаче обвиняемого правоохранительным органам иностранного

государства оставлено без изменения, так как обвиняемый является гражданином иностранного государства, совершившим уголовное преступление на территории данного государства, и обстоятельства, препятствующих его выдаче, не имеются.

633. Определение Верховного Суда РФ от 17 января 2008 г. по делу N 91-О07-21. Определение об оставлении без удовлетворения жалобы иностранного гражданина об отмене постановления о его выдаче правоохранным органам иностранного государства для уголовного преследования оставлено без изменения, поскольку обстоятельств, препятствующих выдаче иностранного гражданина, не усматривается.

634. Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2008 г. по делу N КАС07-723. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о признании недействующим пункта 159 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 03.11.2005 N 205.

635. Решение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. по делу N ГКПИ07-1452. Рассмотрение дела по заявлению о признании частично не действующим пункта 18 приложения N 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденным Приказом Минюста России от 03.11.2005 N 205.

636. Решение Верховного Суда РФ от 17 марта 2008 г. по делу N ГКПИ08-459. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 47 сборника 1 решений и разъяснений по классификации в соответствии с ТН ВЭД России отдельных товаров, утв. распоряжением ФТС РФ от 20.12.2006 N 459-Р.

637. Определение Верховного Суда РФ от 18 марта 2008 г. по делу N 19-Г08-2. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению прокурора Ставропольского края о ликвидации общественного объединения - Благотворительный общественный фонд Дмитрия Кузьмина Ставропольского края.

638. Определение Верховного Суда РФ от 23 апреля 2008 г. по делу N 4-Г08-14. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о защите избирательных прав граждан, о назначении выборов представительного органа муниципального образования - Совета депутатов Пушкинского муниципального района.

639. Решение от 29 мая 2008 г. по делу N ГКПИ08-1212. Рассмотрение дела о признании частично не действующим пункта 99 Федеральных авиационных правил "Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей", утвержденных Приказом Минтранса России от 28 июня 2007 г. N 82.

640. Определение Верховного Суда РФ от 20 мая 2008 г. по делу N КАС08-188. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению о признании частично не действующими абзацев 12, 21 пункта 15 и пункта 61 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 03.11.2005 N 205.

641. Определение Верховного Суда РФ от 20 мая 2008 г. по делу N 78-Г08-17. Рассмотрение в кассационном порядке дела по заявлению Управления Федеральной регистрационной службы по Санкт-Петербургу и Ленинградской области о ликвидации региональной общественной организации "Центр просветительных и исследовательских программ".

642. Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2008 г. по делу N 5-Д08-35. Рассмотрение надзорной жалобы осужденной Ф. на приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 23 апреля 2003 г.

643. Решение от 23 сентября 2008 г. по делу N ГКПИ08-1763. Рассмотрение гражданского дела о признании недействующими: подпункта "б" пункта 9 Положения о выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2002 г. N 789, в части слов "и постоянно проживающих на территории Российской Федерации"; пункта 39.2 Административного регламента по предоставлению Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации, утвержденного Приказом ФМС России от 29 февраля 2008 г. N 40, в части слов "и постоянно проживающих на территории Российской Федерации".

644. Решение от 21 октября 2008 г. по делу N ГКПИ08-1741. Рассмотрение дела о признании недействующим второго предложения пункта 11 Административного регламента исполнения государственной функции по организации рассмотрения предложений, заявлений и жалоб осужденных и лиц, содержащихся под стражей, утвержденного Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. N 383, в части слов "оплата расходов по пересылке письменных обращений производится в соответствии с действующими нормативными правовыми актами Российской Федерации".

645. Определение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2008 г. по делу N 18-В08-54. Рассмотрение в надзорном порядке дела по иску Талановской Лидии Михайловны к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к

уголовной ответственности и избрания меры пресечения.

646. Определение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2008 г. по делу N 18-В08-55. Рассмотрение в надзорном порядке дела по иску Талановской Ольги Владимировны к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда, причиненного в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности и избрания меры пресечения.

647. Решение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2008 г. N ГКПИ08-1994. Рассмотрение дела о признании недействующим пункта 18 приложения N 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденным Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. N 205, в части запрета осужденным иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать средства связи и комплектующие к ним, обеспечивающие работу.

648. Определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. по делу N 5-Г08-102. Возвращая ходатайство истца о принудительном исполнении на территории Российской Федерации решения третейского суда иностранного государства, суд необоснованно указал, что оно подсудно районному суду и подлежит рассмотрению по правилам гл. 47 ГПК РФ, определяющей порядок выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда; суд не учел, что процедура признания и приведения в исполнение решения третейского суда является необходимой предпосылкой выдачи исполнительного листа.

649. Решение Верховного Суда РФ от 16 марта 2009 г. по делу N ГКПИ08-2382. О признании частично не действующим п. 141 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, утвержденных Приказом МВД России от 22 ноября 2005 г. N 950.

650. Решение Верховного Суда РФ от 15 апреля 2009 г. по делу N ГКПИ09-13. О признании частично не действующими п. п. 76 и 80 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. N 205.

651. Определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2009 г. по делу N 78-Г09-18. Договоры о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам и гл. 45 ГПК РФ, предусматривающие возможность признания и исполнения решений иностранных судов, не содержат такого полномочия суда, к которому обратился с ходатайством взыскатель, как возвращение ему ходатайства.

652. Определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2009 г. по делу N 38-Г09-7. В удовлетворении ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации акта суда иностранного государства о взыскании алиментов отказано правомерно, так как оснований, предусмотренных законом, для признания и принудительного исполнения на территории Российской Федерации указанного акта иностранного суда не имеется, поскольку судом установлено, что между Российской Федерацией и данным государством отсутствует международный договор о взаимном признании судебных решений.

653. Определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2009 г. по делу N 44-Г09-25. Судебный акт о принудительном исполнении на территории Российской Федерации акта суда иностранного государства о взыскании алиментов на содержание детей, супруги и государственной пошлины отменен в части указания о взыскании сумм алиментных обязательств и государственной пошлины в рублевом эквиваленте, так как, установив размер подлежащих взысканию сумм алиментных обязательств и государственной пошлины в рублях, суд фактически изменил акт иностранного суда и вышел за пределы заявленных требований.

654. Определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2009 г. по делу N 91-Г09-6. Возражения относительно признания не подлежащего принудительному исполнению на территории Российской Федерации решения иностранного суда об оглашении умершим удовлетворены правомерно, так как рассмотрение дела относится к исключительной подсудности судов в Российской Федерации, и решение иностранного суда по такому вопросу не порождает правовых последствий, в связи с чем не подлежит признанию и принудительному исполнению на территории Российской Федерации, о чем прямо указывается в п. 3 ч. 1 ст. 412 ГПК РФ.

655. Определение Верховного Суда РФ от 1 сентября 2009 г. по делу N 58-Г09-13. Обстоятельство того, что в решении иностранного суда в отчестве заявительницы, в пользу которой суд разрешил взыскание алиментов, допущена описка, не является основанием к отказу в удовлетворении ее ходатайства о принудительном исполнении на территории Российской Федерации указанного решения. В этом случае ответчик вправе поставить вопрос об исправлении такой описки в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством иностранного государства.

656. Определение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2009 г. по делу N 6н-41/09. Рассмотрение в порядке надзора заявления Л. об оспаривании действий военного прокурора Балтийского флота, связанных с утверждением решения жилищной комиссии возглавляемой им военной прокуратуры, которым Л. был принят на учет нуждающихся в жилом помещении на состав семьи из одного человека.

657. Решение Верховного Суда РФ от 18 сентября 2009 г. по делу N ГКПИ09-1184. Об оставлении

без удовлетворения заявления о признании недействующими подп. "в" п. 1, п. 4 Положения о порядке допуска российских перевозчиков к процедуре МДП, утв. Приказом Минтранса России и ГТК России от 1 сентября 1999 г. N 61/591.

658. Определение Верховного Суда РФ от 13 октября 2009 г. по делу N 75-Г09-8. Поскольку лицо, в отношении которого подано заявление о признании его безвестно отсутствующим, имело последнее известное место жительства в Российской Федерации и поскольку от разрешения этого вопроса зависит установление прав и обязанностей заявительницы, имеющей место жительства в Российской Федерации, то рассмотрение дела о признании лица безвестно отсутствующим при указанных обстоятельствах относится к исключительной подсудности суда Российской Федерации.

659. Определение Верховного Суда РФ от 20 октября 2009 г. по делу N 20-В09-6. Первоначальный иск о признании недействительными торгов и заключенного по результатам торгов договора купли-продажи оптовой базы удовлетворен правомерно, так как торги по продаже оптовой базы - федеральной собственности, находящейся в хозяйственном ведении торгово-производственного предприятия, - проведены с нарушением правил, предусмотренных законом, что подтверждается материалами дела.

660. Определение Верховного Суда РФ от 3 ноября 2009 г. по делу N 5-Г09-112. В принятии возражений относительно признания решения иностранного суда на территории Российской Федерации отказано правомерно, так как указанные возражения не подлежат рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства в связи с отсутствием международного договора о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам между Российской Федерацией и иностранным государством.

661. Определение Верховного Суда РФ от 10 ноября 2009 г. по делу N 3-Г09-23. Судебный акт, которым разрешено принудительное исполнение на территории Российской Федерации решения иностранного суда о взыскании алиментов, изменен, исключено указание о взыскании алиментов и государственной пошлины в рублевом эквиваленте, так как в данном случае, осуществив перерасчет подлежащих взысканию алиментов и государственной пошлины на российские рубли, суд фактически изменил решение иностранного суда и вышел за пределы заявленных ходатайств, что делать был не вправе.

662. Определение Верховного Суда РФ от 24 ноября 2009 г. по делу N КА09-542. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2009 г. N ГКПИ09-677, которым оставлено без удовлетворения заявление о признании частично не действующими отдельных положений Приказа Минюста России от 3 ноября 2005 г. N 205 "Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений.

663. Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2009 г. по делу N 66-О09-205. Акт суда о приостановлении производства по уголовному делу и продлении срока содержания под стражей на три месяца оставлен без изменения, так как подсудимая не являлась в суд, нарушила подписку о невыезде, а в ее отсутствие невозможно рассмотрение дела в отношении других подсудимых; в силу ч. 3 ст. 255 УПК РФ по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей, каждый раз не более чем на три месяца.

664. Определение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2009 г. по делу N 78-В09-38. Иск о взыскании страхового возмещения, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда удовлетворен правомерно, во встречном иске о признании договора страхования прекратившим действие правомерно отказано, так как обстоятельства возникшего спора, установленные судом, не дают оснований для вывода о прекращении действия договора в связи с невнесением очередного взноса истцом.

665. Определение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2009 г. по делу N 4-Г09-27. В связи с отсутствием международного договора о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам между Российской Федерацией и иностранным государством у суда не имелось предусмотренного ч. 1 ст. 409 ГПК РФ правового основания для признания и исполнения на территории Российской Федерации решения данного иностранного суда.

666. Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2009 г. по делу N 44-Г09-41. Дело о ликвидации общественной организации передано на новое рассмотрение, так как решение суда о ликвидации принято с нарушением п. 2 ч. 1 ст. 362 ГПК РФ; кроме того, в силу ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, распространяющейся на весь период деятельности объединений, осуществление права на свободу объединения не подлежит ограничениям, кроме предусмотренных законом, и ликвидация вследствие нарушений законодательства, не являющихся грубыми, неправомерна.

667. Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2009 г. по делу N 78-Г09-44. Судебный акт, которым отказано в принудительном исполнении на территории Российской Федерации акта иностранного суда о принятии мер по обеспечению иска, оставлен без изменения, так как Договором между СССР и ЧССР о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и

уголовным делам от 12.08.1982 предусмотрено, что признанию и принудительному исполнению на территории Договаривающихся Сторон подлежат акты суда, которыми спор разрешен по существу; к ним акт суда об обеспечительных мерах не относится.

668. Решение Верховного Суда РФ от 7 декабря 2009 г. по делу N ГКПИ09-1472. В удовлетворении заявления о признании незаконным Указа Президента Российской Федерации от 9 января 1999 г. N 71 "О помиловании" отказано, поскольку Указ принят Президентом Российской Федерации в пределах полномочий, соответствует положениям Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству, действовавшему на момент его издания, не нарушает международные правовые нормы, а также законные права и интересы заявителя.

669. Определение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2009 г. по делу N 59-О09-3. Судебный акт о возвращении дела по обвинению в совершении преступления по ч. 2 ст. 322 УК РФ прокурору отменен, дело направлено на новое судебное рассмотрение, так как двустороннее соглашение не отменяет норм УПК РФ, регулирующих общий порядок производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами на территории Российской Федерации, и при наличии оснований для возбуждения уголовного дела по факту незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации применяются нормы УК РФ и УПК РФ.

Официальные сайты, использованные
при написании настоящего курса

670. Официальный сайт Организации Объединенных Наций: www.un.org.

671. Официальный сайт Международного центра по урегулированию инвестиционных споров: www.worldbank.org/icsid.

672. Официальный сайт Европейского суда по правам человека: www.echr.coe.int.

673. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации: www.suprcourt.ru.

674. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: www.mid.ru.

При написании настоящего курса автор использовал справочную правовую систему "КонсультантПлюс".

Вернуться в библиотеку учебников

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.

Тематика любая: КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО,
экономика, маркетинг, техника, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:

полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

Документу: